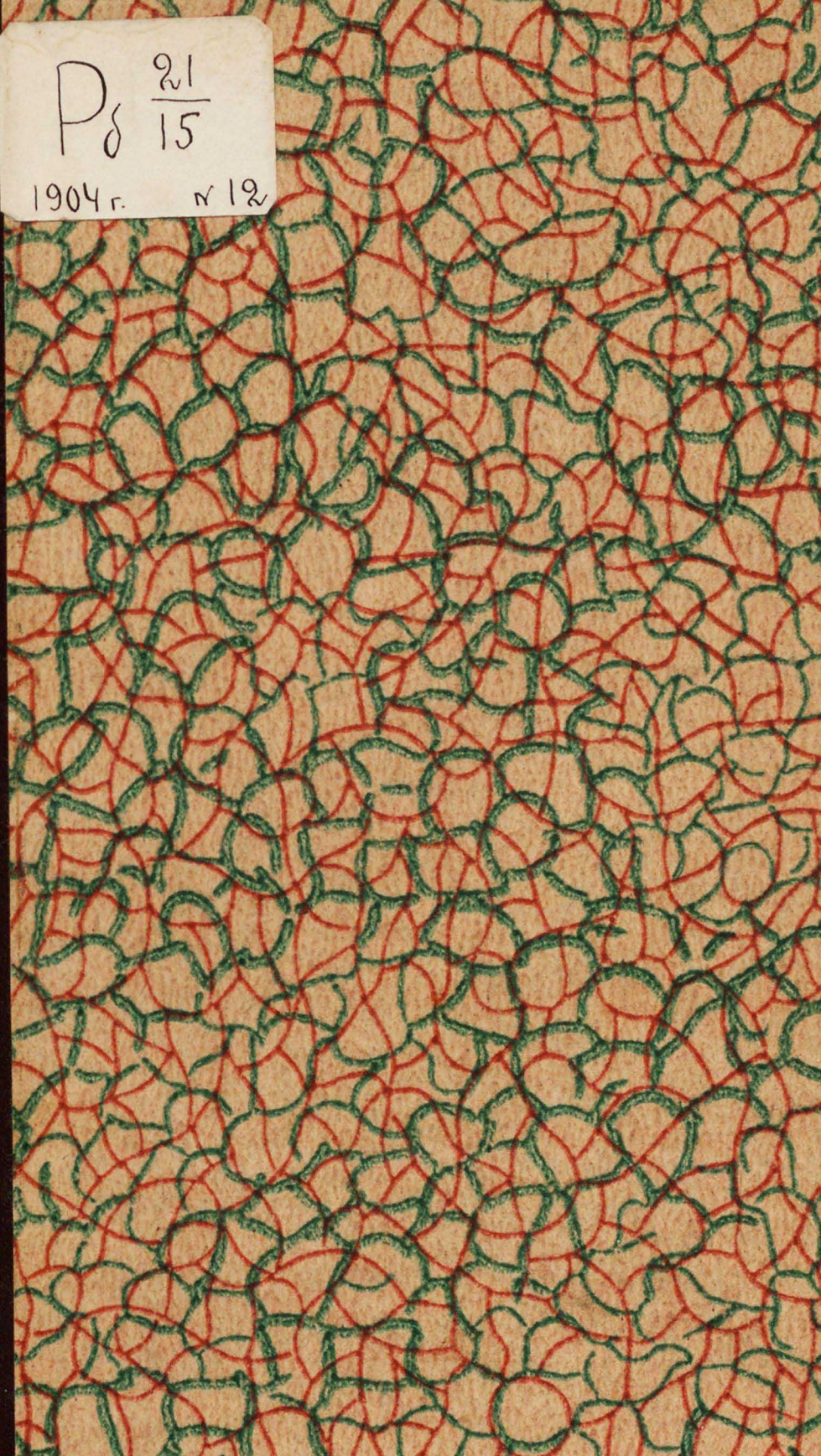
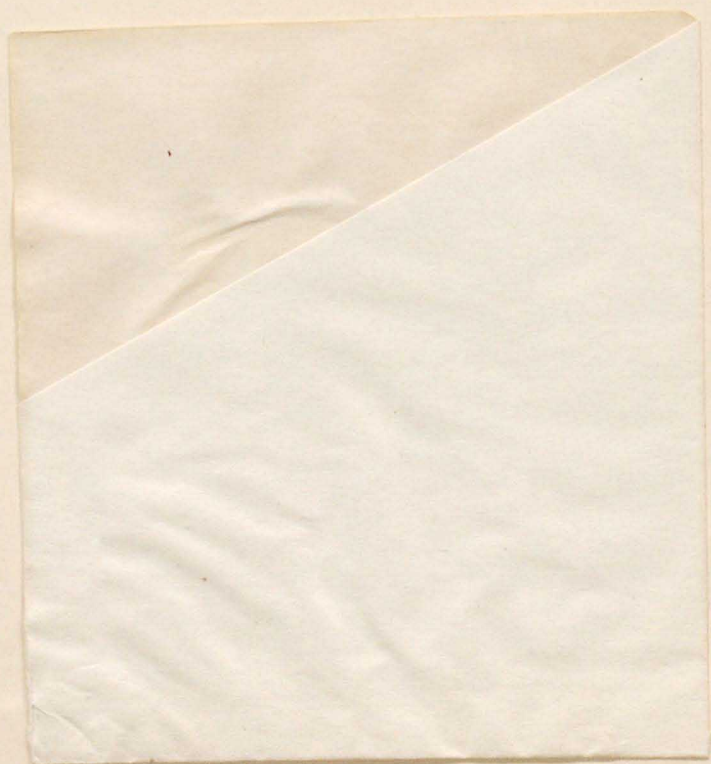

$P_8 \frac{21}{15}$

1904 г.

№ 12

2015595718

ВСТУПНИКЪ ЗНАНІЯ

СОДЕРЖАНИЕ № 12.

Стр.

А. А. РАДЦИГЪ. Во что обходится Россіи покровительственная система	3
АПО ПЯРЯНЕНЪ. Обсерваторія на Марсѣ	11
Проф. А. ДАСТЪ. О химическихъ элементахъ	16
Д-ръ В. Я. НАНЕЛЬ. Злой недугъ	27
П. Б—ИНЪ. Народные университеты во Франціи. (Письмо изъ Парижа)	41
КАРЛЬ МАРКСЪ. Кэри и Барстиса	50
АНТОНЪ ГОРЕМЫКА (С. ЦОНЪ). Въ странѣ «Бѣлаго Ненюфара»	56
Проф. АНДЖЕЛО МОССО. Интернациональная физиологическая лабораторія на Монте-Роза	62
В. В. ТОТОМІАНЦЪ. Отъ одиночества къ солидарности	66
В. В. БИГНЕРЪ. Отъ солидарности къ индивидуализму	70
Проф. АЛЬФРЕДЪ ПРИНСГЕЙМЪ. Положительныя и отрицательныя стороны математики	72
М. ДЮБИ. Колонія Ройкрофтеровъ въ Америкѣ	83
Д-ръ АЛЕКСАНДРЪ СОКОЛОВСКІЙ. Что представляютъ собой евреи?	90
Прив.-доцентъ Н. ХАРИЧНОВЪ. Кавказская Швейцарія	94

ЛІТОПІСЬ СОВРЕМЕННОЇ ЛІТЕРАТУРИ І ІСКУССТВА:

1) С. Н. Далецкі. Художественный театр, какъ выразитель новыхъ теченій въ искусствѣ	101	
2) Е. А. Исмаиловская. Писатель-гуманистъ (С. Елпатьевскій)	106	
3) В. Наменская. Нѣсколько словъ о творчествѣ Ст. Пшибышевскаго	116	
А. НѢДРОВЪ. Волчья философія	120	
ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ: 1) А. А. НИКОЛАЕВЪ. «Фондъ народнаго просвѣщенія» 2) А. БАКУРЦЕВЪ. По поводу «фонда народнаго просвѣщенія»	142	
Справочный отдѣлъ по народному образованію. Русская высшая школа Общественныхъ Наукъ въ Парижѣ—Лекціи профессора А. А. Исаева: «Міровое Хозяйство».—Курсы рисованія при Императорскомъ тульскомъ оружейномъ заводѣ.—Открытие врачебно-педагогическаго института въ Кіевѣ.—Рижская городская художественная школа.—Лѣтній отдѣлъ для Кіевскихъ студентовъ-агрономовъ.—С.-петербургскіе женскіе сельско-хозяйственные курсы.—Закрытіе молоканамъ доступа въ Θεодосійскій институтъ.—Разъясненіе министерства о возрастной нормѣ при поступленіи въ уч. завед.—Ремесленные курсы при курско-харьково-севастопольской желѣзной дорогѣ.—Первые сельско-хозяйственные и ремесленные классы въ Волынской губерніи.—Зубоврачебныя школы.—Курсы учительницъ домоводства и поварскаго искусства		146
Н. ОГЛОБЛИНЪ. Василій Тюлинъ. (Пѣз Ветлужскихъ впечатлѣній)	152	
Проф. ПФУЛЬ. Всемогущество свѣта	166	
БИБЛІОГРАФІЯ. Бугле. Эгалитаризмъ. (Идея равенства), І. Давидовъ.—Земледѣліе, промышленность и ремесла. І. Давидовъ.—І. Шмеле. Соціально-демократическіе профессиональные союзы въ Германіи со времени изданія закона противъ социалистовъ. Д. В.—Алексій Ачкасовъ. Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. П. П.—скій.—П. С. Уваровъ. Типы и нравы Сахалина. П. П.—ій. С. Мельгуновъ. Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ. П. П.—ій.		179
Католицизмъ и конецъ древняго Рима. Л. Манухина	184	
НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. <i>Научная хроника.</i> Императорское русское географическое общество.—Нильсъ Финзенъ (†).—А. С. Пыпинъ (†). <i>Научная бесѣда.</i> Передача фотографіи на разстояніи. Аппараты Корни и Черепотани. С. Ціонъ. <i>Научныя новости.</i> <i>Географія, геологія.</i> Вновь открытый величайшій въ мірѣ водопадъ.—Нефтяныя озера на Сахалинѣ.—Опредѣленіе возраста земли на основаніи геологическихъ вычисленій. <i>Техника, сельское хозяйство.</i> Круго-Вайкальская жел. дорога.—Утилизанція солнечной теплоты.—Механическій паровой вагонъ-пращечная.—Примѣненіе водно-электрической силы въ мірѣ.—Молочная промышленность въ Канадѣ. <i>Физика и метеорологія.</i> Эмананція радія. Бюро погоды въ Соединенныхъ Штатахъ		191
Взаимопомощь читателей «Вѣстника Знанія». Результаты разработки читателями проекта г. Яковлева.		
ОТВѢТЫ ПОДПИСЧИКАМЪ. —Списокъ книгъ, присл. для отзыва.		
Общее оглавленіе «Вѣстн. Знанія» за 1904 г.		

ПРИЛОЖЕНІЯ къ № 12.

1. „Общедоступный Университетъ“:—Новѣйшіе успѣхи матеріальной культуры въ связи съ ея исторією. Часть X. Примѣненіе техники къ наукѣ и искусству.
2. „Энциклопедическая Библіотека для самообразованія“:—Проф. Вильгельмъ Вундтъ. Естествознаніе и психологія.
3. Читальня „Вѣстника Знанія“:—В. Ф. Поленецъ. Въ странѣ свободы.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 28 Ноября 1904 г.

Типографія Т-ва «Народная Польза», Коломенская, 39

Р-21
10-15
№ 12.

1904.

Вѣстникъ Знанія

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

И

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ

ПРИЛОЖЕНІЯМИ

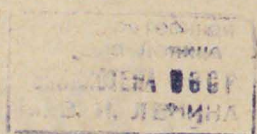
ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

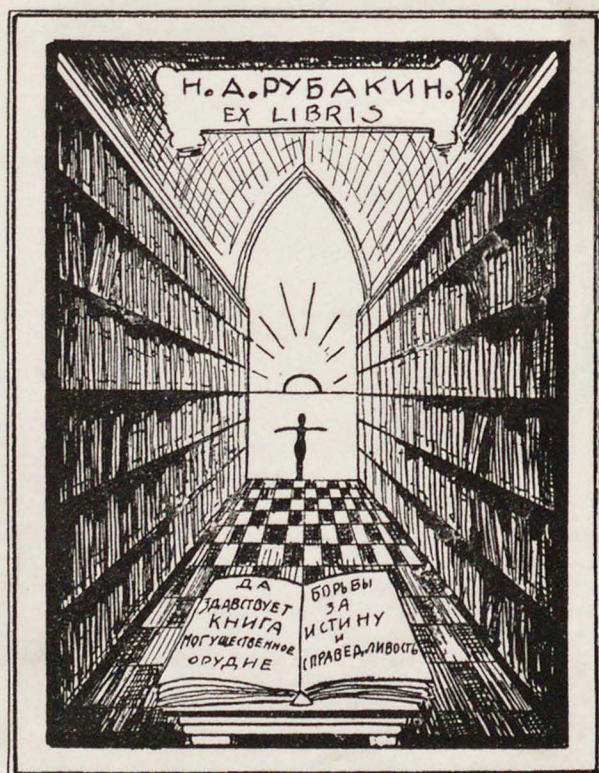
1904.

h-3127-48

Дозволено цензурою. Спб., 28 Ноября 1903 года.

Тип. Т-ва „Народная Польза“. Коломенская, 39.

К Н И Г А   И М Е Е Т

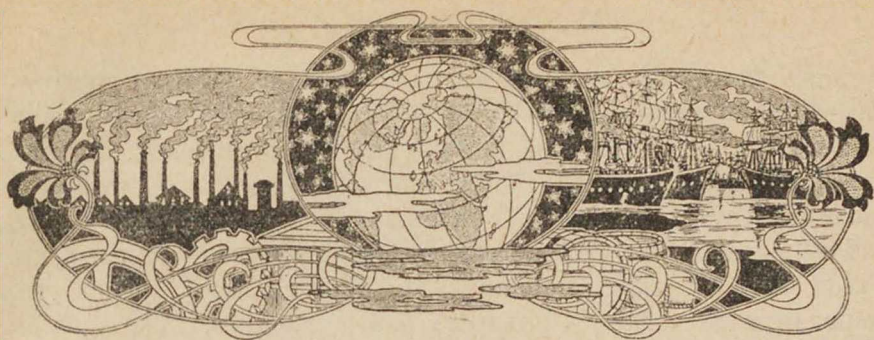
Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	Списка и порядковый №№	1955 г.
		N 12				C 1072	590	

627/16—250 тыс

m

2

А. А. Радцигъ.

Во что обходится Россіи покровитель- ственная система.

Въ № 9 „Вѣстника Знанія“ мы привели данныя для сужденія о томъ, во что покровительственная система обходится жителямъ Германіи, а теперь попытаемся выяснитъ тотъ же вопросъ для Россіи. Въ той же статьѣ мы высказали нѣсколько взглядовъ о покровительственной системѣ вообще; здѣсь считаемъ нужнымъ отмѣтить разницу между нѣмецкимъ (аграрнымъ) протекціонизмомъ и русскимъ (введеннымъ съ цѣлью покровительствовать крупной промышленности).

Тогда какъ нѣмцы, вводя пошлины на зерно и другіе сельскохозяйственные продукты имѣли въ виду исключительно интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, у насъ пошлины на издѣлія были возвышены съ цѣлью форсировать устройство фабрикъ и заводовъ. Въ сущности, возвышеніе пошлинъ у насъ было равносильно преподнесенію подарка уже существовавшимъ фабрикамъ. Аграрный протекціонизмъ въ Германіи существуетъ лишь съ 1879 г., у насъ же покровительственная система дѣйствуетъ уже почти столѣтіе, при чемъ тарифомъ 1891 г. покровительство существовавшимъ производствамъ было еще усилено и сверхъ того были введены новыя пошлины, такъ что съ того времени, можно сказать, была водворена въ Россіи общая дороговизна всѣхъ товаровъ, при чемъ мы въ удорожаніи товаровъ превосходили всѣ страны свѣта, ибо нигдѣ нѣтъ таможенныхъ пошлинъ, подобныхъ нашимъ.

Трудность выясненія переплатъ русскаго населенія заключается въ томъ, что пошлинами у насъ обложены не только издѣлія, но и сырые матеріалы, изъ которыхъ эти издѣлія приготовлены. Такъ, напр., хлопчатобумажныя ткани у насъ дороги не только по причинѣ дороговизны устройства у насъ фабрикъ,

но также благодаря пошлинѣ на хлопокъ, изъ котораго приготавлиются хлопчатобумажныя издѣлія. Затѣмъ, отдѣланныя ткани удорожаются пошлинами на красильные матеріалы, соду, хлорную известь, купоросы и т. д. Хотя многіе москательные товары и приготавливаются въ Россіи, но благодаря пошлинамъ они у насъ такъ же дороги, какъ и иностранные, обложенные пошлинами. Съ другой стороны, наши пошлины на издѣлія такъ высоки, что фабриканты не могли бы выбирать ихъ полностью, даже если бы они этого пожелали. Чтобы читатель могъ яснѣй понять эту мысль, считаю нужнымъ привести здѣсь слѣдующій примѣръ. Пошлина на миткаль у насъ составляетъ 21 руб. на пудъ, цѣна же миткалей у насъ отъ 24 до 26 р. 30 к. *); въ Англіи миткаль стоитъ: 13 р. 65 коп. **) за пудъ, а съ пошлиной онъ обходился бы въ 35 руб.; такимъ образомъ наши фабриканты не добираютъ отъ 9 до 11 руб. на пудъ, а въ такомъ случаѣ, спрашивается, зачѣмъ и кому нужна пошлина въ 21 руб. на пудъ? Пошлины на хлопчатобумажныя издѣлія: бѣленья, крашенныя, набивныя и т. д. такъ страшно высоки, что если бы фабриканты пожелали продавать свои товары, выбирая всю пошлину, то они не могли бы этого сдѣлать потому, что покупательная способность нашего населенія страшно низка и что по болѣе дорогимъ цѣнамъ фабриканты не имѣли бы сбыта. И сейчасъ, впрочемъ, цѣны хлопчатобумажныхъ издѣлій вдвое дороже, чѣмъ въ Англіи. Но этой страшной надбавкой фабриканты не могутъ пользоваться полностью потому, что имъ приходится, сравнительно съ англичанами, переплачивать страшныя деньги на хлопокъ и на всякихъ сырыхъ матеріалахъ, въ томъ числѣ и на каменномъ углѣ. Не надо также забывать, что стоимость устройства фабрикъ у насъ искусственно удорожается пошлинами на машины и т. д. Бумагопрядильня въ Россіи стоитъ по крайней мѣрѣ на 50% дороже, чѣмъ въ Англіи.

Потребленіе хлопка у насъ доходило до 16 милл. пудовъ въ годъ, изъ которыхъ около 11 милл. пуд. привознаго и 5 милл. пуд. среднеазиатскаго и кавказскаго. Хлопокъ обложенъ у насъ невѣроятной пошлиной въ 4 р. 15 коп. на пудъ. Эта пошлина, входящая въ стоимость производства хлопчатобумажныхъ тканей, удорожаетъ таковыя на 66 милл. рубл., при чемъ русскіе хлопководы въ такой ужасной пошлинѣ совѣмъ не нуждаются, о чемъ мы неоднократно писали и что доказывалось даже самими фабрикантами хлопчатобумажныхъ издѣлій. Къ этому слѣдуетъ добавить, что по странной случайности русскій потребитель

*) Августовскій выпускъ Внѣшней торговли Россіи.

**) The Economist, 19 November 1904.

оказывает покровительство не только русскому хлопководу, но и персидскому, такъ какъ на хлопокъ изъ Персіи установлена низкая пошлина въ 20—25 коп. съ пуда (5% со стоимости), между тѣмъ какъ персидскій хлопокъ защищенъ въ Россіи отъ конкуренціи американскаго пошлиной въ 4 р. 15 коп. съ пуда. Никогда персіяне не выручали бы за свой хлопокъ теперешнихъ цѣнъ, если бы американскій былъ также разрѣшенъ къ привозу съ пошлиной въ 5%.

Въ 1902 г. *) было привезено всего 10,866 тыс. пуд. хлопка на 68,134 т. рубл., пошлина же составляла 39,323 т. руб. или 57% со стоимости, при чемъ пошлина на хлопокъ, привезенный по европейской границѣ, доходила до 63% его стоимости. Вся эта пошлина въ 39,3 милл. рублей плюсъ вздорожаніе русскаго и персидскаго хлопка на 24 милл. рубл. легли на русскаго потребителя, такъ какъ на эти суммы удорожился весь мануфактурный товаръ.

Благодаря страшнымъ пошлинамъ на сырье, хлопчатобумажные фабриканты переплачиваютъ громадныя суммы на хлопокъ, машинахъ, каменномъ углѣ, красильныхъ матеріалахъ, содѣ и т. д., и всѣ эти переплаты включены въ цѣны мануфактурныхъ товаровъ, стоимость которыхъ, сравнительно съ Англіей, удорожается на 15—20 руб. въ пудѣ, а на общую выработку (въ 15 милл. пуд.) издѣлій на 225—300 милл. рубл.; причемъ лишь часть этихъ денегъ, вѣроятно, не болѣе какъ чертвертая часть, поступаетъ въ государственное Казначейство, остальные три четверти идутъ на покровительство хлопководовъ (въ Россіи и Персіи), машиностроительныхъ заводчиковъ и т. д., и самихъ фабрикантовъ хлопчатобумажныхъ тканей. Благодаря дороговизнѣ издѣлій, наше потребленіе хлопка не превышаетъ 5 фунт. на душу, сравнительно съ 15 фунтами въ Германіи, гдѣ хлопокъ не обложенъ пошлиной и гдѣ машины, уголь, красильные матеріалы и т. д. дешевы.

Въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза (томъ XXVа) была помѣщена прекрасная статья, въ которой разсматривался вопросъ о *протекціонизмѣ*. Въ этой статьѣ переплаты русскаго населенія на хлопчатобумажныхъ тканяхъ были приняты въ 108 милл. рубл., но томъ XXVа былъ изданъ въ 1898 г., когда наше потребленіе хлопка не превышало 12 милл. пуд. въ годъ и когда пошлина на хлопокъ составляла 3 р. 15 к. съ пуда (до 4 р. 15 к. она была возвышена въ 1900 г.). Къ этому надо добавить, что авторомъ статьи переплата на пудъ товара была принята въ 9 руб., т. е. много ниже теперешней переплаты, состав-

*) См. Обзоръ внѣшней торговли Россіи въ 1902 г.

ляющей, по нашему мнѣнію, по крайней мѣрѣ отъ 15 до 20 рубл. на пудъ.

Если суровые миткали стоятъ сейчасъ у насъ на 11—13 р. въ пудъ дороже, чѣмъ въ Англіи, то крашеные, бѣленые и набивные товары должны еще значительно удорожаться вслѣдствіе дороговизны у насъ красильныхъ матеріаловъ и пигментовъ. Русскіе москательные товары дороги, а пошлины допускаютъ возвышеніе цѣнъ издѣлій на 30—40 и больше рублей въ пудъ, безъ боязни привозовъ иностранныхъ товаровъ, и вотъ почему я полагаю, что ткани у насъ удорожаются на 15—20 руб. въ пудъ, при чемъ считаю послѣднюю цифру ближе къ истинѣ.

По даннымъ автора статьи въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза, переплаты на шерстяныхъ издѣліяхъ доходятъ до 62 милл. руб., на шелковыхъ и льняныхъ тканяхъ до 11 милл. рубл. Эти цифры очень умѣренны, и переплаты населенія на этихъ издѣліяхъ должны для настоящаго времени быть много выше приведенныхъ цифръ, по крайней мѣрѣ въ два раза, и едва ли даже цифра въ 150 милл. рубл. могла бы быть признана преувеличенной. Пошлины на шерстяныя, шелковыя и льняныя ткани такъ ужасно высоки, что исключаютъ возможность привоза этихъ тканей, а отсюда для фабрикантовъ является соблазнъ брать монопольныя цѣны, и только конкуренція, и низкая покупательная способность русскаго населенія нѣсколько сдерживаетъ аппетиты производителей названныхъ издѣлій. Къ этому надо добавить, что шерсть также обложена пошлиной, устройство же фабрикъ обходится много дороже, чѣмъ гдѣ-либо.

При нашей системѣ покровительствовать всѣмъ производствамъ, явилась мысль обложить и топливо пошлиной, и мы не можемъ не высказать по этому вопросу слѣдующія соображенія.

Каменноугольные богатства Россіи распредѣлены по всему пространству нашего обширнаго государства очень неравномѣрно. Въ большихъ количествахъ и хорошаго качества уголь имѣется у насъ въ Привислянскихъ губерніяхъ и на югѣ, сѣверъ же лишенъ минеральнаго топлива. И вотъ, у южныхъ и польскихъ углепромышленниковъ явилась мысль о необходимости покровительства. Конечно, уголь былъ обложенъ пошлиной, а съ тѣмъ вмѣстѣ удорожилось и *все топливо* повсемѣстно. Это удорожаніе топлива очень досадно, потому что ложится бременемъ на всѣ производства. Удорожаніе стоимости топлива очень значительно и произошло отчасти благодаря пошлинѣ на уголь. Вздорожала нефть, вздорожали дрова и уголь, такъ что суммы переplatъ населенія на топливѣ должны быть громадны. До сихъ поръ, потребленіе угля у насъ незначительно и не доходитъ еще до 1.500 милл. пуд. Фабрикамъ и заводамъ, расположеннымъ на сѣверѣ или въ Москов-

скомъ районѣ, приходится потреблять дрова и нефть (послѣдняя страшно дорога), а въ Петербургѣ—г ривозный каменный уголь, обложенный пошпиной въ 1½ коп. съ пуда. Русскій уголь дорогъ и хуже англійскаго, и не выдерживалъ бы провозной платы въ Петербургѣ, а между тѣмъ протекціонисты ратуютъ за запрещеніе иностраннаго угля, въ угоду донецкимъ углепромышленникамъ.

Въ 1902 г. *) Москва получила по желѣзнымъ дорогамъ 11,9 мил. пуд. каменнаго угля, 22,9 милл. пуд. нефти и 65,6 милл. пуд. дровъ и на всемъ этомъ топливѣ пришлось переплачивать, и даже очень большія деньги.

До 1887 г. англійскій уголь перевозился изъ Петербурга въ Москву по дешевому желѣзнодорожному тарифу—выгодному желѣзной дорогѣ. Съ тѣхъ поръ, по ходатайству донецкихъ углепромышленниковъ, желѣзнодорожный тарифъ былъ повышенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ Москвѣ подорожалъ уголь и всякое другое топливо.

Переходъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, отдаленныхъ отъ угольныхъ копей, на отопленіе отечественнымъ топливомъ, сопровождался возвышеніемъ эксплуатаціонныхъ расходовъ по этой статьѣ.

Вообще, если строго подсчитать, то переплаты русскаго населенія на топливѣ должны составить нѣсколько десятковъ милл. рублей.

Другая большая статья переплатъ русскаго населенія—это желѣзо. Переплачиваютъ желѣзныя дороги на рельсахъ, бандажихъ, осяхъ, вагонахъ, локомотивахъ и на всѣхъ желѣзнодорожныхъ принадлежностяхъ, и эти переплаты составляютъ ежегодно десятки миллионовъ рублей. Если принять въ соображеніе, что наше производство чугуна доходитъ до 180 милл. пуд., изъ которыхъ часть перерабатывается въ желѣзо и сталь, и если дальше принять, что пошлины на чугунъ составляютъ 45 коп. съ пуда, на рельсы и желѣзо 75 коп. съ пуда и т. д., то надо признать, что русское населеніе переплачиваетъ на желѣзѣ не менѣе 100 милл. рублей. Но къ этому слѣдуетъ еще добавить переплаты на машинахъ, всякихъ издѣліяхъ изъ желѣза и стали, которыя, въ свою очередь, всѣ также обложены пошлинами. Принимая всѣ виды желѣза, едва ли мы ошибемся, опредѣливъ переплату на нихъ въ 150 или болѣе миллионовъ рублей, а эта цифра прямо непосильна населенію.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить громадныя переплаты на другихъ металлахъ, какъ мѣдь, алюминій, никкель и т. д. Всѣ эти металлы обложены очень высокими пошлинами и въ Россіи страшно

*) Статистическій Сборникъ М. П. С. за 1902 г. С.-Петербургъ. 1904.

дороги. О пошлинѣ на мѣдь я уже говорилъ въ статьѣ, помѣщенной въ № 10 «Вѣстника Знанія» и здѣсь считаю возможнымъ опредѣлить переплаты на мѣди своей и привозной въ 9 милл. руб., а, принимая въ соображеніе пошлины на издѣлія изъ мѣди, переплаты населенія на этомъ металлѣ и издѣліяхъ изъ него должны составлять 15—20 милл. рубл., изъ которыхъ лишь третья часть составляетъ доходъ казны.

Ужасно обременительнымъ налогомъ у насъ является акцизъ на сахаръ, 1 р. 75 коп. съ пуда, и покровительство сахарной промышленности, выражающееся въ высокой пошлинѣ, недопускающей возможности привоза, въ нормировкѣ производства и въ убыточныхъ вывозахъ сахара за границу. Тогда какъ русскій потребитель платитъ за сахарный песокъ 3 руб. за пудъ безъ акциза, за границу тотъ же сахаръ продается по 1 р. 50 коп. Рафинадъ еще болѣе удорожается, а именно до 6 рубл. за пудъ (съ акцизомъ), такъ что, при потребленіи въ 40 милл. пуд. сахара, переплаты русскаго населенія на этомъ товарѣ могутъ быть приняты въ 40—60 милл. рубл. въ годъ.

Русскій потребитель переплачиваетъ на всемъ. Такъ, напр. свѣчи стеариновыя, стоящія въ Англіи 5 руб. пудъ, у насъ продаются по 10 руб., что происходитъ отчасти вслѣдствіе дороговизны соды и сала (послѣднее также обложено пошлиной). Переплачиваемъ мы и на цементѣ, на стеклѣ, на фарфоровой и фаянсовой посудѣ, на зеркалахъ, бумагѣ, кожѣ и кожевенномъ товарѣ, на мебели (также обложенной пошлиной), на канцелярскихъ принадлежностяхъ, на пуговицахъ, пряжкахъ и на сотняхъ другихъ предметовъ, значащихся въ нашемъ таможенномъ тарифѣ, и хотя въ отдѣльности по каждому предмету эти переплаты не чувствительны, въ общемъ они составляютъ десятки миллионъ рублей.

Я говорю здѣсь только о переплатахъ въ пользу фабрикантовъ и заводчиковъ, благодаря нашему безобразному таможенному тарифу, оставляя въ сторонѣ доходъ казны отъ пошлинъ.

При отсутствіи у насъ правильной статистики фабрикъ и заводовъ, трудно подсчитать всѣ переплаты въ отдѣльности, но мы, не колеблясь, утверждаемъ, что даже при поверхностномъ подсчетѣ наши переплаты въ пользу фабрикантовъ и заводчиковъ въ годъ должны составить не менѣе 700—800 милл. рублей, изъ которыхъ едва ли болѣе 100 милл. рубл. поступаютъ въ казну въ видѣ пошлинъ.

Такія переплаты, составляя по 5 руб. на душу населенія, прямо ему непосильны, въ особенности, если вспомнить высоту нашихъ фискальных пошлинъ и акцизовъ.

Авторъ статьи „Протекціонизмъ“ въ Энциклопедическомъ

Словарь Брокгауза (т. XXV а), говорить, между прочимъ, слѣдующее:

„Жертвы со стороны потребителей на охрану отечественной промышленности, по мнѣнію протекціонистовъ, имѣютъ временный характеръ. Онѣ должны дать охраняемымъ производствамъ окрѣпнуть, чтобы съ успѣхомъ выдержать на всемірномъ рынкѣ всякую конкуренцію. Исторія, однако, не всегда это подтверждаетъ. Протекціонизмъ во Франціи царить съ 1667 г., а даже нынѣшнее поколѣніе не видитъ впереди конца всѣхъ жертвъ, которыя выставлялись, какъ временныя. Въ Россіи, изъ значительныхъ производствъ, отказалось отъ таможенной охраны только нефтяное, благодаря отчасти простотѣ техники и еще болѣе неистощимымъ нефтянымъ богатствамъ Кавказа, всѣ же остальные горныя и всѣ мануфактурныя производства не только не отказались отъ таможенной охраны, но еще и добились въ недавнее время повышенія пошлинъ“.

Къ сказанному мы должны добавить, что таможенные пошлины налагаютъ на населеніе не временныя, а постоянныя жертвы, которымъ и конца не будетъ, пока покровительственныя пошлины останутся на извѣстной высотѣ, а потому мы сейчасъ, болѣе чѣмъ когда-либо, находимъ, что настало, наконецъ, время пересмотрѣть нашъ таможенный тарифъ, разумѣется, съ цѣлью его пониженія.

Мы далеки отъ мысли, чтобы нужно было лишать фабрики и заводы покровительства (вдругъ этого сдѣлать нельзя), но полагаемъ, что во многихъ пошлинахъ сами фабриканты не нуждаются, и пониженіе пошлинъ на хлопокъ, пряжу и хлопчато-бумажныя ткани, удешевивъ эти товары въ Россіи, тѣмъ самымъ увеличить спросъ на нихъ.

Необходимо пересмотрѣть пошлины на ткани, на топливо и желѣзо, на мѣдь, издѣлія изъ этихъ металловъ, на стекло, посуду бумагу и т. д. Словомъ, необходимо подвергнуть пересмотру весь нашъ таможенный тарифъ, съ цѣлью согласовать его съ интересами всего населенія, а не только съ интересами фабрикантовъ и заводчиковъ. Къ этому надо еще добавить, что крайне желательно, чтобы были приняты мѣры для противодѣйствія синдикатамъ фабрикантовъ, потому что сейчасъ, по примѣру сахарозаводчиковъ, и желѣзодѣлательные заводчики стали уже толковать о необходимости вывоза желѣза, дабы держать внутри страны высокія цѣны. Разъ наши заводчики считаютъ возможнымъ вывозить желѣзо за границу, то имъ, очевидно, пошлины не нужны и таковыя слѣдуетъ или отмѣнить совсѣмъ, или понизить.

Повторяю, необходимо немедленно приступить къ пересмотру нашего таможенного тарифа, введеннаго въ 1891 и усиленнаго въ

1900 г., потому что русскій таможенный тарифъ не соответствуетъ покупательной способности русскаго населенія. Тарифъ, подобный нашему теперешнему, мы считаемъ плодомъ недоразумѣнія, при чемъ полагаемъ, что пониженіе тарифныхъ ставокъ необходимо, дабы остановить дальнѣйшее обѣднѣніе населенія *).

Антонъ Радцигъ.

*) Обращаемъ вниманіе читателей на двѣ статьи нашего почтеннаго сотрудника, помѣщенные въ №№ 1 и 3 «Недѣли»—«Дороговизна жизни въ Россіи» и «Въ защиту свободы торговли». (Отвѣтъ г. Скальковскому). Въ этихъ статьяхъ А. А. Радцигъ даетъ краткій, но выразительный отвѣтъ гг. защитникамъ разоряющ-й насъ системы протекціонизма.

Редакція.

Апо Пярняненъ.

Обсерваторія на Марсѣ *).

Блѣдная лунная ночь на планетѣ Марсѣ навѣяла на его жителей кроткій покой. Веселая и оживленная дневная жизнь прервалась для короткаго отдыха. Даже растенія закрыли свои красивые цвѣтки, чтобы снова раскрыть ихъ утромъ на радость вѣчной жизни. Замолкла звонкая и торжественная пѣсня твореній, которая звучала днемъ на Марсѣ, по берегамъ его водъ. Двѣ луны свѣтили съ противоположныхъ сторонъ, одна—синеваѣмъ, другая—блѣдно-краснымъ свѣтомъ. Ихъ сіяніе озаряло озера, холмы и долины, и безчисленные отблески неуловимыхъ отраженій красиво сливались съ таинственнымъ сіяніемъ неба, гдѣ, точно въ безднѣ свѣта, сверкало безчисленное множество звѣздъ. Чудная гармонія и небесно-чистое, святое, торжественное чувство царило въ природѣ Марса.

— Какъ прекрасенъ этотъ міръ!—прозвучалъ вдругъ тихій голосъ, нарушая глубокую тишину.

— Какъ прекрасенъ этотъ міръ! какъ прекрасно небо!—повторилъ другой, болѣе вѣжливый голосъ.

— Смотри: небо и земля слились во-едино. Ихъ сліяніе даетъ лучшую картину, какую когда-либо видѣли дѣти природы, рождаетъ музыку природы, величественные звуки, струящіеся въ безбрежной тишинѣ. Это—дѣло великаго Мастера, лучшаго Художника, который создаетъ формы жизни.

— Нашъ Мастеръ создаетъ вѣжливѣйшіе звуки въ этой пѣснѣ природы, которая вездѣ одинакова, и въ безконечности вселенной, и въ слабостъ сердецъ самаго ничтожнаго созданія... Ну, пойдемъ наверхъ, на эту гору. Я хочу подняться на самую высокую точку нашей обсерваторіи. Я хочу въ эту ночь опять изучать уголокъ этой безконечности, этой природы, созданной нашимъ Творцомъ. Я чувствую, что въ моей груди подымается страстное желаніе узнать то, что есть неизвѣстнаго въ глубинахъ пространства. Моя грудь волнуется, и желанія восторженно кипятъ. Какъ велика была бы моя радость, если бы я нашелъ еще болѣе струнъ на этой вѣчной лирѣ жизни.

Оба говорящіе поднялись неслышными шагами на гору. Одинъ изъ нихъ былъ стройный, сіявшій отъ восторга юноша, другой

*) Перев. съ финскаго Э. Торніайнена.

былъ старикъ, лицо котораго сіяло спокойствомъ и добротою. Въ переливахъ ночного сіянія они казались свѣтящимися тѣнями, которыя однѣ рѣшались нарушать ночной покой. По извилистой дорогѣ они дошли до обсерваторіи и здѣсь поднялись по бѣлымъ ступенямъ на самый верхъ, откуда открывался безконечно широкій горизонтъ Марса. Все такъ же красиво покоилось звѣздное небо въ безконечной высотѣ.

— Ты хочешь знать и изучать,—сказалъ старикъ, обращаясь къ юношѣ и прерывая его мечты.—Знанія достигаются посредствомъ изученія. Изслѣдованіе есть порогъ, черезъ который проходятъ въ сокровищницы ума. Изучающій находитъ часто много такого, чего ранѣе и не ожидалъ. Потому что мы стоимъ передъ великою Неизвѣстностью, стараемся проникнуть за предѣлы своего знанія и опыта или расширить ихъ кругъ. Въ большомъ музыкальномъ инструментѣ много звуковъ, и не всѣ они одинаково чисты. Въ твоей душѣ возникаютъ лучшіе, чистые звуки. Но знаешь ли, что скрывается въ невѣдомыхъ тебѣ глубинахъ міра? Жизнь течетъ изъ вѣчныхъ своихъ источниковъ безграничная и неизвѣданная. Мы только маленькія песчинки. Все остальное велико и необъяснимо. Ты откроешь новый уголокъ Неизвѣстнаго и найдешь его совсѣмъ не похожимъ на то, что раньше знать. Передъ тобою загадки, новые нерѣшенные вопросы, которые влекутъ тебя впередъ.

— Да, впередъ, впередъ! Я хочу проникнуть въ самыя глубокія тайны жизни.

— До этого ты не дойдешь никогда, никогда, но все же многого ты можешь достигнуть. Потому что, чѣмъ больше ты сдѣлаешь завоеваній въ области изслѣдованія, тѣмъ необъятнѣе будетъ становиться Неизвѣстное.

— Но тѣмъ сильнѣе будетъ трепетать мой духъ отъ гордости. Вѣдь я тоже составляю часть этого цѣлаго, предѣловъ котораго нашъ разумъ не можетъ постигнуть. Весело искать жемчужины тамъ, гдѣ знаешь, что лежатъ безчисленные сокровища.

— Да, это такъ,—сказалъ старикъ.—Но я вотъ что скажу тебѣ. Не всегда мы находимъ красивыя жемчужины. Часто намъ попадаются некрасивые, безформенные предметы, которые мы гнѣвно и съ отвращеніемъ бросаемъ въ сторону. Кто ищетъ знаній, тотъ можетъ находить и такія, которыя принесутъ ему только страданія, подорвутъ его вѣру въ вездѣущую благодать и нарушатъ покой его сердца.

— Я не знаю покоя, когда жажда знаній горитъ въ моей груди. Этотъ прекрасный міръ зажигаетъ во мнѣ пламя, которое не потухнетъ до тѣхъ поръ, пока, напрягая всѣ силы, я не подниму завѣсы, скрывающей еще большія чудеса.

— Я показывалъ здѣсь, въ обсерваторіи, многимъ, такъ же увлекающимся юношамъ картины міровой жизни. Я приподнималъ края завѣсы, скрывающей глубины міра. И многіе изъ нихъ плакали, какъ дѣти. Они приходили сюда, наверхъ, восторженными и счастливыми, а возвращались внизъ съ грустью на сердцахъ.

— Я хочу тоже плакать вмѣстѣ съ другими. Не запрещай мнѣ смотреть.

— Тогда смотри. Многого ты не можешь увидѣть. Не увидишь даже всего того, что я могу тебѣ показать. Покажу тебѣ одну маленькую точку въ безбрежности Цѣлаго.

Сказавъ это, онъ развернулъ большую карту, на которой были обозначены звѣзды. Указавъ эту маленькую точку на картѣ, старикъ спросилъ:

— Какая звѣзда находится на этомъ мѣстѣ?

— Тутъ находится та планета, которую ты называлъ Землею,—отвѣтилъ юноша.

— Да, я ее такъ называлъ. Я однажды былъ на ней. Здѣсь, въ обсерваторіи, изучая небесныя тѣла при помощи нашихъ лучшихъ приборовъ, я увидѣлъ на одной планетѣ картины, которыя воскресили въ моей душѣ прежнія воспоминанія. Это была Земля. Съ тѣхъ поръ я напряженно слѣдилъ за ея движеніемъ.

Послѣ этого старикъ коснулся маленькаго прибора, и большой телескопъ обсерваторіи Марса былъ направленъ на Землю.

— Смотри,—произнесъ старикъ.

Юноша началъ всматриваться.

— Я вижу красивую планету. На ней одни пространства темнѣе, другія свѣтлѣе. Среди нихъ выдѣляются другія небольшія пятна. Изъ этого я заключаю, что тамъ большіе материки и океаны. На материкахъ можно видѣть озера, горы и долины. Красива земля, когда на нее глядишь въ телескопъ.

— Теперь присмотримся къ одному ограниченному мѣсту,—сказалъ старикъ и соединилъ телескопъ съ другимъ астрономическимъ приборомъ, изобрѣтеніемъ жителей Марса. Юноша сталъ смотрѣть съ еще большимъ напряженіемъ.

— Я вижу часть самаго большого материка. Море омываетъ его съ трехъ сторонъ и изрѣзываетъ его берега неправильными заливами. Различное отраженіе свѣта доказываетъ, что тамъ неровная разнообразная поверхность. Въ долинахъ роскошная растительность, которую можно сравнить съ богатою природою нашего Марса. Мѣстность очень привлекательна. Тамъ, навѣрно, жители счастливы.

— Я знаю это мѣсто. Я въ послѣднее время часто его изучалъ. Но подожди, мы прибавимъ къ нашему телескопу еще вспомогательный приборъ; тогда можно будетъ подробнѣе осмотрѣть нѣкоторыя частности.

Старикъ нажалъ кнопку, и тихо стали вращаться зубчатые колеса, передвигая на свои мѣста части новаго прибора. Силы природы Марса, которые жители его научились примѣнять для всѣхъ работъ и назначеній, стали послушно дѣйствовать. Изобрѣтенная гениемъ машина собирала едва уловимые моменты движеній и составляла изъ нихъ настоящія живыя картины.

Юноша радостно воскликнулъ:

— Я вижу множество существъ, движеніе и жизнь! Тамъ жилища, которые напоминаютъ наши дома, и жители, похожіе на насъ. Я вижу въ лѣсу небольшіе домики, а въ сторонѣ большія и красивыя строенія. Въ одномъ мѣстѣ цѣлая группа зданій, которыя касаются другъ друга.

— Это называется городомъ.

— Но—замѣчательно! Изъ этого мѣста выходитъ большая толпа жителей стройными рядами. Они проходятъ черезъ равнину, на которой видны обработанныя поля, какъ и на Марсѣ. Вдали отъ нихъ видна другая такая же толпа, обращенная лицами къ первой. Они, видимо, съ напряженіемъ ожидаютъ другъ друга. Но они идутъ какъ-будто противъ своей воли. Между тѣми и другими воздухъ какъ-будто пронизанъ исходящими отъ нихъ лучами злобы.

— Слѣди, слѣди за ихъ движеніями.

— Теперь они близко другъ отъ друга,—продолжалъ юноша спустя нѣкоторое время.—У нихъ въ рукахъ какіе-то предметы... Я не могу хорошо разсмотрѣть ихъ.

— Это оружіе, которое употребляютъ для убійства.

— Для убійства!

— Да. Но смотри еще.

— Ахъ, Боже мой! они дерутся... и въ переднихъ рядахъ пронзаютъ оружіемъ другъ друга. Ихъ много падаетъ: они па-

даютъ грудами! Цѣлые валы образуются изъ павшихъ. Другіе бѣгутъ изъ заднихъ рядовъ на мѣсто убитыхъ и дѣлають то же самое. Ахъ, да они перебьютъ другъ друга!

— Да, они этого и хотятъ. Но взгляни на другія мѣста.

— Я вижу на другой сторонѣ холма такую же группу жителей. У нихъ оружіе еще большихъ размѣровъ... Оно разставлено рядами на укрѣпленіи. Вдали, въ долину, находится противъ нихъ такая же группа съ такими же укрѣпленіями. Съ обѣихъ сторонъ вспыхиваютъ огни; а тамъ, гдѣ огонь показывается, жители валятся сразу цѣлыми рядами. Группы рѣдѣютъ и приближаются другъ къ другу. Ряды сходятъ съ холма и быстро направляются къ долину. Находящіеся впереди бросаются въ бѣгство, другіе ихъ преслѣдуютъ. Бѣгущіе входятъ въ какое-то строеніе, окруженное большими стѣнами и укрѣпленіями. Другіе становятся передъ этимъ строеніемъ. Снова вспыхиваютъ огни и показывается дымъ. Большіе круглые предметы ударяются о стѣны, за которыми находятся убѣжавшіе. Стѣны рушатся. Опять грудами падаютъ жители Земли. Другіе черезъ пробойны въ стѣнахъ врываются въ укрѣпленіе. Масса жителей падаетъ замертво. Я вижу, что стѣны и полы заливаются красною жидкостью. А вонъ, въ сторонѣ, загораются строенія. Огонь быстро распространяется и зажигаетъ другіе дома. Жители мечутся въ беспорядкѣ. Многихъ пожираетъ пламя, другіе же протискиваются вонъ. Ахъ, это ужасно! Что это такое?

— Это война.

— Теперь я вижу море. На немъ плаваютъ большіе корабли, какъ и на водахъ Марса. Они расположены двумя большими рядами; въ нихъ находятся жители Земли. Они плывутъ навстрѣчу другъ другу. На нихъ также вспыхиваютъ огни, и они окутываются цѣлыми облаками дыма. Въ одномъ кораблѣ пробить бокъ! Корабль покачнулся... тонетъ! Другой взлетаетъ на воздухъ, распавшись на тысячи кусковъ! Осколки, разбросанные предметы и тысячи бывшихъ на корабляхъ существъ плаваютъ въ волнахъ. Между волнами поднимаются вверхъ руки,—навѣрное, съ мольбой о помощи. Но никто не спѣшитъ къ нимъ на помощь съ другихъ кораблей. Никто не спасаетъ ихъ. Зачѣмъ все это? Нѣтъ, закрой телескопъ; я не могу больше на это смотрѣть!

— Да, зачѣмъ все это? Это происходитъ оттого, что жители Земли, которые называются людьми, ненавидятъ другъ друга. Они ведутъ между собою войны, убивая при этомъ тысячи своихъ ближнихъ. Они дѣлятся на государства и даютъ сильнымъ господствовать и дѣлать слабыхъ рабами. Преслѣдуя свои цѣли, они готовы съ оружіемъ въ рукахъ напасть на своихъ сосѣдей, чтобы отнять кусокъ земли или добыть какую-нибудь матеріальную пользу. Я видѣлъ, какъ была уничтожена цѣлая нація, потому что другой, болѣе сильный народъ захотѣлъ присвоить себѣ лежавшее въ нѣдрахъ ея земли мертвое вещество, которое называется золотомъ. У нихъ безчисленное множество большихъ учрежденій, въ которыхъ учатъ людей воевать,—иными словами, убивать своихъ ближнихъ. Они устраиваютъ, благодаря своей геніальности, большіе корабли, которые снабжаютъ страшными орудіями убійства. Пользуясь ими, они нападаютъ на другія государства и народы. Все это они не считаютъ злымъ дѣломъ и несправедливостью. Они думаютъ, что Богъ, который сотворилъ и насъ и ихъ, и въ котораго мы, жители Марса, вѣримъ, присутствуетъ съ ними на войнѣ. Всѣ войска просятъ у него помощи, и побѣдители славятъ его послѣ своихъ убійствъ.

— О, несчастные люди!

И юноша заплакалъ.

— Все же они считаютъ себя вѣнцомъ творенія,—прибавилъ

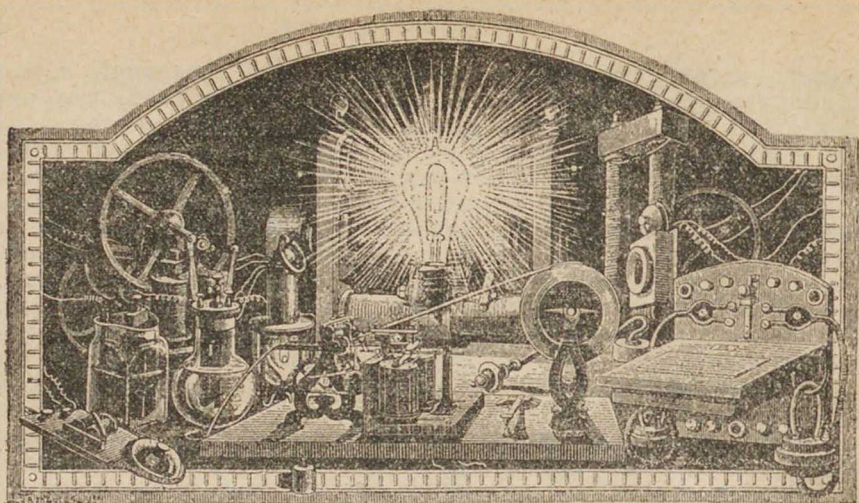
старикъ,—и говорятъ, что находятся въ центрѣ вселенной, и что все вокругъ существуетъ только для нихъ. Они вѣрятъ, что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ лучшихъ и болѣе совершенныхъ жителей.

— Мнѣ жаль ихъ,—сказалъ юноша,—потому что они несчастны и живутъ во тьмѣ. Одинъ Богъ создалъ ихъ. Они принадлежатъ къ проявленіямъ той же могучей жизни, которая струится сквозь безконечность пространства. Они также наши ближніе, потому что всѣ созданія на безчисленныхъ небесныхъ тѣлахъ въ неизмѣримыхъ глубинахъ пространства—дѣти одного и того же Отца. Неужели они не могутъ понять того, что они только ничтожныя песчинки во всей этой безграничной жизни, мощный пульсъ которой отражается на всѣхъ небесныхъ тѣлахъ. Если бы они это поняли, то стыдились бы считать своими врагами жителей одной и той же планеты.

Безмолвно стояли они нѣкоторое время подъ хрустальнымъ куполомъ небесъ: старикъ—погрузившись въ прежнія воспомина-нія, а юноша—обдумывая возникшіе передъ нимъ новые вопросы жизни. Безмолвно, съ серьезными думами, спустились они съ обсерваторіи Марса и отправились въ долину. Жители Марса спали еще тихимъ безмятежнымъ сномъ. Вторая луна скрылась за горизонтомъ, пославъ цвѣтущимъ холмамъ послѣдніе отблески сіянія. Вмѣсто нея скоро появилось солнце, лучи котораго, все разгораясь, залили потухающій лунный свѣтъ. Прекрасно было утро на Марсѣ, и его природа дышала вѣчнымъ миромъ.

Проф. А. Дастръ.

О химических элементахъ.

Матерія. — Сплошность и дѣлимость. — Атомъ и молекула. — Простыя и сложныя тѣла. — Силы физическія и химическія. — Ионы и электроны. — Электричество въ химіи. — Молекулярныя и атомныя іоны. — Единство матеріи. — Система Проута и Дюма. — Периодическая система. — Открытія Рамзая. — Катодныя лучи и работы Томсона. — Милліатомы. — Радиоактивные лучи. — Заключение: строеніе матеріи.

I.

О существованіи матеріи мы знаемъ на основаніи свидѣтельства нашихъ органовъ чувствъ, которыя проектируютъ въ пространство всё воспринимаемыя впечатлѣнія. Явленія мы наблюдаемъ только на матеріи. Она — одинъ изъ двухъ факторовъ всякаго процесса, другимъ факторомъ является энергія. Мы пока предоставимъ философамъ разрѣшеніе вопроса о томъ, существенно ли отличаются другъ отъ друга эти два понятія, и сводится ли матерія къ энергіи. Босковичъ, а за нимъ много математиковъ высказались въ томъ смыслѣ, что матерія представляетъ собою не что иное, какъ систему недѣлимыхъ и не имѣющихъ протяженія точекъ, систему центровъ силъ. Дѣйствительно, что касается нашихъ органовъ чувствъ, то они свидѣтельствуютъ всегда только о динамическихъ процессахъ и о дѣйствующихъ силахъ.

Оставимъ въ сторонѣ этотъ вопросъ, заблаговременно рѣшенный уже по всеобщему соглашенію или, если угодно, по всеобщему предразсудку. Скажемъ, что матерія существуетъ, и что она существуетъ въ двухъ формахъ; въ формѣ вѣсомой матеріи и въ формѣ невѣсомой, или эфира. Ограничимся вѣсомой матеріей. Мы найдемъ тогда, что первый вопросъ, вопросъ, возникшій еще на зарѣ науки, заключается въ томъ, является ли матерія сплошной, или же она состоитъ изъ отдѣльныхъ частицъ. Уже въ самомъ началѣ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ большинствомъ ученыхъ и философовъ въ томъ смыслѣ, что матерія не является чѣмъ-то сплошнымъ. Было высказано предположеніе, что матерія состоитъ изъ частичекъ, болѣе или менѣе связанныхъ между собой дѣйствіемъ силъ; частички эти были названы тогда еще молекулами и атомами. Частицы и силы, — вотъ изъ чего состоитъ матерія.

Въ пятьдесятъ седьмомъ письмѣ къ германской принцессѣ Эйлеръ говоритъ о статьяхъ, вызвавшихъ значительные споры въ

среди философовъ и разногласіе въ среди ученыхъ. „Одна изъ этихъ статей касается дѣлимости матеріи,—говоритъ онъ.—Одни говорятъ, что дѣлимость ея безпредѣльна, другіе,—что она ограничена“. Почему же, спрашиваетъ Эйлеръ, дальнѣйшее дѣленіе матеріи можетъ вдругъ стать невозможнымъ? „Потому что,—отвѣчаетъ онъ тутъ же,—не представляя никакой величины, матерія не можетъ быть дѣлима“.

Аргументъ, надо признаться, совершенно непонятный. Въдѣ здѣсь рѣчь идетъ не о безконечно малыхъ величинахъ, не о предѣлахъ въ математическомъ смыслѣ; здѣсь имѣется въ виду только физическая возможность. Съ рациональной точки зрѣнія всегда возможно дѣленіе протяженной массы, хотя бы она была какъ угодно мала. Другой вопросъ, можно ли осуществить это дѣленіе съ физической точки зрѣнія. Тутъ все зависитъ отъ того, что мы понимаемъ подъ дѣленіемъ тѣла. Опытъ учить, что раздѣлить тѣло значитъ воспользоваться естественными промежутками, существующими между его частями и всадить туда ножъ; нужно только увеличить эти естественные промежутки, увеличить обычное разстояніе частей. Такимъ образомъ, раздѣлить тѣло совсѣмъ не то же самое, что раздѣлить матерію, вещество его. Первая операція матеріи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не касается. Когда мы проводимъ острымъ клинкомъ черезъ кучу песку, мы только вставляемъ ножъ между его частицами.

Если таково, дѣйствительно, значеніе операціи дѣленія, если всѣ употребляемые способы, дѣйствіе ножа, пилы, топора разматривать съ этой точки зрѣнія, если всѣ эти способы только раздвигаютъ частицы, преодолевая дѣйствующія между ними силы, то вопросъ о томъ, безпредѣльна ли дѣлимость, или нѣтъ, рѣшается очень просто. Разъ для прохода воображаемаго дѣлительнаго инструмента всегда нуженъ промежутокъ между частицами, то понятно, что въ концѣ концовъ у насъ останутся точки, не имѣющія протяженія, центры силъ. Это точка зрѣнія Босковича, отрицающаго протяженную матерію.

Напротивъ того, признать существованіе послѣдней значитъ въ то же самое время признать, что дѣленіе станетъ невозможнымъ, когда мы дойдемъ до сплошныхъ, плотныхъ, несжимаемыхъ и, слѣдовательно, физически недѣлимыхъ частицъ. Хотя разумъ и можетъ себѣ представить ихъ раздѣленными, на дѣлѣ онъ все-таки остается недѣлимымъ. Такъ представлялъ себѣ дѣлимость и частицы тѣла Ньютонъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи Лейбницу, Демокриту и Лукрецію.

Ньютонъ приложилъ это представленіе даже къ воздуху и считалъ, что онъ состоитъ изъ плотныхъ, несжимаемыхъ, удаленныхъ другъ отъ друга частицъ. Онъ предположилъ далѣе, что разстояніе между ними при обычномъ давленіи въ 9 разъ больше діаметра ихъ; такъ что если, напр., давленіемъ въ 729 атмосферъ каждое протяженіе газообразной массы уменьшить въ 9 разъ, а весь объемъ, слѣдовательно, въ 729 разъ сравнительно съ протяженіемъ и объемомъ при обычныхъ условіяхъ, то атомы коснутся другъ друга, и вся масса уже образуетъ стойкую, недѣлимую массу. Это предположеніе о разстояніи между частицами воздуха съ вытекающими изъ него послѣдствіями было ошибочно. Еще въ одномъ отношеніи Ньютонъ уклонился отъ современныхъ воззрѣній, именно, онъ представлялъ себя, что частицы тѣла являются сплошными, массивными, несжимаемыми.

Лордъ Кельвинъ считаетъ чудовищнымъ это воззрѣніе Лукреція и Ньютона о безконечно плотныхъ и вѣчно неизмѣнныхъ обрывкахъ матеріи. Дѣйствительно, воззрѣніе это можно оправдать лишь постольку, поскольку оно даетъ образное объясненіе

сохраненія и неизмѣнности матеріи. Но лордъ Кельвинъ полагаетъ, что можно получить тотъ же результатъ, если вмѣстѣ съ Декартомъ и Гельмгольцемъ элементами матеріи считать вихри.

Та послѣдняя недѣлимая частица, которая въ древности называлась *атомомъ*, въ дѣйствительности соответствуетъ *молекулѣ* современныхъ физиковъ. Она, дѣйствительно, является „наименьшей частью, похожей еще на цѣлое и отличающейся отъ него только размѣрами“. Это ни въ какомъ случаѣ еще не нашъ химическій атомъ. Однимъ названіемъ здѣсь обозначены совершенно различныя вещи, и это, конечно, служить причиной путаницы понятій. Въ настоящее время мы предполагаемъ, что молекула, — т. е. атомъ Демокрита и Лукреція, — въ свою очередь, разлагается на химическіе атомы. Правда, послѣдніе не могутъ существовать самостоятельно и каждый въ отдѣльности, кромѣ, можетъ быть, атомовъ кадмія и ртути. Какъ только они переходятъ въ свободное состояніе, они сейчасъ же соединяются съ подобными атомами для образованія частицъ простыхъ тѣлъ, или же съ разнородными атомами для образованія сложныхъ тѣлъ *). Несомнѣнно, однако, что современные атомы представляютъ собой реальные, и хотя бы на моментъ, но изолируемыя части атома древнихъ философовъ.

Итакъ, естественныя тѣла дѣлимы въ томъ смыслѣ, какъ можно раздѣлить стадо овецъ, кучу яблокъ или отрядъ солдатъ. Каждый элементъ такой совокупности, овца, яблоко, солдатъ, соответствуетъ молекулѣ. Никому, конечно, не придетъ въ голову, что дѣленіе не можетъ идти дальше этихъ элементовъ, и что овца недѣлима. Только операція дѣленія должна измѣниться; она становится болѣе грубой и не даетъ уже частей качественно тождественныхъ. Разрѣзаетъ овцу и раздѣлитъ ея органы — дѣло мясника; такъ и химикъ разрушаетъ физическое строеніе молекулы и освобождаетъ ея атомы, которымъ предназначено образовать новыя соединенія.

Ученые въ самыхъ разнообразныхъ видахъ представляли себѣ физическія молекулы.

Въ древности атомы или молекулы отличались другъ отъ друга только по формѣ, и онѣ имѣли самую разнообразную форму, были острыя, щетинистыя, изогнутыя; предполагали, что они продырявлены въ видѣ вѣнковъ. Въ настоящее время химія, или вѣрнѣе стереохимія, даетъ условную картину молекулы въ зависимости отъ входящихъ въ составъ ея атомовъ. Что касается послѣднихъ, то, познакомившись съ воззрѣніями Коти и Томсона, мы увидимъ, что ихъ можно сравнить съ созвѣздіями или солнечными системами.

II.

Молекулы и атомы недоступны намъ, — они ускользаютъ отъ нашихъ органовъ чувствъ, и при посредствѣ послѣднихъ мы не можемъ получить представленіе о нихъ. Никто никогда не видѣлъ и не коснулся ихъ. Существованіе ихъ необходимо признать логически. Безъ нихъ еще труднѣе было бы понять совершенную сплошность окружающаго насъ міра. Безъ этой гипотезы почти невозможно понять и объяснить всѣ явленія и процессы въ физическомъ мірѣ.

Мы только-что сказали, что никто не видѣлъ атома или молекулы. Но это вовсе нисколько не говоритъ противъ ихъ суще-

*) Простыми называются химически неразложимыя тѣла, кислородъ, азотъ, сера, желѣзо, золото и т. п., сложными называются химически разложимыя тѣла, какъ, напр., поваренная соль, разлагающаяся на натрій и хлоръ, ржавчина желѣза — на желѣзо и кислородъ.

ствования, потому что, если они существуют дѣйствительно, то ни прямо, ни косвенно мы не убѣдимся въ этомъ при помощи зрѣнія. Что касается невооруженнаго глаза, то само собой понятно, что онъ не увидитъ ихъ, вслѣдствіе крайне незначительной величины ихъ. Но и съ помощью сильнѣйшаго изъ существующихъ или даже возможныхъ микроскоповъ глазъ не можетъ увидѣть, вслѣдствіе явленій дифракціи, т. е., вслѣдствіе нѣкоторыхъ оптическихъ причинъ, предметовъ меньше одной десятой микрона ($\text{микронъ} = \frac{1}{1000} \text{ миллиметра}$). Современные инструменты не позволяютъ намъ проникнуть за эти предѣлы; но они уже довольно близко дошли до того предѣла, который ставить имъ прихода вещей.

Достаточно поэтому, чтобы наиболѣе крупные атомы и молекулы имѣли діаметръ, меньшій, чѣмъ десятая доля микрона, для того, чтобы они стали намъ недоступны. Такъ оно въ дѣйствительности и есть; кинетическая теорія приписываетъ газообразнымъ частицамъ діаметръ, колеблющейся между $\frac{1}{1000}$ и $\frac{1}{10000}$ микрона. Эта величина по отношенію къ миллиметру то же самое, что послѣдній по отношенію къ километру. Въ одномъ литрѣ такихъ молекулъ будетъ 550 миллиардовъ триллионовъ (55×10^{22}), число, котораго никто, конечно, представить себѣ не можетъ.

Итакъ, опытъ и свѣдѣтельство нашихъ органовъ чувствъ теперь не могутъ и въ будущемъ не убѣдятъ насъ въ строеніи матеріи, которое тѣмъ не менѣе останется предметомъ нашего изслѣдованія. Болѣе того, поскольку мы можемъ проникнуть въ строеніе матеріи при помощи нашихъ органовъ чувствъ, они всегда говорятъ противъ этой теоріи. Подъ микроскопомъ разсматривались пластинки толщиной менѣе $\frac{1}{10}$ микрона, золотыя листки въ $\frac{1}{4}$ микрона, разсматривали оболочку мыльнаго пузыря толщиной $\frac{1}{200}$ микрона, при чемъ толщина опредѣлялась съ несомнѣнной точностью по способу ньютоновскихъ колецъ, наконецъ, лордъ Релей такъ разливалъ масло на поверхности воды, что толщина маслянистаго слоя достигала только $\frac{1}{500}$ микрона, — и во всѣхъ этихъ случаяхъ разсматриваемыя тѣла представлялись сплошными, хотя этого не должно было бы быть, если бы таковы же были размѣры молекулъ или атомовъ. Въ этихъ препаратахъ не удалось обнаружить зернистости.

Можно зайти за предѣлы микроскопическихъ величинъ, и мы ничего новаго въ этомъ отношеніи не увидимъ. На основаніи нѣкоторыхъ явленій намъ извѣстно, что діаметръ молекулъ не превышаетъ $\frac{1}{10000}$ микрона. Таковъ тотъ предѣлъ, за которымъ исчезаетъ сплошность вещества.

Наши теоріи оказываются чисто рacionales, они, — основаны на разсужденіи. Основной постулатъ допускается напередъ (à priori) и находитъ себѣ оправданіе только въ правильности его слѣдствій. Этотъ постулатъ заключается въ апіорномъ допущеніи, что полоска какого-нибудь вещества тоньше $\frac{1}{10000}$ микрона не представляла бы сплошнаго вещества, но зернистость. Предполагается, что матерія образована совершенно изолированными частицами.

Предположимъ, что мы изслѣдуемъ газъ, водородъ, напр. Если бы мы охладили эту газообразную массу на 273° ниже 0° , (до полного прекращенія молекулярныхъ движеній), и если бы мы тогда могли увидѣть, что представляетъ собой это тѣло, мы нашли бы, что это зернистая масса, что эти неподвижныя зерна вполне тождественны и въ діаметрѣ имѣютъ какъ разъ $\frac{1}{10000}$ микрона. Что касается состоянія молекулъ, то все извѣстное и возможное въ этой области изложено въ кинетической теоріи Клау-

зіуса и Максвелля для газовъ и Ванъ-деръ-Вальса для жидкостей.

При повышеніи температуры выше— 273° , какъ учить эта теорія, молекулы, бывшія сейчасъ неподвижными, приходятъ въ движеніе, которое ускоряется соотвѣтственно повышенію температуры. Движеніе это не колебательное, какъ думалъ Бернулли, но двойное, прямолинейное и одновременно вращательное вокругъ оси. Скорость прямолинейнаго движенія достигаетъ 1844 метровъ въ секунду, въ три раза превышаетъ скорость пушечнаго ядра. Молекула движется прямолинейно до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтитъ другой, и вълѣдствіе столкновенія съ ней не отклонится. Это происходитъ довольно часто. Среднимъ числомъ это происходитъ на разстояніи каждой десятой микрона. На основаніи величины этого средняго свободнаго пробѣга и по плотности газа, можно вычислить число частицъ, заключающихся въ данномъ объемѣ и ихъ діаметръ. Такимъ образомъ и были получены величины въ 0,001 и 0,0001 микрона для діаметра газообразныхъ частицъ.

III.

Весьма значительныя измѣненія въ нашихъ представленіяхъ о строеніи матеріи произошли подъ вліяніемъ послѣднихъ физическихъ открытій (волны Герца, соляные растворы, катодные, рентгеновскіе и беккерелевскіе лучи и др.). Эти открытія не только познакомили насъ съ фактами неожиданными, блестящими и получившими любопытныя примѣненія, но они принесли не мало пользы и теоріи, освѣтивъ основную физико-химическую проблему.

Раньше наши представленія по этому предмету ограничивались тѣми понятіями, которыя физика давала намъ о молекулахъ, а химія—объ атомѣ. Атомъ олицетворяетъ въ себѣ простое тѣло, какъ *химическій элементъ*: *химическая энергія* есть свойство атома; *химическія силы* дѣйствуютъ только между атомами, такова уже ихъ особенность, что онѣ дѣйствуютъ только на близкомъ разстояніи. Предполагается, что атомы существуютъ только въ соединеніяхъ. Изолированныхъ атомовъ, за исключеніемъ развѣ атомовъ кадмія и ртути, не существуетъ.

Въ виду этого мы не можемъ познакомиться съ атомами. Мы знакомы только съ молекулами, съ *физическими элементами* тѣлъ; молекулы представляютъ собой группу химически связанныхъ между собой атомовъ; если атомы тождественны, то молекулы тогда являются молекулами простого тѣла, напр., молекула водорода, какъ простого тѣла, состоитъ изъ двухъ атомовъ, молекула сѣры—изъ шести, мышьяка—изъ четырехъ. Если атомы, составляющіе частицу, разнородны, то они образуютъ частицу химически сложнаго тѣла, которое всегда можно разложить на простыя тѣла. Разные виды *физической энергіи* связаны съ молекулой; физическія силы дѣйствуютъ между молекулами, химическія же силы дѣйствуютъ между атомами; сфера дѣйствія первыхъ гораздо больше сферы дѣйствія вторыхъ.

Въ области электричества работы съ разбавленными растворами солей ввели въ науку понятіе о *іонахъ*. Іонъ—это молекула, свойственная исключительно тѣламъ, проводящимъ электричество: она окружена электрической атмосферой. Этотъ электрическій зарядъ кореннымъ образомъ измѣняетъ свойства атомовъ и молекулъ. Въ элементѣ получаютъ тогда преимущественное преобладаніе электрическія силы. Легко понять, что іоны обладаютъ другими свойствами, чѣмъ обыкновенные элементы, и примѣровъ этому сколько угодно. Приведемъ одинъ: соляная кислота очень сильно дѣйствуетъ на обыкновенный цинкъ; если же цинкъ зарядить электричествомъ, соединивъ его съ положительнымъ полю-

сомъ сильной батареи, онъ противостоитъ ей дѣйствию и остается неизмѣненнымъ. Разряжаясь, іоны разрушаются, и соотвѣтствующія имъ группировки атомовъ распадаются; напр., іонъ SO^4 (одинъ атомъ сѣры и четыре атома кислорода, іонъ растворимыхъ сѣрно-кислыхъ солей) распадается на кислородъ и сѣрный ангидридъ. Получаются іоны при электролизѣ (при пропусканіи тока черезъ растворъ солей).

Наконецъ, другіе физики недавно ввели въ науку представленіе объ электронахъ, новыхъ факторахъ, являющихся ничѣмъ инымъ, какъ тѣми электрическими вихрями, которыми обыкновенно заряжаются іоны, но которые могутъ существовать и въ свободномъ состояніи.

Мы, такимъ образомъ, присутствуемъ при возрожденіи того значенія, которое въ химіи приписывалось электричеству сто лѣтъ тому назадъ. Вся система номенклатуры и классификаціи элементовъ Берцеліуса и Митчерлиха, позаимствованная ими у Дэви, была основана на представленіи, что главнымъ факторомъ химическихъ превращеній является электричество. Всѣ простыя тѣла разсматривались какъ электро-положительные или электро-отрицательные элементы, мало отличающіеся отъ современныхъ іоновъ, а относительно энергіи химическихъ превращеній полагали, что она находится въ тѣсной связи съ электричествомъ реагентовъ. Ж. Б. Дюма, открывшій въ 1833—4 г. реакцію замѣщеній, въ корнѣ расшаталъ и опровергнулъ эту дуалистическую систему. — Въ настоящее время эта теорія возрождается въ іонахъ, но уже въ совершенно другой области и съ совершенно другой точки зрѣнія.

Іоны, какъ мы сказали, это элементы, заряженные электричествомъ электроновъ; разряжаясь на электродахъ, къ которымъ они притекаютъ во время электролиза, іоны обратно превращаются въ обыкновенные элементы. При электролитическомъ разложеніи солей (при пропусканіи электрическаго тока черезъ растворы ихъ), напр., сѣрнокислой мѣди, іонъ металлической мѣди направляется къ притягивающему его отрицательному электроду, къ катоду, откуда его названіе—*катіонъ*; тамъ онъ разряжается и отлагается въ видѣ обыкновенной металлической мѣди. Остальная часть молекулы сѣрнокислой мѣди— SO^4 , направляющаяся къ положительному электроду, аноду, образуетъ *аніонъ*; достигнувъ анода, аніонъ SO^4 разряжается, разлагаясь при этомъ на сѣрный ангидридъ SO и кислородъ O . Кислоты относятся къ электролизу совершенно такъ, какъ соотвѣтственные соли, почему онѣ и разсматриваются какъ соли, у которыхъ роль металла играетъ водородъ, образуя катіонъ, т. е. іонъ электроположительный. Кислотность жидкости, подвергшейся электролизу, соотвѣтствуетъ числу водородныхъ іоновъ. Равнымъ образомъ щелочность растворовъ зависитъ отъ числа, заключенныхъ въ немъ гидроксильныхъ іоновъ (гидроксилъ это—группа, состоящая изъ одного атома кислорода и одного атома водорода— OH). Въ настоящее время въ лабораторіяхъ уже вошелъ въ употребленіе соотвѣтствующій способъ выраженія. Говорятъ объ опредѣленіи числа гидроксидовъ или о числѣ водородныхъ іоновъ раствора вмѣсто того, чтобы говорить просто о щелочности или кислотности раствора.

Необходимо замѣтить, что существуетъ два вида іоновъ. Тѣ іоны о которыхъ мы сейчасъ говорили, и которые получены при электролизѣ молекулъ, называются *молекулярными іонами*. Въ разрѣженныхъ газахъ Круксовыхъ трубокъ существуетъ другой видъ іоновъ—*атомные іоны*. Мы сейчасъ дѣйствительно увидимъ, что атомъ можно разсматривать, какъ сложную постройку, въ которой положительно заряженные тѣльца или катіоны, составныя части атома, удерживаются присутствіемъ отрицательнаго ядра изъ *аніоновъ*.

Въ послѣднемъ счетѣ необходимо различать пять видовъ тѣлъ, какъ результатъ разложенія всякой матеріи: электролитическіе іоны, затѣмъ іоны разрѣженныхъ газовъ, гораздо болѣе мелкіе, чѣмъ предыдущіе, потомъ отдѣльно надо считать электроны, свободно существующіе, электрическіе вихревые заряды іоновъ, наконецъ, обыкновенныя молекулы и атомы. Таковы элементы, которыми располагають современные физики и химики для объясненія естественныхъ явленій.

До послѣдняго времени въ физико-химическихъ работахъ фигурировали обыкновенно послѣднія двѣ категоріи элементовъ. Предполагалось, что они образуютъ 75 простыхъ, химически не разложимыхъ далѣе тѣлъ и все безконечное множество соединений ихъ. Но уже съ самаго начала былъ поставленъ вопросъ, дѣйствительно ли и существенно ли видимое отличіе между этими 75-ю простыми тѣлами, не образована ли вся матерія, какъ полагаютъ нѣкоторые химики, изъ одной субстанции, проявляющейся только въ разныхъ формахъ.

IV.

До сихъ поръ еще не удалось болѣе глубокимъ анализомъ разложить, наконецъ, такъ называемыя простыя тѣла современной химіи на какія-нибудь еще болѣе простыя и получить изъ нихъ единое первичное вещество, вещество, не допускающее дальнѣйшаго разложенія. Но вмѣстѣ съ Круксомъ можно сказать, что давно уже это представленіе „носитя въ научной атмосферѣ“. Считается весьма вѣроятнымъ, что элементы вѣсомой матеріи существенно однородны, и что наблюдающіеся отличія между ними зависятъ отъ расположенія ихъ послѣднихъ однородныхъ элементарныхъ частичекъ. Уже болѣе сорока лѣтъ тому назадъ Секки писалъ: „для насъ такъ называемыя простыя тѣла являются ничѣмъ инымъ, какъ весьма сложнымъ агрегатомъ другихъ тѣлъ, въ концѣ концовъ сводящихся къ единой матеріи“. Съ тѣхъ поръ данныя современной химіи по вопросу о взаимоотношеніяхъ простыхъ тѣлъ, объ аналогіяхъ между ними, о размѣщеніи ихъ въ ряды едѣлали еще болѣе вѣроятной эту гипотезу о единствѣ матеріи. Атомы простыхъ тѣлъ превращаются такимъ образомъ въ группы, агрегаты однородныхъ частичекъ.

Такая точка зрѣнія обнаружилась еще на зарѣ современной химіи. Въ началѣ XIX вѣка англійскій химикъ Проутъ полагалъ, что атомные вѣса различныхъ простыхъ тѣлъ находятся въ точныхъ кратныхъ отношеніяхъ къ атомному вѣсу водорода. По его воззрѣніямъ, такъ называемыя простыя тѣла оказывались только различными степенями сгущенія водорода. Кислородъ былъ въ 16 разъ сгущеннымъ водородомъ, азотъ—въ 14 разъ и такъ всѣ металлы и металлоиды; или, говоря на языкѣ атомистики, атомъ кислорода состоялъ изъ 16 атомовъ водорода, атомъ азота изъ 14, хлора—изъ 35 и т. д. Всеобщей первичной матеріей онъ провозгласилъ водородъ, и составъ тѣлъ представилъ простоту по истинѣ величественную. Къ несчастью для этого ученія, все болѣе и болѣе точныя работы по опредѣленію атомныхъ вѣсовъ въ теченіе текущаго столѣтія, а въ особенности тщательныя работы безсмертнаго Стаса не подтвердили теоріи Прюта. Атомные вѣса простыхъ тѣлъ не находятя въ точныхъ кратныхъ отношеніяхъ къ атомному вѣсу водорода и по отношенію къ нему выражаются дробными числами.

Позднѣе, въ 1859 году, Ж. Б. Дюма опубликовалъ знаменитый мемуаръ, въ которомъ онъ возвращается къ той же идеѣ, гениально видоизмѣнивъ ее въ соотвѣтствіи съ прогрессомъ химическаго анализа. Сравнивая атомные вѣса въ разныхъ естественныхъ группахъ простыхъ тѣлъ, онъ доказывалъ, что атомные вѣса отли-

чаются другъ отъ друга числами, имѣющими общій дѣлитель; совсѣмъ какъ въ органической химіи. Въ послѣдней въ каждомъ гомологическомъ рядѣ частичные вѣса тѣлъ отличаются другъ отъ друга на 14, на вѣсъ группы CN^2 .—Дюма доказывалъ, что приблизительно то же самое наблюдается на металлахъ; напр., въ ряду щелочно-земельныхъ металловъ изъ вѣса атома магнія, равнаго 12, можно получить вѣсъ кальція—20—прибавленіемъ атома гипотетическаго тѣла съ атомнымъ вѣсомъ 8; отъ него можно перейти къ стронцію, вѣсъ котораго равенъ 44, прибавленіемъ 4 атомовъ этого гипотетическаго тѣла къ атому магнія; для перехода къ атомному вѣсу барія нужно было прибавить 7 атомовъ того же тѣла. Другими словами, все металлы произошли отъ нѣкотораго количества ихъ—родоначальниковъ естественныхъ семействъ—посредствомъ прибавленія къ нимъ одного и того же вещества различной степени сгущенія. Такимъ образомъ, для того, чтобы свести къ единству все простыя тѣла, оставалось только открыть общность состава этихъ родоначальниковъ естественныхъ химическихъ группъ.

Эта система Дюма разбилась о тѣ же препятствія, какъ система Прюта. Она противорѣчила точнымъ атомнымъ вѣсамъ и всему понятію объ атомахъ, требуя допущенія возможности существованія долей атомовъ.

Система Дюма, однако, положила начало разнаго рода классификаціямъ элементовъ, предложеннымъ впоследствии Шанкуртуа во Франціи, Ньюландсомъ въ Англіи, Лотаромъ Мейеромъ въ Германіи и Менделѣевымъ въ Россіи. Все эти системы, какъ и система Дюма, принимаютъ главнымъ образомъ во вниманіе числовое выраженіе атомныхъ вѣсовъ; все онѣ стремятся связать все 72 или 75 элементовъ родственною связью, такъ какъ, дѣйствительно, очень трудно примириться съ мыслью, что они совершенно отличны другъ отъ друга. Наибольше извѣстной и наиболее плодотворной изъ этихъ системъ оказалась система Менделѣева. Она извѣстна подъ именемъ періодическаго закона. Располагая элементы извѣстнымъ образомъ, въ порядкѣ возрастающаго атомнаго вѣса, можно обнаружить группы элементовъ, раскрывающія внутреннія соотношенія родства между простыми тѣлами. Ихъ свойства и форма, равно какъ свойства ихъ соединеній, оказываются періодической функціей величины атомнаго вѣса. Нѣкоторыя мѣста въ этой классификаціи были еще не заняты, когда Менделѣевъ въ 1869 году впервые опубликовалъ свою періодическую систему элементовъ. Для трехъ пустыхъ тогда мѣстъ ниже алюминія и титана русскій химикъ не поколебался предсказать напередъ существованіе трехъ неоткрытыхъ еще простыхъ тѣлъ, долженствовавшихъ обладать опредѣленными свойствами; въ соотвѣтствіи съ послѣдними онъ обозначилъ ихъ слѣдующими названіями: экасилицій, экаборъ и экаалюминій. Предсказаніе это блестяще оправдалось. Лекокъ де-Буабдрантъ въ 1875 г., Нильсонъ въ 1880 г. и Винклеръ въ 1885 г. дѣйствительно открыли три новыхъ металла: галлій, скандій и германій, обладавшіе какъ разъ тѣми атомными вѣсами и тѣми свойствами, которые были предсказаны Менделѣевымъ. Съ другой стороны, исходя изъ того же періодическаго закона, Рамзай предположилъ существованіе въ атмосферномъ воздухѣ новыхъ газовъ: криптона, неона, метаргона и ксенона; однако нельзя умолчать и о томъ, что двумя другимъ недавно открытымъ атмосфернымъ элементамъ, аргону и гелію, трудно найти подходящее мѣсто въ періодической системѣ.

Какъ эти системы ни близки къ химической истинѣ, все-таки онѣ раскрываютъ намъ только нѣкоторую и при томъ довольно сложную связь между различными простыми тѣлами. Онѣ вовсе

не говорить въ пользу того, что простыя тѣла произошли другъ отъ друга придачей какого-нибудь вещества, или что они всё состоятъ изъ совокупностей элементарныхъ недѣлимыхъ одного и того же вида, первичной матеріи. Напротивъ того, онѣ, повидимому, какъ говоритъ Шесно, не только не говорятъ въ пользу единства матеріи, но даже свидѣлствуютъ противъ него, „умножая типы простыхъ тѣлъ, химическія функціи которыхъ значительно отличаются отъ химическихъ функцій доселѣ извѣстныхъ элементовъ“.

Итакъ, опытъ химиковъ, тотъ опытъ, который сдужить основаніемъ всякой естественно-научной истины, нисколько не пришелъ на помощь научно-философской мысли въ ея стремленіи приписать общій составъ всѣмъ простымъ тѣламъ. Разложеніе послѣднихъ, безъ сомнѣнія, какъ говорилъ еще Дюма, потребовало бы „примѣненія такихъ способовъ и реакцій, о которыхъ мы пока и не подозреваемъ“. Дѣйствительно, эти способы, которые раскрыли сложность химическихъ атомовъ, невозможно было предвидѣть во время Дюма: мы говоримъ объ электрическихъ явленіяхъ въ круковыхъ трубкахъ и о возникающихъ при этомъ катодныхъ лучахъ.

Однако идея единства матеріи, изъ которой неизбежно вытекаетъ идея сложности простыхъ тѣлъ, не теряла своей власти надъ умомъ химиковъ. Самъ Лавуазье, который включалъ въ число простыхъ тѣлъ всё тѣла, которыя не поддавались разложенію, отказался причислить къ простымъ тѣламъ прочныя щелочи калия и натрія, хотя до знаменитыхъ опытовъ Дэви въ 1804 году никому не удалось разложить ихъ. Понятіе о различныхъ простыхъ тѣлахъ въ умѣ Лавуазье вовсе не противорѣчило идеѣ единства матеріи. „Не то что, — писалъ онъ, — мы могли бы съ увѣренностью сказать, что тѣ простыя тѣла, которыя мы разсматриваемъ, какъ простыя, въ свою очередь не состоятъ изъ двухъ или большаго числа элементовъ; но разъ простыя тѣла никогда не поддаются разложенію, они для насъ являются простыми тѣлами, и мы въ правѣ будемъ разсматривать ихъ, какъ сложные только съ того момента, когда опытъ дастъ намъ основаніе для этого“.

Съ такою же осторожностью выражался Сентъ-Клеръ Девилль передъ своими учениками въ Парижской Нормальной Школѣ: „Избѣгайте идеи единства матеріи при рѣшеніи какихъ бы то ни было научныхъ вопросовъ. Но если ваше заключеніе когла-нибудь будетъ противорѣчить этому принципу, то вы можете быть увѣрены, что заключеніе ложно“. Таково же было убѣжденіе Бертело, который въ одномъ мѣстѣ говоритъ о простыхъ тѣлахъ, „которыя сводятся къ единой матеріи, представляющейся въ разныхъ формахъ, въ зависимости отъ группировки и отъ движенія ея частей“.

Эти двѣ идеи отсутствія сплошности матеріи и ея субстанціального единства господствуютъ надъ физико-химическими науками; онѣ образуютъ нѣкоторымъ образомъ ихъ основной постулатъ. Изъ нихъ выросла та доктрина, которая заставляетъ насъ разсматривать атомы различныхъ тѣлъ, какъ группы еще меньшихъ, но общихъ имъ всѣмъ элементовъ, другими словами, какъ агрегаты субъ-атомовъ. Одни химики полагаютъ, что это общее вещество есть водородъ, другіе, — что это неизвѣстное отличное отъ водорода вещество, которому они даютъ названіе *протила* или *протогена*.

V.

Анализомъ матеріи за предѣлы атомовъ мы обязаны не химикамъ, а физикамъ. Изученіе катодныхъ лучей и радиоактивныхъ веществъ косвеннымъ образомъ привело ихъ въ область молекулярной и атомической механики.

Катодные лучи возникаютъ при проходѣ электрическихъ

разрядовъ черезъ крайне разрѣженный газъ, напр., черезъ Круксову трубку, гдѣ разрѣженіе газа достигаетъ одной миллионной атмосферы. Эти темные прямолинейные лучи исходятъ изъ поверхности катода и перпендикулярно къ ней, образуя электрическій токъ, совершенно независимый отъ поразившихъ его электрическихъ разрядовъ; эти лучи вызываютъ фосфоресценцію въ большомъ числѣ тѣлъ, а въ особенности въ той части стеклянной трубки, которую они поражаютъ.

О природѣ катодныхъ лучей мы можемъ себѣ составить представление, если мы вспомнимъ, что всѣмоя матерія является всюду неизмѣнной носительницей электричества, что всюду, гдѣ есть электричество, имѣется и матерія. Разъ катодный лучъ заряженъ электричествомъ, мы его должны считать матеріальнымъ.

Итакъ, катодный лучъ получается отъ выбрасыванія отрицательно заряженныхъ матеріальныхъ частичекъ, движущихся съ такою чудовищной быстротой, которая достигаетъ скорости распространения свѣта. Этотъ потокъ не зависитъ отъ вещества катода. Образующее его вещество, какъ показалъ Виллардъ, всегда называется водородомъ. Поразительная быстрота катоднаго потока, вызваннаго электрическимъ отталкиваніемъ катода, уравнивается крайней незначительностью его массы. Томсонъ показалъ, что матеріальныя наэлектризованныя частицы переносятъ въ тысячу разъ больше электричества, чѣмъ равная масса водорода, выдѣляющагося при электролизѣ на отрицательномъ полюсѣ вольтаметра. Слѣдовательно, масса каждой отдѣльной частицы гораздо меньше атома водорода, а точно говоря, въ тысячу разъ меньше. Впрочемъ, и другія весьма точныя электрическія и электромагнитныя измѣренія позволяютъ опредѣлить величину этой частицы въ одну тысячную водороднаго атома. Катодный потокъ такимъ образомъ является послѣдствіемъ разрушенія водороднаго атома.

Этотъ рядъ фактовъ и вычисленій, доходящихъ до поразительной точности, привелъ насъ къ идеѣ о расчлененіи водороднаго атома на части, субъ-атомы, атомическія тѣльца Томсона. Атомъ уже болѣе нельзя считать недѣлимымъ. То, что для нашихъ предшественниковъ было самой незначительной величиной и крайнимъ предѣломъ дѣленія матеріи, является для современнаго физика сложнымъ зданіемъ, изъ котораго разряденія въ круксовой трубкѣ вырываютъ отдѣльные кирпичи, послѣднія части. Электрическія силы, отталкиваніе отъ отрицательнаго полюса и столкновеніе съ положительнымъ, выполняютъ эту сложную работу. Полученныя такимъ образомъ части не являются случайными обрывками, напротивъ того, это—элементы заранѣе существующіе въ атомѣ. Всегда и при всѣхъ условіяхъ они обладаютъ одной и той же массой, именно, одной тысячной водороднаго атома. Это раскрываетъ намъ организацію, элементомъ которой являются атомическія тѣльца, миллиатомы. Весьма значительныя силы связываютъ отдѣльныя части этого микрокосма, но въ круксовой трубкѣ надъ ними торжествуетъ электрическій разрядъ.

Изученіе лучеиспусканія радиоактивныхъ тѣлъ дало аналогичные результаты. Подобно тому, какъ наэлектризованныя частицы истекаютъ изъ катода въ трубкѣ съ разрѣженнымъ газомъ, точно также и радій не перестаетъ выбрасывать частички, но уже прямо въ пространство. Радиоактивное вещество поэтому можно сравнить съ катодомъ круксовой трубки. Оно является мѣстомъ совершенно сходныхъ явленій разложенія атомовъ. Радій, теряющій, вслѣдствіе своего лучеиспусканія, всѣмоя матерію въ формѣ субъ-атомовъ или тѣлецъ Томсона, долженъ терять въ своемъ вѣсѣ. Но хотя электрическій зарядъ этихъ тѣлецъ и можетъ быть

опредѣлѣнъ, однако, масса ихъ незначительна и не поддается измѣренію. Вычислено, что потребовались бы миллионы лѣтъ для того, чтобы кусокъ радія потерялъ нѣсколько миллиграммовъ своего вѣса.

Процессъ разложенія атома радія не можетъ быть признанъ однороднымъ съ обыкновенными химическими процессами, потому что въ теченіе послѣднихъ атомъ остается нетронутымъ и неизмѣннымъ. Какова бы ни была сила, отдѣляющая субъ-атомы, она остается источникомъ лучистой энергіи.

Итакъ, недѣлимый атомъ древности въ глазахъ современной философіи физики является гигантскимъ цѣлымъ, цѣлой системой, въ которой подраздѣленія атомовъ образуютъ оживленныя группы, находящіяся въ постоянномъ движеніи. Знаменитый математикъ Коши, болѣе чѣмъ полвѣка тому назадъ начерталъ уже путь современной молекулярной физики: „Если бы намъ можно было, — писалъ онъ въ 1836 году, — разсмотрѣть молекулы различныхъ тѣлъ, онѣ представились бы намъ чѣмъ-то въ родѣ звѣздныхъ системъ; переходя отъ безконечно великаго къ безконечно малому, мы въ послѣднихъ частицахъ матеріи, какъ и въ безпредѣльности міровъ, всюду находили бы взаимодѣйствующіе центры силъ“.

Чтобы перейти отъ возрѣвнй Коши къ возрѣвнямъ Томсона, нужно перемѣнить одно только слово, вмѣсто слова молекулы поставить „атомы“. Не молекулу, какъ агрегатъ атомовъ, можно сравнивать съ солнечной системой, но атомъ самъ по себѣ. „Каждый атомъ — говоритъ Перренъ, — образованъ, съ одной стороны, одной или нѣсколькими массами, зараженными положительнымъ электричествомъ, положительными солнцами, а съ другой стороны, множествомъ отрицательныхъ планетъ, тяготеющихъ къ первымъ подъ вліяніемъ электрическихъ силъ“. Въ общемъ, положительный и отрицательный заряды равны между собой, и атомъ не обнаруживаетъ своего электричества. Изученіе катодныхъ лучей показало, что всѣ отрицательныя субъ-атомы тождественны между собою. Если дѣйствительно существуетъ единство матеріи, то и положительные солнца должны быть тождественны между собой. А тогда „вся совокупность матеріальнаго міра состояла бы изъ двоякаго рода группъ первичныхъ элементовъ, изъ электроновъ, т. е. изъ положительнаго и отрицательнаго электричества“.

Это панэлектрическое представленіе о матеріи и о міровыхъ явленіяхъ принимаетъ въ соображеніе множество такихъ фактовъ, которые иначе оставались бы необъяснимыми. Оно считается и съ видимой недѣлимостью атома, какъ она вытекаетъ изъ основныхъ законовъ химіи. Мы говоримъ, что это свойство недѣлимости только кажущееся свойство атома, это приблизительное, весьма приблизительное свойство его, если угодно, но вовсе не абсолютное. Это теперь очень хорошо понятно. Если какая-нибудь сила, по необходимости электрическая сила, можетъ расщепить атомъ, она сперва отдѣлитъ отъ него одно тѣльце, одну маленькую отрицательную планету; оторвать вторую такую же планету уже будетъ труднѣе, потому что положительный зарядъ, оставшійся неизмѣннымъ, сильнѣе притягиваетъ теперь остатокъ отрицательнаго заряда. При каждой новой попыткѣ трудность будетъ возрастать, наши силы станутъ недостаточными и обыкновенно это наступаетъ гораздо раньше, чѣмъ намъ удастся оторвать отъ атома сколько-нибудь замѣтную часть. Атомъ покажется неразложимымъ.

Болѣе подробное изложеніе современныхъ научныхъ представленій о строеніи матеріи не принесло бы особой пользы. Вѣсьмъ вѣдь извѣстно, что какъ бы эти теоріи ни соотвѣтствовали современному состоянію нашихъ знаній, онѣ всегда забѣгаютъ впередъ точной наукѣ и не являются уже столь несомнѣнными и прочными, какъ сама наука.

Докторъ В. А. Канель.

Злой недугъ.

I.

Въ 1897 году на международномъ конгрессѣ врачей въ Москвѣ проф. Крафтъ-Эбингъ, разобравши въ пространной рѣчи причины роста числа психическихъ и нервныхъ больныхъ за послѣднее время, выразился чрезвычайно образно по этому поводу. „Итакъ,—закончилъ блестящій ученый свою рѣчь,—огромное число нервныхъ больныхъ создали два фактора: цивилизація и сифилизація“. Жизнь осложнилась, удовлетвореніе даже самыхъ насущныхъ потребностей сопряжено въ наше время съ огромными трудностями, приходится вѣчно торопиться, находиться въ постоянномъ страхѣ предъ тѣми грозными колебаніями, которыя такъ характерны для переживаемаго нами періода. Съ другой стороны, ядъ сифилиса, проникая въ организмъ, выбираетъ мѣстомъ своего дѣйствія нервную систему, отравляя ее, производя въ ней ужасныя разрушенія.

Проф. Крафтъ-Эбингъ былъ, конечно, совершенно правъ, сдѣлавъ такое картинное и эффектное заявленіе. Что сифилисъ часто поражаетъ нервную систему, вызывая всевозможные параличи, спинную сухотку, психическія разстройства,—это всѣмъ давнымъ давно извѣстно. Почтенный ученый, быть можетъ, незамѣтно для себя сдѣлалъ еще одно весьма справедливое допущеніе. Цивилизація и сифилизація не только связаны между собой въ томъ отношеніи, что обѣ онѣ ведутъ къ увеличенію заболеваемости нервной системы. Нѣтъ, между современнымъ строемъ, съ прогрессомъ техники и развитіемъ капиталистическаго хозяйства—и крайнимъ распространеніемъ сифилиса существуетъ неразрывная связь. Цивилизація породила сифилизацію,—въ этомъ въ настоящее время не можетъ быть уже никакого сомнѣнія.

Но своимъ опредѣленіемъ проф. Крафтъ-Эбингъ далеко не охватилъ всего того зла, источникомъ котораго служить страшный недугъ—сифилисъ. Да это, впрочемъ, и не входило въ задачи оратора. Почтенный ученый показалъ своимъ слушателямъ только

одинъ уголокъ того обширнаго разрушительнаго вліянія, какое производитъ на свои жертвы сифилисъ. Нѣтъ ни одного органа, ни одной ткани, гдѣ не могъ бы свободно водвориться ядъ сифилиса, и вызвать мучительныя страданія. Въ медицинѣ установлено даже такое правило: „In dubiis respice litem“, что означаетъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ, когда не знаешь причины заболѣванія, считай его порожденіемъ сифилиса, такъ какъ нѣтъ тѣхъ адскихъ мукъ, которыхъ не могъ бы вызвать страшный сифилитическій ядъ.

Сифилисъ—болѣзнь заразительная, хроническая, болѣзнь общая, поражающая весь организмъ. Мы знаемъ, что всякая заразная болѣзнь вызывается вѣдреніемъ въ организмъ особаго заразнаго начала, болѣзнетворной бактеріи. Для многихъ инфекціонныхъ недуговъ найдены свои специфическіе возбудители въ видѣ тѣхъ или иныхъ микроорганизмовъ. Сифилису въ этомъ отношеніи не повезло. Бактерія, вызывающая сифилисъ, еще не найдена, но это отнюдь не говоритъ противъ заразительности недуга, которую удалось установить путемъ массовыхъ наблюдений.

Совершенно ошибочно предполагаютъ, будто зараженіе сифилисомъ исключительно происходитъ путемъ половыхъ сношеній. Какъ читатель убѣдится, большинство сифилитиковъ заразилось вѣполовымъ путемъ, вслѣдствіе тѣснаго сожителства и общенія съ больными. Между тѣмъ положеніе этихъ несчастныхъ остается до нельзя тяжелымъ. Въ обществѣ на нихъ косятся, ихъ считают пострадавшими по собственной винѣ, вслѣдствіе грѣховнаго паденія, а они только и виноваты въ томъ, что ихъ не учили беречься отъ ужасной и заразительной заразы.

Вообще, въ обществѣ установился на сифилитиковъ странный, выражаясь деликатно, взглядъ. Имъ не сочувствуютъ, какъ другого рода больнымъ, ихъ презираютъ, ихъ боятся. Самое слово „сифилисъ“ считается запретнымъ и произносится только шопотомъ. Человѣкъ, заболѣвшій сифилисомъ, старается скрыть свой позоръ даже отъ самыхъ близкихъ людей и терпитъ, пока это представляется возможнымъ, не обращаясь къ врачу. Понятно, къ чему ведетъ такая система. Она отдаетъ массы людей въ полное распоряженіе злого недуга. Больные во-время не обращаются къ врачу, запускаютъ свою болѣзнь и приходятъ за помощью лишь тогда, когда надежда на спасеніе изсякла. Конечно, если бы общество прониклось убѣжденіемъ, что сифилисъ—такая же болѣзнь, какъ всѣ остальные заразительные недуги, что распространеніе заразы объясняется бытовыми и социальными условіями,—факты, подобные описаннымъ, не имѣли бы мѣста.

Сифилисъ—грозный бичъ для человѣка, жестокій врагъ, угрожающій на каждомъ шагѣ жизни и здоровью. „Страшенъ намъ можетъ быть, сказалъ проф. Тарновскій на сѣздѣ сифилитологовъ въ Петербургѣ, врагъ тайный, внутренній, незамѣтно разрушающій физическое и нравственное благосостояніе народа, подтачивающій его организмъ и ведущій къ вырожденію и вымиранію расы. Такимъ могучимъ внутреннимъ врагомъ Россіи является въ настоящее время сифилисъ, къ борьбѣ съ которымъ мы, къ несчастью, не готовы. А между тѣмъ врагъ множится и крѣпнетъ съ каждымъ годомъ, борьба съ нимъ неминуема и неотложна“. Но для правильной борьбы со зломъ необходимо знать его. При томъ же отношеніи, какое до сихъ поръ проявляло общество къ людямъ, одержимымъ сифилисомъ, знаніе страшнаго врага было болѣе чѣмъ проблематично.

Сифилисъ, какъ мы уже говорили, болѣзнь общая, поражающая весь организмъ. Первоначально на томъ мѣстѣ, черезъ которое проникъ сифилитическій ядъ, появляется небольшая язва

(первичныя явленія). Эта язва черезъ нѣкоторое время залѣчивается, но почти одновременно съ ея появленіемъ выступаютъ наружу пораженія всего организма (вторичныя явленія). Сыпи, весьма разнообразныя по своему теченію и характеру, рѣзкое опуханіе лимфатическихъ желѣзъ, прогрессивный упадокъ силъ, исхуданіе,—таково послѣдовательное дѣйствіе сифилитическаго яда. Проходятъ вторичныя явленія, и человѣкъ все еще не свободенъ отъ приобретеннаго недуга. Сифилитическій ядъ можетъ находиться долго въ организмѣ, не вызывая въ немъ никакихъ видимыхъ измѣненій. Но достаточно малѣйшаго повода для того, чтобы сифилисъ вышелъ изъ своего скрытаго состоянія и доставилъ человѣку немало самыхъ тяжелыхъ и мучительныхъ страданій (третичныя явленія).

Третичная форма сифилиса не всегда одинаково рѣзко выступаетъ. Если больной подвергъ себя раціональному лѣченію, онъ до нѣкоторой степени застрахованъ отъ неприятныхъ и печальныхъ сюрпризовъ, какое можетъ преподнести сифилисъ. Впрочемъ, въ опредѣленіи степени обезпеченности сифилитика отъ новыхъ заболѣваній, тѣсно связанныхъ съ его основнымъ недугомъ, нужно быть чрезвычайно осторожнымъ. Часто бываетъ, и такъ. Заболѣвшій сифилисомъ лѣчился самымъ аккуратнымъ и добросовѣстнымъ образомъ. Прошло пятнадцать лѣтъ послѣ зараженія, человѣкъ забылъ о своей болѣзни, совсѣмъ успокоился, успѣлъ даже обзавестись семьей. И вдругъ среди полного благополучія снова напоминаетъ о себѣ страшный недугъ. Человѣка вдругъ поражаетъ апоплексическій ударъ, у него внезапно оказывается тяжелая болѣзнь мозга, печени, почекъ, болѣзнь, которая въ короткое время сводитъ его въ могилу, и всеѣмъ этимъ онъ обязанъ перенесенному давно сифилису. Врачъ старается найти причину даннаго хроническаго недуга. Какова бы ни была эта болѣзнь, но, разъ только больной говоритъ, что онъ когда-то перенесъ сифилисъ, мучительныя думы врача прекращаются. Сифилисъ можетъ служить причиной любой болѣзни, и установленіе этого страшнаго недуга въ прошломъ уже избавляетъ врача отъ дальнѣйшихъ поисковъ.

Вотъ, какой ужасный, разрушительный недугъ представляетъ собой сифилисъ! Уже одно это заставляетъ насъ быть чрезвычайно бдительнымъ и приложить все старанія, чтобы одержать побѣду надъ лютымъ врагомъ. Но помимо того и распространіе этого недуга и пути занесенія заразы таковы, что оставаться равнодушнымъ нельзя. Наука успѣла уже выработать нѣкоторые методы борьбы со страшной болѣзью, и было бы преступно не воспользоваться успѣхами знанія, а оставлять несчастныхъ больныхъ на произволъ судьбы, давъ въ то же время возможность заразѣ безпрепятственно разгуливать на свободѣ, поглощать каждый разъ все новыя и новыя жертвы. Нужно дѣйствовать, потому что болѣзнь по справедливости получила названіе народной вслѣдствіе того, что она захватываетъ новыя обширныя круги населенія и поражаетъ людей въ періодъ наибольшаго расцвѣта ихъ силъ и способностей.

Посмотримъ теперь, какое количество людей поглощаетъ сифилисъ, изъ какихъ слоевъ населенія эта болѣзнь по преимуществу вербуетъ свои жертвы. Постараемся вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить и соціальныя факторы этого заболѣванія, такъ какъ одно только знаніе общественныхъ условий, создающихъ благопріятную почву для распространенія сифилиса, можетъ способствовать выработкѣ раціональныхъ, общественныхъ мѣръ борьбы съ недугомъ. Ограничиваясь однимъ лѣченіемъ лицъ уже заболѣвшихъ не значитъ еще вести правильную борьбу съ

сифилисомъ. Нужно закрыть тотъ источникъ, изъ котораго постоянно пополняются ряды сифилитиковъ, нужно подумать о предупредительныхъ мѣрахъ съ цѣлью уменьшить заболѣваемость сифилисомъ. Лѣчение должно только замыкать собой длинный рядъ общественныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ энергичной и рѣшительной борьбѣ со злымъ недугомъ.

II.

Не такъ легко опредѣлить число людей, зараженныхъ сифилисомъ. Не только у насъ въ Россіи, гдѣ статистика вообще стоитъ не на должной высотѣ, но и на Западѣ регистрація сифилитиковъ ведется крайне неправильно, и судить по занесеннымъ въ списки сифилитикамъ о дѣйствительномъ ихъ числѣ нѣтъ никакой возможности. Тѣмъ не менѣе, для многихъ странъ, въ томъ числѣ и для Россіи, имѣются косвенныя данныя, по которымъ мы можемъ судить, какъ велико количество людей, одержимыхъ злымъ недугомъ. Въ Пруссіи 1 апрѣля 1903 года была произведена однодневная перепись всѣхъ сифилитиковъ, находившихся къ тому времени въ больницахъ *). Оказалось, что число ихъ достигло 40.900. Принято на основаніи многочисленныхъ наблюденій, что въ больницѣ лѣчится только одна восьмая часть всѣхъ больныхъ сифилисомъ. Поэтому нужно думать, что общее число сифилитиковъ въ Пруссіи превышаетъ полмилліона человѣкъ. Цифра внушительная!

Въ Россіи сифилитиковъ, на основаніи приблизительныхъ цифровыхъ данныхъ, гораздо больше. Д-ръ Герценштейнъ въ своемъ трудѣ „Сифилисъ въ Россіи“, вышедшемъ въ 1885 году, вычисляетъ, что общее число сифилитиковъ въ Россіи доходитъ до 2 милліоновъ человѣкъ **). Но то было двадцать лѣтъ тому назадъ, а мы знаемъ, что число сифилитиковъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Ужасающую картину нарисовалъ проф. Тарновскій въ рѣчи своей, сказанной имъ при открытіи съѣзда сифилитологовъ въ С.-Петербургѣ въ 1897 году. Въ 1888 году было только 93 уѣзда во всей земской Россіи, гдѣ число сифилитиковъ составляло свыше 1% всего населенія. Въ 1891 году въ тѣхъ же земскихъ губерніяхъ числилось уже 117 уѣздовъ, въ которыхъ числилось больше 1% сифилитиковъ. Но были и такіе уѣзды, гдѣ сифилитики составляли 7%, т. е. изъ каждыхъ 15 человѣкъ одинъ непременно болѣлъ сифилисомъ.

Всѣ эти цифры и данныя пріобрѣтаютъ для насъ особенно грозное значеніе, когда мы узнаемъ, что сифилисомъ болѣютъ по преимуществу люди молодые, въ періодѣ расцвѣта ихъ силъ и способностей. Сифилисъ—болѣзнь юности,—вотъ, что говорятъ намъ практическіе врачи! Это одинаково вѣрно для цивилизованныхъ западноевропейскихъ странъ и для отсталой Россіи. По даннымъ д-ра Бляшко, въ Копенгагенѣ изъ всѣхъ молодыхъ людей въ возрастѣ 20—30 лѣтъ сифилисомъ болѣло 14—20%, т. е. на каждые 5—8 человѣкъ былъ одинъ больной сифилисомъ.

Такое же наблюденіе сдѣлалъ парижскій врачъ Боро (Boreau), констатировавшій среди студентовъ 15% сифилитиковъ. Фурнье исчисляетъ процентъ сифилитиковъ среди французской молодежи равнымъ 8***). Неутѣшительныя данныя получены и относительно нашего русскаго студенчества. На послѣднемъ Пироговскомъ съѣздѣ въ С.-Петербургѣ д-ръ В. В. Фавръ сообщилъ, что изъ опрошенныхъ имъ 1.300 студентовъ сифилисомъ болѣло 7,3%

*) E. Fraenkel Die Bekämpfung der Geschlechtskrankheiten. Münchener Medicinische Wochenschrift, 38—39, 1903.

**) Д-ръ М. А. Членовъ. Великое зло. С.-Петербургъ. 1904.

***) Д-ръ Л. А. Якобзонъ. «Русскій Врачъ», № 43, 1903.

Разсмотримъ теперь пути распространения заразы. Въ Россіи, какъ мы уже упомянули, сифилисъ является болѣзнью по преимуществу бытовой. Подтвержденіе этому мы видимъ въ томъ фактѣ, что въ сельской Россіи около 70% сифилитиковъ заразились вѣнѣполовымъ путемъ. Въ заболѣваніи этихъ несчастныхъ виновато не распутство, не развратная жизнь, а простое незнаніе врага и цѣлый рядъ чисто бытовыхъ условий.

Основная причина распространения у насъ сифилиса, это—низкій уровень культуры народныхъ массъ. Населеніе совершенно не знаетъ, что въ сифилисѣ оно имѣетъ грознаго врага, котораго нужно всѣми силами беречься. Напротивъ, крестьянинъ охотно живетъ бокъ-о-бокъ съ сифилитикомъ и не думаетъ даже принять какихъ-либо предупредительныхъ мѣръ противъ распространения заразы. Стоитъ только въ деревню явиться одному сифилитику, какъ онъ тотчасъ же создаетъ вокругъ себя очагъ заразы, которая быстро охватываетъ всѣхъ людей, организмъ которыхъ ослабленъ въ тяжелой борьбѣ за существованіе. Какъ показалъ д-ръ Д. Н. Жбанковъ, наблюдается извѣстное соотношеніе между грамотностью и степенью развитія сифилиса. Такъ, напримѣръ, Гжатскій уѣздъ Смоленской губерніи, имѣвшій наибольшій процентъ грамотныхъ, далъ меньшую заболѣваемость сифилисомъ, а Духовщинскій съ грамотностью, меньшей въ 7 разъ, имѣлъ въ 9 разъ больше сифилитиковъ *).

Къ такимъ же точно выводамъ пришелъ и д-ръ Сперанскій. Доказывая въ своей работѣ, что процентъ сифилитиковъ въ деревняхъ гораздо выше среди женатыхъ, чѣмъ среди холостыхъ (въ Московской губерніи среди женатыхъ—сифилитиковъ 50,90%, среди холостыхъ—10,77%) **), упомянутый авторъ приходитъ къ заключенію, что сельское населеніе страдаетъ больше всего отъ вѣнѣполового сифилиса. И главнымъ моментомъ, способствующимъ такому зараженію, является невѣжество населенія. Сифилитологическій съѣздъ также авторитетно призналъ, что однимъ изъ главныхъ факторовъ распространения сифилиса въ сельской Россіи является низкій культурный уровень населенія***).

Среди другихъ причинъ распространения сифилиса сифилитологическій съѣздъ призналъ первенствующую роль за отхожими промыслами, фабриками и заводами, передвиженіемъ и скопленіемъ народныхъ массъ, лагерными стоянками, отпусками солдатъ въ деревню, питомническими промысламъ. Указанные моменты далеко не исчерпываютъ собой всѣхъ факторовъ сифилизации городского и сельскаго населенія. Какъ правильно замѣчаетъ д-ръ Жбанковъ, всѣ перечисленные факторы способствуютъ лишь первоначальному заносу заразы. Но сифилисъ находитъ благоприятную почву для своего развитія, „благодаря бѣдности, темнотѣ и тѣснотѣ“. Въ этихъ словахъ, можно сказать, достаточно полно намѣчены причины сифилиса и дается вмѣстѣ съ тѣмъ руководящая нить для рациональной постановки борьбы съ этимъ злымъ недугомъ.

Отхожие промыслы играютъ крупную роль въ распространении сифилиса среди сельскаго населенія. На цѣлую зиму крестьянинъ уходитъ на заработки въ отдаленный городъ, живетъ тамъ въ крайне антисанитарной обстановкѣ, и, естественно, зара-

*) Д. Н. Жбанковъ.—Матеріалы о распространеніи сифилиса въ Смоленской губ.

**) Д-ръ Н. С. Сперанскій.—Къ статистикѣ сифилиса въ сельскомъ населеніи Московской губерніи. Москва 1901.

***) См. интересный трудъ А. И. Розенквиста. Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ въ Россіи. Москва. 1903.

жается сифилисомъ. Возвращается домой и совершенно не знаетъ, какую злую заразу принесъ онъ въ даръ своей семьѣ и своимъ односельчанамъ. Еще меньше подозрѣваютъ о разрушительномъ недугѣ крестьянина окружающіе его люди. Зараженіе при этихъ условіяхъ, само собой понятно, неизбежно.

Разсадницей сифилиса является также современная фабрика. Всемогуцій капиталъ собралъ подъ одной кровлей цѣлыя толпы людей, заставивъ ихъ работать бокъ-о-бокъ. Но при этомъ капиталистъ не принимаетъ никакихъ мѣръ для оздоровленія фабричнаго населенія. Большой работаетъ рядомъ со здоровымъ, вступаетъ съ нимъ въ тѣсное общеніе и передаетъ ему свой недугъ. Если рабочій не успѣлъ заполучить сифилисъ въ фабричномъ помѣщеніи, онъ обзаводится этой болѣзнью въ часы досуга, на своей квартирѣ. Извѣстно, каковы квартиры, отводимыя для рабочихъ на крупныхъ фабрикахъ. Спать здѣсь на нарахъ, спать нерѣдко въ повалку, и ужъ, разумѣется, никакихъ мѣръ для изоляціи больныхъ отъ здоровыхъ не принимается.

Еще больше способствуютъ распространенію сифилиса жилища городской бѣдности. Коечно-каморочныя квартиры, эта характерная принадлежность большихъ городовъ, обусловливаютъ въ значительной степени распространеніе сифилитической заразы. Въ Москвѣ число обитателей коечно-каморочныхъ квартиръ составляетъ около 200 тысячъ человѣкъ. Бываютъ и такіе случаи, когда на одной койкѣ находятъ себѣ приютъ два человѣка. Кто можетъ поручиться за то, что оба они здоровы, что одинъ не угрожаетъ какой-либо заразительной болѣзнью другому?

Гораздо хуже, чѣмъ положеніе осѣдлаго городского населенія, фабричныхъ рабочихъ и различныхъ разрядовъ городской бѣдности, участь тѣхъ деревенскихъ жителей, которые приходятъ въ городъ въ поискахъ за работой. Во многихъ городахъ скопляется въ опредѣленное время масса рабочихъ, часто тѣсно ищущихъ приложенія своимъ силамъ. Положеніе этихъ тружениковъ въ пути, пока они доберутся до мѣста своего назначенія, достаточно плачевно. Прибываютъ они въ городъ ослабѣвшими, истощенными, доступными дѣйствію всякой заразы. На рынкахъ найма рабочіе опять-таки находятся въ самыхъ антисанитарныхъ условіяхъ, такъ какъ наши муниципалитеты очень мало заботятся о пришломъ населеніи. И тутъ-то, въ городѣ, гдѣ прибывшіе изъ различныхъ селъ и деревень рабочіе часто вынуждены проводить дни и ночи подъ открытымъ небомъ, вспыхиваетъ нерѣдко настоящая эпидемія сифилиса. На продовольственныхъ пунктахъ Херсонской губерніи отмѣчается изъ года въ годъ большой процентъ сифилитиковъ среди кочующихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Но кто же заботится объ этихъ больныхъ, кто думаетъ объ ихъ изоляціи, о правильномъ и раціональномъ ихъ лѣченіи? Вмѣстѣ съ товарищами пускаются они въ дальнѣйшій путь и, не зная сами, что творять, надѣляютъ нерѣдко своихъ сосѣдей сифилисомъ.

А лишь только явится такой сифилитикъ изъ города въ деревню, какъ о распространеніи злого недуга уже позаботится невѣжество населенія.

По наблюденію д-ра Д. Н. Жбанкова, довольно было одного случая заноса сифилиса въ семью въ одной глухой деревнѣ Костромской губерніи для того, чтобы послѣдствіемъ было зараженіе ужасной болѣзнью всей деревни. Какъ другіе инфекціонные недуги, такъ и сифилисъ встрѣчаютъ въ деревнѣ особенно благоприятныя условія для своего распространенія, благодаря темнотѣ народныхъ массъ.

Несомнѣнно, большую роль въ распространеніи сифилиса играетъ господствующая у насъ система воспитанія. Главное вни-

маніе обращается у насъ на умственное воспитаніе, тогда какъ физическое и нравственное остается внѣ вѣдѣнія педагоговъ. Все, что дѣлается для души ребенка, это то, что отъ него тщательно скрываются всѣ факты, которые имѣютъ какую-либо отдаленную связь съ отношеніями между полами. Но, что юноша не успѣлъ узнать въ семьѣ, онъ узнаетъ отъ товарищей, узнаетъ въ извращенномъ видѣ, при чемъ всѣ добытыя такимъ неправильнымъ путемъ свѣдѣнія получаютъ для него сладость запретнаго плода. Понятно, что въ итогъ такого воспитанія только и можетъ быть ранняя половая распущенность. Такъ, извѣстный школьный врачъ-гигиенистъ, А. С. Виреніусъ *), произвелъ наблюденія относительно половой распущенности надъ 2228 учащимися 7 учебныхъ заведеній, при чемъ оказалось, что эта распущенность больше всего давала о себѣ знать въ двухъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ и значительно менѣе—въ открытыхъ. „Обычная жизнь взаперти,—говоритъ д-ръ Виреніусъ,—продолжительныя сидячія занятія, чрезмерное умственное напряженіе, неправильное питаніе, недостаточный сонъ, угнетающіе аффекты, неразумныя гигиеническія упражненія и многія другія антисанитарныя условія, — каждое имѣетъ свою долю участія въ ослабленіи жизненной силы учащихся, вызываящемъ, въ свою очередь, потребность возбужденія какими бы то ни было средствами, будутъ ли это наркотическія, спиртныя, половыя и т. п., физическія или психическія“.

Намъ нельзя здѣсь не коснуться попутно вопроса о леченіи сифилитиковъ, о вліяніи его на дальнѣйшее распространеніе злого недуга. Само собой разумѣется, если бы каждый сифилитикъ могъ подвергать себя рациональному леченію въ теченіе 3—4 лѣтъ, согласно съ основными указаніями на этотъ счетъ науки, бѣда была бы еще не такъ велика. Если бы, даже, каждый человѣкъ, одержимый сифилисомъ, могъ быть помѣщенъ въ больницу въ то время, когда недугъ пріобрѣтаетъ заразительный характеръ, мы бы не слышали о такомъ множествѣ случаевъ внѣполового зараженія. Но въ томъ-то и дѣло, что до такого идеальнаго порядка мы еще не дошли, да и врядъ ли удастся при существующихъ условіяхъ приблизительно провести въ жизнь такого рода порядокъ. „Если построить достаточное количество больницъ, говоритъ проф. Петерсенъ, то и для сифилитиковъ найдется достаточно мѣстъ. А пока, наше отечество такъ бѣдно больницами, что сифилисъ будетъ распространяться и распространяться во всѣхъ сословіяхъ.“

Въ этихъ словахъ много истины. Три-четыре года сифилитикъ долженъ систематически лечиться. Въ теченіе этого времени больной долженъ находиться подъ постояннымъ наблюденіемъ врача, который помѣщаетъ сифилитика въ больницу при первыхъ проявленіяхъ заразительной формы болѣзни, а въ промежуточные періоды лечитъ больного амбулаторно. Возможно ли производить у насъ такое именно систематическое леченіе? Больницъ у насъ до крайности мало. Многимъ приходится отказывать въ пріемѣ, жалобы на переполненіе лечебныхъ заведеній не прекращаются. Фабрика, служащая, какъ мы видѣли выше, разсадницей сифилиса, не несетъ за это никакой фактической отвѣтственности. На больщинствѣ нашихъ фабрикъ и заводовъ медицинская часть поставлена крайне неудовлетворительно, ни о какомъ систематическомъ леченіи не можетъ быть здѣсь и рѣчи. Съ другой стороны, фабриканты норовятъ избавиться отъ сифилитиковъ-рабочихъ и отказываютъ имъ, лишь только у нихъ обнаруживается злой недугъ. Рабочій, получившій сифилисъ по винѣ фабрики, ложится потомъ тяжестью на общество, распространяя недугъ, щедро награждая

*) Цитирую по книгѣ д-ра М. А. Членова 1. с.

имъ всѣхъ окружающихъ. Вина промышленности обрушивается всей своей тяжестью на совершенно ни въ чемъ неповинное населеніе.

Итакъ, мы видимъ, какъ разнообразны тѣ причины, которыя порождаютъ усиленную заболеваемость сифилисомъ. Съ одной стороны, ростъ производительныхъ силъ, увеличеніе общенія между людьми, развитіе капитализма создали удобные пути для занесенія заразы. Съ другой стороны, общество оказалось совершенно неподготовленнымъ для того, чтобы воспринять всѣ прелести новыхъ формъ производства и выдвинуть достаточно вѣрное оружіе противъ темныхъ его сторонъ. Невозможныя жилищныя условія только довершали дѣло разрушенія организма, начатое плохо вентилируемыми фабричными помѣщеніями, а недостатокъ просвѣщенія, отсутствіе нѣкоторыхъ необходимыхъ специальныхъ знаній придали недугу такое широкое распространеніе, что мы стоимъ теперь предъ трудной и сложной задачей. Нужно во что бы то ни стало остановить побѣдное шествіе сифилиса, иначе—народу угрожаетъ физическое и психическое вырожденіе, тѣсно связанное съ проявленіями ужасной болѣзни.

III.

Что же дѣлать? Намъ кажется, отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ уже въ предыдущей главѣ, гдѣ мы излагали причины распространенія сифилиса. Мы видѣли тамъ, что сифилисъ обязанъ своимъ распространеніемъ невѣжеству массъ, и, слѣдовательно, лучшимъ оружіемъ въ борьбѣ со злымъ недугомъ явилось бы просвѣщеніе. Говорить о необходимости въ наши дни сѣять знанія въ народѣ не приходится. Это уже давно признано всѣми, даже ультра-реакціонными органами печати. Къ сожалѣнію, въ нашемъ отечествѣ знанія на своемъ пути отъ высшихъ классовъ къ низшимъ натываются на цѣлый рядъ непреодолимыхъ препятствій, которыя въ интересахъ народа необходимо устранить. Къ общественнымъ дѣятелямъ, поставившимъ себѣ задачей пріобрѣтеніе массъ къ успѣхамъ культуры, у насъ установилось какое-то недовѣрчивое отношеніе. Такъ и кажется, что они научатъ народъ чему-либо вредному, будутъ подкапываться подъ существующія основы.

А между тѣмъ въ борьбѣ съ сифилисомъ нужно было бы дать широкую возможность представителямъ интеллигенціи всѣми доступными имъ способами распространять не только общія знанія, но и спеціальныя о самомъ сифилисѣ, о характерѣ этой болѣзни, ея заразительности и способахъ занесенія заразы. Вполнѣ рациональной, поэтому, слѣдуетъ признать мѣру, рекомендованную сифилидологическимъ съѣздомъ, въ цѣляхъ популяризаціи гигиеническихъ знаній среди сельскаго населенія. Это—публичныя бесѣды врачей съ населеніемъ. Съѣздъ указалъ *), что „разрѣшеніе таковыхъ бесѣдъ обставлено въ настоящее время затруднительными формальностями, а потому необходимо ходатайствовать объ измѣненіи всѣхъ распоряженій, стѣсняющихъ осуществленіе бесѣдъ“. Въ настоящее время приходится въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ направлять ходатайство въ министерство народнаго просвѣщенія о предоставленіи тому или другому врачу права вести бесѣду съ населеніемъ. Ходатайство путешествуетъ по различнымъ вѣдомствамъ, и приходится ждать немало времени, прежде чѣмъ получается желанное разрѣшеніе.

На ряду съ живымъ словомъ, живой проповѣдью, огромную услугу въ дѣлѣ борьбы съ сифилисомъ можетъ оказать и печать. Необходимо содѣйствовать распространенію въ народѣ попу-

*) А. И. Розенкивистъ—I. с.

лярныхъ брошюръ и листовъ о сифилисѣ. И въ этомъ отношеніи, нужно сказать, частная и общественная инициатива сталкивается часто лицомъ къ лицу съ непреодолимыми препятствіями. Цензурныя стѣсненія, часто не имѣющія никакого смысла, отнимаютъ всякое желаніе заниматься издательствомъ для народа. Съ другой стороны, не всякая книга попадаетъ въ каталогъ, выработанный для сельскихъ библиотекъ. Сифилидологическій съѣздъ считался, конечно, со всѣми этими препятствіями, когда онъ принялъ слѣдующую резолюцію: „Въ виду того, что чтенія для народа являются однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ въ борьбѣ съ сифилисомъ, съѣздъ признаетъ необходимымъ ходатайствовать, чтобы каталоги популярныхъ книгъ по гигиенѣ, заразнымъ болѣзнямъ вообще и сифилису въ частности для допущенія въ сельскія библиотеки и читальни были расширены и одновременно публикуемы“.

Впрочемъ, не однѣ только темныя массы нуждаются въ специальныхъ знаніяхъ относительно сифилиса и мѣръ борьбы съ нимъ. Мы уже выше говорили, что и въ интеллигентныхъ кругахъ установился взглядъ на сифилитиковъ, точно на какихъ-то отщепенцевъ, заслуживающихъ лишь презрѣнія. Такіе взгляды представляютъ собой опять таки, конечно, результаты одного невѣжества, и съ ними можно бороться успѣшно путемъ распространенія знаній. Въ общей печати почаше долженъ раздаваться голосъ врачей, разъясняющихъ значеніе сифилиса, какъ народной болѣзни, и мѣры борьбы съ нимъ. Нужно возможно чаще устраивать публичныя лекціи по вопросу о борьбѣ съ сифилисомъ и всѣми силами способствовать распространенію литературныхъ произведеній, посвященныхъ этому злему недугу. Нужно, однимъ словомъ, знакомство съ врагомъ. Дѣйствовать въ темную—и неразумно, и не сулитъ успѣха.

Само собой разумѣется, что въ борьбѣ съ сифилисомъ наибольшую услугу оказали бы поднятіе уровня благосостоянія населенія, удовлетвореніе жилищной нужды и раціональная постановка врачебной помощи. Но проведеніе въ жизнь всѣхъ этихъ мѣропріятій зависитъ отъ общихъ условій, отъ той или иной государственной политики, отъ того или иного общественного строя. Мы не будемъ, поэтому, здѣсь говорить объ этихъ мѣрахъ общаго свойства и перейдемъ прямо къ леченію.

Можно ли надѣяться, что при дѣйствующемъ порядкѣ леченіе сифилитиковъ поставлено будетъ у насъ раціонально? На этотъ вопросъ можетъ быть данъ только отрицательный отвѣтъ. Для того, чтобы два милліона сифилитиковъ могли лечиться систематически въ теченіе 2—3 лѣтъ, нужно такъ много больницъ, что трудно разсчитывать въ этомъ отношеніи на правительственныя учрежденія или на органы общественного управленія. Владѣльцы фабрикъ и заводовъ норовятъ только избавиться отъ рабочихъ, заболѣвшихъ сифилисомъ, и о леченіи ихъ совершенно не думаютъ. Такимъ образомъ, и получается, что промышленность, которая въ значительной степени повинна въ распространеніи сифилиса, не несетъ никакихъ расходовъ по борьбѣ съ этимъ недугомъ.

Пора возложить на капиталъ издержки, связанныя съ леченіемъ рабочихъ, потерпѣвшихъ, благодаря господствующимъ формамъ производства. А это возможно лишь при введеніи государственнаго обязательнаго для всѣхъ страхованія рабочихъ на случай несчастія, болѣзни и инвалидности.

Въ Германіи кассы страхованія на случай болѣзни и инвалидности ведутъ дѣятельную борьбу съ сифилисомъ *). Заразивъ

*) Albert Neisser. In wie weit können die Krankenkassen zur Bekämpfung der Geschlechtskrankheiten beitragen. Zeitschrift für Bekämpfung der Geschlechtskrankheiten 4—6. 1901.

шійся сифилисомъ снабженъ не только рациональной помощью врачебной, будучи въ состояніи пользоваться какими угодно, хотя бы и самыми дорогими, методами лѣченія, но и получаетъ еще пособіе отъ кассы въ теченіе 26 недѣль болѣзни (на основаніи закона, вступившаго въ силу 1 января 1904 года). Такимъ образомъ, сифилитикъ уже съ первыхъ дней недуга попадаетъ въ хорошія руки и имѣетъ потомъ полную возможность лѣчиться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Когда бы онъ ни явился въ свою кассу, всегда къ его услугамъ имѣется врачъ, который нисколько не стѣсняется въ выборѣ лѣкарственныхъ веществъ, назначая все самое дорогое и наиболѣе вѣрно дѣйствующее.

Дѣятельность кассъ страхованія на случай болѣзни дополняется работой страховыхъ учрежденій, имѣющихъ своей цѣлью оказывать нужную поддержку впавшимъ въ инвалидность. Эти послѣднія произвели простой расчетъ, что имъ гораздо выгоднѣе принимать всякаго рода *предупредительныя* мѣры, не допускать возникновенія недуга, чѣмъ выдавать пенсіи въ томъ случаѣ, когда болѣзнь успѣла уже вызвать инвалидность. Съ этой цѣлью кассы страхованія на случай инвалидности строятъ больницы для лѣченія сифилитиковъ, создаютъ, гдѣ это необходимо, амбулаторіи, приглашаютъ на службу лучшихъ врачей-спеціалистовъ и дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее для того, чтобы болѣзнь, разъ появившись, не повлекла за собой инвалидности. Помимо того, кассы изъ огромныхъ суммъ, имѣющихся въ ихъ распоряженіи, выдаютъ ссуды органамъ общественнаго управленія и строительнымъ товариществамъ на постройку здоровыхъ и дешевыхъ жилищъ для бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Огромную услугу въ борьбѣ съ сифилисомъ оказываетъ въ Германіи институтъ жилищной инспекціи, призванный къ жизни по инициативѣ тѣхъ же кассъ страхованія. На обязанности этихъ инспекторовъ лежитъ производить періодическіе осмотры квартиръ бѣднѣйшихъ классовъ и изолировать больныхъ, если таковые окажутся среди жильцовъ. Въ 1901 году въ одномъ Франкфуртѣ-на-Майнѣ было 10 квартирныхъ инспекторовъ, которые въ теченіе года произвели 27.691 осмотръ квартиръ. Въ 1902 году число инспекторовъ достигло уже тринадцати, при чемъ въ ихъ работѣ приняли уже участіе и добровольцы. Инспектора произвели 102.414 осмотровъ квартиръ, и имъ удалось въ-время изолировать не одинъ десятокъ больныхъ и предупредить такимъ путемъ распространеніе заразы.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что путь для борьбы съ сифилисомъ уже намѣченъ. Богатый опытъ Германіи можетъ послужить и для насъ поучительнымъ урокомъ. Распространеніе знаний въ народѣ, поднятіе его экономическаго благосостоянія, развитіе общественной самодѣтельности и инициативы, обязательное для всѣхъ государственное страхованіе рабочихъ,—таковъ арсеналъ средствъ, который въ борьбѣ съ сифилисомъ обѣщаетъ наибольшій успѣхъ.

IV.

Мы подошли теперь къ вопросу, который принадлежитъ къ разряду самыхъ больныхъ въ нашей общественной жизни. Сифилисъ въ значительной степени обязанъ своимъ развитіемъ и распространеніемъ проституціи. Борьба съ сифилисомъ только тогда, слѣдовательно, и можетъ дать обильные плоды, когда будутъ направлены дѣйствительныя мѣры противъ проституціи. Къ сожалѣнію, ни ученые, ни практическіе врачи, ни общественные дѣятели никакъ не могутъ притти къ окончательному рѣшенію относительно того, какія средства нужно пустить въ ходъ съ цѣлью помѣшать развитію проституціи.

Многіе видятъ панацею отъ зла въ полицейскихъ мѣрахъ противъ проституціи. Они распинаятся за систему регламентаціи, которая дѣйствуетъ также и у насъ въ Россіи. Женщины, занимающіяся проституціей, подлежатъ періодическимъ осмотрамъ врачами, при чемъ на особомъ листѣ (желтомъ) дѣлаются врачомъ отмѣтки, здорова она или больна. Въ послѣднемъ случаѣ полиція препровождаетъ проститутку въ больницу, гдѣ она содержится, точно въ тюрьмѣ, гдѣ и самое лѣченіе, въ силу его принудительности, является пыткой для несчастной женщины.

Люди, склонные видѣть въ мѣрахъ репрессіи единственный способъ воздѣйствія на людей, поютъ диониромбы регламентаціи. Помилуйте, говорятъ они, при дѣйствіи этой системы зло убивается въ самомъ корнѣ. Заболѣвшая проститутка тотчасъ же изолируется и въ силу одного этого уже перестаетъ заражать людей. Надзоръ спасаетъ многихъ отъ злой участи и заслуживаетъ, поэтому, всякаго поощренія.

Увы, идеологи регламентаціи ошиблись въ расчетѣ. Если бы такъ легко было бороться съ проституціей, если бы все дѣло заключалось только въ усиленныхъ нарядахъ чиновъ полиціи, проституція давно уже перестала бы быть вредной. Но въ томъ то и дѣло, что проституція—явленіе весьма сложное, обусловливаемое цѣлымъ рядомъ социальныхъ причинъ, и что прибѣгать къ однимъ мѣрамъ репрессіи въ тѣхъ случаяхъ, когда требуются положительные мѣропріятія, по меньшей мѣрѣ, нецѣлесообразно. Записываніе проституттокъ, заключеніе ихъ въ тюрьму въ случаѣ заболѣванія—паллиативъ, который не въ состояніи помочь бѣдѣ. Зло слишкомъ велико, чтобы удалось такъ легко отъ него отдѣлаться какъ то думаютъ сторонники регламентаціи. „Полиція нравовъ, говоритъ Дюкло *), ждетъ, когда зло совершится, чтобы начать дѣйствовать. Она ведетъ себя совершенно такъ же, какъ пожарная команда, прибывающая къ мѣсту уже тогда, когда пожаръ начался. Подобно послѣдней, она пресѣкаетъ или обуздываетъ, и я не думаю, чтобы мое сравненіе показалось ей слишкомъ обиднымъ. Пожарная команда овладѣваетъ вашей недвижимостью и, защищая ее отъ огня, часто предаетъ потопленію въ видахъ огражденія отъ бѣды васъ и вашихъ сосѣдей. И полиція нравовъ тоже хватается женщину, подозрѣваемую въ распространеніи заразы, чтобы оказать услугу ей и обществу, тащить ее въ кутузку за шиворотъ ради пользы другихъ“.

Регламентація, какъ оказалось далѣе, обманула также всѣ ожиданія. Въ борьбѣ съ сифилисомъ и проституціей система эта не только не принесла никакой пользы, но оказалась прямо таки вредной. Родиной регламентаціи, мѣстомъ, гдѣ она достигла наибольшаго совершенства, является Франція. Тамъ то и дѣйствуетъ знаменитая полиція нравовъ, хватающая на улицѣ всякую женщину, подозрѣваемую въ проституціи и дѣлающая ее жертвой пресловутаго врачебнаго надзора. Въ печати, въ ученыхъ собраніяхъ, на различныхъ сѣздахъ не разъ уже мрачными красками рисовалась дѣятельность полиціи нравовъ, вся та масса злоупотребленій, къ какимъ прибѣгаютъ доблестные представители административной власти. Случалось, что названіемъ проституттокъ клеймились честныя, ни въ чемъ неповинныя женщины по произволу чиновъ полиціи нравовъ, вымещавшихъ нерѣдко свою личную злобу на своихъ жертвахъ.

У насъ въ Россіи не разъ приходится читать циркуляры по полиціи, въ которыхъ рекомендуется бережное отношеніе къ проституткамъ, подлежащимъ надзору. Очевидно, въ такихъ цирку-

*) Эмиль Дюкло. Соціальная гигиѣна. С.-Петербургъ. 1904.

лярахъ имѣется надобность, и трудно думать, чтобы борьба съ такимъ крупнымъ общественнымъ зломъ, какъ проституція, велась удачно, если требуются напоминанія о человѣческомъ отношеніи къ лицамъ, на которыхъ распространяется дѣйствіе врачебно-санитарнаго надзора.

Регламентация отнюдь не спасаетъ людей отъ зараженія сифилисомъ. Доказательствомъ этому служить та масса сифилитиковъ, которая имѣется во всѣхъ странахъ, пользующихся системой врачебно-полицейскаго надзора. Мало того. И логическіе доводы, и статистическія данныя говорятъ намъ за то, что регламентация, несомнѣнно увеличивая число проститутокъ, закрывая навсегда для послѣднихъ врата честной трудовой жизни, въ то же время увеличиваетъ опасность зараженія большого числа людей сифилисомъ.

Разъ существуетъ врачебно-полицейскій надзоръ, люди меньше начинаютъ бояться зараженія, инстинктъ самосохраненія меньше даетъ о себѣ знать. Если женщина осматрѣна врачомъ, и онъ нашелъ ее здоровой, то никакихъ предупредительныхъ мѣръ принимать не слѣдуетъ. Между тѣмъ врачебный осмотръ не имѣетъ рѣшительно никакого значенія и не представляетъ никакой гарантіи, что женщина, у которой въ листѣ значится надпись „здорова“, дѣйствительно не несетъ въ себѣ уже зачатковъ заражительнаго недуга. При той спѣшности, съ какой производится осмотръ, при довольно значительныхъ промежуткахъ времени, отдѣляющихъ одинъ осмотръ отъ другого, поручиться за то, что женщина дѣйствительно здорова, никто не можетъ. А между тѣмъ эта увѣренность въ правильности врачебнаго диагноза уже повлекла за собой *Menschenopfer ohne Zahl* (человѣческія жертвы безъ числа).

Но за то проститутки, еще не попавшія въ полицейскіе списки, всѣми силами стараются увильнуть отъ систематическаго лѣченія, чтобы не подвергнуться необходимости періодически являться къ врачу на осмотры, оскорбляющіе честь и достоинство. Стоить только женщинѣ начать лѣчиться отъ сифилиса, какъ на нее распространяется уже дѣйствіе регламентации. Разумѣется, проститутка, больная сифилисомъ, не пойдетъ къ врачу, а будетъ сѣять вокругъ себя заразу.

Быть можетъ, этими чисто логическими доводами, доказывающими вредное вліяніе регламентации, и объясняется то, почему въ нѣкоторыхъ странахъ отмѣна этой системы тотчасъ же даетъ о себѣ знать паденіемъ числа сифилитиковъ. Въ Даніи, Швеціи и Норвегіи упраздненіе врачебно-полицейскаго надзора повело непосредственно за собой уменьшеніе числа сифилитиковъ, обращающихся въ госпитали за врачебной помощью. Люди стали больше полагаться на себя, стали сами думать о мѣрахъ предупрежденія вмѣсто того, чтобы заставлять думать о своихъ нуждахъ другихъ. Съ другой стороны, и проституткамъ не было никакого смысла уклоняться отъ рациональной врачебной помощи. Онѣ во-время являются въ больницу, во-время изолируются и тѣмъ предохраняютъ множество людей отъ зараженія.

Регламентация, какъ мы говорили уже, увеличиваетъ число лицъ, занимающихся проституціей. Случайный грѣхъ, совершенный женщиной, случайное, быть можетъ, паденіе уже ставится ей въ вину. Она уже заносится въ списки, и возвратъ къ честной трудовой жизни для нея навсегда закрытъ. Трудно вырваться изъ цѣпей регламентации: онѣ держатъ несчастную жертву, точно въ тискахъ, не давая ей времени притти въ себя, опомниться и бросить позорное ремесло. „Исключительный режимъ врачебно-поли-

цейскаго надзора за проституціей, говоритъ д-ръ Елистратовъ *), является системой прикрѣпленія женщины къ позорному промыслу. Лишая женщину, подозреваемую въ проституціи, гражданской полноправности и отнимая у нея возможность участія трудомъ въ экономическомъ оборотѣ, институтъ полиціи нравственности превращаетъ подсобное, временное обращеніе въ торговлѣ своимъ тѣломъ въ ремесло главное, исключительное, постоянное. Режимъ регламентированной проституціи—это тяжелый привѣсокъ, который для женщины невладѣющихъ общественныхъ группъ усиливаетъ общій гнетъ социальныхъ условий: когда она, обезсиленная нуждой, попадаетъ въ зловѣщій омутъ, онъ, словно камень на шеѣ, парализуетъ ея послѣднія усилія противустоять мрачной пасти волнъ и неудержимо увлекаетъ ее ко дну.

Итакъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что регламентація не выполняла той миссіи, которая была навязана ей ея идеологами. Въ борьбѣ съ сифилисомъ она приноситъ одинъ только вредъ, вмѣсто ожидаемой пользы.

Но регламентація уже потому не можетъ сослужить никакой службы дѣлу борьбы съ сифилисомъ, что она совершенно не задѣваетъ факторовъ, порождающихъ проституцію. Сколько бы проституттокъ ни подвергалось періодическимъ осмотрамъ, какъ бы грубо ни оскорблялись ихъ честь и достоинство, причины, вызывающія появленіе этого института и поддерживающія его, останутся въ силѣ. А если это дѣйствительно такъ, то кадры проституттокъ будутъ попрежнему пополняться, и полиція нравовъ будетъ завалена постоянной работой, къ вящей радости гг. идеологовъ регламентаціи.

Причины проституціи кроются гораздо глубже, чѣмъ это можетъ показаться лицамъ, стоящимъ на сторонѣ медико-полицейскихъ репрессій. Въ происхожденіи этого позорнаго промысла повиненъ весь капиталистическій строй, сумѣвшій распространить обычные принципы купли-продажи на самыя интимныя стороны человѣческой жизни. Жить стало труднѣе, молодые люди поздно женятся, предпочитая удовлетворять жажду любви другимъ путемъ. А спросъ на проституцію создаетъ и ея предложеніе. Благо, женщины получаютъ ничтожную заработную плату и вынуждены часто прибѣгать къ проституціи, какъ къ подсобному занятію, чтобы быть въ состояніи удовлетворять свои насущныя нужды.

Эта то экономическая необезпеченность часто толкаетъ молодыхъ дѣвушекъ въ объятія проституціи. „Скудость заработковъ, замѣчаетъ д-ръ Штюмеръ, является одной изъ главныхъ побудительныхъ причинъ для разнаго рода работницъ, поденницъ и ремесленницъ заниматься проституціей, не покидая въ то же время своего обычнаго труда.

„Такъ, напримѣръ, въ Дербентѣ было десять одиночекъ, снабженныхъ желтыми билетами, и всѣ онѣ занимались поденно стиркой. Въ Оренбургѣ занимаются проституціей между прочимъ водоноски, истопницы, баньщицы. Въ Баку проституируютъ прачки, модистки. Въ Петербургѣ многія изъ поднадзорныхъ проституттокъ работаютъ также на фабрикахъ и заводахъ. З. Я. Ельцина указала на выдающуюся особенность ярмарочной проституціи въ Нижнемъ Новгородѣ, а именно: многія женщины занимаются тамъ проституціей исключительно въ ярмарочное время. Остальную часть года онѣ мирно живутъ своимъ трудомъ, занимаются кустарнымъ промысломъ или исполняютъ сельскія и домашнія работы. Приведенные примѣры достаточно убѣдительно доказы-

*) А. Елистратовъ. О прикрѣпленія женщины къ проституціи. Казань. 1903.

вають, что существуютъ временныя проститутки и такія, которыя, занимаясь честнымъ трудомъ, въ то же время prostituируютъ ради увеличенія своего скуднаго заработка“.

Еще болѣе полно формулировалъ причины проституціи А. Ф. Кони. По его мнѣнію, дѣйствительнымъ средствомъ въ борьбѣ съ проституціей было бы широкое раскрытіе всѣхъ профессій для женщинъ, такъ какъ въ числѣ факторовъ, приводящихъ къ позорному промыслу, бѣдность занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Причинами, толкающими женщинъ въ Россіи къ занятію проституціей по А. Ф. Кони являются—1) сиротство (97% по даннымъ 1889 года только у 3% проституткокъ оказались отецъ и мать), 2) безпризорность, 3) бѣдность (83% предъ паденіемъ не имѣли никакихъ занятій), 4) обольщеніе (9%). Понятно, что только мѣры, направленные къ устраненію указанныхъ причинъ проституціи, могли бы уменьшить число лицъ, отдающихся позорному ремеслу. Возлагать же всѣ надежды на регламентацію, думать, что одна полиція нравовъ въ состояніи создать тотъ рай на землѣ, при которомъ всѣ проститутки вернутся къ честной трудовой жизни, по меньшей мѣрѣ неразумно. „Съ разоблаченіемъ несостоятельности и лжи санитарной идеологіи сторонниковъ регламентаціи, говоритъ г. Елистратовъ, эта система должна пасть, какъ опасная преграда къ рациональной постановкѣ насущнаго дѣла борьбы съ венерическими болѣзнями. Устраненія полиціи нравовъ, какъ института, стоящаго въ противорѣчій съ законами Россіи въ ихъ лучшемъ проявленіи, требуетъ правовое чувство русскаго гражданина. Въ цѣляхъ удовлетворенія нравственныхъ запросовъ общества, его социальныхъ стремленій, чудовищная, безчеловѣчная форма закрѣпощенія,—прикрѣпленіе женщины къ проституціи,—должна быть разрушена. Съ упраздненіемъ полиціи нравовъ падетъ и то зловѣщее препятствіе, которое съ самаго начала обезсиливаетъ попытки борьбы и со сводничествомъ, и съ торговлей дѣвушками, и вообще съ злоупотребленіями нуждой женщины въ цѣляхъ разврата.“

Борьба съ сифилисомъ, какъ мы видѣли уже, дѣло чрезвычайно сложное и трудное. Для выполненія всей программы, намѣченной нами выше, требуется немало усилій. Мы знаемъ, что Русь не оскудѣла работниками, жаждущими примѣненія своихъ силъ на пользу народа. Давно ли заговорили у насъ объ общественной борьбѣ съ чахоткой, а у насъ имѣются уже во многихъ городахъ общества, ставящія себѣ цѣлью облегченіе участи туберкулезныхъ больныхъ. Необходимо также создать общества борьбы съ сифилисомъ на подобіе того, какъ это существуетъ уже въ Германіи. Сами врачи, конечно, ничего не въ состояніи сдѣлать безъ широкой поддержки общества. И нужно думать, что скоро падутъ всѣ нужды, связывающія общественную самостоятельность и инициативу, что люди, которые захотятъ работать, сумѣютъ приводить въ исполненіе свои намѣренія. Будемъ надеяться, что лучшіе дни не за горами, и что побѣда надъ врагами, которые на каждомъ шагѣ угрожаютъ жизни и здоровью человѣка, близка къ осуществленію.

В. Я. Канель.

*) Цитирую по книгѣ д-ра А. И. Розенквиста—1. с.

М. Б—инъ.

Народные университеты во Франціи.

Письмо изъ Парижа.

Разгромъ Франціи подъ Седаномъ какъ бы подвелъ итогъ всему двадцатилѣтнему режиму Наполеона III-го,—режиму, вся сокровенная цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы путемъ созданія внѣшняго блеска, блестящей мишуры, отвлечь вниманіе народа отъ внутреннихъ неурядицъ и не порядковъ. Вниманіе французскихъ высшихъ слоевъ общества усиленно и далеко не безуспѣшно отвлекалось внѣшнимъ блескомъ. Какъ мѣтко писалъ покойный Н. К. Михайловскій, во Франціи время Наполеоновскаго режима были „съ одной стороны, какія-то оборванные и оплеванные знамена идеаловъ, подъ сѣнью которыхъ живетъ голодно, холодно и небезопасно, а съ другой—удешевленное конкуренціей веселье, ядовитые, но яркіе и душистые цвѣты легкой жизни, женскія ласки, утѣхи власти, роскошь. Молодежи намѣренно настежь отворялись ворота въ этотъ головокружительный міръ идеаловъ, и она шла въ отворенныя ворота“.

Объявленіе войны Пруссіи вызвало взрывъ патріотическаго чувства, не встревоженнаго ни на минуту опасеніемъ возможности разгрома. Патріотическій угаръ заставлялъ вѣрить въ непобѣдимость, несокрушимость Франціи. Затѣмъ потянулся рядъ позорныхъ пораженій, раскрывшихъ всю гнилость наполеоновскаго режима и завершившихся полнѣйшимъ разгромомъ Франціи. Этотъ жестокий разгромъ съ осязательною ясностью показалъ всѣмъ французамъ, что блескъ наполеоновскаго режима былъ лишь дешевой фольгой, которая скрывала внутреннюю гниль и червоточину тогдашней Франціи.

Старая фольга, точно слинявшія румяна съ лица старой жеманницы, обнажала старыя, изжившія и омертвѣвшія ткани, отъ которыхъ отлила уже теплая кровь жизни.

Но этотъ воистину страшный урокъ исторіи, какъ извѣстно, не только не объединилъ французовъ на почвѣ упорной напряженной работы общественнаго переустройства, не только не погасилъ на время жара общественной борьбы, но что иначе и быть не могло, какъ разъ наоборотъ.—вызвалъ ожесточеннѣйшую, кровавую общественную борьбу. Парижская коммуна, представившая одинъ изъ самыхъ сильныхъ и замѣчательныхъ соціологическихъ экспериментовъ, какія только знала исторія, парижская коммуна вызвала кровавую междоусобную войну, въ которой погибло, страшно сказать, 30.000 человѣкъ.

Коммуна была залита моремъ крови, и междоусобная гражданская война кончилась установленіемъ республики. На промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ французскій народъ пережилъ имперію Наполеона III, взрывъ слѣпноты и шовинизма передъ началомъ войны, горькое униженіе исходомъ войны, провозглашеніе парижской коммуны, кровавую гражданскую междоусобицу и, наконецъ, провозглашеніе республики.

Всѣ эти событія слѣдовали одно за другимъ съ головокружительною быстротою, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ сознательные слои французскаго народа жили страшно напряженнымъ нервнымъ жизнью, быстрою смѣною государственнаго режима, „курса“ политическаго развитія. И когда потребовали болѣе 30.000 жизней самыхъ смѣлыхъ и сильныхъ волею общественныхъ элементовъ, улеглось броженіе, вызванное страшною годиною начала семидесятыхъ годовъ, то передовые слои французскаго народа, его интеллигенція, были охвачены какою-то усталостью, безвоіемъ. Бурная общественная борьба смѣнилась общественнымъ затишьемъ, кипучее творчество новыхъ общественныхъ формъ—развѣдающимъ скептицизмомъ, общественнымъ безвѣріемъ. Вплоть до начала девяностыхъ годовъ французская интеллигенція была охвачена какимъ-то нравственнымъ маразмомъ, преждевременною дряхлостью, какимъ-то болѣзненнымъ стремленіемъ уйти отъ общественныхъ вопросовъ и запросовъ времени въ скорлупу рѣзко индивидуалистическаго міровоззрѣнія.

Въ своемъ извѣстномъ романѣ „Les plus forts“ Жоржъ Клемансо писалъ къ этой вялой разочарованной интеллигенціи: „Разочарованные въ дѣятельности, вслѣдствіе нравственнаго пораженія, молодые люди обратились къ созерцанію вещей. Они писали, воспѣвали, нѣкоторые даже думали. Но пружина воли не могла развернуться у нихъ въ дѣйствіе, за отсутствіемъ энергіи“. И на это же отсутствіе „пружины воли“, какъ на самую характерную и самую печальную черту французской интеллигенціи отъ семидесятыхъ до девяностыхъ годовъ, указываетъ и другой французскій романистъ и публицистъ, стоящій на совершенно иной, чѣмъ Клемансо, точкѣ зрѣнія. Въ извѣстномъ романѣ „Le disciple“ Поль Бурже нарисовалъ яркую картину вялаго безвоія и безвѣрія французской молодежи, обращаясь къ которой онъ говорилъ въ предисловіи къ роману: „Воспитывай въ себѣ двѣ великія добродѣтели, двѣ силы, внѣ которыхъ все гниль и агонія—любовь и энергію воли“.

Частая и рѣзкая смѣна политическихъ формъ и ужасающія человѣческія жертвы, потребованныя иными изъ этихъ смѣнъ, породили во французской интеллигенціи отвращеніе къ политической дѣятельности и проповѣдь политическаго воздержанія. Цѣлый рядъ молодыхъ французскихъ писателей злобно осмѣивалъ политическихъ дѣятелей и совѣтовалъ молодежи сторониться отъ участія въ политикѣ, которая призвана лишь насыщать честолюбіе

отдѣльных лицъ, но не разрѣшать назрѣвшія нужды и стремленія народа. Сторонясь отъ активнаго участія въ политической жизни родной страны, возведя въ догматъ политическій абсентизмъ, французская интеллигенція восьмидесятыхъ годовъ, естественнымъ образомъ, очутилась не у дѣлъ, была отстранена отъ всякаго сознательнаго воздѣйствія на ходъ политической эволюціи. И лишь къ девяностымъ годамъ среди интеллигенціи Франціи стали появляться и рости признаки общественнаго обновленія. Подросло новое поколѣніе, не пережившее всѣхъ ужасовъ семидесятыхъ годовъ и тяжелаго смутнаго времени, ихъ смѣнившая; у стараго поколѣнія потускнѣла яркость и притулилась болѣзненность воспоминанія о тяжелыхъ годахъ національнаго позора и кровавой гражданской борьбы. Среди французской интеллигенціи все чаще и настойчивѣе стали раздаваться призывы къ энергичному участию интеллигенціи въ разрѣшеніи социально-политическихъ запросовъ времени. Точно послѣ долгой общественной спячки, послѣ тоскливаго одиночества, французская интеллигенція девяностыхъ годовъ страхнула съ себя нравственный маразмъ и почувствовала приливъ бодрости, стремленіе къ общественной работѣ. Уже въ самомъ началѣ девяностыхъ годовъ, молодой французскій писатель Анри Беранже говорилъ отъ имени французской интеллигенціи слѣдующія знаменательныя слова: „Пробужденіе соціологическаго духа даетъ о себѣ знать съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе, и полное торжество этого направленія умовъ есть только вопросъ времени... Новое поколѣніе будетъ прежде всего социальнымъ, иными словами, оно будетъ проявлять въ искусствѣ и политикѣ, въ дѣйствіяхъ и мысли свое тяготѣніе къ новому обществу, свою вѣру въ науку и демократію... Знаніе и народъ—вотъ тѣ два магическихъ слова, которыми резюмируется смыслъ и цѣль личной жизни, которыя ясно выражаютъ искомую истину, даютъ ключъ къ жизненной загадкѣ и указываютъ на источникъ живой воды“.

Эти полныя бодрости и призыва къ общественному служенію слова Беранже показываютъ, что къ девяностымъ годамъ общественная прострація, охватившая французскую молодежь, стала проходить, и появившаяся вѣра „въ науку и демократію“, „въ знаніе и народъ“, какъ выражался Беранже, снова дали французской интеллигенціи ту „пружину воли“, на отсутствіе которой съ такою тоскою и гнѣвомъ указывалъ французской молодежи Жоржъ Клемансо. Дѣло Дрейфуса могущественно содѣйствовало этому процессу общественнаго воскресенія и обновленія французской интеллигенціи. Какъ всѣмъ извѣстно, дѣло это очень быстро переросло значеніе личной трагедіи узника Чертова острова. Французская интеллигенція со страхомъ убѣдилась, что пока она, безвольная, разувѣрившаяся, утомленная, болѣзненно брезгливо сторонилась отъ политической дѣятельности и уходила въ футляры эгоистическихъ и индивидуалистическихъ теорій,—реакціонная Франція въ это время не дремала и хитрыми происками и смѣлыми натисками прибрала къ своимъ рукамъ политическую власть. Для огромной доли французской интеллигенціи дѣло Дрейфуса послужило какъ бы внезапной ослѣпительной молніей, вдругъ показавшей, что самыя твердыни демократіи находятся въ опасности, подвергаясь систематической атакѣ реакціонной Франціи. Начавшееся въ средѣ французской интеллигенціи девяностыхъ годовъ общественное обновленіе, благодаря дѣлу Дрейфуса, сосредоточилось, сконцентрировалось въ одномъ яркомъ фокусѣ и получила непоколебимую точку приложенія силъ въ борьбѣ съ реакціонными теченіями. Чѣмъ больше развивалось дѣло Дрейфуса, тѣмъ больше оно получало смыслъ и значеніе поединка между молодой демократической и старой реакціонной Франціей. Въ этомъ поединкѣ обѣ стороны поспѣшно мобилизовали всѣ свои

наличныя силы и резервы и это представило отличный случай произвести смотръ различнымъ общественнымъ элементамъ Франціи. И вотъ эта-та мобилизація, этотъ-то смотръ и содѣйствовали сближенію французской интеллигенціи съ французской демократіей.

Лучшія силы французской интеллигенціи, еще всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ оставшіяся постыдно равнодушными передъ лицомъ насущныхъ социально-политическихъ запросовъ времени и возводившія это равнодушіе въ догматъ, теперь, очертя голову, бросаются въ закипѣвшую общественную борьбу.

Романисты и художники, стоявшіе до сихъ поръ въ сторонѣ отъ всякой политической социальной среды жизни и даже гордившіеся своею полною отчужденностью отъ „толпы“ и отъ „политики“, во время процесса Дрейфуса спѣшно становились въ ряды лицъ, борющихся съ надвигающейся реакціей.

Дѣло Дрейфуса разрослось въ горячую общественную борьбу между прогрессивною демократіей и реакціоннымъ комплотомъ клерикаловъ, дворянства и высшей буржуазіи. Какъ мы уже замѣтили, эта борьба, мобилизовавшая всѣ живыя общественныя силы Франціи, была смотромъ знаменъ и боевой готовности различныхъ общественныхъ группъ, была пересмотромъ ихъ лозунговъ. И вотъ этотъ-то смотръ, какъ нельзя лучше, показалъ, что смутныя волны реакціи разбились только благодаря тому, что встрѣтили дружный отпоръ со стороны широкой народной массы. Только эта широкая народная масса, поддержанная интеллигенціей и либеральною частью передовой буржуазіи, рѣшила побѣду прогресса надъ реакціей. Побѣжденные силы реакціи не были однако уничтожены, и посейчасъ еще прогрессивной Франціи приходится зорко охранять демократическія твердыни отъ постоянныхъ происковъ и натисковъ соединенныхъ реакціонныхъ силъ. А въ этой охранѣ, какъ это всего лучше показала борьба, разгорѣвшаяся вокругъ дѣла Дрейфуса, вѣрными товарищами по оружію явилась широкая народная масса и передовая часть либеральной буржуазіи съ авангардомъ интеллигенціи во главѣ.

Представители передовыхъ прогрессивныхъ слоевъ французской буржуазіи теперь превосходно сознаютъ, что имъ пришлось бы потонуть въ мутныхъ волнахъ реакціи, если бы они не были поддержаны широкою народною массою. Значительная доля буржуазіи, не говоря уже о высшемъ сословіи, слишкомъ недвусмысленно проявила свои активныя симпатіи къ реакціи для того, чтобы можно было надѣяться сдѣлать ее базисомъ борьбы съ этою самою реакціей. Приходилось въ виду этого искать прочнаго сближенія съ широкой массой народа и по возможности устранить вліяніе на нее реакціонныхъ слоевъ Франціи.

Въ недавно вышедшемъ сборникѣ своихъ рѣчей нынѣшній министръ-президентъ Франціи прямо указалъ на этотъ фактъ въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ: „По мѣрѣ того, какъ развивалась и крѣпла конгреганистская школа, ея кліентъ,—буржуазія удалялась отъ республики. Большая часть ея перешла на сторону реакціи. Безъ новыхъ рекрутовъ, во множествѣ пришедшихъ къ намъ изъ міра городскихъ и сельскихъ рабочихъ, мы рисковали потерять большинство въ странѣ. Даже рабочіе классы задѣты уже вслѣдствіе быстрого роста конгреганистскихъ учебныхъ заведеній, открывающихъ свои двери для дѣтей народа. Пора, давно пора принять мѣры противъ этого“.

Мы выяснили, въ самыхъ, конечно, общихъ чертахъ, ту духовную атмосферу Франціи девяностыхъ годовъ, тотъ рядъ общественныхъ явленій, подъ воздѣйствіемъ которыхъ началось знаменательное сближеніе между широкою народною массою, съ одной стороны, и передовою буржуазіей съ интеллигенціей во главѣ—

съ другой стороны. Будучи товарищами по оружію въ борьбѣ съ реакціей, обѣ эти стороны нѣсколько сблизились, и французская интеллигенція убѣдилась, что безъ энергической сознательной поддержки народной массы она не въ силахъ охранить отъ разрушительнаго натиска реакціи даже основныя святыни и твердыни демократіи.

Какъ превосходно показываютъ только-что нами приведенныя слова нынѣшняго министра-президента Комба, французская демократія, на цѣломъ рядѣ наглядныхъ историческихъ уроковъ, убѣдилась, что она можетъ спокойно смотрѣть въ глаза будущему только послѣ того, какъ она создастъ постоянное и систематическое воздѣйствіе демократическаго образованія на народную массу и противопоставитъ это воздѣйствіе воздѣйствію реакціонному. Передовая французская демократія отлично поняла грозный урокъ, данный ей общественной борьбой, загорѣвшейся вокругъ дѣла Дрейфуса, и увидѣла передъ собою насущную миссію вынести свѣтъ знанія изъ своихъ тихихъ, тѣсныхъ кабинетовъ на широкую и шумную арену народной жизни, дать широкой народной массѣ прочное демократическое образованіе, которое одно только и можетъ застраховать французскую исторію отъ торжества реакціонныхъ происковъ и натисковъ.

И вотъ со середины девяностыхъ годовъ во Франціи начинается быстро расти и крѣпнуть движеніе, извѣстное подъ англійскимъ именемъ „распространенія университетскаго образованія“, хотя въ данномъ случаѣ было бы точнѣе говорить о распространеніи внѣшкольнаго образованія. Еще недавно во Франціи это движеніе имѣло чрезвычайно скромные размѣры, а теперь если оно, какъ мы ниже увидимъ, не особенно глубоко упрочилось, то во всякомъ случаѣ широко развилось. Объ этомъ свидѣлствуютъ слѣдующія цифровыя данныя.

Въ 1894 году во Франціи читалось 9.000 вечернихъ курсовъ, общеобразовательнаго и профессиональнаго характера, въ 1895 г. число подобнаго рода курсовъ выросло уже до 17.000, а въ 1898 г.—до 24 тысячъ. Въ 1895 г. на эти курсы записалось 400 тысячъ слушателей, а въ 1898 г. это число уже поднялось до 700 тысячъ. Таковы были быстрый внѣшній ростъ внѣшкольнаго образованія во Франціи.

Этому росту одновременно содѣйствовали какъ пробудившіяся стремленія къ знанію, образованію, сознательному участию въ окружающей жизни, идущія со стороны трудящейся массы, такъ и то стремленіе французской интеллигенціи къ сближенію съ этой массой, о которомъ мы уже говорили выше. Ниже, въ заключеніе этой статьи, намъ придется нѣсколько остановиться на разграниченіи этихъ двухъ теченій, сообразно ихъ значенію для прочнаго обезпеченія широкой будущности народныхъ университетовъ, а пока остановимся на самихъ университетахъ.

Однимъ изъ самыхъ успѣшныхъ проповѣдниковъ народныхъ университетовъ во Франціи явился рабочій-типографъ—Жоржъ Дегермъ. Со середины девяностыхъ годовъ Жоржъ Дегермъ сталъ выпускать маленькій бѣдненькій журнальчикъ подъ нѣсколько претенціознымъ заглавіемъ „Сотрудничество идей“ (*La Coopération des Idées*). Журнальчикъ былъ „однолошаднымъ“, какъ выражаются о такихъ изданіяхъ американцы, т. е. Ж. Дегермъ самъ, и составлялъ, и печаталъ, и распространялъ этотъ журналъ, пламенно проповѣдуя въ немъ идею организаціи внѣшкольнаго образованія. Проповѣдь Дегерма оказалась чрезвычайно своевременной и была встрѣчена съ энтузіазмомъ. Около него быстро сгруппировался кружокъ для практическаго осуществленія его идей, и въ 1898 г. былъ сдѣланъ первый серьезный шагъ въ этомъ направленіи—былъ основанъ въ Парижѣ „Клубъ самораз-

витія“, устроители котораго въ проспектахъ писали: „Наша бѣдность и невѣжество не убавили въ насъ стремленія къ подъему моральной и интеллектуальной жизни. Примкните къ намъ. Вы найдете въ насъ не самоувѣренныхъ людей, не сухихъ буквоѣдовъ, не сектантовъ, а людей, готовыхъ сердечно встрѣтить каждаго, каковы бы ни были его убѣжденія. Мы стремимся къ тому, чтобы сдѣлаться людьми, чтобы жить не инстинктомъ, а мыслью, совѣстью и волей“.

„Клубъ саморазвитія“ быстро пустилъ корни и сталъ привлекать симпатіи растущей группы лицъ, стали притекать частныя пожертвованія, достигшія значительныхъ размѣровъ. Каждый вечеръ въ клубъ собирались для слушанія лекцій и собесѣдованій по самымъ различнымъ вопросамъ науки и жизни, а черезъ годъ, въ 1899 г., открылся въ Парижѣ уже и заправскій народный университетъ. Открытіе перваго народнаго университета было встрѣчено французскою интеллигенціей съ большимъ энтузіазмомъ, оно произошло чрезвычайно торжественно при большомъ наплывѣ разношерстной публики, среди которой не мало было и представителей богатой буржуазіи, сочувствію которой приходится приписывать значительный притокъ пожертвованій, обезпечившихъ матеріальное существованіе университета. Притокъ слушателей былъ очень великъ. Въ первые же два мѣсяца въ народный университетъ записалось 4.000 платныхъ слушателей. Стѣны перваго университета, въ виду такого быстрого наплыва слушателей, очень скоро оказываются слишкомъ тѣсными, и одинъ за другимъ начинаютъ открываться въ Парижѣ новыя отдѣленія народныхъ университетовъ; въ теченіе одного года число этихъ отдѣленій достигаетъ 24 для самого Парижа и 19 для его окрестностей.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что французскіе народные университеты появились при чрезвычайно благоприятныхъ условіяхъ, общавшихъ имъ очень широкое и плодотворное будущее. Многимъ казалось, что народные университеты явятся тою нейтральною почвою, гдѣ совершенно замрится борьба между различными социальными классами, одинаково стремящимися къ охранѣ демократіи. Но эта надежда оказалась призрачною, и въ самомъ скоромъ времени послѣ своего основанія парижскіе народные университеты сдѣлались ареной партійной борьбы. Прежде всего клерикальная партія, видя ростъ народныхъ университетовъ, видя, что они приобрѣтаютъ ширящееся и крѣпнущее вліяніе на народную массу, начало усердно добиваться, во имя „полной свободы“, допущенія клерикальныхъ лекторовъ на трибуны народныхъ университетовъ. Поддержанная либеральною буржуазіей, клерикальная партія въ концѣ концовъ добилась своего, и нѣсколько ея лекторовъ взшли на кафедру народнаго университета. Но подавляющее большинство аудиторіи, состоявшее изъ рабочихъ, заявило горячій протестъ противъ появленія клерикаловъ въ качествѣ преподавателей и требовало ихъ немедленнаго удаленія. Этотъ эпизодъ открылъ собою цѣлую серію столкновеній и недоразумѣній между либеральною буржуазіей, взявшей на себя руководительство народными университетами, и рабочею массою, наполнявшей аудиторіи университетовъ. Столкновенія и недоразумѣнія вносили лишнюю холодную струю въ и безъ того самопроизвольно происходившее охлажденіе либеральной буржуазіи къ народнымъ университетамъ.

Борьба демократіи съ реакціей окончилась побѣдой первой; съ поля зрѣнія либеральной буржуазіи исчезла непосредственная, близко надвигавшаяся опасность торжества реакціи, опасность, какъ мы видѣли выше, заставившая буржуазію искать сближенія съ широкой рабочей массою и внести въ эту массу недостающій ей свѣтъ знанія и образованія.

Когда миновала непосредственная опасность торжества реакции, буржуазия успокоилась и стала остывать къ недавнему своему увлеченію просвѣтительною дѣятельностью среди рабочихъ слоевъ. Вдобавокъ, уже съ перваго года функціонированія народныхъ университетовъ явно обнаруживалось, что рабочая аудиторія этихъ университетовъ стремится къ тому, чтобы совершенно сбросить съ себя всякую опеку и руководство буржуазіи и сосредоточить основанные университеты исключительно въ своихъ рукахъ.

Постепенно представители буржуазіи быстро рѣдѣли какъ въ аудиторіи народныхъ университетовъ, такъ и на преподавательской кафедрѣ, въ администраціи и совѣтѣ.

Въ этомъ отношеніи очень интересно и характерно сравненіе двухъ опредѣлений задачъ народныхъ университетовъ, опредѣлений, данныхъ на протяженіи всего двухъ лѣтъ (въ 1899 г. и въ 1901 г.) однимъ и тѣмъ же лицомъ на страницахъ тетрадокъ, выпускаемыхъ обществомъ народныхъ университетовъ.

Въ 1899 г. народные университеты опредѣлялись тамъ, какъ „свѣтское общество“, организующее развитіе высшаго народнаго образованія, устраивающее взаимное воспитаніе гражданъ различныхъ общественныхъ слоевъ и дающее рабочимъ возможность развиваться, отдыхать, развлекаться *).

Но уже черезъ два года это опредѣленіе перетерпѣваетъ слѣдующую весьма характерную метаморфозу. Народные университеты уже опредѣляются какъ „Общество рабочихъ, ставящее своею цѣлью организовать соответствующее ихъ интересамъ обученіе, цѣль котораго воспитаніе рабочего класса“. Основанные, какъ мы выше видѣли, въ знаменательную историческую минуту сближенія между рабочимъ классомъ и либеральной буржуазіей, народные университеты на первыхъ порахъ своего развитія одною изъ своихъ центральныхъ задачъ ставятъ содѣйствіе устраненію всякой классовой борьбы. Въ программѣ основаннаго въ 1899 г. „Общества народныхъ университетовъ“ прямо указывалось, что цѣлью ихъ является сближеніе представителей различныхъ классовъ.

Но, какъ мы уже видѣли, эта основная цѣль оказалась недостижимой или во всякомъ случаѣ не достигнутой. Обособленіе различныхъ общественныхъ классовъ уже успѣло въ современной Франціи такъ далеко зайти, процессъ обособленія интеллектуальныхъ запросовъ и интересовъ рабочего класса и буржуазіи такъ уже успѣлъ отмежеваться и обостриться, что народные университеты вмѣсто того, чтобы едѣлаться почвой, на которой бы нейтрализовалась классовая борьба, установилось бы мирное сотрудничество классовъ, какъ объ этомъ мечтали инициаторы, преградились въ ареноу политической борьбы, утихшей лишь потому, что буржуазія, оставляя, конечно, въ сторонѣ ея отдѣльныхъ представителей, отстранилась отъ участія въ народныхъ университетахъ, и эти университеты фактически все болѣе превращались въ учрежденія, существующія для рабочихъ и управляемыя представителями рабочихъ и интеллигентами.

Отстраненіе буржуазіи прежде всего остановило притокъ пожертвованій на народные университеты, поставивъ послѣдніе въ очень затруднительное матеріальное положеніе. Жить на чрезвычайно скудный бюджетъ взносовъ слушателей оказывалось совершенно невозможнымъ. Ежемѣсячный взносъ равнялся всего 20 кои., и жалкой суммы, получаемой отъ этихъ взносовъ, хватало лишь на канцелярскіе расходы, выписки газетъ и т. п.; приходилось

*) Cp. Charles Guieysse «Les universités populaires», изд. «Cahiers de la Quinzaine». Paris, 1901 стр. 60—61.

создать иные источники для покрытія квартирной платы, и въ поискахъ этихъ источниковъ народные университеты набрали на счастливую идею связать свое предпріятіе съ кооперативными обществами.

Между цѣлымъ рядомъ кооперативныхъ обществъ съ одной стороны, и народными университетами, съ другой, установилась, если можно такъ выразиться, общность членовъ. Слушатели народного университета вступали въ члены кооперативнаго общества, и послѣднее въ благодарность за такой приливъ новыхъ членовъ охотно, конечно, предоставило свое помѣщеніе для устройства народными университетами лекцій и бесѣдъ. Иные же изъ народныхъ университетовъ сами взяли за организацію для своихъ членовъ тѣхъ или иныхъ кооперативныхъ обществъ—завели кооперативные рестораны, общество взаимопомощи и т. д., и т. д.

Счастливая идея связать народные университеты съ кооперативными обществами не только освободила народные университеты отъ центральной матеріальной заботы объ источникѣ покрытія квартирной платы, но и отъ духовной зависимости отъ меценатовъ, выдававшихъ университетамъ субсидіи, и на этомъ основаніи считавшихъ себя вправѣ оказывать давленіе на организацію и ходъ занятій. Мы видимъ, такимъ образомъ, что и съ вѣншей, и съ внутренней, и съ матеріальной, и съ духовной стороны народные университеты все прочнѣе и новѣе становились на собственныя ноги, приобрѣтали самостоятельность, эмансипируясь отъ всякой опеки. Но все это еще, конечно, нисколько не устраняло тѣхъ внутреннихъ трудностей, педагогическихъ затрудненій организаціи народного университета. Французскіе интеллигенты поставляли для народныхъ университетовъ лекторовъ по самымъ различнымъ отраслямъ науки, но этимъ лекторамъ приходилось совершенно измѣнять свои педагогическіе приемы и методы, переходя отъ кафедры гимназій и университетовъ, отъ трибунъ политическихъ собраній на кафедры народныхъ университетовъ. Прежде всего аудиторія этихъ университетовъ представляла чрезвычайно пеструю, по возрасту, убѣжденіямъ, интересамъ публику. Эта пестрота состава аудиторіи, съ чрезвычайно различною степенью подготовки отдѣльных членовъ, ставила огромныя педагогическія затрудненія, требуя отъ лектора выдающагося, незауряднаго дара популяризаціи.

Но даже если и имѣется въ распоряженіи лектора этотъ незаурядный даръ, то и тогда передъ нимъ встаетъ чрезвычайно трудная задача сумѣть дать отвѣтъ, и притомъ опредѣленно опрошенный отвѣтъ, на вопросы, волнующіе его аудиторію. Пока рѣчь идетъ о вопросахъ естественно научнаго характера, объ искусствѣ, о литературѣ и т. д., дѣло идетъ гладко, и дара популярнаго и живого изложенія оказывается достаточно, чтобы увлечь аудиторію. Но какъ только на сцену выступаютъ социально-политическіе вопросы—а эти именно вопросы болѣе всего занимаютъ и волнуютъ аудиторію народныхъ университетовъ—какъ тотчасъ же оказывается недостаточно одного лишь дара популярнаго, живого изложенія. Французскіе рабочіе, составляющіе подавляющую массу слушателей народныхъ университетовъ, сплошь и рядомъ требуютъ отъ лекторовъ не только „прямыхъ“ отвѣтовъ на „проклятые вопросы“, но и отвѣтовъ, носящихъ извѣстную опредѣленную политическую окраску, что заставляетъ уже и лекторовъ назначать изъ „своей среды“. А эта среда въ современной Франціи, по многимъ причинамъ, въ разборъ которыхъ здѣсь не мѣсто входить, совершенно не въ состояніи выдвинуть достаточный контингентъ образованныхъ лекторовъ, могущихъ съ честью занять кафедру, и безъ участія французской интеллигенціи въ качествѣ лекторовъ народные университеты не могутъ успѣшно развиваться.

И въ послѣднее время, когда отчетливо выяснилось стремленіе народныхъ университетовъ превратиться въ исключительно рабочія учрежденія, преподаваніе въ которыхъ носило бы опредѣленную политическую окраску, параллельно съ этимъ все обострялся и вопросъ о недостаткѣ лекторовъ. Французская интеллигенція и теперь еще доставляетъ народнымъ университетамъ лекторовъ, но эти лектора по преимуществу читаютъ по вопросамъ естествознанія, литературы, искусства, а социальныя вопросы, наиболѣе сильно волнующіе аудиторію, находять пока мало достаточно подготовленныхъ и даровитыхъ лекторовъ.

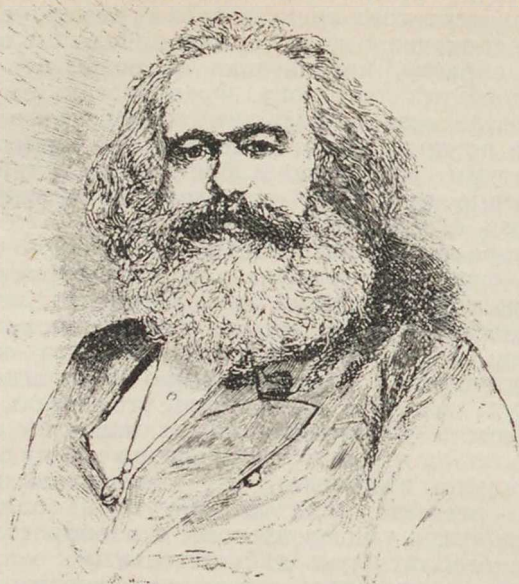
Первые народные университеты появились во Франціи всего какихъ-нибудь три года тому назадъ. Эту метрическую справку необходимо вспоминать каждый разъ, когда заходить рѣчь о тѣхъ или иныхъ недостаткахъ народныхъ университетовъ. Широкое и новое движеніе по организаціи внѣшкольнаго образованія не могло вполнѣ упрочиться, отлиться въ прочныя неизмѣнныя формы за какихъ-нибудь три года. Тотъ фактъ, что составъ лицъ, участвовавшихъ въ этихъ университетахъ въ качествѣ слушателей и администраторовъ за истекшіе три года, по своему общественному положенію, сильно измѣнился, что измѣнилась и организація преподаванія,—все это свидѣтельствуетъ не о непрочности и безпочвенности этихъ университетовъ, а наоборотъ—объ ихъ способности приспособляться къ дѣйствительнымъ запросамъ жизни.

А запросы эти оказались таковы, что народные университеты принуждены были все болѣе выдѣлять изъ себя элементы опеки и покровительства и все болѣе переходить на почву самостоятельности. Теперь уже не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что будущее этихъ университетовъ обезпечено постольку, поскольку ихъ аудиторіи, взрослые люди, идущіе слушать въ нихъ лекціи, поскольку эти люди обнаружатъ достаточную способность къ самостоятельности, поскольку администрація народныхъ университетовъ будетъ чуткимъ выразителемъ и просвѣщеннымъ истолкователемъ нуждъ и стремленій взрослыхъ и обстрѣленныхъ жизнью людей, наполняющихъ аудиторіи народныхъ университетовъ, а не ихъ снисходительнымъ менторомъ.

Дѣйствительность теперешнихъ народныхъ университетовъ Франціи не представляетъ особенно отрадной картины. Университеты эти бѣдны и деньгами, и лекторами, но только-что указаная молодость ихъ, способность приспособляться къ запросамъ жизни—заставляетъ думать, что все эти недостатки излѣчимы, что они представляютъ собою лишь болѣзнь роста. Когда вырастетъ и окрѣпнетъ это движеніе, когда аудиторія свыкнется съ лекторами, а лекторы узнаютъ свою аудиторію, ея психологію, ея проклятые вопросы, то тогда само сабою легко и просто разрѣшится тѣ педагогическія затрудненія, съ которыми приходится имѣть дѣло теперешнимъ народнымъ университетамъ.

Эти университеты, какъ мы видѣли, просто органическимъ процессомъ своего роста сбросили съ себя постороннюю опеку, внѣшнее давленіе со стороны людей, по всему строю своего міросозерцанія, по всему своему житейскому прошлому и настоящему чуждыхъ аудиторіи и вступили на путь внутренняго развитія, путь организаціи университетовъ согласно духовнымъ запросамъ аудиторіи. Во главѣ этихъ университетовъ оставалась въ качествѣ лекторовъ та часть французской интеллигенціи, которая не стремится непременно навязать аудиторіи тѣ или иные взгляды, а хочетъ пойти навстрѣчу духовнымъ ея запросамъ, помочь ей разобраться въ волнующихъ ее вопросахъ, внести свѣтлый лучъ знанія въ темную и тяжелую жизнь, выпадающую на долю большинства слушателей народныхъ университетовъ.

Карль Марксъ.

Карль Марксъ *).

Жэри и Бастіа.

Исторія новѣйшей политической экономіи заканчивается Рикардо и Сисмонди, противоположностями, изъ которыхъ одинъ говоритъ по-англійски, а другой по-французски—совершенно на подобіе того, какъ она въ концѣ XVII-го столѣтія начинается съ Петти и Буагильбера. Позднѣйшая политико-экономическая литература исчерпывается либо эклектическими руководствами, какъ, напримѣръ, произведеніе Джона Стюарта Милля, либо подробной разработкой отдѣльныхъ отраслей, въ родѣ „History of prices“ Тука (Took) и вообще новѣйшихъ англійскихъ работъ объ обмѣнѣ и обращеніи, этой единственной отрасли, въ которой дѣйствительно сдѣланы были новыя открытія, тогда какъ статьи о колонизаціи, земельной собственности (въ ея различныхъ формахъ), народонаселеніи и т. д. отличаются, собственно говоря, отъ прежнихъ изслѣдованій только большею полнотой матеріала. Либо эта литература образуетъ только воспроизведеніе старыхъ экономическихъ спорныхъ вопросовъ для болѣе широкой публики и практическое рѣшеніе вопросовъ дня, какъ работы по вопросу о свободѣ торговли и о покровительственныхъ пошлинахъ — или, наконецъ, она занимается тенденціознымъ завершеніемъ класси-

*) Настоящая статья найдена при разборѣ документовъ оставшихся послѣ смерти великаго экономиста.

ческихъ направлений; въ такомъ отношеніи, напримѣръ, стоятъ Чольмерсъ къ Мальтусу и Гюлихъ къ Сисмонди и, въ извѣстномъ смыслѣ, Макъ Куллохъ и Сеніоръ въ своихъ болѣ раннихъ работахъ къ Рикардо. Это—сплошь литература эпигоновъ, воспроизведеніе, большая выработанность формы, болѣ широкое использование матеріала, популяризація, сведеніе во-едино, выработка деталей, недостатокъ въ новыхъ и рѣшающихъ фазахъ развитія, пріемъ инвентаря съ одной стороны, прирость въ частностяхъ съ другой.

Исключеніе, на первый взглядъ, составляютъ работы Кэри—янки, и Бастіа—француза, изъ которыхъ послѣдній признаеть, что онъ опирается на перваго. Оба они понимаютъ, что коллективизмъ находитъ свою теоретическую предпосылку въ произведеніяхъ самой классической экономіи, особенно у Рикардо, который долженъ быть разсматриваемъ какъ ея самый совершенный и послѣдній выразитель. Оба они поэтому считаютъ нужнымъ выступить противъ теоретическаго выраженія, которое буржуазное общество исторически приобрѣло въ современной экономіи, какъ противъ недоразумѣнія, и показать гармонію производственныхъ отношеній тамъ, гдѣ классическіе экономисты наивно указали ихъ антагонизмъ. Цѣликомъ различная, даже прямо противоположная національная среда, исходя изъ которой каждый изъ нихъ пишетъ, вызываетъ у нихъ тѣмъ не менѣ одни и тѣ же стремленія. Кэри—единственный оригинальный экономистъ изъ сѣверо-американцевъ. Онъ принадлежитъ къ странѣ, гдѣ буржуазное общество не развилось на почвѣ феодализма, а само отъ себя началось; гдѣ оно появляется не какъ результатъ вѣковаго движенія, а какъ исходный пунктъ новаго движенія; гдѣ государство, въ противоположность всѣмъ прежнимъ національнымъ образованіямъ, уже заранѣе было подчинено буржуазному обществу, производству, и никогда не могло заявлять претензію на самоцѣльность; гдѣ, наконецъ, само буржуазное общество, соединяя производительныя силы стараго свѣта съ огромными естественными силами новаго, развилось въ до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ размѣрахъ и неизвѣстной свободѣ движеній, далеко превзошло всю предыдущую работу въ завоеваніи власти надъ силами природы, и гдѣ, наконецъ, противорѣчія самого буржуазнаго общества проявляются только, какъ переходящіе моменты. Развѣ не естественно, что производственные отношенія, въ которыхъ такъ быстро, поразительно и счастливо развился этотъ громадный новый свѣтъ, разсматриваются Кэри, какъ вѣчныя нормальныя отношенія общественнаго производства и обращенія, которыя въ Европѣ, особенно въ Англіи, олицетворяющей собственно для него всю Европу, были только заторможены и искажены стѣсненіями феодальнаго періода; развѣ не естественно, что англійская экономія кажется ему виновной въ томъ, что она видѣла эти отношенія въ искаженномъ и ложномъ видѣ и ложно обобщила ихъ, смѣшавъ случайныя проявленія съ ихъ постояннымъ характеромъ.

Къ противоположенію американскихъ отношеній англійскимъ сводится вся его критика англійской теоріи земельной собственности, заработной платы, народонаселенія, классовыхъ противорѣчій и т. д. Въ Англіи буржуазное общество существуетъ не въ чистомъ видѣ, не соотвѣтствуетъ этому понятію, не адекватно са-

мому себѣ. Какъ могутъ понятія англійскихъ экономистовъ о буржуазномъ обществѣ быть истиннымъ незатемненнымъ выраженіемъ реальности, которой они не знали? Разрушительное дѣйствіе традиціонныхъ, не изъ среды буржуазнаго общества выросшихъ вліяній на его естественныя отношенія сводятся для Кэри въ послѣднемъ счетѣ къ вліянію государства на буржуазное общество. Напримѣръ, заработная плата естественно возрастаетъ вмѣстѣ съ продуктивностью труда. Если же мы находимъ дѣйствительность несоотвѣтствующей этому закону, то мы должны только, будь то въ Индостанѣ или въ Англіи, устранить вліяніе правительства, налоги, монополіи и т. д. Буржуазныя отношенія, размариваемыя сами по себѣ, т. е. послѣ устраненія вліяній государства, въ дѣйствительности всегда будутъ подтверждать гармоническіе законы буржуазной экономіи. Насколько эти вліянія государства, государственные долги, налоги и т. д., сами выросли изъ буржуазныхъ отношеній, и поэтому въ Англіи, напримѣръ, никоимъ образомъ не могутъ разсматриваться, какъ результаты феодализма, а наоборотъ, какъ его устраненіе и продолженіе; насколько далѣе, въ самой Сѣв. Америкѣ сила центрального правительства растетъ вмѣстѣ съ централизаціей капитала—этого Кэри, естественно, не изслѣдуетъ.

Въ то время, какъ Кэри, въ противоположность англійскимъ экономистамъ, приписываетъ высшій расцвѣтъ буржуазнаго общества Сѣверной Америкѣ, — Бастіа, въ противоположность французскимъ коллективистамъ, приписываетъ самое низкое развитіе буржуазнаго общества Франціи: „Вы думаете возмущаться противъ законовъ буржуазнаго общества въ такой странѣ, гдѣ этимъ законамъ никогда не было позволено реализоваться! Вы знаете ихъ только въ извращенной французской формѣ и разсматриваете, какъ постоянную форму ихъ то, что представляетъ только ихъ національно-французское искаженіе. Обратитесь къ Англіи! Въ этой странѣ удалось освободить буржуазное общество отъ оковъ, накладываемыхъ на него государствомъ. Вы же хотите эти оковы усилить. Выработайте сначала буржуазныя отношенія въ чистомъ видѣ, а тогда мы опять потолкуемъ“. Бастіа правъ постольку, поскольку во Франціи, вслѣдствіе ея своеобразныхъ социальныхъ формъ, многое считается коллективизмомъ, что въ Англіи составляетъ политическую экономію.

Однако, Кэри, исходной точкой котораго является американская эмансипація буржуазнаго общества отъ государства, кончаетъ требованіемъ государственнаго вмѣшательства, чтобы чистое развитіе буржуазнаго общества не было нарушено внѣшнимъ вліяніемъ, какъ это фактически случилось въ Англіи. Онъ сторонникъ покровительственныхъ пошлинъ, въ то время, какъ Бастіа стоитъ за свободу торговли. Гармонія экономическихъ законовъ оказывается во всемъ мірѣ дисгармоніей, и начатки дисгармоніи поражаютъ Кэри даже въ Соединенныхъ Штатахъ. Откуда это странное явленіе? Кэри объясняетъ его разрушительнымъ вліяніемъ Англіи съ ея стремленіемъ къ промышленной монополіи на міровомъ рынкѣ. Первоначально англійскія отношенія были извнутри искажены ложными теоріями ея экономистовъ. Теперь Англія, какъ повелительница мірового рынка, искажаетъ во всѣхъ странахъ міра гармонію экономическихъ отношеній. Эта дисгар-

монія—дѣйствительная, основанная не на одномъ только субъективномъ пониманіи экономистовъ. Гармонія экономическихъ отношеній основывается по Кэри на гармоническомъ сотрудничествѣ города и деревни, промышленности и земледѣлія. Эту основную гармонію, которую Англія устранила у себя внутри, она уничтожаетъ своей конкуренціей повсюду на міровомъ рынкѣ и является такимъ образомъ разрушительнымъ элементомъ всеобщей гармоніи. Защиту противъ этого могутъ оказать только покровительственные пошлины—насилственный національный отпоръ противъ разрушительной силы англійской крупной промышленности. Послѣднимъ убѣжищемъ экономической гармоніи является поэтому государство, которое первоначально было объявлено единственнымъ нарушителемъ этой гармоніи. Съ одной стороны Кэри здѣсь снова выражаетъ извѣстное національное развитіе Соединенныхъ Штатовъ, ихъ противоположность и ихъ конкуренцію съ Англіей. Это дѣлается въ той наивной формѣ, что онъ предлагаетъ Соединеннымъ Штатамъ уничтожить пропагандируемый Англіей индустриализмъ такимъ путемъ, чтобы они сами быстрѣе развили его у себя посредствомъ покровительственныхъ пошлинъ. Оставляя въ сторонѣ эту наивность,—у Кэри гармонія буржуазныхъ производственныхъ отношеній оканчивается полнѣйшей дисгармоніей этихъ отношеній, въ какомъ видѣ они выступаютъ на самой величественной аренѣ, міровомъ рынкѣ, въ самомъ величественномъ развитіи, какъ отношенія производящихъ народовъ. Всѣ тѣ отношенія, которыя внутри извѣстныхъ границъ страны или въ абстрактной формѣ общихъ отношеній буржуазнаго общества кажутся ему гармоничными—концентрація капитала, раздѣленіе труда, наемный трудъ и т. д.,—оказываются для него дисгармоничными тамъ, гдѣ они выступаютъ въ своей наиболѣе развитой формѣ, въ своей рыночно-міровой формѣ. Эти отношенія, которыя вызываютъ англійское господство на міровомъ рынкѣ, признаются имъ разрушительнымъ вліяніемъ, которое является слѣдствіемъ этого господства. Гармонично, если внутри данной страны патріархальное производство уступаетъ мѣсто индустриальному, и разрушительный процессъ, сопровождающій это развитіе, разсматривается только со своей положительной стороны. Но дисгармонично бываетъ, если англійская крупная промышленность разрушаетъ патріархальныя или мелкобуржуазныя или другія, на болѣе низкой ступени стоящія формы чужестраннаго національнаго производства. Концентрація капитала внутри данной страны и разрушительное вліяніе этой концентраціи составляетъ ему только свою положительную сторону. Но монополія концентрированного англійскаго капитала и его разлагающее вліяніе на меньшіе національные капиталы другихъ народовъ вносятъ уже дисгармонію. Чего Кэри не понялъ, это того, что эти дисгармоніи на міровомъ рынкѣ представляютъ только послѣднее адекватное выраженіе тѣхъ дисгармоній, которыя въ экономическихъ категоріяхъ выступаютъ, какъ отвлеченныя отношенія, или въ самомъ незначительномъ объемѣ имѣютъ и мѣстное существованіе.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что Кэри съ другой стороны забываетъ положительное содержаніе этихъ процессовъ разложенія—единственная сторона, которую онъ признаетъ за эконо-

мическими категоріями въ ихъ абстрактной формѣ или за реальными отношеніями извѣстныхъ странъ, абстрактнымъ выраженіемъ которыхъ онѣ служатъ—въ ихъ полномъ проявленіи на міровомъ рынкѣ. Поэтому тамъ, гдѣ экономическія отношенія представляются ему въ ихъ истинномъ видѣ, т. е., въ ихъ универсальной дѣйствительности, его принципиальный оптимизмъ переходитъ въ раздраженный пессимизмъ. Это противорѣчіе составляетъ оригинальность его произведеній и придаетъ имъ ихъ значеніе. Онъ остается американцемъ какъ въ своемъ утвержденіи гармоничности внутри буржуазнаго общества, такъ и въ своемъ утвержденіи дисгармоничности тѣхъ же самыхъ отношеній въ ихъ проявленіи на міровомъ рынкѣ.

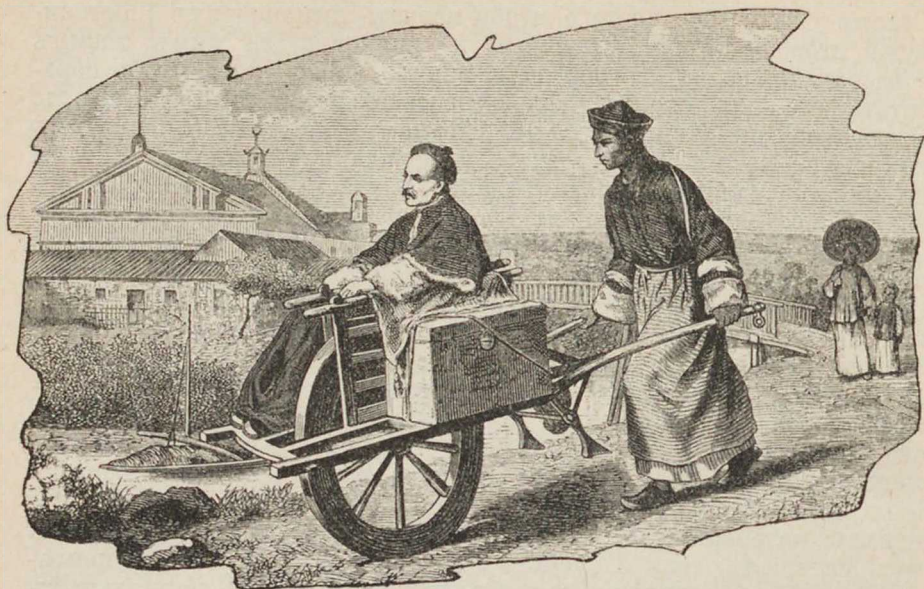
У Бастиа мы ничего подобнаго не находимъ. Гармонія отношеній есть нѣчто чуждое „заморское“, которое начинается какъ разъ тамъ, гдѣ прекращаются французскія владѣнія, которое существуетъ только въ Англіи и Америкѣ. Гармонія есть просто воображаемая идеальная форма не французскихъ — англійскихъ и американскихъ — отношеній, а не дѣйствительность, какъ она ему представляется въ его собственной странѣ. Поэтому въ то время, какъ гармонія проистекаетъ у него отнюдь не изъ полноты живого наблюденія, а представляетъ наоборотъ продуктъ тонкой и напряженной рефлексіи, единственно реальнымъ моментомъ у него является требованіе, чтобы французское государство уничтожило свои границы. Кэри видитъ противорѣчія экономическихъ отношеній, какъ скоро они выступаютъ, какъ англійскія отношенія, на міровомъ рынкѣ. Бастиа, который только воображаетъ себѣ гармонію, начинаетъ видѣть ея реализацію только тамъ, гдѣ кончается Франція и гдѣ всѣ національно отдѣленные составныя части буржуазнаго общества, освободившись отъ верховнаго надзора государства, конкурируютъ другъ съ другомъ. Эта его послѣдняя гармонія—и предпосылка всѣхъ его прежнихъ, воображаемыхъ,—является между тѣмъ сама опять-таки простымъ постулатомъ, который долженъ быть осуществленъ законодательствомъ въ пользу свободы торговли. И если поэтому Кэри,—оставляя въ сторонѣ научную цѣнность его изслѣдованій,—принадлежитъ по крайней мѣрѣ заслуга, что онъ въ абстрактной формѣ выразилъ великія американскія отношенія, и именно въ ихъ противоположности къ старому свѣту, то у Бастиа единственно реальнымъ фономъ является мелкое развитіе французскихъ отношеній, которыя повсюду изъ всѣхъ его „гармоній“ высовываютъ свои длинныя уши. Но заслуга вывести эти отношенія на свѣтъ совершенно бездѣльна, потому что отношенія такой старинной страны достаточно извѣстны, и меньше всего приходится знакомиться съ ними такимъ отрицательнымъ, окольнымъ путемъ. Кэри поэтому богатъ, такъ сказать, частными, добросовѣстными изслѣдованіями въ экономической наукѣ, о кредитѣ, рентѣ и т. д. Бастиа же занятъ только примирительными парафразами уже имѣющихся изслѣдованій. *Hypocrisie du contentement* (притворство удовлетворенности). Всеобщность Кэри есть универсальность янки. Франція и Китай ему одинаково близки. Онъ — человекъ, живущій на Тихомъ океанѣ и на Атлантическомъ. Всеобщность Бастиа это игнорированіе всѣхъ странъ. Какъ истый янки, Кэри со всѣхъ сторонъ воспринимаетъ огромный матеріалъ, который ему предлагаетъ

Старый Свѣтъ, не для того, чтобы познать имманентную (постоянную) сторону этого матеріала и признать за нимъ такимъ образомъ право на своеобразную жизнь, но для того, чтобы обработать его для своихъ цѣлей, какъ безразличный матеріаль. Отсюда его рысканіе по всѣмъ странамъ, масса собраннаго имъ неprovѣреннаго статистическаго матеріала, начитанность какъ бы по каталогу. Бастіа напротивъ даетъ фантастическія исторіи, онъ даетъ свои абстракціи то въ формѣ разсужденій, то въ формѣ подставленныхъ событій, которыя нигдѣ не происходили. Оба они поэтому равно неисторичны и противоисторичны. Но неисторичный моментъ у Кэри есть живой историческій принципъ Сѣверной Америки, въ то время какъ неисторичный моментъ у Бастіа является просто отголоскомъ обобщительной манеры французовъ 18-го вѣка. Кэри поэтому безформенъ и расплывчатъ, Бастіа—аффектированъ и формально логиченъ. Самое высокое, къ чему онъ приводитъ, это общія мѣста, парадоксально выраженные, тонко отшлифованныя. У Кэри предпосылается нѣсколько общихъ тезисовъ въ формѣ теоремъ, за ними слѣдуетъ безформенный матеріаль; матеріаль его тезисовъ вовсе не обработанъ. У Бастіа весь матеріаль, если отвлечься отъ немногихъ мѣстныхъ примѣровъ или фантастически отдѣланныхъ англійскихъ нормальныхъ явленій, состоитъ только въ общихъ тезисахъ экономистовъ. Прямой противоположностью Кэри является Рикардо, коротко говоря, новѣйшіе англійскіе экономисты. Прямая противоположность Бастіа—это французскіе коллективисты.

Миссіонеръ въ Китаѣ, объѣзжающій свою епархію.

Антонъ Горемыка (С. Ціонъ).

Въ странѣ „Бѣлаго Ненюфара“ *).

Несмотря на неограниченное могущество власти богдыхана, считающагося „сыномъ неба“ и земнымъ богомъ, престолу его все-таки часто угрожаетъ опасность, и виновата въ этомъ собственная безпечность правительства.

Дѣйствительно, въ виду большого разнообразія народностей, входящихъ въ составъ Китайской имперіи, неодинаковой степени ихъ культурнаго развитія и антагонизма, необходима самая строгая централизація власти. Между тѣмъ, весь китайскій государственный строй именно направленъ къ тому, чтобы децентрализовать провинціи. Не только вице-короли, но и многіе цзинь-цзюни вполнѣ самостоятельны и выражаютъ свою зависимость отъ богдыхана только тѣмъ, что выплачиваютъ ежегодно извѣстную сумму денегъ въ государственный фискъ, находящійся въ Пекинѣ. Отсутствіе хорошихъ путей сообщенія только благопріятствуетъ подобному состоянію вещей. Безнаказанность мандариновъ повела къ полному съ ихъ стороны произволу и воиющимъ злоупотребленіямъ. Дѣло доходитъ до того, что, официально преслѣдуя продажу опиума, они монополизируютъ ее въ свою пользу и пропагандируютъ ее изо всѣхъ силъ, получая этимъ способомъ громадныя деньги. Такому порядку вещей еще способствуетъ законъ гласящій, что, во избѣжаніе заговоровъ, никто не долженъ исполнять служебныхъ обязанностей въ своей родной странѣ и не можетъ служить въ одной и той же провинціи болѣе трехъ лѣтъ. Другой законъ запрещаетъ служащимъ приобрѣтать недвижимую собственность или жениться въ мѣстахъ службы. Вслѣдствіе этого

*) Окончаніе. См. № 11 «Вѣсти, Знанія».

закона черезъ каждые три года чиновникъ остается безъ мѣста и въ ожиданіи новаго впадаетъ въ долги. Мѣста продаются почти открыто и въ нѣкоторыхъ случаяхъ составляютъ официальный источникъ дохода государственнаго фиска; понятно, что на новомъ мѣстѣ чиновникъ всякими способами старается вернуть затраченный капиталъ и обезпечить себя деньгами на будущее время, когда онъ очутится безъ мѣста. Даже фудутуны ухитряются получать незаконныхъ доходовъ въ годъ нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ. Правительство для уничтоженія взяточничества ввело добавочное содержаніе чиновникамъ, такъ назыв. „янъ-лянъ“—питающія честность—суммы. Такъ, губернаторъ получаетъ ихъ въ годъ 15—25.000 ланъ, цзянь-цзюнь—700—1.000 ланъ, но эти деньги служатъ только каплею въ морѣ алчности и корысти китайскаго служилаго элемента. Все это тяжелымъ гнетомъ ложится на народъ и рабочіе классы. По своей флегматичной, пассивной натурѣ китаецъ не выражаетъ протеста открыто, да кромѣ того онъ и слишкомъ дрожитъ передъ властью предрежащими лицами, но свое неудовольствіе выражаетъ довольно часто и различными способами. То онъ на углу улицы наклеитъ афишку съ карикатурой на какого-нибудь чиновника, то напишетъ на него пасквиль и огласитъ во всеобщее свѣдѣніе: на подобные, чуть не ежедневно совершающіеся, факты никто не обращаетъ вниманія, а неудовольствіе растетъ, и ожесточеніе противъ угнетателей все сильнѣе и сильнѣе захватываетъ безропотную на видъ китайскую чернь. Среди китайскаго народа существуетъ много недоучившихся людей, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ не могли сдать экзамена, дающаго доступъ къ государственнымъ должностямъ, другіе, хотя экзаменъ и сдали, но не получаютъ должности, не имѣя денегъ, чтобы заплатить за нее. Эти, конечно, страшно озлоблены противъ существующаго порядка и во всѣхъ своихъ неудачахъ винятъ притѣснителей-экзаменаторовъ. Маньчжуровъ ненавидятъ еще зато, что они пользуются двумя великими преимуществами: во-первыхъ, для занятія должностей они сдаютъ болѣе легкій „военный“ экзаменъ, а во-вторыхъ, во всѣхъ учрежденіяхъ половина должностей предоставляется маньчжурамъ, а только половина—китайцамъ остальныхъ провинцій, а такъ какъ первыхъ гораздо меньше, то и должность имъ получить гораздо легче, чѣмъ послѣднимъ. Затаенная вражда, придавленная неумолимымъ деспотизмомъ, до поры до времени молчитъ, но ждетъ только удобнаго момента, чтобы высказаться. Масла подливаютъ въ огонь и европейцы, которые сами себя приготовили въ Китаѣ такой орѣхъ, который имъ раскусить будетъ болѣе, чѣмъ трудно. Европейскій капитализмъ и европейская промышленность заливаютъ всю необозримую Китайскую имперію, вытѣняяютъ вслѣдствіе болѣе дешевыхъ цѣнъ продукты мѣстной мануфактурной промышленности и домашняго производства и дѣлаютъ „излишними“ занятыхъ въ производствѣ ихъ рабочихъ. Рука объ руку съ этимъ идетъ распадѣніе древней деревенской общины и растущее обнищаніе деревенскаго жителя.

Такимъ образомъ происходитъ, такъ назыв. „избытокъ населенія“ въ Китаѣ, который ставитъ передъ все увеличивающейся народной массой на выборъ два исхода: умереть съ голоду, или эмигрировать. Но умирать съ голоду не любятъ даже забытый Богомъ и людьми несчастный китайскій кули, и если только ему предоставляется возможность, онъ эмигрируетъ. Чѣмъ больше начинается проникать европейскій товаръ въ китайскія гавани, тѣмъ значительнѣе становится потокъ эмигрантовъ изъ этихъ гаваней. Это не кошмаръ, даващій во снѣ людей съ дурной совѣстью, но историческій фактъ, заставившій уже въ 1882 г. правительство

Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ издать законъ противъ иммиграціи китайскихъ кули. Въ настоящее время не только вся Приморская область, Приамурскій и Забайкальскій края, но и вся Западная Сибирь начинаютъ постепенно, но безостановочно завоевываться нетребовательнымъ китайцемъ. Такимъ образомъ рабочему классу въ Европѣ угрожаетъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ новое нашествіе монголовъ, но только не подъ предводительствомъ Чингисхана, а подъ вліяніемъ европейскаго капитализма, если можно такъ выразиться, выдавливающего этотъ избытокъ населенія изъ Китая въ близъ лежащія страны.

Для уясненія себѣ существа желтой опасности, которая такимъ образомъ угрожаетъ европейскому рабочему міру, стоитъ привести описаніе подобнаго же событія, которое сдѣлалъ Карлейль 60 лѣтъ тому назадъ, именно угрозы, какой является для англійскаго, или, какъ онъ выражается, саксонскаго рабочаго класса переселеніе ирландцевъ. Карлейль писалъ: „Со своими лохмотьями и дикимъ смѣхомъ, ирландецъ готовъ исполнять всякую работу, требующую только сильныхъ рукъ и сильной спины—за заработную плату, на которую онъ могъ бы купить себѣ картофеля. Ему надо только соли для кореньевъ; онъ спитъ совершенно довольный въ первой попавшейся свинарнѣ или на псарнѣ, устраиваетъ свое жилище въ сараяхъ и носитъ одежду, представляющую собою такіа лохмотья, что одѣваніе ея составляетъ одно изъ самыхъ трудныхъ его дѣйствій и предпринимается только по праздникамъ и въ другихъ особенно этому благоприятствующихъ случаяхъ. Саксонецъ, не имѣющій возможности работать при подобныхъ условіяхъ, остается безъ хлѣба, нецивилизованный ирландецъ прогоняетъ туземца-саксонца прочь съ его мѣста и занимаетъ его самъ, не вслѣдствіе превосходства своей силы, а наоборотъ, вслѣдствіе своего безсилія...“

„Нѣтъ на свѣтѣ человѣческой силы, которую они (англійскіе рабочіе) не прогнали бы прочь вооруженной рукой. Каждую вооруженную силу эти саксонцы схватили бы и, не говоря ни слова, бросили бы въ море (и небесное правосудіе, и ихъ собственный саксонскій союзъ помогли бы имъ). Но вотъ является толпа людей, вооруженная только висящими на нихъ лохмотьями, и саксы, словно ослабѣвъ подъ вліяніемъ колдовства, бросаются въ бѣгство и стараются спрятаться отъ этой толпы въ дикихъ чащахъ по ту сторону океана... Что положеніе низшихъ классовъ англійскихъ рабочихъ все ближе подходитъ къ положенію ирландскаго класса, конкурирующаго съ ними на всѣхъ рынкахъ, что вся работа, которую можно исполнить при помощи одной грубой силы, даже безъ ловкости, не можетъ быть произведена за плату англійскаго рабочаго, но производится приблизительно за плату ирландскаго, что означаетъ немного болѣе, чѣмъ нужно, чтобы „быть полугоднымъ отъ картофеля плохого сорта тридцать недѣль въ году“—не много болѣе этого, но съ приходомъ каждаго новаго парохода изъ Ирландіи, все приближаясь къ этой конечной цѣли—кто же этого не знаетъ?“ Такъ говоритъ Карлейль о проблемѣ, которая въ настоящее время является въ видѣ желтой опасности, но, не говоря уже о томъ, что англійско-ирландская форма этого вопроса не только была сравнительно незначительна, но и, главнымъ образомъ, сравнительно легко разрѣшима ассимиляціей англійскихъ рабочихъ съ ирландскими. Увеличивъ въ сто разъ изображеніе Карлейля, можно получить представленіе о желтой опасности.

Но государство желтой расы не только является мѣстомъ сбыта для европейской крупной промышленности, но имѣютъ и всѣ данныя для развитія собственной могущественной крупной про-

мышленности, которая будетъ въ состояніи устроить своему европейскому предшественнику самую отчаянную конкуренцію. Правда, проф. Метѣи не согласенъ съ этимъ взглядомъ и старался опровергнуть его въ лекціи: „Существуетъ ли желтая опасность?“, но стоитъ только познакомиться съ трудами Густава Экштейна, Меринга, Глобертроттера, Ханна и Хессе, стоитъ лично побывать въ Японіи и посмотреть необыкновенный ростъ ея промышленности, чтобы отказаться отъ мало обоснованнаго оптимизма французскаго профессора.

Въ одномъ Китаѣ на 100.000.000 жителей больше, чѣмъ во всей Европѣ. Они опасны не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи: съ точки зрѣнія капиталиста, въ виду отсутствія у китайцевъ всякихъ самыхъ насущныхъ для европейца потребностей, китайскіе рабочіе предпочитаютъ европейцамъ.

Объ этомъ пишетъ и Экштейнъ въ своей статьѣ „Китайскіе кули“. Къ тому же почва Китая богата желѣзными и каменноугольными коями. Японцы замѣчательно практично доказали уже, съ какой необыкновенной быстротой желтая раса умѣетъ перескочить съ духовнаго оцѣненія феодальнаго строя на безустанное движеніе капитализма.

Гнетъ капитализма, начавшаго развиваться въ Китаѣ съ одной стороны, промышленный пролетаріатъ, образовавшійся вълѣдствіе этого гнета—съ другой, избытокъ населенія и призракъ голодной смерти—съ третьей, и, наконецъ, вышеупомянутые произволъ администраціи и слабо выраженное законодательство—съ четвертой—все это заставляетъ китайцевъ всѣми силами ума искать какого-нибудь выхода, чтобы какой бы то ни было цѣной вырваться изъ этого положенія.

Выходъ былъ найденъ партіей реформъ и въ этомъ помогли японцы, стремясь къ панмонголизму. Китайскіе студенты въ токійскомъ университетѣ, „То-а-до-бун-квай“ или „Восточно-азиатскій культурный союзъ“, насчитывающій среди своихъ членовъ въ настоящее время массу китайцевъ—вотъ средства, при помощи которыхъ образованные классы стремятся къ проведенію лучшаго порядка вещей въ жизнь китайскаго народа. Народъ стремится иначе. Онъ образуетъ безчисленныя секты и тайныя общества, освященныя вѣковыми обычаями. Наиболѣе извѣстная изъ этихъ сектъ „Триада“, основанная на религиозно-философскихъ началахъ, совмѣщая въ себѣ три понятія: небо, землю и человѣка. „На землѣ будетъ только тогда хорошо, когда небо исправитъ тлѣющее въ грѣхахъ человѣчество“. Это общество дѣлится на 5 ложъ: главная—въ провинціи Фу-цзянь, затѣмъ въ Чуань-дунь, Гонь-нань, Хучуань и Чжэ-цзянь.

Большинство членовъ рабочихъ и ремесленники. Въ послѣдніе годы подъ японскимъ вліяніемъ принимаются въ члены и женщины. Цѣль этого—нравственное совершенствованіе человѣка и общества и проведеніе въ жизнь новыхъ взглядовъ и теченій западно-европейской мысли, однако, на почвѣ буддизма.

Затѣмъ идетъ „Секта Бѣлаго Ненюфара“. Это секта чисто политическая. Члены ея раскинуты по всему Китаю и, несмотря на преслѣдованіе со стороны правительства, она насчитываетъ въ своихъ рядахъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ и въ томъ числѣ, по слухамъ, Юань-Ши-Кая. Цѣль общества—модернизация Китая при помощи японскаго вліянія.

Наконецъ, общества: „Чайный цвѣтокъ“ и „Сѣкира“ имѣли цѣлью сохраненіе древнихъ обычаевъ и уничтоженіе иностраннаго вліянія. Послѣднія двѣ секты, спустя нѣкоторое время послѣ возникновенія, слились въ одну подъ именемъ „Краснаго зонта“. Затѣмъ, реформируясь и воспринимая съ теченіемъ времени новыя

идеи и новыхъ руководителей, эти секты послѣдовательно носили названія: „Золотой колоколь“ и „Великая стихія“. Эти-то секты и слились въ 1900 г. подъ названіемъ „Кулакъ мира и патриотизма“, провозгласивъ своимъ девизомъ:

„Китай для китайцевъ!“

Пока этотъ крикъ былъ направленъ противъ европейцевъ,—китайское правительство относилось къ нему индифферентно, но скоро оно поняло, что у предводителей движенія одновременно идетъ рѣчь и о сверженіи ненавистой маньчжурской династїи. Тогда Дворъ удалился въ Синьаньфу, предоставивъ Европѣ распространяться съ возстаніемъ по своему усмотрѣнію.

Нынѣ лучшіе умы Китая: Юань-Ши-Кай и Квангъ-Си находятся подъ японскимъ вліяніемъ, подъ этимъ же вліяніемъ находится и масса китайскаго юношества, получившая образованіе въ японскихъ университетахъ или въ новыхъ школахъ въ Китаѣ, руководимыхъ японцами. Масса такихъ китайскихъ ученыхъ ходятъ уже въ европейской одеждѣ и разетались съ традиціонной косою.

При открытіи въ прошломъ году „новой школы“ японскаго образца въ Хангшу, произошли серьезные безпорядки. Начальство этой школы съ самаго начала вздумало импонировать ученикамъ, по старымъ обычаямъ, своимъ китайскимъ деспотизмомъ. Тогда нѣсколько учениковъ, уже бывшихъ въ школахъ въ Японіи и проникшихся тамъ идеями „о свободномъ назначеніи“ человѣка, обратились къ начальству, выемѣляли его приемы, называя его шайкой старомодныхъ глупцовъ. Ничего не могъ подѣлать и директоръ и тоже подвергся оскорбленіямъ, послѣ чего зачинщики были исключены изъ школы. Тогда и всѣ остальные ученики демонстративно in corpore покинули школу и направились съ жалобой къ мѣстному дао-таю. Подобныя же массовыя вспышки повторились и въ другихъ мѣстахъ: такъ, въ Шанхаѣ была закрыта знаменитая Наніаогская школа. Это, конечно, буря въ стаканѣ воды, но она въ достаточной мѣрѣ показываетъ, куда направлены умы и стремленія современнаго китайскаго юношества, которому въ недалекомъ будущемъ предстоитъ замѣнить своихъ отцовъ на государственной службѣ.

Какъ извѣстно, и китайки достаточныхъ классовъ не отстаютъ отъ своихъ мужей. Онѣ организовали союзъ, насчитывающій уже около 100.000 членовъ для борьбы противъ уродованія ногъ, и союзъ этотъ состоитъ подъ покровительствомъ императрицы-матери. Онѣ издаютъ свой журналъ, служащій также органомъ союза: „Нюй-Сю-бао“—прогресса современныхъ женщинъ.

Въ заключеніе не могу не упомянуть еще объ одномъ несогласіи съ уважаемымъ профессоромъ Метзи. Не нѣсколько китайскихъ чиновниковъ накупили судовъ и устроили арсеналы, т. е. явились проводниками въ Китай милитаризма, а Дворъ, который, по словамъ профессора, индифферентенъ къ этому вопросу. Нынѣшній китайскій императоръ Куангъ-Теу опубликовалъ въ концѣ 1903 года въ „Пекинской газетѣ“ статью: „Интэнъ-Хю-Пьентъ“—единственная надежда Китая,—гдѣ высказано слѣдующее: „Мы не довѣряемъ всѣмъ любителямъ старинныхъ системъ, желающихъ создать армію, побѣдоносную, но со старымъ вооруженіемъ, защищающихъ берега Китая старыми канонерками вмѣсто современныхъ крейсеровъ.“

„Войско для государства—то же, что дыханіе для тѣла. Никто не можетъ жить, не дыша; ни одна страна не можетъ существовать безъ арміи. А въ настоящее время въ Китаѣ находятся люди, очень высокопоставленные, говорящіе, что Небесная Имперія должна присоединиться къ лигѣ всеобщаго разоруженія и третей-

скаго суда, ибо Имперія находится въ отчаянномъ положеніи, а дѣятельность этой лиги гарантируетъ миръ на Востокѣ. Наше мнѣніе—что вмѣсто того, чтобы обезпечить миръ Китаю, его разоруженіе только послужитъ поводомъ къ новымъ оскорбленіямъ со стороны другихъ державъ. О, какъ мы должны быть все время насторожѣ въ настоящее время, когда всѣ державы говорятъ о разоруженіи! Если мы сохранимъ нашу армію, мелкіе народы будутъ насъ уважать, а великія націи—бояться.

„Многіе среди насъ имѣютъ абсолютную вѣру въ международное право, но они столь же наивны, какъ тѣ, кто надѣется на разоруженіе и всеобщій миръ! Между странами, одинаково вооруженными, международные законы еще имѣютъ нѣкоторый смыслъ, но что могутъ сдѣлать эти законы для урегулированія боевого различія между народомъ сильнымъ и народомъ слабымъ“.

Тшенгъ-Чи-Тунгъ—первое приближенное лицо императрицы и председатель „Секты Благо Ненюфара“, очевидно, какъ всякій сановникъ, считаясь съ мнѣніями, царящими при Дворѣ, опубликовалъ также статью, проводящую тождественные взгляды. „Европейскую цивилизацію надо поддерживать и распространять въ Китаѣ, а для этого необходима армія. Европейскія націи говорятъ о разоруженіи, но ничего въ этомъ направленіи не дѣлаютъ, а слышно только объ увеличеніи морскихъ силъ или усиленіи расходовъ на армію. Если у насъ будутъ солдаты, сильныя націи будутъ искать нашей дружбы, въ противномъ случаѣ мы подвергли бы себя всеобщему посмѣянію. Проекты разоруженія только ускорятъ паденіе нашей имперіи. Другія державы, видя насъ до такой степени слабыми, безъ сомнѣнія, нападутъ на насъ для раздѣленія Имперіи“.

Таковы взгляды Двора, и оно понятно, если вспомнить все, сказанное выше. Китайскому правительству, покровительствующему европейскому капитализму въ Китаѣ, необходима армія, не только для защиты отъ враговъ внѣшнихъ, но и внутреннихъ...

Ближайшимъ результатомъ торжества идей милитаризма явилось два событія: назначеніе способнѣйшаго китайскаго генерала и патріота Юанъ-Ши-Кая главнокомандующимъ съ повелѣніемъ реорганизовать армію подъ своимъ руководствомъ, слѣдствіемъ чего тотчасъ явился указъ объ удаленіи съ военной службы всѣхъ игроковъ и курильщиковъ опиума, во-первыхъ; во-вторыхъ, предложеніе мандаринамъ—одного изъ сыновей непремѣнно отдавать въ военную школу и, наконецъ, требованіе отъ вольноопредѣляющихся умѣнья читать и писать и происхожденія отъ уважаемой въ его округѣ семьи.

Вторымъ печальнымъ обстоятельствомъ явилось убійство евнуха императрицы-матери Ли, являвшагося убѣжденнымъ проповѣдникомъ гуманитарныхъ идей и бывшаго заклятымъ врагомъ милитаризма.

Резюмируя все вышесказанное, можно съ увѣренностью сказать, что въ Китаѣ въ настоящее время происходитъ бурное броженіе во всѣхъ классахъ общества, и чѣмъ оно кончится, покажетъ только отдаленное будущее.

Антонъ Горемына (С. Ціонъ).

Проф. Анджело Моссо.

Интернаціональная фізіологическая ла- бораторія на Монте- Роза.

Прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ на 5-омъ всемірномъ конгрессѣ фізіологовъ, въ Туринѣ, рѣшено было основать на Альпахъ интернаціональную фізіологическую лабораторію для изученія челоѣка. Послѣ экспедицій, предпринятыхъ мной и проф. Пьеромъ Джакозою на вершину Ньифетти, королева-мать сама пришла къ рѣшенію основать на вершинѣ Альпъ центральный пунктъ для изслѣдованій; ассигновавъ значительную сумму денегъ на осуществленіе этого плана, она поручила мнѣ образованіе комитета для руководства работами по расширенію названнаго ея именемъ дома, такъ какъ она желала предостовить изслѣдователямъ необходимыя удобства.

Постройка, Capanna Regina Margherita (Хижина Королевы Маргериты) въ настоящее время состоитъ изъ 7 комнатъ съ двойными деревянными, обитыми мѣдью, стѣнами; передъ домомъ находится терраса для наблюденій подъ открытымъ небомъ, и весь домъ несомнѣнно принадлежитъ къ самымъ великолѣпнымъ, смѣлымъ и удобнѣйшимъ постройкамъ, какія только можно себѣ представить на Альпахъ и на такой высотѣ.

Министръ Нази назначилъ пособие на оборудованіе лабораторіи въ 3,000 лиръ, а г. Сольвѣ изъ Брюсселя пожертвовалъ еще 10,000 лиръ. Американцы тоже обнаружили большой интересъ къ этому предпріятію, задуманному вполне въ ихъ духъ, и предложили международной Ассоціаціи Академій принять участіе въ интернаціональной лабораторіи на Монте-Роза, въ виду ея значенія для науки. Предложеніе это, сдѣланное Національной Академіей въ Вашингтонѣ, было единогласно принято на послѣднемъ конгрессѣ въ Лондонѣ.

Предстояло торжественное открытіе лабораторіи. Г. Сольвѣ,

выѣхавшій уже на торжество, по болѣзни долженъ былъ вернуться въ Бельгію и послалъ вмѣсто себя своего друга, инженера Лефбюра, недавно опубликовавшаго работу объ Альпахъ. Торжество было очень скромное; оно должно было выразиться только водруженіемъ флага; поэтому приготовленія заключались только въ томъ, что положили на ледъ необыкновенно длинную жердь и оставили лежать до 14 августа; въ этотъ день надъ башней обсерваторіи взвился и распустился на высотѣ 5 метровъ трехцвѣтный флагъ. Доставка необходимыхъ приспособленій связана была съ большими трудностями, такъ какъ у насъ было 34 ящика съ инструментами, провіантомъ, матрацами, одѣялами, печками, кухонной посудой и стальными цилиндрами съ сжатымъ кислородомъ и жидкой угольной кислотой. Весь багажъ былъ очень тяжеловѣсенъ и состоялъ изъ такихъ хрупкихъ инструментовъ, какъ барометры, стеклянная посуда для химическихъ изслѣдованій, микроскопы, самопишущіе аппараты; мы только видѣли, какъ наши ящики то подымались, то исчезали въ снѣжныхъ равнинахъ, то скользили по пологимъ ледникамъ, то терялись въ туманѣ, или оставлялись на произволъ судьбы во время мятели. Въ одинъ изъ первыхъ дней нашъ обозъ долженъ былъ сдѣлать продолжительную остановку изъ-за слѣдующаго несчастнаго случая: нѣкто г. Фитцжельдъ-Ральдъ изъ Дублина сломалъ себѣ ногу недалеко отъ вершины Ньифетти; проводники и носильщики оставили насъ на произволъ судьбы и поспѣшили къ нему на помощь; мы сами тоже примкнули къ спасательному отряду и проводили отважнаго альпиниста до Алагны, гдѣ онъ вполне излечился.

Въ моей экспедиціи приняли участіе: проф. Галеотти изъ Сиенскаго университета, д-ръ Джакомъ Марро, д-ръ Карло Фоа и д-ръ Альберто Агаццотти. Насъ хотѣлъ еще провожать проф. Атуэтеръ изъ Миддельтонскаго университета въ, самый выдающійся изъ современныхъ физиологовъ и изслѣдователей въ области обмѣна веществъ и калориметріи человѣка. Проф. Атуэтеръ, которому уже 60 лѣтъ и который вѣситъ 90 килограммовъ, остался на недѣлю въ Аланѣ и совершалъ тамъ ежедневно все болѣе продолжительныя прогулки, чтобъ тренироваться и увеличить свою сопротивляемость; затѣмъ втеченіе второй недѣли онъ вмѣстѣ съ женой оставался на Кольд'Олень, на высотѣ 3,000 метровъ; оттуда онъ разъ впервые взобрался на вершину Ньифетти, вернулся обратно и только тогда я повелъ его на высочайшую вершину Монте-Роза. Я рассказываю объ этомъ съ цѣлью подать добрый совѣтъ пожилымъ людямъ, которымъ предстоитъ подняться на гору, и чтобъ показать, какъ физиологамъ удается безъ утомленія подыматься на высокія вершины.

Насъ было 5 человѣкъ и мы оставались втеченіе 15 дней въ хижинѣ Королевы Маргариты, гдѣ у каждого была своя программа для работы и всѣ необходимые для изслѣдованій аппараты. Д-ръ Агаццотти изучалъ обмѣнъ веществъ и дыханіе морскихъ свинокъ съ цѣлью измѣренія количества поглощаемаго кислорода и выделяемой углекислоты. Тѣ же изслѣдованія онъ производилъ надъ собой и надъ служителемъ лабораторіи Луиджи Маньяни. Чтобъ изучить вліяніе утомленія на дыханіе, д-ръ Агаццотти опредѣлялъ число метровъ воздуха, вдыхаемаго черезъ регистрирующий аппаратъ проф. Цунтца. Этотъ аппаратъ надѣвается на

плечи въ видѣ ранца и можетъ служить также для измѣренія тока воздуха, проходящаго черезъ легкія при хожденіи по дорогамъ различной крутизны и при восхожденіи на глетчеры. Въ этомъ году въ хижинѣ Королевы Маргариты мы надѣвали его только при гимнастикѣ, чтобъ сравнить измѣненія въ дыханіи при той же работѣ въ Туринѣ. Д-ръ Карло Фоа изслѣдовалъ вліяніе разрѣженнаго воздуха на составъ крови. Это очень сложная и важная задача, такъ какъ весьма многіе факторы могутъ вызвать измѣненія въ циркуляціи и составѣ крови кожи, если ограничиться одними уколами, чтобъ получить капли крови для микроскопическаго изслѣдованія. Необходимо было болѣе основательное изслѣдованіе, нужно было точнѣе изслѣдовать также и составъ крови въ артеріяхъ. Такъ какъ на человѣкѣ нельзя произвести эти изслѣдованія, то мы взяли съ собой трехъ собакъ и нѣсколькихъ кроликовъ и изслѣдовали подъ микроскопомъ также и кроветворящіе органы. Работы д-ра Фоа по этому столь часто затрагиваемому вопросу о вліяніи альпійскаго климата на кровь выяснили, что наступающія измѣненія гораздо менѣе значительны, чѣмъ полагали до сихъ поръ, и что на Альпахъ красныя кровяныя тѣльца и жидкость (плазма и серумъ) иначе распредѣляются въ глубоко лежащихъ частяхъ тѣла и на поверхности его.

Въ прошломъ году я вмѣстѣ съ д-ромъ Марро изслѣдовалъ главнымъ образомъ газы крови и въ этомъ году мы продолжали изслѣдованія, взявъ съ собою небольшую собачку, которая была уже съ нами на Монте-Роза. Какъ надѣйней, такъ и надѣ другими животными мы установили, что на большой высотѣ въ крови меньше кислорода. Это объясняется тѣмъ, что на высотѣ 5,500 метровъ одинаковый объемъ воздуха содержитъ въ себѣ только половину того вѣса кислорода, что на поверхности земли. Но самый важный результатъ моихъ изслѣдованій заключается въ томъ, что въ крови при этихъ условіяхъ и углекислоты меньше. Тотъ, кто знаетъ, какъ трудно опредѣлять содержаніе газовъ въ жидкостяхъ, не можетъ не удивиться успѣхамъ техники, которая даетъ теперь возможность дѣлать точные анализы чуть ли не на бивуакѣ, въ виду полярнаго ландшафта, открывающагося изъ затаенутыхъ ледянымъ узоромъ оконъ.

Въ нынѣшнемъ году я хотѣлъ предпринять подобныя изслѣдованія на человѣкѣ, такъ какъ надо было выяснитъ, становится ли на высочайшихъ вершинахъ Альпъ кровь менѣе щелочной, и является ли это уменьшеніе щелочности послѣдствіемъ того, что болѣе рѣдкій воздухъ содержитъ меньше кислорода, или что слабое давленіе воздуха обуславливаетъ выдѣленіе углекислоты крови. Проф. Галеотти предложилъ предпринять эти изслѣдованія на его собственной крови; также д-ръ Карло Фоа былъ готовъ позволить вскрыть себѣ жилу, и я приношу имъ благодарность за ихъ самопожертвованіе и оказанную мнѣ любезность. Для полученія болѣе надежныхъ результатовъ я, кромѣ того, взялъ еще съ собою на Монте-Роза двухъ обезьянъ; такъ какъ я зналъ, что эти животныя очень страдаютъ отъ холода, то, пока ихъ нельзя было выпустить на свободу, я ихъ держалъ въ ящикѣ, согрѣваемомъ теплою водою. Изслѣдованіе крови человѣка, обезьянъ и кроликовъ показали, что наша кровь

на Монте-Роза менѣ щелочна. Уменьшеніе щелочности колеблется между 36 и 44%. Опыты, предпринятые въ Туринѣ, при чемъ употребляемый воздухъ былъ настолько разбавленъ водородомъ, что животныя вдыхали столько же воздуха, какъ на Монте-Роза, показали, что не только недостатокъ кислорода, но и уменьшеніе воздушнаго давленія понижаютъ щелочность крови.

Проф. Галеотти изслѣдовалъ, кромѣ того, вліяніе алкоголя и глотанія. Д-ръ Марровторично изслѣдовалъ газы крови послѣ болѣе продолжительнаго, чѣмъ въ прошломъ году, пребыванія на Монте-Роза

Изъ пятнадцати дней, которые мы провели въ хижинѣ Королевы Маргариты, втеченіе нѣсколькихъ дней свирѣпствовала такая буря, что мы цѣлыхъ три дня не могли выйти изъ дому. Такъ какъ запасъ воды скоро истощился и не доставало воды для питья и для кухни, то въ концѣ концовъ мы вынуждены были доставать со двора куски льда и давать ему растаять. Изъ одного того, что намъ можно было рѣшиться выйти, только привязавъ себя къ двери, можно видѣть, съ какими трудностями и опасностями сопряжена была эта работа, и какія предохранительныя мѣры нужно было принять, чтобъ не пасть жертвой неистовствующей бури.

Кромѣ того, изъ-за мятели прекратился подвозъ свѣжаго провіанта, къ тому же у насъ не было дровъ; пришлось питаться однимъ консервированнымъ мясомъ вмѣсто хлѣба и масла и сломать дверь на дрова. Холодъ былъ такой, что днемъ термометръ опускался на 12° ниже нуля.

Наконецъ, когда по истеченіи трехъ дней буря нѣсколько улеглась, прибыла желанная экспедиція съ запасомъ провіанта и освободила насъ изъ тяжелаго положенія.

Германской экспедиціи берлинскаго профессора Цунтца счастье болѣе благопріятствовало; проф. Цунтцъ въ нынѣшнемъ году подымался въ хижину Королевы Маргариты второй разъ. Онъ пробылъ тамъ вмѣстѣ съ вѣнскимъ проф. Дуригомъ 20 дней. Мы работали вмѣстѣ съ ними цѣлую недѣлю. Наша совмѣстная работа на Монте-Роза закончилась прощальнымъ обѣдомъ, даннымъ итальянской экспедиціей въ тотъ день, когда нѣмецкая экспедиція съ проф. Цунтцомъ и Дуригомъ покинула лабораторію. При прощаніи съ нѣмецкой экспедиціей была такая хорошая погода, что окна были раскрыты, и она могла спуститься по глетчеру, чтобы произвести опыты надъ утомленіемъ на солнцѣ и на свободѣ.

Изслѣдованія по физиологіи человѣка на альпійскихъ высотахъ важны не только для изученія горной болѣзни, но еще и потому, что въ разрѣженной атмосферѣ не наблюдаются нѣкоторыя нервныя явленія, а во время сна наступаютъ такіе процессы, которые не имѣютъ мѣста на низинахъ поверхности земли.

В. Ө. Тотоміанць.

Отъ одиночества къ солидарности.

Всякому вдумчивому читателю бросается въ глаза, какъ часто въ современной беллетристикѣ и журналистикѣ встрѣчаются жалобы на разъединеніе душъ, на стремленіе окружить себя, по выраженію нашего незабвеннаго Чехова, — оболочкой, однимъ словомъ, на охлажденіе людскихъ отношеній. Послѣднее доходить до того, что даже въ тѣсныя отношенія любви и дружбы вкрадывается тяжелое чувство сознанія отчужденности. „Мы всѣ бро-димъ въ пустынь, не понимая другъ друга“ — говоритъ Флоберъ. „Мы любимъ другъ друга такъ, какъ бы были скованными другъ съ другомъ, мы протягиваемъ руки, фактически не будучи въ состояніи коснуться другъ друга. Потребность сблизиться мучитъ насъ, но наши усилія напрасны, наша преданность бесполезна, наше довѣріе неосновательно, наша любовь слаба, наша нѣжность суетна. Когда мы хотимъ подойти другъ къ другу, то мы только толкаемъ другъ друга“, — говоритъ Мопассанъ въ разсказѣ „Solitude“, необыкновенно сильно выражающемъ чувство одиночества. Типы одинокихъ людей выводятъ также Чеховъ (въ разсказахъ „Моя жизнь“, „Скучная исторія“ и др.), Аннунціо, Гауптманъ и Гамсунъ въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ. Наибольше дифференцированъ типъ одинокаго у Гамсуна. Одинокій, выводимый этимъ писателемъ, доволенъ своимъ одиночествомъ, гордится, что онъ не похожъ на другихъ, и въ то же время страстно жаждетъ любви, преданности, хочетъ окунуться въ людскую массу. Онъ то и дѣло пытается сблизиться съ людьми, но постоянно замыкается въ себя, сильно задѣтый ихъ шероховатостью.

Стоить только взглянуть на современный большой городъ, чтобы наглядно убѣдиться не только въ одиночествѣ индивидуума, но даже въ обособленности жизни массъ. Развѣ городъ не похожъ теперь, употребляя сравненіе экономиста Бюхера, на большую кучу разрозненныхъ песчинокъ? Нигдѣ нѣтъ столько одиночества.

какъ въ самомъ большомъ городѣ. Въ немъ индивидуумъ изолированъ, ибо его отношенія обыкновенно опредѣляются матеріальными и лишь изрѣдка моральными соображеніями. Живой же центръ всѣхъ, въ особенности духовныхъ интересовъ, обыкновенно отсутствуетъ. Почти нигдѣ нельзя встрѣтить продолжительнаго подъема надъ будничной суетой. Большой выборъ знакомствъ въ крупныхъ городахъ дѣлаетъ эти знакомства поверхностными и быстро расшатываетъ ихъ. Въ большомъ городѣ всякій можетъ ежедневно заводить новыя знакомства, и эта легкость препятствуетъ большинству дѣлать прежнія отношенія болѣе близкими. Отношенія людей на почвѣ капиталистическаго строя приобрѣли въ экстенсивности, но потеряли въ интенсивности. Они удовлетворяютъ очень мало во всѣхъ смыслахъ. Чтобы взять болѣе конкретный примѣръ, нужно вспомнить, какое множество людей, пришедшихъ въ большіе города изъ деревень и другихъ мѣстъ, чувствуютъ себя въ нихъ жутко. Какъ много времени теряется въ одиночествѣ и борьбѣ, пока эти пришедшіе вновь пускаютъ корни!

Возьмемъ для сравненія средневѣковый городъ. Тогда между горожанами было гораздо больше солидарности. Каждый принадлежалъ къ организаціи, къ какому-нибудь профессиональному союзу. Цехъ сводилъ къ минимуму конкуренцію между людьми одной профессіи и до нѣкоторой степени обезпечивалъ принадлежащихъ къ нему.

Цехи мѣшали экономическому неравенству индивидуумовъ и въ то же время заботились о другихъ интересахъ своихъ членовъ, отгоняя отъ нихъ тоску и неуверенность въ своихъ товарахъ и въ завтрашнемъ днѣ. Жизнь цеха, его работа, отдыхъ и веселье, его наблюдательныя и регулирующія функціи—все это создавало идеалистическій подъемъ индивидуума, давало ему нравственные директивы. Спокойное и обезпеченное существованіе въ лонѣ цеха было причиной отсутствія смятенія и тоски,—по крайней мѣрѣ, во время расцвѣта цеховъ, среди—трудящихся людей.

Но индивидуумъ былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ не только съ цехомъ, которому онъ принадлежалъ, а и съ городомъ, въ которомъ жилъ. Городъ былъ цехомъ цеховъ, живымъ цѣлымъ, состоящимъ изъ тѣсно связанныхъ между собою частей. И хотя онъ часто былъ недружелюбенъ ко всему находившемуся по ту сторону городскихъ стѣнъ, но зато дѣйствительно объединялъ жившихъ въ его чертахъ.

Возьмемъ, на примѣръ, нѣмецкіе города 13, 14 и 15 столѣтій. Во-первыхъ, въ нихъ имѣлись муниципальные хлѣбные амбары (въ Нюрнбергѣ, Майнцѣ, Эрфуртѣ и т. д.) на случай голодовокъ и для поддержки бѣдныхъ, склады соли (въ Васелѣ и т. д.), бесплатныя и дешевыя столовыя (въ Магдебургѣ, Гильдесгеймѣ и т. д.) или рестораны, обыкновенно находившіеся при бесплатныхъ же ночлежныхъ домахъ или гостиницахъ для путешественниковъ, главнымъ образомъ изъ ремесленниковъ. Во-вторыхъ, городскія управленія приходили на помощь населенію, устраивая мельницы, пекарни, въ которыхъ желающіе могли печь свой хлѣбъ, бойни, пивоваренные заводы, аптеки (въ Вормсѣ, Базелѣ, Мюнстерѣ, Аугсбургѣ, Бреславлѣ и т. д.), больницы, бани и купальни, бесплатныя для бѣдняковъ, заведенія для глаженія тканей, а съ 14 столѣтія школы. Наконецъ, средневѣковыя городскія управленія заботились даже объ увеселеніи своихъ гражданъ, строя дома для танцевъ.

Нынѣ городъ является составною частью большого государства, и его собственная внутренняя жизнь потеряла какъ въ смыслѣ содержанія, такъ и теплоты. Цѣпь, связывавшая индивидуума съ цехомъ и цехъ съ городской корпораціей, разорвана. Индивидуумъ

изолированно стоитъ теперь передъ суровой громадой государства.

Подобное же зрѣлище, какъ современный большой городъ, представляетъ общественная жизнь большей части цивилизованнаго міра. Вездѣ господствуетъ хозяйственный индивидуализмъ, всеобщая конкуренція, денежное хозяйство и регрессъ искренности и любви. Отношенія между господиномъ и слугою, между работодателемъ и рабочимъ лишены всякой задушевности. Личныя отношенія смѣнились безличными, денежными. На мѣсто прежняго единенія для жизни явилось экономическое подчиненіе.

Господствующая въ настоящее время хозяйственная свобода породила лихорадочное движеніе. Она измѣнила всѣ жизненныя отношенія: одни стали быстро идти въ гору, другіе такъ же быстро бѣднѣли и т. д. Профессія дѣлается простымъ средствомъ къ обогащенію и къ существованію. Она перестаетъ быть средствомъ душевнаго удовлетворенія. Профессія и общественное положеніе мѣняются изъ поколѣнія въ поколѣніе; сынъ попадаетъ въ совершенно другія условія, чѣмъ отецъ. Такимъ образомъ, отчужденіе свиваетъ себѣ гнѣздо и въ семьѣ, которая дезорганизуется быстрымъ переворотомъ и сведеніемъ всѣхъ жизненныхъ цѣнностей къ одному денежному интересу. Дѣти и отцы не понимаютъ другъ друга. Дѣти одинаково идутъ своей дорогой, а отцы одинаково остаются позади. Духъ времени отражается даже на бракѣ.

Вступаящему теперь въ жизнь предстоитъ трудная задача: завоевать себѣ мѣсто и выработать міросозерцаніе, между тѣмъ какъ прежде послѣднее давалось семейной традиціей. Но многимъ ли удастся рѣшить эту задачу? Значительное количество людей, покончивъ со старыми нравами и обычаями, не вырабатываютъ себѣ новыхъ, болѣе человѣческихъ и цѣнныхъ. Получается много выбитыхъ изъ колеи, неустойчивыхъ и пустыхъ людей. Такимъ образомъ можно сказать, что изолированіе и одиночество многихъ людей является оборотной стороной капиталистическаго строя, породившаго страшную конкуренцію и холодный, безпокойный, нервный индивидуализмъ.

Указывая на недостатки современнаго строя сравнительно съ средневѣковымъ, мы, само собой разумѣется, не желаемъ возвращенія къ нему. Даже въ лучшія свои времена средневѣковое хозяйство не было лишено крупныхъ недостатковъ. Вспомнимъ, примѣрно, хоть то, что вся его организація:—цехи—были не свободными союзами, а принудительными, подавлявшими индивидуальное чувство самоопредѣленія. Лишь немногія необыкновенныя натуры не теряли отъ этого давленія, отъ этой зависимости. Капиталистическій строй, освободившій людей отъ средневѣковыхъ путъ и поднявшій этимъ производительныя силы, является историческою необходимостью. Поэтому, замѣна средневѣковаго солидаризма современнымъ индивидуализмомъ не должна никого поражать. Но такъ какъ этотъ историческій процессъ былъ въ значительной мѣрѣ разрушителенъ и отрицателенъ, то естественно, что теперь указывается на тѣ жертвы, которыхъ онъ стоилъ, и на дефицитъ, который сдѣланъ имъ. Этотъ дефицитъ старается устранить современное культурное челоѣчество, главнымъ образомъ въ лицѣ рабочаго класса. Явилась сильная потребность въ организаціи и солидарности, обусловленная преимущественно экономической необходимостью. Возникли и распространились общества взаимопомощи, профессиональные союзы, потребительныя и производительныя общества, альянсы; вновь начала развиваться муниципализація, народилось социальное законодательство и государственство. Все это порождено, конечно, экономическими соображеніями, но все-таки является средствомъ освобожденія отъ

изоляции и одиночества, средствомъ смягченія борьбы всѣхъ противъ всѣхъ. Велѣдъ за этимъ освобожденіемъ идетъ связанное съ нимъ улучшеніе людскихъ отношеній и идеализмъ. Вѣкъ одиночества и вражды смѣняется вѣкомъ солидарности, и эта солидарность будетъ уже лишена средневѣковаго партикуляризма, принудительности и рутинны.

В. Тотоміанцъ.

В. В. Битнеръ.

Отъ солидарности къ индивидуализму. Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ относительно общей оцѣнки средневѣковой и современной жизни, не можемъ не замѣтить, что на ряду съ ожидаемымъ вѣкомъ солидарности, лишеннымъ средневѣковаго партикуляризма, принудительности и рутинны, истинный индивидуализмъ, который требуетъ высшаго проявленія духовныхъ силъ, почти совершенно отсутствовавшихъ, въ настоящемъ смыслѣ, въ прошлыя времена,—возможенъ лишь въ отдаленномъ будущемъ. Это сознавалъ и Ницше, который долгое время носился съ мыслью поселиться на необитаемомъ островѣ или въ уединенномъ замкѣ и сообщая съ нѣсколькими друзьями постараться выработать изъ себя учителей будущаго, способныхъ заняться воспитаніемъ молодого поколѣнія. Нѣсколько разъ въ своей жизни Ницше пытался провести въ жизнь свою идею—объ одиночествѣ. Въ 1874 г. онъ съ сестрой купилъ для этой цѣли небольшой замокъ въ Граубюнденѣ; зимою 1876—77 гг. онъ вмѣстѣ съ г-жей Мальвиной Майзенбургъ предполагалъ учредить монастырь свободныхъ духовъ. Но... кругъ такихъ истинно свободныхъ душъ—индивидуалистовъ съ теченіемъ времени все суживался, и надежда увидѣть осуществленіе этой мечты стала исчезать. Ницше видѣлъ, что индивидуализмъ возможенъ лишь въ отдаленномъ будущемъ (см. третій т. біографіи Ф. Ницше, составленной его сестрой г-жею Ферстеръ-Ницше,—онъ выйдетъ въ свѣтъ на-дняхъ).

Обращаясь къ прошлому, мы встрѣчаемъ въ исторіи одинъ фактъ, настолько исключительный и, тѣмъ не менѣе, совершенно не освѣщенный историками, что мы—разъ зашла рѣчь объ индивидуализмѣ—не находимъ возможнымъ обойти его молчаніемъ. Фактъ, который мы здѣсь имѣемъ въ виду,—право *veto* у поляковъ. Чтобы оцѣнить значеніе этого института по достоинству, необходимо обратить вниманіе на его внутренній смыслъ. До сихъ поръ историки подходили къ этому явленію со стороны, такъ сказать, чисто практической и, конечно, осуждали *veto*, какъ правовой порядокъ, который грозилъ польскому государству гибелью и якобы даже былъ прямой причиной этой гибели.

Мы не станемъ входить въ обсужденіе правильности такого взгляда на политическія судьбы Польши, но не можемъ не остановиться на другой сторонѣ вопроса, которая, къ нашему удивленію, совершенно ускользнула отъ вниманія историковъ и философовъ.

Какъ извѣстно, сущность права *veto* въ польскомъ сеймѣ заключалась въ томъ, что всякій шляхтичъ имѣлъ право „сорвать сеймъ“, если не былъ согласенъ съ постановленіемъ большинства. Другими словами, для рѣшенія того или иного вопроса требовалось единогласное постановленіе собранія.

Въ настоящее время, когда царствуетъ принципъ рѣшенія вопросовъ большинствомъ голосовъ, возможность ставить рѣшеніе въ зависимость отъ единичныхъ взглядовъ, могущихъ идти въ

разрѣзъ съ желаніемъ большинства, кажется многимъ совершенно безсмысленною, но на самомъ дѣлѣ, если вдуматься въ сущность вопроса, если подойти къ нему съ философской стороны и разсмотрѣть его съ точки зрѣнія правъ личности, то мы должны будемъ признать, что польское *veto* потому только и не сохранилось, что оно представляло собою удивительный анахронизмъ: существованіе такого рода института возможно лишь въ отдаленномъ будущемъ, если вообще когда-либо возможно.

Что такое рѣшеніе большинствомъ голосовъ? Вѣдь это въ сущности, какъ уже давно замѣчено, не что иное, какъ торжество грубой силы—возможность большинства поддержать свое мнѣніе кулакомъ, а не убѣжденіемъ. Въ дѣйствительности „истина“—*vox populi—vox Dei*—безсмысленнѣйшая вещь, такъ какъ, на ряду съ этимъ, мнѣніемъ толпы не дорожатъ, къ нему относятся съ презрѣніемъ. Такъ смотрѣли философы всѣхъ временъ, такъ думаетъ большинство имѣющихъ личное мнѣніе и теперь. „Апелляція къ здравому смыслу—говоритъ Кантъ,—это не что иное, какъ ссылка на сужденіе толпы, отъ одобренія которой философъ краснѣетъ, а популярный болтунъ торжествуетъ“. „Отбрось общественное мнѣніе, и ты будешь спасенъ“, сказалъ еще Маркъ Аврелій. Такихъ изреченій всякій изъ насъ найдетъ не мало. Никто, стало быть, не можетъ стоять серьезно за то, что истина всегда на сторонѣ большинства...

Польскій политическій строй имѣлъ въ своей основѣ удивительно послѣдовательно проведенный принципъ аристократизма. Въ самомъ дѣлѣ, во главѣ народа стояло дворянство—шляхта съ избираемымъ ею же изъ своей среды королемъ. Каждый шляхтичъ могъ считать себя поэтому равнымъ королю и быть, такъ сказать, въ потенціи королемъ. Послѣдній, въ сущности, не имѣлъ никакихъ правъ, кромѣ почетнаго представительства *). Это была, такимъ образомъ, аристократическая республика, въ которой права личности (конечно, только шляхтича-дворянина) ставились необычайно высоко, въ силу чего при рѣшеніи государственныхъ вопросовъ на сеймѣ требовалось единогласіе. Предполагалось, конечно, что всякій шляхтичъ—патріотъ, желающій своему отечеству добра, но пониманіе пользы „народа“, само собою понятно, могло быть то или иное, и въ этомъ отношеніи права личности стояли настолько высоко, мнѣніе отдѣльной личности настолько уважалось, что нельзя было прійти къ окончательному рѣшенію какого бы то ни было вопроса на сеймѣ безъ согласія всѣхъ, безъ исключенія, участниковъ собранія. Поэтому сеймы часто „срывались“, чѣмъ пользовались враги Польши, нерѣдко оказывавшіе вліяніе на отдѣльныхъ представителей сейма. Съ другой стороны, на практикѣ дѣло часто доходило до сабель, и торжествовала, стало быть, не истина, а та же сила. Здѣсь, начиналась, стало быть, та естественная эволюція (а съ точки зрѣнія свободы личности, индивидуализма,—регрессъ)—которая приводитъ къ рѣшенію вопросовъ большинствомъ голосовъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ въ основѣ польскаго *veto* необычайно высокое развитіе принципа уваженія права свободы мнѣнія личности, и политическій строй Польши, въ сущности, покоился на удивительномъ непримѣрномъ сочетаніи коллективизма съ индивидуализмомъ. Это было настолько полнымъ юридическимъ признаніемъ послѣдняго, что считалось возможнымъ противоста-

*) Я имѣю въ виду общее положеніе, а не времена отдѣльныхъ королей; власть которыхъ, основанная на личныхъ качествахъ и другихъ данныхъ, часто доходила до предѣловъ, граничившихъ чуть не съ абсолютизмомъ.

вление государства (поскольку оно выражалось въ сеймѣ) и личности, безъ всякаго перевѣса въ ту или иную сторону.

Если этотъ строй не удержался, то не потому, чтобы онъ въ корнѣ былъ невѣренъ, а вслѣдствіе того только, что не настало время, да и врядъ ли когда-либо оно можетъ наступить,—для осуществленія такого идеальнаго государства, въ которомъ право личности нашло бы столь высокое признаніе.

Мы сдѣлали эту вылазку въ область исторіи съ одною лишь цѣлью показать, что уже въ прошломъ была попытка юридическаго обоснованія равенства правъ личности и общества. Что эта попытка потерпѣла неудачу,—это для насъ особаго значенія не имѣетъ, какъ не важно и то, какія причины вызвали эту неудачу. Несомнѣнно, однако, одно, что польское право *veto*, представляя собою яркое проявленіе индивидуализма, должно было погибнуть въ борьбѣ съ грубою силою, такъ какъ, если для аристократизма духа, какъ его понималъ Ницше, не настало время еще теперь, то тогда и подавно онъ не могъ существовать, несмотря на всю свою нравственную силу... „Толпа“ и „кулакъ“ должны были задать это нѣжное растеніе, не имѣющее прочной почвы для своего существованія въ условіяхъ житейской обстановки, — индивидуализмъ, столкнувшись съ „правомъ“ *большинства*, долженъ былъ уступить ему мѣсто. Естественный ходъ торжества идей коллективизма и демократіи отгѣнилъ индивидуализмъ, который надолго потерялъ всякій кредитъ. Нужно, однако, замѣтить, что очень заблуждаются тѣ, кто думаютъ, что демократія противоположна индивидуализму, — это только явленіе временное переходное, которое имѣетъ мѣсто до тѣхъ поръ, пока существуетъ классовый антагонизмъ; довольно, чтобы онъ потерялъ свою остроту, чтобы стали сливаться общественныя группы, какъ начнется новый процессъ дифференціаціи, выдѣленія истинной аристократіи, аристократіи духа, о которой мечталъ Ницше. Къ этому ведетъ насъ жизнь, но „аристократія“, какова бы она ни была, духовная, родовая или денежная, всегда должна быть въ меньшинствѣ, и торжество ея можетъ быть лишь мечтою утопистовъ, жизненная же практика ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ солидарностью, которая обезпечиваетъ существованіе массы *).

В. Битнеръ.

*) Настоящая замѣтка, вызванная чтеніемъ статьи нашего почтеннаго со-трудника, имѣетъ въ виду лишь обратить вниманіе на этотъ въ высшей степени важный вопросъ, который требуетъ, конечно, болѣе серьезной трактовки, и мы быть можетъ когда-либо найдемъ время къ нему вернуться.

Проф. Альфредъ Принггеймъ.

Положительныя и отрицательныя стороны математики *).

Когда Гамильтонъ упрекаетъ математику въ томъ, что усиленное изученіе ея дѣлаетъ умъ неспособнымъ къ дѣятельности другого рода—такой, напр., какой требуетъ философія или жизнь,—то я думаю, что на первую часть этихъ упрековъ можно отвѣтить тѣмъ, что къ туманнымъ и пустымъ метафизическимъ спекуляціямъ математики обнаруживаютъ обыкновенно въ самомъ дѣлѣ мало способности и склонности. И если сообразно этому они считаютъ болѣе полезнымъ создавать математическія цѣнности вмѣсто того, чтобы способствовать умноженію тѣхъ кучъ блестящей безсмыслицы, которыя нагромодили въ продолженіе столѣтій многочисленные метафизики,—то въ этомъ я могу усмотрѣть во всякомъ случаѣ только заслугу и отнюдь не признакъ умышленнаго дефекта, разумѣется. И во всякомъ случаѣ,—довольно назвать имена Декарта и Лейбница, чтобы доказать, что гениальные математики могутъ быть и гениальными философами.

Другая же часть упрека, который дѣлаютъ математикамъ, что ихъ наука отчуждаетъ ихъ отъ требованій практической жизни—поскольку онъ вообще справедливъ—можетъ относиться къ математикамъ не больше, чѣмъ ко всякимъ ученымъ вообще. Чтобы убѣдиться въ полнѣйшей невинности математики самой по себѣ,—стоитъ только обратить свой взоръ на нашихъ западныхъ сосѣдей, на французовъ, у которыхъ въ теченіе XVIII столѣтія самую выдающуюся роль въ общественной жизни играли именно математики, и не случайные математики, занимавшіеся этой наукой „между прочимъ“, а часто крупные, перворазрядные творчески-математическіе умы. Чтобы ограничиться только значительнѣйшими именами, назову: *Гаспара Монжа* (Gaspard Monge, 1746—1818),—творца „Начертательной геометріи“ „*Géometrie descriptive*“ 1799) и автора „Примѣненій анализа въ геометріи“ „*Applications de l'analyse à la géométrie*“, 1801), двухъ классическихъ произведеній, влияние которыхъ распространяется и на наше время, того Монжа, котораго мы видимъ въ 1792 году на посту морского министра. Въ слѣдующемъ году онъ творитъ настоящія чудеса,

*) Окончаніе. См. № 7. Пер. Р. М.—чѣ.

добывая боевые матеріалы для защиты страны; въ 1794 году онъ основываетъ извѣстную Высшую Политехническую Школу (Ecole polytechnique); въ 1798 году сопровождаетъ своего друга Наполеона Бонапарта въ Египетъ, ведетъ тамъ жизнь воина, изобилующую опасностями и лишениями, являясь въ то же время душой научныхъ изысканій для изслѣдованій египетскихъ древностей.

Лазарь Карно (Lazare Carnot, 1753—1823), гениальный военный министр конвента, а позднѣе Бонапарта, пишетъ, среди всей славной политической дѣятельности, свои знаменитыя „*Reflexions sur la métaphysique du calcul infinitésimal*“ и свою „*Géometrie de position*“, трудъ, подготавившій развитие новѣйшей геометріи.

Жозефъ Фурие (Joseph Fourier, 1768—1830), безсмертный творецъ „Аналитической теоріи теплоты“ (Théorie analytique de la chaleur), принадлежалъ также къ участникамъ наполеоновской экспедиціи въ Египетъ. Въ качествѣ комиссара въ египетскомъ Диванѣ, онъ обнаруживаетъ истинно блестящую дипломатическую дѣятельность, подавляетъ съ изумительной предусмотрительностью и безстрашіемъ возстаніе жителей въ Каирѣ, издаетъ при всемъ этомъ множество математическихъ трактатовъ, оставаясь въ то же время ревностнымъ сотрудникомъ по изданію археологическаго описанія Египта (Description de l’Egypte). Позднѣе, въ 1802 году, онъ становится префектомъ Департамента Изеры и осушаетъ осушку бургуенскихъ болотъ, къ которой долго и тѣсно стремились до него.

Франсуа Араго (François Arago, 1786—1853), наслѣдникъ Монжа по кафедрѣ геометріи, болѣе извѣстный своими работами по физикѣ и астрономіи, съ 1830 года непремѣнный секретарь Академіи, былъ прозванъ въ этой роли „несравненнымъ и безподобнымъ“ и въ то же время въ эпоху іюльской монархіи въ качествѣ депутата онъ былъ самымъ страшнымъ изъ ораторовъ оппозиціи. Въ составѣ временнаго правительства 1848 года мы встрѣчаемъ его военнымъ и морскимъ министромъ, а въплослѣдствіи энергичнымъ и отважнымъ членомъ исполнительнаго комитета.

Жанъ Викторъ Понселе (Jean Victor Poncelet) участвуетъ въ 1812 году въ качествѣ поручика въ походъ на Россію, въ сраженіи при Красномъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, отправленъ въ Саратовъ на Волгѣ и тамъ, въ плѣну, лишенный всякихъ пособій для научныхъ занятій, дѣлаетъ наброски своего труда, создавшаго эпоху въ наукѣ: „*Traité des propriétés projectives des figures*“, обезпечившаго ему, какъ основателю ученія о проекціяхъ въ геометріи, выдающееся мѣсто въ ряду геометровъ всѣхъ временъ. Вернувшись во Францію (въ 1814 году), онъ поступилъ снова въ армію и въплослѣдствіи, несмотря на непрерывное продолженіе своихъ работъ по чистой геометріи, дѣятельно выдѣлился въ военной службѣ, былъ въ 1848 году произведенъ въ генералы и въ качествѣ таковаго командовалъ еще въ 1852 году соединенной національной гвардіей.

Назову въ заключеніе еще одно имя, которое не можетъ, правда, сравниться въ смыслѣ научнаго значенія съ вышеназванными, за то обладаетъ однимъ преимуществомъ передъ ними, преимуществомъ „современности“: *Шарль Фрейсинэ* (Charles Freycinet, р. 1828), который сумѣлъ заслужить, въ качествѣ министра и главы кабинета министровъ, доброе имя и въ Германіи, благодаря своей разумной и мирной политикѣ, является отнюдь не послѣднимъ по значенію математикомъ и написалъ, кромѣ двухтомнаго труда о рациональной механикѣ („*Traité de mécanique rationnelle*“), двѣ достойныхъ вниманія книги о философскихъ основахъ анализа безконечно малыхъ.

Приведенные примѣры, которые легко можно было бы умно-

жить, полагаемъ, достаточны для нашей цѣли. И если бы въ Германіи богиня справедливости не имѣла прискорбнаго обыкновенія вручать министерскіе портфели только своимъ собственнымъ питомцамъ,—кто знаетъ, не оказались ли бы иные нѣмецкіе математики преводоными министрами?

Не входя подробнѣе въ нѣкоторыя частности трактата Гамильтона, я хотѣлъ бы еще только попытаться установить, въ отвѣтъ на одно мѣсто, особенно выразительное и способное, на первый взглядъ, смутить своей кажущейся убѣдительностью,—какое образовательное значеніе можемъ мы приписать математикѣ, поскольку она является предметомъ преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и особенно въ среднихъ гуманитарныхъ школахъ, въ гимназіяхъ. Въ этомъ отношеніи даже противники ея большей частью соглашались обыкновенно, что она оказываетъ, болѣе всякой другой науки, существенную пользу формальному образованію ума, какъ особый родъ практической школы логики: и, въ самомъ дѣлѣ, главнымъ образомъ этому обстоятельству она и обязана тѣмъ, что первоначально была принята въ учебныя программы ученыхъ школъ. По этому поводу Гамильтонъ замѣчаетъ: „Искусство правильнаго умозаключенія пріобрѣтается безъ сомнѣнія не методомъ, въ которомъ отсутствуютъ неправильныя умозаключенія. Предварительныя упражненія въ бассейнѣ со ртутью не научатъ насъ плаванію въ водѣ. Итакъ, если намъ рекомендуютъ математику, какъ противодѣйствіе нашей естественной склонности къ ошибкамъ въ мышленіи,—отчего же не предлагаютъ и ртуть для парализованія нашей естественной склонности опускаться на дно?“.

Ну, на это можно было бы возразить: въ дѣйствительности это средство не только предлагается, но даже очень послѣдовательно примѣняется—послѣ того, замѣтите это хорошенько, какъ математика была основательно очищена отъ наслоившагося метафизическаго шлака. Метафизикъ Гамильтонъ упускаетъ именно изъ виду, что удѣльный вѣсъ ртути въ 13 разъ больше, чѣмъ удѣльный вѣсъ человѣка, такъ что человѣкъ и не въ состояніи былъ бы погрузиться въ нее настолько глубоко, чтобы производить въ ней плавательныя движенія. А вѣдь это же необходимое условіе, если желать, чтобы приведенное сравненіе имѣло смыслъ; логическія плавательныя движенія, то есть умозаключенія—въ математикѣ дѣйствительно осуществимы. Такимъ образомъ, смыслъ словъ Гамильтона сводится въ сущности къ тому, что человѣкъ не можетъ пріобрѣсти навыка въ искусствѣ плаванія въ водѣ, если онъ будетъ упражняться въ такой жидкости, въ которую онъ, по причинѣ ея удѣльнаго вѣса, погрузиться не можетъ.

Тогда я вотъ что скажу: культурный человѣкъ обыкновенно и прибѣгаетъ дѣйствительно къ упражненіямъ въ плаваніи въ подобной ртути—послѣ того, какъ Архимедъ, бывшій, къ счастью, математикомъ, а не метафизикомъ, научилъ его, какъ устроить подобную жидкость изъ обыкновенной воды, наивозможно болѣе простымъ и дешевымъ способомъ: для этого нужно только—вмѣсто того, чтобы сдѣлать жидкость болѣе тяжелой по удѣльному вѣсу—сдѣлать себя самого существомъ болѣе легкимъ. Онъ просто повязываетъ себя вокругъ тѣла плавательный поясъ и тогда изучаетъ технику плавательнаго искусства—именно *потому*, что онъ теперь гарантированъ отъ утопленія, а не *вопреки* этому. И когда онъ такимъ образомъ вполне овладѣлъ техникой, онъ, наконецъ, можетъ держаться на водѣ и безъ плавательнаго пояса, при условіи, что онъ, постепенно пріучаясь обходиться безъ его помощи, мало-помалу, перестанетъ въ немъ совсѣмъ нуждаться.

Дѣйствіе правильно-поставленнаго математическаго школьнаго

преподаванія вполне аналогично этому. Только элементарныя основы геометріи такого свойства, что рѣшительно исключаютъ возможность логическихъ заблужденій, при достаточной непреложности положенныхъ въ основу аксіомъ. Но этого отнюдь нельзя сказать въ той же мѣрѣ объ элементахъ ариѳметики и алгебры. И когда ученикъ начнетъ прилагать усвоенныя положенія къ рѣшенію геометрическихъ и алгебро-геометрическихъ задачъ, примѣнять геометрическія и алгебраическія познанія свои къ физическимъ задачамъ, переносить разнаго рода конкретныя вопросы въ абстрактную форму математическихъ знаковъ,—напр., алгебраическихъ уравненій,—то ему представится множество случаевъ впадать въ заблужденія и ложныя умозаключенія, пока онъ мало-по-малу научится плавать и безъ эвклидоваго плавательнаго пояса.

Вообще, вліяніе математики на формальное образованіе ума сѣняется не по достоинству низко, если признають за ней, какъ это часто случается, значеніе простаго полезнаго упражненія для искусства логическаго умозаключенія—то есть, искусства дѣлать изъ данныхъ посылокъ правильный конечный выводъ. Дѣло въ томъ, что при цѣлесообразномъ преподаваніи главныхъ основъ элементарной геометріи—несравненно болѣе трудная и важная часть умственной дѣятельности состоитъ не въ самомъ *полученіи вывода*, умозаключенія, а именно въ *нахожденіи* пригодныхъ для конечной цѣли *первыхъ посылокъ*, которыя могутъ быть отысканы путемъ точнаго проникновенія въ сущность дѣла и искуснаго примѣненія уже добытыхъ познаній. А дальнѣйшій ходъ хорошаго математическаго преподаванія представляетъ богатый матеріалъ для веденія ученика по пути не только правильнаго наблюденія и заключенія, но—прежде всего—по пути логическаго и само-дѣятельнаго мышленія.

Одновременно съ этимъ, ученику представится несравненный случай пріучиться къ мѣткимъ и точнымъ опредѣленіямъ понятій и усвоить себѣ ясность и точность разговорной рѣчи—это случаи, которыхъ положительно нельзя достаточно использовать, такъ, по крайней мѣрѣ, я убѣжденъ на основаніи своего опыта преподаванія студентамъ. Если къ этому прибавить еще представляющіяся при изученіи геометріи—особенно, одной ея части, стереометріи—упражненія въ способности образованія воззрѣній,—то образовательное и воспитательное значеніе школьнаго математическаго преподаванія придется признать необыкновенно глубокимъ и существеннымъ.

Если же мы посмотримъ, далѣе, на математику съ точки зрѣнія того, какъ она преподается или, вѣрнѣе, должна была-бы преподаваться въ гимназіяхъ, то полезность ея въ дѣлѣ общаго образованія ума учениковъ мы должны будемъ усмотрѣть прежде всего въ томъ, что среди всѣхъ предметовъ преподаванія она является единственнымъ, способнымъ послужить образцомъ истинной науки, сводомъ хорошо усвоенныхъ и систематически-объединенныхъ между собою познаній. Второе значеніе ея состоитъ въ томъ, что она является незамѣнимой при изученіи физики и элементарной астрономіи, или космографіи (такъ называемой, математической географіи), если не низводитъ эти предметы до степени голыхъ сообщеній эмпирическихъ фактовъ, а желать дать истинное понятіе о простѣйшихъ, хотя бы, физическихъ и астрономическихъ явленіяхъ. Въ третьихъ, она даетъ много полезнаго, примѣнительно къ разнообразнѣйшимъ вопросамъ практической жизни. Изъ взаимодѣйствія формы и содержанія въ математикѣ ученикъ пріобрѣтаетъ въ концѣ концовъ знакомство съ методами, помощью которыхъ онъ научается въ извѣстныхъ,

хотя бы и тѣсныхъ, предѣлахъ расширять свои познанія самостоятельнымъ трудомъ и собственнымъ размышленіемъ. Сопряженное съ дѣятельностью такого рода повышеніе чувства вѣры въ свои умственные силы и постепенное пробужденіе духовной самостоятельности слѣдуетъ отмѣтить, какъ самый высокій и прекрасный результатъ математическаго воспитанія.

Хотя я глубоко увѣренъ въ справедливости приведенныхъ соображеній, я не могу, однако, не сознаться, что въ нихъ есть кое-что, что *должно было бы* и *вполнѣ могло бы* быть, но чего пока, въ большинствѣ случаевъ, все же *нѣтъ*. Было бы нелѣпо желать скрыть ту правду, что у большой и даже у большей части учениковъ плоды математическаго обученія крайне плачевны. Для объясненія этого факта придумали сказку о томъ, что способность одолѣванія математической школьной премудрости требуетъ особаго, специально-математическаго дарованія; а нѣкоторые (теперь, къ счастью, все рѣже встрѣчающіеся) педагоги и, особенно, сердобольные родители малоспособныхъ или совсѣмъ неспособныхъ (часто, однако, просто изъ рукъ вонъ лѣнивыхъ) учениковъ добросовѣстно заботились о распространеніи въ самыхъ широкихъ кругахъ вѣры въ эту сказку. Въ подтвержденіе этой вѣры часто проводится прямая аналогія между относительно рѣдко встрѣчающимся талантомъ къ математикѣ такъ же, какъ и къ музыкѣ; согласится съ этой аналогіей можно, но только потому, что выводы изъ нея напрашиваются прямо противоположные. Разумѣется, степень музыкальнаго дарованія, необходимая для того, чтобы посвятить себя съ успѣхомъ музыкѣ всецѣло или, еще больше, сдѣлаться творцомъ въ музыкѣ—такая степень талантливости встрѣчается рѣдко. Но извѣстная степень музыкальныхъ способностей, достаточная для того, чтобы наслаждаться музыкой, а при правильной постановкѣ обученія пріобрѣсть въ большей или меньшей степени настоящее пониманіе ея—въ такой мѣрѣ дарованіе надо же считать среднимъ, обыкновеннымъ, неисключительнымъ. Иначе, какъ возможно было бы объяснить господствующую роль, какую играетъ въ настоящее время музыка не только въ замкнутомъ кругу представителей искусства, но въ широчайшихъ культурныхъ слояхъ народа? Точно также всякій ученикъ со средними нормальными способностями, по мнѣнію всякаго здравогомыслящаго человѣка, обладаетъ въ достаточной мѣрѣ силой ума, чтобы справиться съ курсомъ школьнаго преподаванія математики.

„Усвоить ясно и точно какой-нибудь діалогъ Платона, посланіе Горація, понять идею шекспировской драмы, развить характеръ какого-нибудь изъ его дѣйствующихъ лицъ, прослѣдить во всѣхъ отношеніяхъ какое-нибудь стихотвореніе Гете—все это упражненія, для которыхъ нужна такая сила и живость умственныхъ способностей, какой не превзойдутъ никакія трудности математическихъ и физическихъ понятій и методовъ“,—говоритъ *Фридрихъ Паульсенъ*, имѣя въ виду, конечно, совершенно иную цѣль, чѣмъ та, которую мы преслѣдуемъ: именно, желая доказать, что гуманитарныя науки даютъ для образованія и развитія логическаго мышленія—по крайней мѣрѣ,—не меньше, чѣмъ математика. Но и оставляя въ сторонѣ этотъ выводъ изъ цитированнаго мнѣнія, я нахожу, что содержаніе его существенно подходяще, какъ доводъ въ пользу моего утвержденія: что ученики, обнаруживающіе дѣйствительные успѣхи въ гуманитарныхъ наукахъ, обладаютъ навѣрное достаточными способностями и къ математикѣ. Но въ то же время приходится сознаться, что очень значительная часть воспитанниковъ гимназій довольно мало преуспѣваетъ и во всѣхъ тѣхъ прекрасныхъ вещахъ, о которыхъ говоритъ Паульсенъ;

обыкновенно довольствуются тѣмъ, что получаютъ въ распоряженіе извѣстный запасъ пріобрѣтеннаго помощью одной памяти знанія языковъ и историческихъ датъ и, вооружившись, по усвоенному рецепту, необходимымъ для обращенія запасомъ классическихъ цитатъ, моральныхъ общихъ мѣстъ и патристическихъ фразъ, умѣютъ написать приличное „сочиненіе“. Выступать на защиту математическихъ способностей этой категоріи я ни въ какомъ случаѣ не чувствую себя призваннымъ.

Если же эту категорію оставить въ сторонѣ, остается все таки въ силѣ тотъ фактъ, что довольно много и лучшихъ учениковъ пріобрѣтаютъ очень скудные познанія въ математикѣ и только незначительное относительно число учениковъ извлекаетъ изъ школьнаго преподаванія математики очевидную и прочную пользу. Не хочу умолчать также и о гипотезѣ, которую одинъ изъ моихъ коллегъ (профессоръ Пашъ въ Гиссенѣ), очень видный математикъ, предлагаетъ въ объясненіе этого явленія: что человѣческой природѣ по самой сущности, вѣроятно, противно математическое мышленіе. Но я не могу присоединиться къ этому пессимистическому взгляду и склоненъ скорѣе усмотрѣть главную причину неплодотворныхъ результатовъ математическаго школьнаго преподаванія—въ несовершенствѣ его постановки. О томъ, что нынче есть не мало людей, которые избрали карьеру учителя математики, не чувствуя къ ней призванія, единственно изъ соображеній хлѣбныхъ—упомяну только мимоходомъ. Я хотѣлъ бы только подчеркнуть то обстоятельство, что подготовка учителей именно въ отношеніи этого предмета, который мнѣ кажется самымъ важнымъ, не только, по моему мнѣнію, оставляетъ желать многого, а буквально не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ.

Преподаваніе—искусство трудное, а преподаваніе первоначальной математики—одно изъ труднѣйшихъ. Никто не станетъ рассчитывать, конечно, воспитать путемъ обученія гения. Но *знаніе*, какъ основа всякаго искусства, пріобрѣтается вѣдь именно наилучшимъ образомъ путемъ обученія, и даже больше: нѣтъ другого пути изучить что бы то ни было, даже для генія, или по крайней мѣрѣ для выдающагося таланта. А въ этомъ отношеніи нашъ университетскій курсъ не даетъ будущимъ учителямъ математики ни малѣйшаго руководства,—и это тѣмъ болѣе печально, что ни въ какомъ другомъ предметѣ нѣтъ такого полного разлада между содержаніемъ большинства университетскихъ лекцій и учебными предметами школьнаго преподаванія, какъ именно въ математикѣ. Я хотѣлъ бы, чтобъ это замѣчаніе мое не было понято въ томъ смыслѣ, будто я считаю излишнимъ для учителей высшее научное образованіе, которое имѣютъ цѣлью университетскія лекціи—напротивъ! Но столько же необходимой, даже еще болѣе необходимой, была бы все же систематическая образовательная подготовка въ искусствѣ *преподаванія* элементарной математики. Что введенное въ Пруссіи и имѣющее быть введеннымъ, какъ я слышалъ, и въ Баваріи годичное испытаніе для кандидатовъ на учительскія должности этой цѣли достигнуть не можетъ—это ясно, какъ Божій день, и подтверждается и опытомъ... Къ тому же, это обычно принятое экспериментированіе надъ учениками низшихъ классовъ какъ надъ матеріаломъ, незаслуживающимъ даже серьезнаго къ себѣ отношенія, мнѣ даже представляется довольно предосудительнымъ съ этической точки зрѣнія.

Что было бы дѣйствительно необходимо, такъ это университетскія лекціи и практическія занятія въ семинаріяхъ, посвященные *математической педагогикѣ*, которыя распространялись бы на всѣ отдѣльныя части математики, какія преподаются въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ какой мѣрѣ у нынѣшнихъ представителей

университетской математики окажется для этой добавочной дѣятельности время и желаніе, и—что является, безъ сомнѣнія, очень существеннымъ вопросомъ, въ какой мѣрѣ они, въ свою очередь, обладаютъ необходимой опытностью и подготовкой, этого я обсуждать не стану. По всей вѣроятности, осуществленіе такой мысли потребовало бы учрежденія особыхъ кафедръ математической педагогики. Но этимъ самымъ, конечно, всякія дальнѣйшія обещанія сразу переносятся въ ту область, гдѣ, какъ извѣстно, кончается всякое благодущіе: въ наше время, скупое на денежные затраты для культурныхъ цѣлей, такая мысль имѣетъ поѣтому, мало надежды выйти изъ математической идеализаціи и обрѣсти реальные формы.

Нѣсколько болѣе осуществимыя, если и не слишкомъ тоже сангвиническія, надежды можно возлагать, быть можетъ, на то обстоятельство, что математика отнюдь еще не занимаетъ въ учебныхъ программахъ баварскихъ классическихъ гимназій того мѣста, которое было бы нужно, чтобы довести до полного развитія содержащіеся въ ней образовательные элементы. Какъ нѣкоторый прогрессъ, приходится, правда, привѣтствовать то, что въ послѣднее время введены, вмѣсто сферической тригонометріи, начатки аналитической геометріи; слѣдуетъ оговориться, что при этомъ имѣлось въ виду не столько сообщеніе возможно большаго количества отдѣльныхъ свѣдѣній, сколько разработка понятія функции и ея графическаго изображенія, изученіе основныхъ свойствъ усѣченного конуса, необходимыхъ для изученія естественныхъ наукъ, и нѣкоторая подготовка къ дифференціальному счисленію, путемъ примѣненія проблемы о тангенсѣ, положимъ, къ параболѣ. Мнѣ же, напротивъ, кажется, что ариометическіи-алгебраическій курсъ нуждается еще въ извѣстномъ расширеніи и пополненіи, чтобы носить сколько-нибудь характеръ научной законченности и служить вполне желательнымъ соединительнымъ звеномъ съ низшими ступенями высшей математики.

Не вдаваясь въ подробности, я хотѣлъ бы только замѣтить, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, что подъ вышесказаннымъ я не разумѣю введеніе въ средній курсъ элементовъ дифференціального счисления. Слѣдовало бы только удѣлить побольше мѣста практическимъ упражненіямъ, что было бы полезно само по себѣ и способствовало бы оживленію интереса учениковъ къ предмету. Боюсь, что эти требованія могутъ показаться кому-нибудь притязательными и неразумными. На это я возражу, что математика считается въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ однимъ изъ трехъ главныхъ предметовъ, будучи официально поставлена на ряду съ отечественнымъ языкомъ и латинскимъ. Какъ же съ этимъ вяжется тотъ фактъ, что въ старшемъ классѣ, т. е., тамъ, гдѣ умъ учениковъ является, или во всякомъ случаѣ долженъ быть, наиболѣе зрѣлымъ—изъ двадцати семи обязательныхъ учебныхъ часовъ въ недѣлю, только *четыре*, счетомъ четыре, приходится на долю—не математики одной, нѣтъ, на долю математики, физики и математической географіи вмѣстѣ, т. е. около одной седьмой всѣхъ учебныхъ часовъ, тогда какъ на латинскій и греческій языки приходится *двадцать* часовъ! Въ седьмомъ и восьмомъ классѣ отведено математикѣ и физикѣ по пяти часовъ въ каждомъ классѣ, въ шестомъ—четыре часа математикѣ (безъ физики); между тѣмъ въ прусскихъ гимназіяхъ, правда, при двадцати восьми учебныхъ часахъ въ недѣлю, четыре часа отведены математикѣ и два—физикѣ въ каждомъ изъ четырехъ высшихъ классовъ. Я полагалъ бы, что было бы вполне осуществимо увеличить число часовъ для математики и физики—по крайней мѣрѣ, для трехъ высшихъ классовъ—до шести, не увеличивъ при этомъ

общаго числа обязательныхъ учебныхъ часовъ и не измѣнивъ существенно „гуманитарный“ классическій характеръ гимназій. Разумѣется, осуществить это было бы возможно только за счетъ классическихъ языковъ. Но развѣ же въ самомъ дѣлѣ „гуманитарная“ сторона образованія понесла бы такой замѣтный ущербъ, если бы рѣшились сдѣлать нѣкоторую экономію на чтеніяхъ классиковъ? О неискреннемъ пафосѣ и многословной, до тошноты самодовольной риторикѣ Цицероновскихъ рѣчей ученики получаютъ достаточное понятіе, принимая ихъ и въ болѣе скромныхъ дозахъ: это было бы только актомъ мудрой и справедливой экономіи, если бы избытокъ тѣхъ восторговъ, которые должны испытывать латинисты, наслаждаясь Цицероновскими періодами, болѣе богатыми словами, чѣмъ содержаніемъ,—приберегли для будущихъ филологовъ при прохожденіи ими университетскаго курса.

Я не могу даже устоять противъ еретической мысли, что та духовная польза, какую могутъ извлечь юношескія головы изъ занятой утомительно пространной диалектикой платоновскихъ диалоговъ, тоже сильно преувеличена, не смотря на всю скрытую въ нихъ мудрость; и что утомительное и требующее большой затраты времени чтеніе на-распѣвъ софокловскихъ хоровъ должно скорѣе привести къ тому, чтобы отравить для учениковъ чтеніе Софокла, чѣмъ къ тому, чтобы пробудить въ нихъ истинную любовь къ великому трагику и способствовать болѣе глубокому его пониманію. Боюсь, что эти замѣчанія вызовутъ среди классиковъ-филологовъ болѣе или менѣе всеобщее покачиваніе головой. Но именно потому, что я самъ искренній почитатель классической древности, а „*sum grano salis*“ (дословно: „съ крупинкой соли“, т. е. съ легкой ироніей) и гуманитарнаго образованія тоже, именно потому я полагаю, что классическимъ гимназіямъ нужно рѣшиться на извѣстныя уступки въ указанномъ направленіи, чтобы не спуститься мало-по-малу до простыхъ специальныхъ школъ для филологовъ, теологовъ и (кто знаетъ, далеко ли до этого?) юристовъ.

Если я остановился довольно долго на вопросѣ школьнаго преподаванія математики, вѣдѣствіе того, что вопросъ этотъ на общій взглядъ все еще является очень спорнымъ, зато въ вопросѣ полезности математики, какъ вспомогательнаго средства для естественно-научнаго знанія и для разнообразнѣйшихъ практическихъ цѣлей, я могу позволить себѣ быть краткимъ, такъ какъ онъ въ настоящее время едва ли серьезно подвергается сомнѣнію. Да это и завело бы меня далеко за предѣлы поставленной мной себѣ задачи, если бы я попытался хотя бы только вкратцѣ разобраться въ томъ, чѣмъ обязаны математикѣ главные области ея приложенія, какъ физика, астрономія, геодезія, геофизика и инженерныя науки. Не только непосвященные, но даже сами математики, стоящіе, какъ и я, далеко отъ предметовъ ея примѣненія, не могутъ не исполниться изумленія, когда заглянуть, напр., въ вышедшую энциклопедію математическихъ наукъ и окинуть бѣглымъ взглядомъ все огромное количество и разнообразіе поименованныхъ наукъ и входящихъ въ нихъ отдѣльныхъ научныхъ отраслей, которыя пользуются услугами математики. Но и этимъ еще далеко не исчерпывается ея прикладное значеніе: вѣдь всѣ научныя отрасли, въ которыхъ играютъ какую-нибудь роль величины, обнаруживаютъ стремленіе—съ неодинаковымъ успѣхомъ, конечно—овладѣть математическими методами.

Когда мы узнаемъ о существованіи книги „*Nova medicinae methodus ex mathematica ratione morbos curandi*“*), которую издалъ

*) „Новый, построенный на математикѣ, медицинскій методъ лѣченія болезней.“

нѣкій Вирдунгусъ въ 1532 году или о вышедшемъ въ 1749 году „Господина Георга Сарганака опытъ примѣненія математики къ вопросу о степени грѣховной вины“, — то мы можемъ только улыбнуться, такъ какъ къ особенно удачнымъ случаямъ примѣненія математики эти попытки, конечно, не принадлежать. Но когда такой вдохновенный поклонникъ математики, какъ *Огюстъ Контъ*, считалъ невѣроятнымъ, чтобы химія, фізіологія и соціальныя науки могли сдѣлаться предметами математическихъ методовъ и средствъ, то дальнѣйшіе успѣхи этой науки не преминули доказать его неправоту: химія стремится съ все возрастающимъ успѣхомъ воздвигать свои фундаменты на физико-математическихъ основахъ; нашли успѣшный доступъ математическіе методы и въ фізіологію; а попыткамъ отчасти обосновать математически и политическую экономію, нельзя, во всякомъ случаѣ, отказать въ теоретическомъ интересѣ, хотя бы ихъ практическое значеніе и представлялось сомнительнымъ. Но что, напротивъ, вполне безспорно, — это полезность математики въ смежныхъ областяхъ, въ статистикѣ и въ страховомъ дѣлѣ.

Разъ упомянувъ о Контѣ, я думаю, небезъинтереснымъ будетъ напомнить кетати о другомъ его предсказаніи, еще гораздо болѣе энергично опровергнутомъ теперь силою фактовъ, и дающимъ крайне поучительный примѣръ того, какъ осторожнымъ надо быть съ отрицательными пророчествами въ наукахъ точныхъ. „Мы постигаемъ, что опредѣлить форму, разстояніе, величину и движеніе небесныхъ свѣтилъ возможно; но никогда мы не будемъ въ состояніи изучить какимъ бы то ни было способомъ ихъ химическій составъ“ — такъ писалъ Контъ въ 1835 году. И всего двадцать четыре года спустя Кирхгофъ и Бунзенъ открываютъ спектральный анализъ, благодаря которому казавшееся невозможностью становится дѣйствительностью. А я еще хотѣлъ бы, въ интересахъ поставленной мною себѣ цѣли, особенно отнѣсти въ этомъ фактѣ слѣдующее обстоятельство: несомнѣнное основаніе для примѣненія результатовъ наблюденій надъ спектромъ къ химическому анализу солнечной атмосферы извѣздъ — покоится именно на физико-математическихъ изслѣдованіяхъ *Кирхгофа*.

Попытка *Гербарта* обосновать математики и психологію тоже, должна быть признана, правда, неудачной, — поскольку онъ усиливался возмѣщать гипотезами недостатокъ экспериментальныхъ основаній; и все же онъ доказалъ возможность примѣнить математику къ психологіи. Открытый затѣмъ *Фегнеромъ* путь психофизическихъ экспериментовъ и дальнѣйшее развитіе экспериментальныхъ методовъ *Вильгельмомъ Вундтомъ*, доставили дѣйствительно необходимыя предварительныя условія, чтобы извѣстныя категоріи психологическихъ проблемъ стали доступны точному математическому обоснованію.

Если такимъ образомъ математика и соприкасается съ областью философіи, все же этотъ успѣхъ не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать: по самой природѣ вещей, здѣсь прямая возможность примѣненія математики неизбѣжно остается очень ограниченной, если даже причислить къ „философскимъ“ примѣненіямъ математики созданное *Джорджесомъ Булемъ* „логическое счисленіе“. Гораздо болѣе существеннымъ является то обстоятельство, что стремленія математиковъ — особенно, современныхъ математиковъ, — углубить основы своей науки, изслѣдовать и твердо установить понятія числа, пространства, времени и безконечнаго — представляютъ въ то же время цѣнный вкладъ въ философское знаніе. Кромѣ того, не надо забывать, что новѣйшее міропониманіе выросло безусловно на почвѣ точнаго математически-естественно-научнаго изслѣдованія, и что философіи уже невозможно было бы

теперь отрѣшиться отъ этого вліянія. То, что сказалъ *Леонардо да-Винчи*, одинъ изъ замѣчательныхъ универсальныхъ гениевъ эпохи Возрожденія, примѣнимо въ настоящее время больше, чѣмъ когда-либо: „Кто порицаетъ высшую мудрость математики, тотъ становится жертвой путаницы понятій и никогда не заставитъ умолкнуть всѣ разногласія и противорѣчія софистическихъ наукъ, отъ которыхъ можно научиться только вѣчному крику“.

Этого краткаго обзора, я думаю, вполне достаточно, чтобы ясно показать, какъ многочисленны и разнообразны области, требующія своей части отъ выводовъ математики. И вотъ, — „позднѣ всѣхъ, когда раздѣлъ давно свершился, приблизился поэтъ“ — чистый математикъ, занимающійся математикой не только исключительно ради нея самой, но и утверждающій, сверхъ того, что она и существуетъ, прежде всего, ради себя самой. Онъ утверждаетъ, что она обязана своимъ истиннымъ существованіемъ потребности чисто идеалистической, — родственной, правда, потребности проникновенія въ природу и въ высокой степени способствующей удовлетворенію послѣдней, но не коренящейся въ ней и не собирающейся въ нее выродиться: точно такъ же, какъ мы не можемъ усмотрѣть конечную цѣль всякаго познанія силъ природы въ господствѣ надъ ними ради цѣлей практической пользы. Непоспоримъ тотъ фактъ, что обширныя области математики, прежде всего, такъ называемая теорія чиселъ, самая большая часть высшей алгебры, теоріи функцій и даже большая часть геометріи не нашли до сихъ поръ никакого внѣматематическаго примѣненія или, по одному выраженію, „еще ждутъ примѣненія“. Въ дѣйствительности-то они не ждутъ совсѣмъ или, въ всякомъ случаѣ, напрасно ждутъ. И желать находить оправданіе существованію чисто-математическихъ изслѣдованій въ отдаленной возможности ихъ дальнѣйшаго примѣненія, было бы также ошибочнымъ и также неискреннимъ, какъ если бы вздумали мотивировать требованіе необходимыхъ для какой-нибудь полярной экспедиціи денежныхъ средствъ тѣмъ, что современемъ это приведетъ, вѣроятно, къ чрезвычайно выгоднымъ торговымъ успѣхамъ.

Теперь нужно сказать во всякомъ случаѣ, что конечной полезности математическихъ изслѣдованій предопредѣлать а priori никакъ нельзя; быть можетъ, добытый при этомъ запасъ чисто-математическихъ силъ послужитъ ко благу другимъ, болѣе полезнымъ изслѣдованіямъ; быть можетъ, вдругъ возникнетъ со временемъ между двумя, кажушимися безконечно удаленными другъ отъ друга, областями знанія такая поразительная связь, что уже изъ однихъ этихъ соображеній нельзя будетъ небрежно отнестись къ такимъ чисто-теоретическимъ изысканіямъ. И если бы положимъ, математики, находящіеся на государственной службѣ, были обязаны какимъ-нибудь указомъ обучать только такимъ вещамъ и самимъ заниматься только такими проблемами, которыя представляютъ вѣрные виды на то, что послужатъ естественнымъ наукамъ и, по мѣрѣ возможности, техникѣ — то этимъ отняли бы у математики, одновременно съ ея свободой, большую часть ея полезной силы. Это, разумѣется, вѣрно, но не въ этомъ собственно корень дѣла, — такъ какъ при такомъ взглядѣ значительная часть математики представлялась бы только неизбѣжнымъ зломъ. Мы же усматриваемъ скорѣе въ томъ глубокомъ вліяніи, какое оказываютъ завоеванія математики на успѣхи естествознанія и на усовершенствованіе жизненныхъ условій — исключительно характеристическій симптомъ достойнаго человѣческаго ума высшаго долга: проникновенія въ законы взаимоотношеній числовыхъ и пространственныхъ формъ въ ихъ обширнѣйшемъ объемѣ. Вотъ почему математическія познанія представляются намъ глубоко цѣнными не только въ той

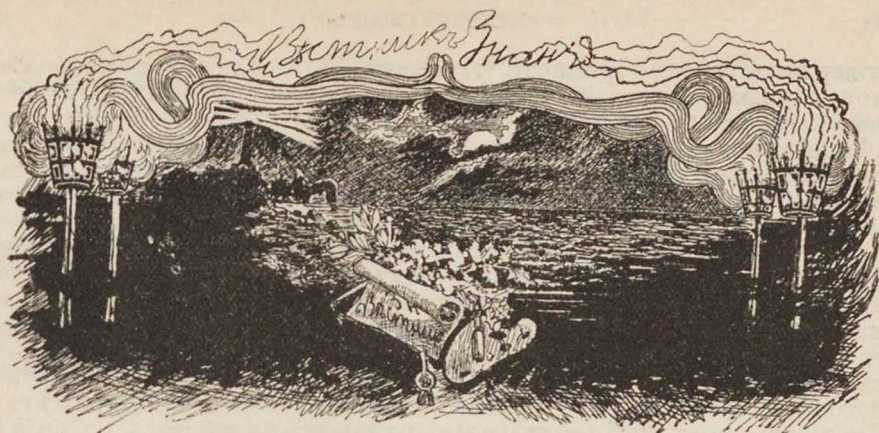
мѣръ, въ какой они могутъ служить средствами для иныхъ цѣлей, но и сами по себѣ; и въ систематическомъ ростѣ ихъ въвысь и въширь мы усматриваемъ совершеннѣйшую и чистѣйшую форму логической дѣятельности ума, воплощеніе самой высокой умственной эстетики.

Въ настоящемъ математикѣ кроется всегда значительная часть художника, архитектора, даже поэта. Въ реальнаго міра, но въ явственной связи съ нѣмъ, создали себѣ математики изъ творческой работы мысли другой идеальнѣйшій міръ, который они стараются устроить наисовершеннѣе всѣхъ міровъ и изслѣдовать его во всѣхъ направленіяхъ. О богатствѣ этого міра можетъ имѣть понятіе только тотъ, разумѣется, кто, его знаетъ; только надменное невѣжество можетъ утверждать, что математикъ вращается въ узкомъ и тѣсномъ кругу. Та истина, къ которой онъ стремится, если разсматривать вопросъ въ ясномъ свѣтѣ, оказывается, дѣйствительно, ни больше, ни меньше, какъ отсутствіемъ противорѣчій. Но невиденъ ли мастеръ, именно, въ этомъ самомъ ограниченіи? Рѣшать конечные вопросы математикъ безъ зависти предоставляетъ другимъ.

Многое изъ того, что создало и создаетъ сбилное математическое творчество, преходяще. Но изъ массы созданнаго вылушивается кристально-чистое ядро абстрактнаго знанія, которое будетъ представляться всѣмъ эпохамъ блестящимъ памятникомъ человѣческаго генія. Могутъ ли быть люди, потрудившіеся, каждый по мѣрѣ своихъ силъ, для сооруженія этого памятника,—могутъ, ли эти люди быть дѣйствительно, согласно ходячему мнѣнію, односторонними и сухими разсудочными людьми? Я думаю, что уже названный нами въ началѣ Новалисъ былъ болѣе проникателенъ, сказавъ: „Истинный математикъ — это энтузіастъ *per se*. Безъ энтузіазма нѣтъ математики“.

М. Дюби.

Колонія Ройкрофтеровъ въ Америкѣ.

I.

Колонія эта на разстояніи получаса ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Буффало; она называется Истѣ-Орора; жители ея—Ройкрофтеры.

Это—колонія мыслителей,—прежде всего мыслителей: тутъ и артисты, и ремесленники, художники, скульпторы, музыканты, слесари, столяры, специалисты по расцѣпыванью книгъ миніатюрной живописью, типографы, переплетчики, дровосѣки, фермеры, атлеты, публицисты, профессора... Ну, а политиковъ тамъ ужъ нѣтъ! Тамъ все люди, занесенные случаемъ со всѣхъ концовъ горизонта.

Многіе пріѣзжаютъ туда, но мало кто остается; другіе, находя умственную атмосферу слишкомъ напряженной, вскорѣ продолжаютъ свой полетъ въ страны, лежащія не на такой высотѣ.

Что дѣлаютъ Ройкрофтеры въ Истѣ-Орорѣ? Они работаютъ. Въ принадлежащихъ колоніи дровяныхъ и лѣсныхъ дворахъ, въ станѣ дровосѣковъ въ глухомъ лѣсу, въ собственныхъ мастерскихъ книгопечатанія, переплетнаго дѣла и т. п., на фермѣ, на скотномъ и птичьемъ дворахъ—съ восьми утра до двѣнадцати и съ двухъ до пяти трудятся всѣ, смотря по своимъ способностямъ за извѣстное вознагражденіе, поденное или по часамъ, всѣ зарабатываютъ свой хлѣбъ въ потѣ лица,—мужчины, женщины и даже дѣти.

Остальная часть дня предоставлена личной инициативѣ. Тогда каждый дѣлаетъ, что ему угодно, слѣдуя любимому призванію, занимаясь кто музыкой, кто разведеніемъ куръ, кто языками, кто садоводствомъ и т. д. Тогда-то можно видѣть молодого Фэ (Fay) переплетчика и поэта, по уши погруженнаго въ гербаріи и ботаническую номенклатуру, или можно постучаться въ дверь башни, гдѣ подмастерье Дикъ Крюгеръ съ Рафаэлевскимъ лицомъ хранить свои сокровища—дивные пейзажи, преисполненные неизяснимой поэзіи, юности и нѣжности; тутъ же мы увидимъ драгоценныя списанныя копіи любимыхъ произведеній, копіи, сдѣланныя великолѣпнымъ готическимъ письмомъ, гдѣ всякій инициалъ, всякая прописная буква является оригинальнымъ художественнымъ произведеніемъ. Рукопись, надъ которой „Дикъ“ работаетъ за послѣднія недѣли, оцѣнивается въ пять тысячъ франковъ и

содержитъ около тридцати страницъ. Это—одна изъ наиболѣе популярныхъ фантазій Учителя: „Посланіе къ Гарсія“ („Un message à Garcia“). Учитель, подписывающійся Fra Elbertus, издаетъ „Филистимлянина“, періодическій оппозиціонный журналъ, и восхитительныя „Краткія путешествія въ страну великихъ мастеровъ“ („Petits Voyages au pays des grands Maîtres“). Стаси Белеръ (Stacy Behler) готовитъ серію бесѣдъ по гигиенической гимнастикѣ, влияние коихъ отразится на всѣхъ общественныхъ школахъ Америки. Сандфордъ Геббардъ (Hubbard), младшій сынъ Учителя, стрясаетъ съ ногъ своихъ пылъ мастерскихъ и, гигантской поступью спустившись внизъ по лѣстницѣ, направляется къ сараямъ и конюшнямъ, гдѣ господствуетъ добрый Али-Баба, или же уходитъ въ лѣсъ, гдѣ онъ предводительствуетъ отрядомъ дровосѣковъ и въ то же время готовитъ супъ на всю артель (ему всего шестнадцать лѣтъ). Смотрите, вотъ онъ какъ разъ уходитъ, углубляясь въ снѣгъ вышиной около двухъ футовъ, при помощи ходуль („skys“); это онъ отправляется на лѣсной дворъ въ десяти миляхъ отсюда.

Первое мастерство Ройкрофтеровъ это—печатаніе и переплетеніе роскошныхъ изданій,—въ этомъ искусствѣ имъ нѣтъ равныхъ въ мірѣ.

Для тѣхъ случаевъ, когда ощущается потребность позвѣвать и расправить члены, имѣется *Гимнастическое Заведеніе Ройкрофтеровъ* (входъ бесплатный). Это—дровяной дворъ, гдѣ пилы и топоры во всякое время къ вашимъ услугамъ. Изъ залы мнѣ видны Фра Эльбертусъ и Ал. Фурнье и, если не ошибаюсь, неаполитанскій піанистъ Рандеггеръ, авторъ ангельскихъ мелодій. Всѣ они работаютъ, не обращая вниманія на то, что падаетъ снѣгъ, сухой, чистый, сверкающій на солнцѣ. По временамъ, я вижу, они хохочутъ до слезъ. Смѣхъ,—это атмосфера Ройкрофтеровъ. Вечеръ принадлежитъ умственнымъ занятіямъ: диссертациямъ по исторіи, литературѣ, наукамъ, общественнымъ вопросамъ, педагогикѣ...

Г. Макъ-Магонъ, слесарный мастеръ, предсѣдательствуетъ, напримѣръ, во время занятій древней исторіей, а піанистъ фонъ-Либихъ организуетъ музыкальные вечера. Если Фра Эльбертусъ бесѣдуетъ, его окружаютъ, стараясь не проронить ни слова; его улыбка электризуетъ собесѣдниковъ; всѣми способами стараются вызвать его на разговоръ; спорятъ о его взглядахъ, о его языкѣ; съ нимъ соглашаются или оспариваютъ его мнѣніе, но все это дѣлается весело, рѣчь присутствующихъ сверкаетъ умомъ. Иногда бесѣда заканчивается смѣхомъ, иногда глубокимъ волненіемъ, серьезными размышленіями, и всѣ расходятся по комнатамъ и думаютъ, думаютъ, думаютъ...

А на другой день появляется уже новый урожай (une nouvelle pousse) оригинальныхъ афоризмовъ, мудрыхъ и веселыхъ, попадающихся на всѣхъ углахъ жилищъ Ройкрофтеровъ въ видѣ артистически расцвѣченныхъ объявленій въ рамкахъ. Приведу для примѣра нѣсколько такихъ мыслей:

„Все придетъ въ свое время, надо только умѣть ждать,—и неустанно работать, дожидаясь“.

„Меньше говори и больше слушай“.

„Счастливъ тотъ, кто нашелъ свою жизненную задачу“ (sa tâche en ce monde).

„Всѣ мы дѣти въ „Дѣтскомъ саду“ Господа Бога“.

„Будемъ работать по мѣрѣ силъ и разумѣнія и сохранимъ добродѣтельное отношеніе къ людямъ“.

„Жизнь безъ ремесла (industrie)—грѣхъ. Ремесло безъ искусства—варварство“.

„Искусство,—это выраженіе той радости, которую трудъ доставляетъ работнику“.

„Чортъ даровалъ намъ родныхъ; но, слава Богу! друзей мы можемъ выбирать себѣ сами“.

„Идеальныя стремленія“, напечатанныя на объявленіяхъ, прибитыхъ къ дверямъ мастерскихъ, состоятъ изъ слѣдующихъ категорій:

1. Трудолюбіе,	7. Доброжелательство,
2. Бережливость,	8. Вѣжливость,
3. Здоровье,	9. Порядокъ,
4. Гармонія,	10. Чистота,
5. Взаимопомощь,	11. Настойчивость (въ трудѣ),
6. Воспитанность,	12. Терпѣніе.

А вотъ и Credo Фра Эльбертуса:

— „Я вѣрую въ *материнство* (maternité) Бога“.

— „Я вѣрую въ благословенную троицу изъ отца, матери и ребенка“.

— „Я вѣрую, что Богъ здѣсь, и что мы настолько близки къ нему, насколько мы можемъ когда-либо быть“.

— „Я не вѣрю, что Богъ поставилъ на ноги свѣтъ, далъ ему толчокъ и затѣмъ удалился, предоставивъ ему управляться собственными усиліями“.

— „Я считаю человѣческое тѣло священнымъ и нахожу, что всякій человѣкъ, будь то мужчина или женщина, обязанъ содержать тѣло во всей его естественной красотѣ, мыслью и дѣломъ стремясь въ то же время къ добру“.

— „Я вѣрую въ святость любви мужчины къ женщинѣ и женщины къ мужчине, что эта любовь—такое же вдохновеніе Божіе, какъ и любовь человѣка къ Богу или какъ самые смѣлые замыслы человѣческаго ума“.

— „Я вѣрю во спасеніе человѣчества путемъ свободы экономической, социальной и умственной“.

— „Я вѣрую, что Джонъ Рескинъ, Вилльямъ Моррисъ, Генрихъ Торо, Уальтъ Уитманъ (Walt Whitman), Левъ Толстой,—пророки Божіи, такіе же, какъ Илья, Озей, Эзекииль и Исайя“.

— „Я вѣрую, что на людей въ настоящее время точно также снисходить вдохновеніе, какъ и въ былыя времена, и вѣрю, что мы и нынѣ живемъ въ вѣчности въ такой же мѣрѣ, въ какой это намъ нѣкогда будетъ дано“.

II.

Какъ живетъ эта эксцентричная колонія,—эксцентричная по своей разсудительности—въ такое время, когда, по любимому выраженію Фра Эльбертуса „ничто такъ не рѣдко, какъ здравый смыслъ“? Живетъ ли она артелью (en commun)? Да и нѣтъ. Работаютъ всѣ сообща; ѣдятъ по желанію вмѣстѣ и живутъ, если угодно, подъ общей кровлей фаланстеры, гдѣ спальни не больше келій, но гдѣ вы найдете роскошныя залы съ ваннами, большіе и маленькіе салоны, библіотеки, множество роялей въ различныхъ помѣщеніяхъ, красивую мебель съ отдѣлкой дубоваго дерева, ручной работы, скрѣпленную болтами безъ единаго гвоздика, сдѣланную такъ, чтобы прослужить нѣсколько вѣковъ. Кому это не нравится, тотъ можетъ поселиться въ одной изъ маленькихъ виллъ, покрашенныхъ въ коричневую краску и разбросанныхъ со своими садиками въ окрестностяхъ мастерскихъ. Кто желаетъ кушать вмѣстѣ со всѣми, отправляется въ общую столовую фаланстеры, напоминающую обширныя залы средневѣковыхъ замковъ, съ ея дубовыми балками, стѣнами рѣзного дерева, съ канделябрами кованнаго желѣза и гигантскими круглыми столами, словно унаследованными отъ блаженной памяти славнаго короля Артура.

Фаланстера даетъ также пріютъ проѣзжимъ за сравнительно умѣренную плату, принимая во вниманіе, что путешественники пользуются тою же роскошью и тѣми же привилегіями, какъ и прочіе Ройкрофтеры. Истъ-Орора — очаровательное убѣжище, какое можно найти лишь въ нѣкоторыхъ французскихъ монастыряхъ.

Религіозная служба замѣняется здѣсь превосходной музыкой, бесѣдами Учителя и проѣзжихъ знаменитостей. Въмѣсто часовни — картинная галлерея, умѣло и прекрасно освѣщенная.

Пребываніе здѣсь — превосходное укрѣпляющее средство для переутомленнаго мозга и усталыхъ нервовъ: въ мастерскихъ, на фермѣ, въ дровяныхъ и лѣсныхъ дворахъ и въ особенности тамъ, гдѣ колютъ дрова, гости могутъ работать, сколько душѣ угодно. Обученіе бесплатно.

Въ конюшняхъ радушный Али-Баба во всякое время охотно посвящать васъ въ тайны воспитанія и содержанія скота, куръ и кроликовъ. Съ нѣкоторыхъ поръ Али-Баба, говоря объ Учителѣ, называетъ его не иначе, какъ „Джонъ“, и этимъ именемъ Фра Эльбертусъ подписываетъ добрую половину остроумныхъ объявленій, не перестающихъ появляться, исчезать и снова появляться, какъ грибы, на стѣнахъ Ройкрофтеріи. Вотъ какъ это случилось:

Какъ-то разъ Учитель и Али-Баба, оба въ помочахъ поверхъ синихъ рабочихъ рубахъ, работали на дворѣ фермы и даже, если не ошибаюсь, надъ кучей навоза.

Въ это время пріѣзжаетъ кто-то верхомъ, желая собственными глазами видѣть Ройкрофтерію и ея Учителя.

„Эй, Джонъ, — приказываетъ онъ на авось (Джономъ зовутъ почти всѣхъ работниковъ въ здѣшнихъ краяхъ), — эй, Джонъ! Возьмите мою лошадь и поведите ее, пока я не вернусь. Вотъ вамъ на чай“.

Надо вамъ сказать, что онъ говорилъ съ самимъ Учителемъ. Тотъ спокойно опускаетъ вилы, принимаетъ рубль на чай, беретъ лошадь за поводъ и пресерьезно прогуливается съ ней взадъ и впередъ.

Между тѣмъ посѣтитель направляется къ мастерскимъ въ поискахъ за Фра Эльбертусомъ. Вскорѣ онъ возвращается съ недовольнымъ видомъ: „Что же вы не могли мнѣ сказать, что г. Геббардъ въ конюшнѣ? Гдѣ я могу его застать, скажите?“

Али-Баба отвѣчаетъ съ самымъ невиннымъ видомъ:

„Да г. Геббардъ здѣсь. Онъ держитъ вашу лошадь, какъ вы изволили ему приказать“.

Фра Эльбертусъ, — здѣсь иногда забавляются, называя другъ друга братьями и сестрами, — Фра Эльбертусъ, — человѣкъ, одаренный наилучшимъ здоровьемъ, самымъ счастливымъ характеромъ и самой здравой философіей въ мірѣ. Онъ вѣритъ въ возможность счастья на землѣ, счастья, достигаемаго трудомъ, здоровьемъ и доброжелательнымъ отношеніемъ къ людямъ, даже къ тѣмъ, кто, повидимому, всего менѣе этого заслуживаетъ. „Не будемъ думать дурного о другихъ; сами мы не такъ добродѣтельны“, — одно изъ его излюбленныхъ правилъ.

И самъ онъ первый, надо ему отдать справедливость, не выдаетъ себя за святого. Онъ слишкомъ здоровъ и слишкомъ уменъ для этого. Это — человѣкъ наиболѣе жизнерадостный и спокойно-веселый, какого только можно себѣ представить, и трудно найти еще человѣка, котораго бы друзья такъ любили. Но, Боже правый! Какъ ненавидятъ его враги! Все, что имѣетъ касательство къ церкви, все ортодоксальное, консервативное, всѣ ханжи, лицемеры, суевѣрные люди, сторонники социальныхъ кастъ, педанты, гордецы и т. п. съ ужасомъ отворачиваются отъ него!

Они прячутъ лицо свое, когда видятъ его маленькаго „Филистимлянина“ и тайкомъ читаютъ его „Краткія путешествія“,—да и то потому, что они безусловно восхитительны.

Онъ запрещенъ всѣми вѣроисповѣданіями, и это становится понятнымъ, когда среди объявленій или столбцовъ „Филистимлянина“ на самомъ неожиданномъ мѣстѣ вамъ вдругъ попадаетъ выходка, вродѣ слѣдующей.

„ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗВѢЩЕНИЕ:

Доводимъ до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, что мы, нижеподписавшіеся, никогда не уполномочивали и не уполномочиваемъ никого, какъ частныхъ лицъ, такъ и общества, собирать какія бы то ни было контрибуціи отъ нашего имени.

Подписано: Иегова и Сынъ“.

Чтобъ оцѣнить эти выходки простаго здраваго смысла, надо знать этого человѣка, его громкій смѣхъ, его постоянную веселость надо знать, какъ мало онъ придаетъ значенія своей особѣ, своимъ словамъ и писаніямъ.

Тѣ, кому непремѣнно хочется считать его основателемъ новой религіи, вторымъ Джономъ Смитъ или Дови, словомъ пророкомъ, требующимъ серьезнаго къ себѣ отношенія, тѣ сильно ошибаются. Вотъ хоть сейчасъ посмотрите на него, вооруженнаго огромной метлой и счищающаго снѣгъ съ панели. Онъ умѣетъ мести, какъ никто. Но вотъ Ж. В. Джемсъ, знаменитый „Индѣецъ“, выходитъ изъ-за угла по дорогѣ съ вокзала. Онъ только-что возвратился изъ Калифорніи и сегодня вечеромъ будетъ насъ занимать своими поучительными разсказами. Г. Джемсъ замѣчательный разсказчикъ. Это человѣкъ того же закала, что и другъ его Фра Эльбертусъ, который, замѣтивъ его, подходитъ къ нему и привѣтствуетъ его, не выпуская изъ рукъ метлы. Сегодня вечеромъ, въ честь пріѣзжаго, Ройкрофтеры, Фра и его многочисленные сыновья, дадутъ представленіе и исполнятъ индѣйскій танецъ, осложненный нападеніемъ пастуховъ: это настоящая игра взрослыхъ дѣтей, какими всѣ они и являются на дѣлѣ. Г. Джемсъ тоже не безъ причудъ. На дняхъ, напримѣръ, ему пришлось говорить передъ громадной аудиторіей. Бесѣда должна была сопровождаться туманными картинами, но лицо, показывающее фонарь, не являлось, и публика въ ожиданіи оборачивалась къ двери всякій разъ, какъ оттуда слышался шумъ. Ораторъ, раздраженный подобнымъ невниманіемъ, вдругъ поворачивается лицомъ къ стѣнѣ въ глубинѣ амфитеатра и обращаетъ къ ней продолженіе своей рѣчи. Въ залѣ царитъ удивленное молчаніе. Тогда г. Джемсъ возвращается къ аудиторіи и говоритъ:

„Милостивые государи и милостивыя государины. Я не въ курсе того, что считается у васъ хорошимъ тономъ. Я, какъ вамъ извѣстно, дикарь, проводящій свою жизнь среди индѣйцевъ Великаго Запада. Вы жители Нью-Йорка—представители цивилизации. Поэтому я увѣренъ, что поступаю правильно, подражая вамъ. Вы поворачиваетесь ко мнѣ спиной въ то время, какъ я съ вами разговариваю. Этимъ вы даете мнѣ понять, что и я долженъ, разговаривая съ вами, становиться къ вамъ спиной, не правда ли?“ И онъ хотѣлъ было продолжать свою рѣчь къ стѣнѣ, но аудиторія запротестовала. За то ему уже не пришлось больше въ тотъ вечеръ жаловаться на невниманіе публики.

Фаланстера служитъ пріютомъ для всевозможныхъ профѣзжихъ знаменитостей, которыя по вечерамъ ораторствуютъ или садятся за рояль и развлекаютъ или поучаютъ насъ, не жалѣя труда. Но для обитателей Истъ-Ороры нѣтъ большаго удовольствія, какъ слушать самого Учителя. Онъ говоритъ негромко, бархатистымъ голосомъ, очень спокойно и довольно быстро. Отъ словъ

его вѣсть теплою и искренней задушевностью. Онъ часто улыбается и электризуетъ своей улыбкой. Это—могучій мыслитель, очень искренній ораторъ и весьма просвѣщенный и практичный филантропъ,—вполнѣ человѣкъ двадцатаго столѣтія.

Онъ очень любимъ женщинами. До какой степени онъ пользуется... или злоупотребляетъ этимъ обстоятельствомъ, я не знаю; но, Бога ради, не спрашивайте объ этомъ его враговъ! Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что человѣкъ съ его артистическимъ темпераментомъ, столь богато-одаренный въ физическомъ и умственномъ отношеніи, за которымъ ухаживаетъ столько выдающихся, съ точки зрѣнія ума и красоты, женщинъ, не всегда остается абсолютно... равнодушнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы удивительнаго, еслибъ,—но я и этого не знаю!—еслибъ, говорю я, оказалось, что красивый Фра не всегда остается глухимъ, когда какая-нибудь Клеопатра, соблазнительнѣе и настойчивѣе другихъ, во что бы то ни стало хочетъ броситься ему на шею.

Къ тому же презрѣніе къ немногимъ радостямъ, доступнымъ намъ въ сей юдоли скорби, вовсе не входитъ въ философію г-на Эльберта Геббарда. Финансовый и литературный успѣхъ его филантропическихъ произведеній достаточно доказываетъ, что онъ не глупъ и не безчеловѣченъ,—а только глупецъ или грубіянь не позволяеть избраннымъ женщинамъ любить его, не правда ли? Примѣромъ можетъ служить самъ Спаситель, говорю это безъ всякаго неуваженія.

Въ своемъ „Маленькомъ странствованіи по странѣ Моцарта“ Фра Эльбертусъ самъ сознается, что въ тридцать четыре года былъ охваченъ и побѣжденъ „всепоглощающей страстью“. А въ тридцать четыре года г. Геббардъ былъ женатъ и отцомъ семейства, и очевидно, что не къ законной супругѣ Непобѣдимый обратилъ желанія виновнаго. Эпизодъ уснащенъ даже романтическими подробностями, дѣлающими честь какъ г-жѣ законной супругѣ, такъ и неотразимому обольстителю.

Но оставимъ это. Уважаемый Учитель не былъ тогда еще Фра Эльбертусомъ, не былъ и начальникомъ школы и главой республики. Его талантъ былъ еще скрытъ отъ людей. Его дѣла касались лишь его самого.

А теперь, когда брешь, пробитая въ тѣ дни, увеличилась настолько, что привела къ разводу, Фра Эльбертусъ женился по всѣмъ правиламъ на прежней сиренѣ. Его порицають за это. Другіе хвалятъ. И какъ всегда онъ говоритъ: „Говорять, говорить... Да что собственно говорить?... Пускай говорятъ!“—А затѣмъ поступаетъ по своему и обыкновенно очень хорошо дѣлаетъ.

Ройкрофтеровъ въ настоящее время отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ. Тутъ и старыя семьи, и молодыя, женихи и невесты, холостяки и дѣвушки всѣхъ возрастовъ. Ихъ отношенія другъ къ другу отличаются свободной, искренней и галантной вѣжливостью. А къ Фра Эльбертусу Ройкрофтеры относятся, какъ ученики къ обожаемому учителю и, въ то же время, какъ акціонеры къ директору предпріятія¹ въ которомъ всѣ одинаково заинтересованы и въ доходахъ съ котораго всѣ имѣють участіе.

Мужчины почти всѣ ходятъ въ помочахъ поверхъ синихъ фланелевыхъ рубахъ, съ широкимъ чернымъ шелковымъ галстукомъ, повязаннымъ бантомъ; на головѣ носятъ мягкую шляпу, черную или сѣрую.

Почти каждый Ройкрофтеръ представляетъ изъ себя оригинальную личность и могъ бы кое-что поразсказать изъ прежней жизни. Біографіи Учителя и его учениковъ изобилуютъ то любопытными, то трогательными деталями. Интересна, напримѣръ,

исторія „Дика“, совѣмъ еще молодого художника, стоящаго уже во главѣ мастерскихъ иллюстрацій.

Дикъ, покинутый матерью въ Германіи, когда ему было всего два года, воспитанный изъ жалости старухой, которая била его, полагая, что дѣйствуетъ на его же пользу, запрещая ему рисовать на всѣхъ стѣнахъ, — Дикъ прибылъ въ Ройкрофтерію года два тому назадъ безъ копейки денегъ и въ продолженіе долгихъ шести мѣсяцевъ исполнять здѣсь обязанность одной прислуги, мылъ окна и мелъ полы, пока не узнали о его талантѣ и о его занятіяхъ въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ.

Какъ-то разъ, послѣ того, какъ тайна Дика уже открылась и его перевели въ Латинскій кварталъ Ройкрофтеріи, онъ карандашомъ нарисовалъ портретъ Учителя. Геніальное произведеніе вызвало всеобщій восторгъ и въ то же время возбудило зависть начальника мастерской до такой степени, что тотъ въ ярости замазалъ ротъ и глаза портрета большими пятнами масляной краски.

Дикъ, увидавъ это, ничего не сказалъ, ничего не сдѣлалъ. Но кто-то донесъ о случившемся Учителю, и тотъ отправился прямо въ мастерскую. Увидѣвъ оскверненіе геніальнаго произведенія, Учитель въ молчаніи уставился на портретъ, а затѣмъ перевелъ взглядъ на Дика, долго не спуская съ него глазъ. Наконецъ, онъ спросилъ:

— Дикъ, неужели съ тобой нарочно сыграли такую злую шутку?

— Да.

— И что же ты говоришь?

— Ничего, это не бѣда.

Снова наступаетъ продолжительное молчаніе.

Взоръ Учителя остается прикованнымъ къ лицу молодого художника; тотъ, наконецъ, подымаетъ глаза; онъ видитъ, какъ двѣ крупныя слезы катятся по лицу Фра Эльбертуса, который удаляется, не говоря ни слова. Больше онъ не упоминалъ объ этомъ дѣлѣ.

Но теперь Дикъ состоитъ начальникомъ рисовальной мастерской, и этотъ хозяинъ и его служащій, ставшіе, въ полномъ смыслѣ слова, Учителемъ и Ученикомъ, любятъ другъ друга такою любовью, которая, повѣрьте мнѣ, стоитъ всякой другой любви.

Это только одинъ изъ сотни разсказовъ про философа изъ Истѣ-Ороры, человѣка, вызывающаго въ настоящее время наиболѣе толковъ и споровъ въ Америкѣ.

Д-ръ Александръ Соколовскій *).

Что представляютъ собой евреи?

Разрѣшенію этого вопроса посвятилъ свое этнографически-антропологическое изслѣдованіе д-ръ Н. Г. Штратцъ. Авторъ изучалъ евреевъ не только въ Европѣ, но и во всѣхъ другихъ частяхъ свѣта.

Сужденія различныхъ авторовъ о евреяхъ отличаются необычайнымъ разнообразіемъ. Большинство удовлетворяются отрицательнымъ утвержденіемъ, что евреи вообще не составляютъ отдѣльной расы или народа, не указывая при этомъ, что же собственно они собой представляютъ. По мнѣнію Штратца, противорѣчивыя сужденія о евреяхъ въ научныхъ сочиненіяхъ вызваны главнымъ образомъ тѣмъ, что авторы не проводятъ достаточно строгаго различія между этнографической и антропологической точкой зрѣнія. Стоя на этнографической точкѣ зрѣнія, мы можемъ сказать, что 2.000 лѣтъ тому назадъ существовалъ *еврейскій народъ*, обладавшій собственнымъ языкомъ и культурой и оказавшій въ качествѣ главнѣйшаго носителя идеи единобожія глубочайшее вліяніе на самые развитые народы Европы. Исходя же изъ антропологической точки зрѣнія, мы, европейцы, назвали опредѣленный тѣлесный типъ *семитическимъ* и рѣзко противопоставили его *германскому*.

Какъ народъ, евреи выполнили свою культурно-историческую миссію около 2.000 лѣтъ тому назадъ и съ того времени перестали существовать, какъ таковой. Всѣ позднѣйшія ступени развитія европейскихъ народовъ покоятся на древней культурѣ евреевъ, которую они разнесли по всѣмъ странамъ послѣ разрушенія ихъ

*) Naturwissenschaftliche Wochenschrift. Рефератъ работы д-ра Штратца.

царства. Христіанство и исламъ являются лишь исторически разившимися преобразованіями іудаизма, такъ какъ еврейская біблія все еще составляетъ основу всѣхъ господствующихъ теологическихъ понятій.

Поэтому, если еврей мѣняетъ свою вѣру на христіанскую или магометанскую, то онъ при этомъ вступаетъ не вполне въ чуждую ему сферу. Такъ какъ въ новой обстановкѣ еврей встрѣчаетъ тѣ же руководящія мысли, которыя одушевляли его отцовъ, то „ему легко“ примкнуть къ народу, среди котораго онъ живетъ, и который является однимъ изъ наслѣдниковъ его собственнаго прешлага.

Такимъ образомъ, съ культурно-исторической точки зрѣнія евреи, какъ народъ, сыграли уже свою роль въ прошломъ. Ихъ культурное достояніе перешло въ настоящее время въ руки наиболѣе развитыхъ народовъ; потомки же ихъ отчасти растворились въ этихъ народахъ, отчасти сохранили—оставаясь среди нихъ—свою древнюю культуру въ ея первоначальной формѣ. Въ настоящее время еврей не есть уже еврей въ старомъ смыслѣ; онъ нѣмецъ, французъ, англичанинъ, португалецъ—Моисеева вѣроисповѣданія. Отсюда слѣдуетъ, что одна вѣра достаточна для опредѣленія евреевъ.

Если посмотрѣть на евреевъ съ антропологической точки зрѣнія, то по происхожденію ихъ слѣдуетъ причислить къ средиземной, бѣлой расѣ, которую раньше называли индо-германской, кавказской или арійской *). Изъ своей азіатско-индійской родины эта раса распространилась съ запада въ трехъ вѣтвяхъ: сѣверная—по Сѣверной Европѣ, романская—по европейскимъ бережьямъ Средиземнаго моря и третья—по африканскимъ бережьямъ Средиземнаго моря. Къ этой третьей, сѣверно-африканской вѣтви принадлежатъ евреи. При своемъ вступленіи въ исторію евреи были народомъ, стоявшимъ на очень высокой ступени культуры, и подобно всѣмъ другимъ культурнымъ народамъ не могли считаться чистой расой въ строгомъ смыслѣ слова, но представляли собой лишь соединеніе различныхъ растворившихся въ нихъ первобытныхъ народностей. Какія это были народности, очень трудно установить какъ по отношенію къ евреямъ, такъ и по отношенію къ бѣлой расѣ вообще.

То, что въ Европѣ принимается за еврейскій типъ, собственно

*) Здѣсь авторъ дѣлаетъ нѣкоторую ошибку. Дѣло въ томъ, что *семиты*, къ которымъ принадлежатъ евреи, занимая средину между индо-германцами (*индоевропейцами*) и *хамитами*, никогда не относились къ арійцамъ. Къ семитамъ, имѣющимъ двѣ вѣтви—сѣверную и южную, относятся: къ первой—*арамейцы, евреи, финикійцы, ханааняне* и *халдеи*, ко второй—*сѣверные и южные арабы*, близкими родственниками которыхъ являются абиссинцы. Антропологически семиты отличаются брахикефаліей или мезокефаліей, выразительными чертами лица, съ орлинымъ носомъ, тонкими губами и рѣзко очерченными бровями; цвѣтъ кожи ихъ варьируетъ отъ темно-оливковаго до густого коричневаго. Растительность на лицѣ менѣе обильная, чѣмъ у арійцевъ, но богаче чѣмъ у хамитовъ. Евреи, среди которыхъ, въ особенности въ Россіи и другихъ сѣверныхъ странахъ, встрѣчается много блондиновъ, этнологически являются смѣшаннымъ типомъ, и причина этого явленія, по нашему мнѣнію, кроется не въ расовомъ отличіи евреевъ-блондиновъ отъ ихъ восточныхъ и южныхъ сродниковъ, другими словами не въ чистотѣ ихъ крови (которая въ массѣ не подлежитъ сомнѣнію), а въ малоизученномъ влияніи окружающей среды. Мы держимся на этотъ счетъ особаго, можно сказать, „еретическаго“ мнѣнія, съ которымъ надѣемся когда-нибудь познакомить читателей...

говоря, представляет собой не что иное, какъ типъ вышеупомянутой третьей, сѣверно-африканской вѣтви большой бѣлой расы; единственными представителями которой въ средѣ остальныхъ двухъ вѣтвей являются евреи.

Характерными признаками этого типа служатъ толстыя губы, которыя свидѣтельствуютъ о негритянской примѣси, темный цвѣтъ лица, въ большинствѣ случаевъ темные глаза съ сильно развитымъ верхнимъ вѣкомъ. Но эти тѣлесные признаки, какъ утверждаетъ Штратцъ, исходя изъ собственныхъ наблюдений,—ни въ коемъ случаѣ не являются исключительной принадлежностью евреевъ. Это становится яснымъ, какъ только попадаешь въ страны, населенныя въ значительной мѣрѣ или преимущественно народами, принадлежащими къ той же самой третьей вѣтви. Такъ, напримѣръ, въ Испаніи, въ Сѣверной Африкѣ, въ Восточной Европѣ—на Балканскомъ полуостровѣ, въ Малой Азіи можно встрѣтить на каждомъ шагѣ „еврейскія“ лица.

У европейскіхъ евреевъ признаки бѣлой расы выражены особенно рѣзко. Рядомъ съ тонкими чертами лица встрѣчается множество другихъ лицъ, у которыхъ всѣ черты и части коротки, толсты, неуклюжи; такое раздѣленіе можно, вѣроятно, встрѣтить у всѣхъ культурныхъ расъ.

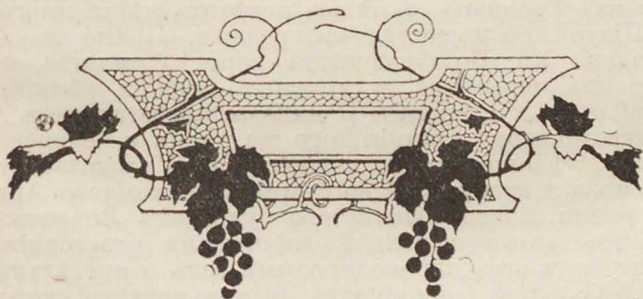
Но европейскіе евреи выдѣляются среди третьей вѣтви не только сильнѣе выраженнымъ характеромъ бѣлой расы, но и большимъ процентомъ людей съ тѣлесными недостатками какъ въ сравненіи съ народомъ, среди котораго они живутъ, такъ и по сравненію съ неевропейскими евреями. Кромѣ искривленія ногъ и позвоночника, плоской грудной клѣтки и плоскихъ стопъ, у нихъ можно найти чаще, чѣмъ у другихъ, цѣлый рядъ наследственныхъ органическихъ болѣзней, каковы, сахарное мочеизнуреніе, ревматическія боли и др. Но зато духовныя ихъ способности необычайно развиты, и въ этомъ отношеніи они далеко превосходятъ окружающую ихъ среду. Больныхъ и безобразныхъ по наружности евреевъ можно встрѣтить довольно часто, тупыхъ же—рѣдко. Это обстоятельство, по мнѣнію Штратца, прекрасно объясняется тѣми социальными условіями, въ которыхъ евреямъ пришлось жить въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. По собственной волѣ или благодаря внѣшнему понужденію, евреи заняли изолированное положеніе среди окружающихъ народовъ. Строго соблюдавшееся запрещеніе заключать браки съ неевреями имѣло слѣдствиемъ постоянно усиливавшееся и, наконецъ, ставшее наследственнымъ преимущественное развитіе индивидуальнаго характера ихъ. Многія области дѣятельности, требовавшія физической силы, какъ охота, земледѣліе и военная служба, были закрыты для евреевъ, такъ что естественный подборъ работалъ у нихъ все больше въ сторону совершенствованія духовныхъ свойствъ. Такимъ путемъ образовался въ теченіе вѣковъ тотъ своеобразный еврейскій типъ, который въ Европѣ считается характернымъ для евреевъ.

Но такая наружность не составляетъ исключительной особенности евреевъ. Извѣстно, что еврейскій типъ встрѣчается у отдѣльныхъ лицъ и родовъ среди всѣхъ расъ міра. Такъ, напримѣръ, Бельцъ нашелъ семитическій типъ у японцевъ, Деникеръ—у живущаго очень замкнуто племени Тода, фонъ деръ Штейненъ—

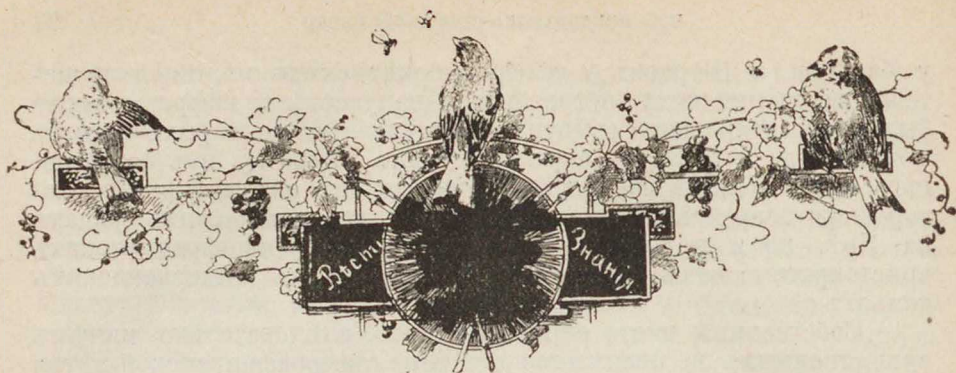

у бакапри, а Штратцъ у сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ и жителей вѣсть-индскихъ острововъ. У папуасовъ и кафровъ также былъ констатированъ семитическій типъ. И у старыхъ инковъ можно было встрѣтить „еврейскій“ типъ. Штратцъ изъ собственнаго опыта можетъ засвидѣтельствовать, что онъ встрѣчалъ благородныя „еврейскія“ лица не только въ княжескихъ родахъ на Явѣ, но и въ древне-германскихъ и древне-французскихъ аристократическихъ фамиліяхъ, а также и въ нидерландскихъ семьяхъ.

Собственный чисто еврейскій типъ, слѣдовательно, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ типа сѣвероафриканской вѣтви средиземной расы. Признанный въ Европѣ характерный еврейскій типъ не составляетъ исключительной особенности евреевъ, но встрѣчается болѣе или менѣе часто у всѣхъ расъ земли. Этотъ типъ не является результатомъ особаго племенного или расоваго происхожденія; это просто результатъ ставшаго наслѣдственнымъ накопленія (благодаря многовѣковой замкнутой жизни) индивидуальныхъ отклоненій и болѣе сильнаго развитія индивидуальности въ ущербъ прочимъ расовымъ признакамъ.

Прив.-доц. К. Харитковъ.

Кавказская Швейцарія *).

Глава III.

Дорога въ Ведено.—На шумномъ теченіи Аргуна.—Ведено, какъ дачное мѣсто и климатическій курортъ.—Историческія мѣста и эпизоды войны по рассказамъ очевидцевъ.—Близко, но недосыгаемо.—Альпійскіе луга.—Труженики горъ.—Горная флора.—Смѣна климатовъ.—Подъ снѣжными вершинами.—Переваль.—Озеро Эзенами и мѣстныя легенды о его происхожденіи.—4 климата на разстояніи 90 верстъ.—Заброшенный край.—Заключеніе.

Въ одинъ изъ ясныхъ дней поздняго августа, рано утромъ, выѣхали мы изъ Грознаго съ цѣлью посѣтить мѣста иного характера, чѣмъ Шатой, но не менѣе интересныя. Прямо на востокъ, перпендикулярно къ Воздвиженской дорогѣ, тянется широкій Веденскій трактъ, пересекая кукурузныя поля и рѣдкій, сѣрый отъ дорожной пыли, кустарникъ. Начиная отъ моста черезъ Аргунъ, близъ желѣзнодорожной станціи того же имени и Веденскаго села Устартъ-Гардой, **) дорога круто поворачиваетъ на юго-востокъ.

Здѣсь снова я встрѣтился со старымъ знакомцемъ Аргунемъ, который во время своего извилистаго пути, отъ Воздвиженскаго лѣсничества до станціи желѣзной дороги, на разстояніи около 50 верстъ, потерялъ весь сѣроводородный газъ и предсталъ предъ нами въ видѣ большой горной рѣчки, быстро несущей свои мутныя воды по каменистому руслу. Построенный здѣсь висячій мостъ—весьма основательной конструкторной и, повидиму, способенъ выдержать хорошій натискъ стихій во время половодій. Впрочемъ, по силѣ разрушенія, Аргунъ уступаетъ слѣдующей за нимъ и тѣмъ же трактомъ бѣшеной рѣчкѣ „Джалкъ“, сливающей здѣсь врагомъ желѣзнодорожныхъ насыпей, мостовъ и др. сооруженій.

Почти 30 верстъ мы ѣхали равниной, засѣянной кукурузой, пересекаемой множествомъ рѣчекъ. Рѣдко попадался кустарникъ, эта истинная приманка кавказскихъ охотниковъ: здѣсь рѣяли и кружились дикія горлицы, близко перелетая черезъ дорогу. На эту излюбленную кавказскую дичь можно охотиться, даже не сходя съ экипажа.

Вдали передъ нами чудный горный ландшафтъ. Надъ горными лѣсами, освѣщенными утреннимъ солнцемъ, высились остроконечные пики снѣжныхъ горъ. Снѣгъ и облака смѣшивались въ одну бѣлую массу, такъ что трудно было простымъ глазомъ различить границу этихъ двухъ стихій. Скоро, достигши Карача-

*) Окончаніе. См. «Вѣстн. Зн.», № 11.

**) Это названіе мѣстные русаки передѣляли въ Старый Гардой. Такъ передѣлываются на русскій ладъ всѣ туземныя названія. Напр., по тому же тракту находится аул. Герменчикъ, — его перекрестили въ Кременчукъ.

евскаго ущелья, мы очутились лицомъ къ лицу съ этой обстановкой. Осѣняемые нѣжной листвою бука и обильно вьющагося хмеля, по извилистой и далеко не безопасной дорогѣ, пройдя нѣсколько мостовъ и мостиковъ черезъ рѣчку Халхула, мы достигли плоскогорія, на которомъ расположены крѣпость и слобода Ведено.

По сіе время этотъ пунктъ извѣстенъ въ качествѣ очень дешеваго дачнаго поселенія. По всѣмъ условіямъ это—типичный воздушный курортъ, только мало извѣстный и потому мало посѣщаемый, чему способствуетъ большое разстояніе отъ желѣзной дороги (отъ Грознаго 58 в., отъ ст. Аргунъ 44 в.) и отчасти отсутствіе всякихъ удобствъ. Прибывшему на время здѣсь очень трудно найти ночлегъ, а вмѣсто такового предлагаютъ обыкновенно квартиру, т. е. голыя стѣны, безъ мебели. Продовольствіе также сопряжено съ затрудненіями.

Прибывающаго въ Ведено туриста поражаетъ обыкновенно невыгодность расположенія слободы, вдали отъ лѣсовъ и всѣхъ прелестей природы, остающихся далеко по пути. Такое явленіе, впрочемъ, понятно. Ведено, эта бывшая Шамилевская твердыня, основывалось, конечно, не съ курортными цѣлями и, понятно, не тѣ же цѣли руководили русскою властью при выборѣ мѣста для крѣпости. Около укрѣпленнаго пункта возникло поселеніе, а имъ въ послѣдствіи, послѣ замиренія, воспользовались въ качествѣ дачнаго мѣста. Такъ что правильнѣе будетъ заключить, что настоящаго дачнаго мѣста и курорта еще не существуетъ, а есть только благодарныя природныя условія для устройства такового въ будущемъ, но не здѣсь, а ниже, т. е. сѣвернѣе.

Удивительно, что въ настоящее время Ведено не только не развивается, но падаетъ. Во время стоянки тамъ войскъ, жители имѣли нѣкоторый заработокъ, лишеніе котораго теперь, послѣ ухода отсюда войскъ, не можетъ окупиться во время дачнаго сезона. Въ сущности, Ведено, какъ дачное мѣсто, имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ для Грознаго, отчасти для Владикавказа, рѣдко заѣзжаютъ туда изъ другихъ мѣстностей. Но, вообще, контингентъ дачниковъ незначителенъ.

Мѣстное русское населеніе, въ составѣ 70 дворовъ, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ. Между ними есть весьма почтенные, служившіе во времена Шамиля и даже участвовавшіе во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ той эпохи. Разсказы этихъ старыхъ служакъ весьма интересны. Можетъ быть, небезынтересно отмѣтить одинъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ Веденѣ и предшествовавшій событіямъ въ Гунибѣ.

Ведено (правильнѣе—окрестныя высоты) было одной изъ послѣднихъ позицій этого повелителя Дагестана; отсюда онъ отступилъ на Гунибъ, гдѣ вынужденъ былъ сдаться. Отступленіе Шамиля изъ Ведена сопровождалось слѣдующимъ эпизодомъ. Поджидая русскихъ съ сѣвера, онъ укрѣпился на высокой скалѣ. Но нашелся свой „Эфялтъ“, который показалъ начальнику русскаго отряда обходную тропинку, и непріятель оказался отсюда, откуда его не ожидали. Но бывалый и находчивый Шамиль не растерялся и зло поемѣлся надъ врагомъ. Послѣ появленія русскихъ войскъ завязалась жаркая перестрѣлка. Вскорѣ, однако, со стороны горцевъ перестали отвѣчать на выстрѣлы. Всѣ недоумѣвали,—считать ли это хитростью или осторожностью, но съ русской стороны бомбардировка продолжалась цѣлый день. Потомъ собрали военный совѣтъ и рѣшили итти на приступъ.

Рано на зарѣ осторожно ползли на скалу 2 полка пѣхоты. Вотъ добрались до вершины, достигли редутовъ и съ побѣдоноснымъ „ура“ проникли внутрь позиціи. Но велика была досада, когда штурмовавшіе, вмѣсто отчаяннаго отпора непріятеля, застали неожиданную картину. Внутри укрѣпленія не было ни души чело-

вѣческой, торчали лишь двѣ негодныхъ пушки, около которыхъ мирно паслись горные барашки. Все увезъ съ собою наканунѣ хитрый Шамиль и укрѣпился на Гунибѣ.

Конечною цѣлью нашего путешествія было озеро „Эзенамъ“, называемое въ общегити „Форельнымъ“. Это альпійское озеро является главной приманкой туристовъ. По разспросамъ мы узнали, что дорога на это озеро—не изъ пріятныхъ, что все время приходится ѣхать по страшной крутизнѣ, надъ пропастью. Кромѣ того, вся мѣстная публика была парализована имѣвшимъ мѣсто незадолго до нашего прибытія фактомъ ограбленія двухъ пассажировъ, инженеровъ изъ Грознаго.

На слѣдующее утро мы весело покатали по направленію къ озеру, подъ охраной двухъ револьверовъ и охотничьей двухстволки, по кавказскому обыкновенію, всегда готовыхъ къ бою. Дорога, на протяженіи 5 верстѣ, шла черезъ густой лѣсъ, затѣмъ спустились въ лошину, гдѣ расположенъ аулъ съ весьма труднымъ названіемъ. Отсюда предстояло начать серьезный и трудный подъемъ на, такъ называемый, „Форельный перевалъ“, на высоту не менѣе 500 саж. Этотъ перевалъ былъ почти виденъ, добраться до него было не легко: вмѣсто почти отвѣснаго подъема пришлось колесить почти 22 версты по дорогѣ, опоясывающей нѣсколько разъ, на подобіе ленты, высокую возвышенность. Тогда какъ по прямому направленію къ перевалу, съ котораго открывался видъ на озеро, было не болѣе 5 верстѣ. Но таковы условія горныхъ странъ: тамъ все близко, но недоступно и недосыгаемо.

Вѣхавши изъ аула, въ самомъ началѣ подъема, мы увидѣли полуразрушенную временемъ башню, столь же загадочную, какъ и та, которая встрѣтилась намъ передъ Шатаемъ. Поразительно, что топографическое нахожденіе этихъ башенъ на пересѣченіи двухъ ущелій, въ обоихъ случаяхъ одинаково и подтверждаетъ мысль о назначеніи ихъ, какъ сторожевыхъ башенъ.

Измѣнился здѣсь ландшафтъ, измѣнились и люди. Здѣсь граница Дагестанской области, въ той части ея, которая населена малочисленнымъ населеніемъ тавлиновъ. Они мало отличаются костюмомъ, только весьма оригинальны ихъ мохнатые шапки.

Бодро взбирались мы вверхъ по горѣ, минуя нѣсколько живописныхъ ущелій, между прочимъ, извѣстное Андійское. Высоко поднялись мы надъ ауломъ съ его снѣжно-бѣлыми саклями. Съ одной стороны—высокій, не огороженный скатъ въ долину, съ другой—пестрый и разнообразный коверъ цвѣтовъ, въ которомъ среди медуники выдѣлялись синія головки цикорія, изрѣдка попадалась изящно-пестрая гвоздика и свѣтлый барвинокъ,—истинная краса горныхъ луговъ. Нѣжнымъ ароматомъ вѣяло отъ этой привѣтливой горной флоры, ласкавшей взоръ и манившей къ себѣ.

Находясь на большой высотѣ, мы все-таки чувствовали себя болѣе безопасно, чѣмъ по дорогѣ въ Шатой—на утесистомъ берегу Аргуна или далѣе взобравшись на кручину надъ самымъ озеромъ Эзенамъ.

Подымаясь выше и выше, мы то теряли вовсе изъ виду аулъ, то снова онъ являлся передъ нашимъ взоромъ на все большей высотѣ. Такъ повторялось 3 раза, послѣ чего дорога сдѣлала крутой поворотъ на востокъ, и мы быстро переправились на соседнюю гряду, составляющую по всемъ признакамъ водораздѣлъ. По мѣрѣ поднятія, цвѣточный коверъ становился все монотоннѣе, теряя пестроту красокъ, и, наконецъ, пріобрѣталъ типичный степной колоритъ. Здѣсь мы застали сѣнокосъ. Мѣрно работали косы горныхъ тружениковъ на покатои, чуть не отвѣсной, зеленой плоскости, на которой трудно было бы держаться непривычному человѣку. Цѣлыя вереницы мужчинъ и женщинъ медленно подымались на гору, сверкая отточенными косами. Кое-

гдѣ сѣно связывали въ снопы, которые предстояло скатывать съ горы въ долину для дальнѣйшей доставки въ аулъ. Такой дешевый природный способъ транспорта, основанный на утилизаціи силы земной тяжести, обыкновенно практикуется на Кавказѣ. Такимъ же способомъ транспортируютъ и лѣсъ, при чемъ приходится быть весьма осторожнымъ, чтобы самому не сдѣлаться жертвой этой мировой силы тяготѣнія.

Еще выше ландшафтъ становится все безжизненнѣе. Травянистая растительность, прерываемая разсыянными вездѣ камнями, принимаетъ какую-то бурю окраску. Снѣжныя вершины кажутся уже лишь чуть-чуть выше насъ, а облака на одномъ уровнѣ съ нами. Еще одинъ заворотъ, и на насъ повѣяло ледянымъ холодомъ снѣжныхъ горъ, тѣмъ пронзительнымъ холодомъ, противъ котораго мало дѣйствительна самая теплая одежда. Вотъ мы на перевалѣ, т. е. самой высокой точкѣ горнаго хребта. Среди грандіозныхъ скалъ разстилалась лазуревое-зеркальная поверхность озера Эзенамъ. Шумные потоки несутся въ озеро. Унылыя долины кругомъ озера усыяны большими валунами, подчасъ въ нѣсколько ярусовъ нагроможденными работой стихій. Кое-гдѣ видны были поля пшеницы; мимо нихъ пастухи гнали стада на водопой, и держали, повидимому, неблизкій путь труженики и труженицы горъ съ косами и мѣшками незатѣйливыхъ припасовъ.

Надъ всѣмъ ландшафтомъ стройно высились гигантскія горы со снѣжными вершинами, которые своимъ грознымъ и величественнымъ видомъ какъ бы говорили о ничтожествѣ всего земного.

Кругомъ никакого жилья. Только горные пастухи, прохожіе косари, да очень рѣдкіе туристы являются свидѣтелями этихъ красотъ горной природы, оторыя, повидимому, еще долго не удостоится вниманія культуртрегеровъ.

Послѣ труднаго подъема предстоялъ не менѣе трудный спускъ въ долину съ высоты 4,000 футовъ, по кочковатой дорогѣ, усыянной камнями, отъ которыхъ подпрыгивалъ экипажъ. Пришлось переѣхать вбродъ 2 рѣчущки и сдѣлать не менѣе 8 верстъ зигзаговъ раньше, чѣмъ удалось достичь южнаго скалистаго берега озера. Ототъ берегъ крутымъ обрывомъ спускается въ озеро и столь же отвѣсно спускается подъ его поверхностью на глубину 17—20 саж. (наибольшая глубина озера 35 сажень). Кое-гдѣ высота обрыва надъ озеромъ достигала 10—15 сажень. Жутко становилось при ѣздѣ по узкому шоссе, ничѣмъ не огороженному, надъ самымъ озеромъ. Вѣроятно, мало надежды на спасеніе у тѣхъ, кому, въ силу случайностей, пришлось бы очутиться при такихъ условіяхъ въ объятіяхъ волнъ.

Проѣхавъ вдоль озера, мы достигли, наконецъ, единственнаго здѣсь жилого строенія сторожевого поста, гдѣ устроены не очень комфортабельный, но приличный пріютъ для туристовъ. Тамъ можно отдохнуть послѣ утомительной дороги.

Озеро Эзенамъ является одной изъ достопримѣчательностей восточной части Кавказа и представляетъ единственное альпійское озеро въ этой мѣстности. Нелишнимъ считаемъ поэтому изложить нѣкоторыя географическія и топографическія свѣдѣнія о „русскомъ Пюрихѣ“ (такъ называютъ оз. Эзенамъ нѣкоторые туристы), любезно сообщенныя управленіемъ дагестанской инженер. дистанціи.

Озеро Эзенамъ или Кезенъ-амъ, въ просторѣчій называемое Форельнымъ, находится на высотѣ 5,978 фут. надъ уровнемъ Чернаго моря. Передъ нимъ со стороны аула Ботлики (ближайшій жилой пунктъ, въ 30 верстахъ разстоянія) лежатъ горные пики. Малый Керкетъ (6,279 ф.) и за нимъ Большой Керкетъ (7,380). Окружающія высокія точки слѣдующія: съ запада 7,920, (безъ названія) и хребетъ Кашкеръ-ламъ 9,030; съ сѣвера Керкетъ

7,770, съ востока 7,300,—7,400, (безъ названія), Цацакой 8,150, Шимерой 7,620, ф., Азалъ 8,730, ф.; съ юга Абдалъ-Забузаль 8,540, ф. Длина озера по окружности около 10 верстъ, длина вдоль шоссе 3 версты. Наибольшая глубина 37 саж.

Восточный берегъ пологій и низменный, сѣверный и южный—возвышенный и крутой. Русло озера—известковое, что и обусловливаетъ составъ воды, совершенно прѣсной, но жестковатой. Пробы воды были взяты мною и проанализированы. Общій твердый остатокъ оказался 0,1362 грамма на литръ, главные составныя части: углекислая известь и углекислая магнезія. Солей щелочныхъ металловъ не оказывается, есть слѣды желѣза.

Озеро питается ручьями и потоками, бѣгущими съ окружающихъ снѣжныхъ горъ, но оттоковъ не имѣетъ и, по характеру воды, лишенной щелочныхъ солей и хлора, подходитъ къ типичнымъ альпійскимъ озерамъ.

Фауна озера характеризуется видами форели, между которыми встрѣчаются и очень крупныя виды *). Рыбная ловля сдается на откупъ и, повидимому, приноситъ хороший доходъ. Мѣстность кругомъ озера совершенно безлѣсная. Склоны горъ усыяны валунами. Даже трава здѣсь какая-то низкорослая. Здѣсь пришлось, кстати, вспомнить классическіе споры о причинахъ отсутствія лѣсовъ на югѣ Россіи, цитированные даже въ одной изъ университетскихъ лекцій, гдѣ для убѣжденія въ существованіи въ прежнее время лѣсовъ въ нынѣшней Новороссіи приводилось такое нелипенное наивности доказательство, что названія многихъ жилыхъ мѣстъ, какъ „Лѣски“, „Борки“ и проч. напоминаютъ о лѣсѣ. А можетъ быть эти названія свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что край заселенъ бывшими обитателями лѣсовъ, перенесшими имена деревень въ память прежней родины? Вѣдь наивно думать, что гдѣ нѣтъ лѣса, онъ былъ уничтоженъ. Такой филологическій и не научный способъ рѣшенія трудной географической задачи выдвигаетъ, въ свою очередь, болѣе трудные вопросы: если приведенная точка зрѣнія правильна, почему, напр., лѣса сохранились въ такой людной мѣстности, какъ Ведено, а исчезли въ совсѣмъ недоступныхъ для человѣка дебряхъ, какъ окрестности озера Озенамъ.

Въ такихъ контрастахъ и связанныхъ съ ними климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ и кроется, по нашему мнѣнію, ключъ къ загадкѣ о причинахъ безлѣсія нѣкоторыхъ странъ Россіи.

По обыкновенію, прибывшіе на озеро туристы снаряжаютъ удочки для ловли обитательницъ озера—форелей, это единственная порода рыбъ, живущая въ озерѣ и попадающаяся самыхъ различныхъ размѣровъ. Но рыба эта, вообще, капризная—иногда безъ труда ловится очень успѣшно, а иногда удильщики теряютъ цѣлые дни совершенно безуспѣшно. Несмотря на содѣйствіе опытнаго въ знаніи озера смотрителя сторожки, мы съ трудомъ поймали двѣ маленькія рыбы.

Около озера посѣяна пшеница и др. хлѣбныя растенія, повидимому, рѣдко вызрѣвающія, вслѣдствіе ранняго наступленія холодовъ. Но вообще дико и голо кругомъ этого Кавказскаго Цюриха. Нужно много приложить труда и культуры, чтобы сдѣлать его обитаемымъ, а прежде всего нужно насадить растительность и исполнить то, чѣмъ обидѣла природа. Тутъ нѣтъ ничего мечтательнаго и невозможнаго: кому неизвѣстно, напр., что наши патентованные курорты, какъ Пятигорскъ и Кисловодскъ, во время оно представляли пустыню, а теперь тамъ вырощены грандіозныя парки, даже цѣлыя рощи. Конечно, только приложеніемъ труда,

*) Какъ рассказываютъ, рыбакамъ попадались экземпляры величиной съ осетра.

культуры и умѣнія можно превратить берега озера Эзенамъ въ пріятный для жизни уголокъ, при условіи, конечно, существованія хорошихъ способовъ сообщенія. Теперь же не было предѣла нашей досадѣ, когда на Кавказскомъ Цюрихѣ не оказалось даже порядочной лодки для прогулки по озеру.

Въ одной изъ комнатъ сторожевого поста имѣется книга для записи прибывающихъ на Эзенамъ. Но этой книгой пользуются болѣе широко, помѣщая въ ней рассказы, анекдоты и даже цѣлыя лирическія изліянія, вродѣ нижеслѣдующаго:

„Съ грустью и болью прибылъ на Эйзенамъ. Измокъ до костей и голоденъ, какъ волкъ. Въ караулѣ не оказалось ничего. Въ этихъ странахъ, даже съ деньгами, можно умереть съ голоду“.

Дѣйствительно, насчетъ снабженія провизіей здѣсь плохо. Ближайшій жилой пунктъ, гдѣ можно купить хлѣба и достать кой-какіе припасы—селеніе Ботлики, въ 30 верстахъ отсюда.

Среди всѣхъ этихъ писаній удалось найти одно весьма интересное, именно, легенду о происхожденіи озера, по разсказамъ горцевъ. „На пустынной долинѣ, межъ высокихъ горъ, раскинулся обширный аулъ, единственный изъ всѣхъ ауловъ, жители котораго забыли завѣтъ великаго пророка о гостепріимствѣ. Заблудившійся странникъ встрѣчалъ въ аулѣ самый грубый и нелюбезный пріемъ. Своими доступками жители сильно разгнѣвали Бога.

„Однажды въ аулѣ зашелъ истомившійся въ пути сѣдовласый старецъ и тщетно просилъ пріюта. Но всюду встрѣчалъ онъ отказъ и едва не былъ вынужденъ провести въ полѣ холодную и дождливую ночь. Но одна вдова сжалася надъ нимъ и предложила переночевать въ скалѣ. „Утромъ говоритъ старецъ вдовѣ:—„Оставь свою саклю и иди прямо, но не оглядывайся“. Вдова исполнила этотъ совѣтъ, но, по своему женскому любопытству, не могла воздержаться, чтобы не посмотреть назадъ и увидѣла страшное зрѣлище. Старикъ бьетъ своимъ жезломъ по скалѣ и оттуда обильными потоками струится вода, затопляя сакли, а вмѣстѣ съ ними людей, скотъ и все имущество. Такъ наказалъ всемогущій Аллахъ нечестивыхъ жителей аула“.

Эта легенда много напоминаетъ библейское сказаніе о Содомѣ и Гоморрѣ, но умалчиваетъ лишь объ одномъ обстоятельстве, платилась ли вдова, подобно женѣ благочестиваго Лота, за свое любопытство. Воображеніе горцевъ дополняетъ еще легенду разсказами, будто бы по временамъ на поверхность озера выплываютъ разные предметы домашней утвари изъ потопленнаго аула.

Рано утромъ, до разсвѣта начали мы обратный путь труднымъ и медленнымъ подъемомъ на перевалъ. Было ясно, но очень холодно, пришлось кутаться въ шубы. Только въ 7-мъ часу при спускѣ съ перевала, въ 20-ти верстахъ отъ Ведена, пригрѣло насъ солнышко, и шубы оказались излишними, а по приближеніи къ Грозному, вечеромъ, послѣ сумерекъ, пришлось всѣ костюмы замѣнить лѣтними тужурками. Такимъ образомъ, сдѣлавши въ продолженіе дня 90 верстъ, мы побывали въ четырехъ климатахъ, начиная съ холоднаго—близъ снѣжныхъ вершинъ на перевалѣ,—и кончая умѣренно жаркимъ въ Грозномъ. Въ этой смѣнѣ на ничтожныхъ разстояніяхъ и въ теченіе самаго короткаго времени климата, флоры, обстановки и заключается вся оригинальная прелесть гористыхъ странъ. Меньше чѣмъ въ $\frac{1}{2}$ дня мы побывали въ лѣсной, степной и луговой полосѣ и испытывали такіа смѣны картинъ природы, которыя на равнинахъ достижимы только на тысячеверстныхъ разстояніяхъ.

Въ нашемъ очеркѣ мы постарались познакомить читателя съ оригинальными, живописными, но мало извѣстными мѣстностями Кавказа, вполне заслуживающими названія „Кавказской Швейцаріи“.

ріи" и обратить вниманіе на то, что русскій туристъ знакомится съ Кавказомъ частью проѣздомъ по военно-грузинской дорогѣ, частью же посѣщеніемъ Минераловодскихъ курортовъ (Пятигорска и др.). Но эти мѣстности, по сравненію съ массой столь же прекрасныхъ, но мало или даже вовсе некультивированныхъ мѣстностей Кавказа, представляютъ каплю въ морѣ.

Кавказъ не только въ настоящее время не заселяютъ, но даже не изучаютъ. Минеральные воды по Шатоевскому тракту не изслѣдованы; до Шатоя и въ другомъ направленіи—отъ Грознаго до озера Эзенама нѣтъ ни обсерваторій, ни метеорологическихъ станцій. Ничего не предпринимается для пользованія этими мѣстностями въ качествѣ дачъ и воздушныхъ курортовъ. Пути сообщенія тоже далеки отъ совершенства, въ особенности отъ Ведена до озера. Получается, въ общемъ, какая-то странная иронія. Сколько жизней стоило завоеваніе Кавказа, сколько времени и средствъ поглотила эта борьба и какія жертвы принесены для того, чтобы оставить всѣ эти богатства природы $\frac{1}{2}$ вѣка лежать подъ спудомъ.

Нашъ Востокъ ближній пребываетъ въ дѣвственномъ и даже крайне первобытномъ состояніи,—его забросили и забыли. Между тѣмъ, казалось бы, для обширной имперіи, стѣсненной своей равнинностью, пріобрѣсть горную страну, съ территоріей большей европейской Швейцаріи и съ чудной разнообразной природой.—это счастье, за которое слѣдовало бы ухватиться обѣими руками.

Пора уже отрѣшиться отъ увлеченія Дальнимъ Востокомъ и заняться, наконецъ, ближнимъ, въ томъ числѣ и нашей Швейцаріей.

Прежде всего нужно насадить здѣсь свѣтъ знанія и не тормозить давно назрѣвшій вопросъ о всеобщемъ обязательномъ обученіи и объ учрежденіи высшаго учебнаго заведенія на Кавказѣ. Напротивъ, мы считаемъ неумѣстнымъ полемику, гдѣ бытъ Кавказскому политехникуму—въ Тифлисѣ или Владикавказѣ: высшее учебное заведеніе нужно и тамъ и тамъ, одно для Закавказья, другое для Сѣвернаго Кавказа. Всяческими способами нужно приучать къ культурности мѣстное туземное населеніе.

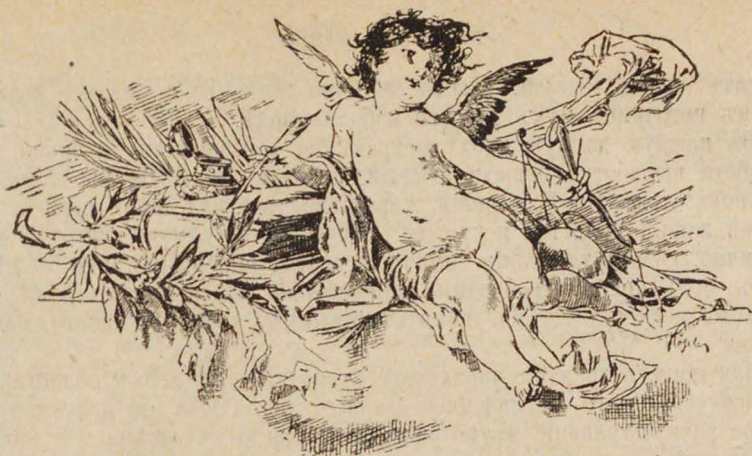
Изученіе природы Кавказа нужно поощрять. Нужно основать свѣтъ обсерваторій, метеорологическихъ станцій, музеевъ, лабораторій и др. учреждений и поощрять дѣятельность по изученію Кавказа. Можетъ быть, не будетъ лишнимъ высказать и еще одно пожеланіе—поощрять развитіе городовъ, какъ торговыхъ и культурныхъ центровъ и не повторять печальный примѣръ Грознаго, которому предстоитъ перспектива разоренія, благодаря старанію такихъ благодѣтелей, какъ казаки.

Много нужно сдѣлать, чтобы такъ дорого доставшаяся Россіи Кавказская Швейцарія не была забытымъ и заброшеннымъ краемъ, и, конечно, не лишнимъ будетъ отрѣшиться отъ излюбленной въ послѣднее время Россійской привычки искать красоту и прелестей на краю свѣта, въ дальновосточныхъ странахъ и не замѣчать тѣ красоты, которыя находятся здѣсь, подъ бокомъ, на благословенномъ Кавказѣ.

Прив.-доцентъ *Н. Харичновъ.*

Лѣтопись современной литературы и искусства.

С. К. Далецкій *).

Художественный театр, какъ выразитель новыхъ теченій въ искусствѣ.

Идеи носятся въ воздухѣ.

Духовная работа лучшихъ представителей общества не пропадаетъ безслѣдно. Она постепенно дѣлается достояніемъ массъ и необычайно сложнымъ путемъ, прослѣдить который весьма и весьма трудно, получаетъ широкое распространеніе.

Крупные мыслители, истинные художники всегда идутъ впереди своего поколѣнія. Мысли и чувства, имѣющія для нихъ особо важное значеніе и смыслъ, новое міросозерцаніе, надъ выясненіемъ котораго они мучатся, страдаютъ, для большинства ихъ современниковъ остаются совершенно непонятными, кажутся имъ чѣмъ-то нелѣпымъ, дикимъ, какимъ-то бредомъ. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ, является новое поколѣніе, и какъ-то само собою, незамѣтно, все, что было жизненнаго, цѣннаго въ ученіи непризнанныхъ гениевъ, дѣлается общимъ достояніемъ. Понятія, до которыхъ философъ дошелъ лишь послѣ долгой работы, путемъ напряженного мышленія, кажутся даже среднему интеллигенту вполне ясными, непреложными. А спросите его, откуда онъ почерпнулъ ихъ, и онъ не въ состояніи будетъ отвѣтить вамъ, ибо онъ просто безсознательно усвоилъ, впиталъ въ себя духъ своего времени.

Художникъ въ моменты особенно напряженного творческаго вдохновенія предвосхищаетъ строй чувствъ грядущихъ поколѣній. Мыслитель

*) Настоящая статья, имѣющая много общаго съ помѣщенной въ предыдущемъ № статью П. М. Пильскаго, написана молодымъ художникомъ, не порвавшимъ съ академіею, но чутко прислушивающимся къ «новымъ вѣяніямъ». Мы считаемъ весьма важнымъ знакомить читателей съ этими «носящимися въ воздухѣ идеями», которыя начинаютъ оказывать вліяніе на современную критику.

провидитъ складъ мыслей. Таково свойство генія. Въ этомъ его величіе, и въ этомъ источникъ мукъ для его избранниковъ.

Въ каждую данную эпоху непременно совершается глубокая, скрытая работа выработки новыхъ понятій, провѣрки наслѣдія предковъ. Лучшимъ показателемъ переживаній, характера того или иного періода общественной жизни является искусство. Искусство по самому существу своему синтетично. Суммируя мелкія типичныя черты, оно выдвигаетъ общій характеръ. Вотъ почему необходимо внимательно присматриваться къ смѣнѣ теченій въ искусствѣ, чтобы понять истинный ходъ духовнаго развитія общества.

Для нашего времени характерно господство во всѣхъ областяхъ нашего искусства такъ называемаго декадентства. Слово это получило очень широкое распространеніе и употребляется всегда съ оттѣнкомъ какого-то пренебреженія: декадентъ—упадочникъ.

Первые глашатаи декадентства были встрѣчены съ добродушнымъ смѣхомъ. Имъ не придавали большого значенія. Въ нихъ видѣли лишь погоню за оригинальностью, одно только кривлянье. Полагали, что тѣ изъ нихъ, которымъ никоимъ образомъ нельзя было отказать въ талантѣ, скоро угомонятся, бросая свой шутовской нарядъ и, какъ блудные сыновья, вернутся на теплое отчее лоно, и тогда декадентство исчезнетъ какъ дымъ.

Но ожиданія не оправдались. Дерзкіе декаденты и не подумали пролить слезы покаянія. Мало того. Они стали привлекать къ себѣ все, что только появлялось свѣжаго, оригинальнаго, талантливаго. Тогда престарѣлые Катоны преисполнились страха за будущее. Куда мы идемъ? И на зловредныхъ декадентовъ посыпались брань, насмѣшки, издѣвательства. Но, увы, ничто не помогало. Общество, вмѣсто того, чтобы пойти войною противъ опасныхъ, пагубныхъ новаторовъ, все болѣе и болѣе переходило на ихъ сторону.

И что особенно странно—упадочники не повлекли за собою никакого упадка. Искусство не погибло, а возродилось. Возьмемъ для примѣра хотя бы живопись. Самыя декадентскія выставки устраивалъ журналъ «Міръ Искусства». Кого же мы тамъ видимъ? Сѣрова, котораго сама академія почтила званіемъ академика; Левитана—поэта русской природы, всѣми признаннаго лучшаго нашего пейзажиста; прекрасныхъ рисовальщиковъ Браза, Баката; поэта старины Рериха, колористовъ: Коровина, Грабаря, Юона, Виноградова и т. д. При чемъ же тутъ упадокъ? При чемъ декадансъ? Ясное дѣло, старики не поняли новаго направленія, свѣжаго вѣянія.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Только геніи видятъ далеко впередъ; простые же смертные, даже и очень даровитые—всѣ люди своего поколѣнія, своего времени, и старикамъ все новое, жизнеспособное кажется нелѣпостью, оригинальничаньемъ. За примѣромъ не далеко ходить. Знаменитый Рескинъ—философъ, критикъ, художникъ,—положилъ начало своей славы, выступивъ горячимъ борцомъ за группу молодыхъ художниковъ—праерафаэлитовъ, а на старости лѣтъ онъ обзывалъ картины тогда молодого еще, новаго художника, теперь же знаменитаго Уистлера,—горшкомъ красокъ, брошеннымъ въ лицо публикѣ.

И какъ Рескинъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей прошлаго столѣтія, не постигъ значенія Уистлера, такъ и наши маститые корифеи искусства не смогли понять сути декадентства. Теперь, когда острый періодъ борьбы стараго и новаго направленія уже миновалъ, можно смѣло сказать, на чьей сторонѣ осталась побѣда, можно въ общихъ словахъ опредѣлить, къ чему стремится наша молодежь, во имя чего она ратуетъ.

Уже одно то обстоятельство, что декадентство одержало верхъ, свидѣтельствуетъ о его жизнеспособности и указываетъ, насколько несправедливо было съ высоты собственного величія лить на него помой своего негодованія. И самая кличка «упадочники» утрачивается свой смыслъ. Но такъ какъ она упрочилась, приобрѣла права гражданства, то содержаніе ея должно понимать совершенно иначе. Декаденты—упадочники, но они не ведутъ искусство къ гибели, а только присутствуютъ при упадкѣ, при уничтоженіи прежнихъ взглядовъ на искусство, на его задачи.

Нашъ вѣкъ—вѣкъ переоцѣнокъ. Наука,—объективная, безстрастная, холодная, все анализирующая, расчленяющая, классифицирующая,—перестала удовлетворять человѣка. Долго сдерживаемая потребность синтеза сказалась съ непреодолимой силой. Проснулся интересъ къ широкимъ обобщеніямъ, къ философіи, къ искусству. Идеалы, мечты стали иными. Прежнее искусство, состоявшее въ услуженіи у науки, исполнявшее при ней роль гувернантки, внушая обществу идеи благонравія, добросердечія, и попутно нагляднымъ методомъ знакомя его съ природой, перестало удовлетворять новымъ запросамъ. Перестроить заново все грандіозное зданіе искусства—вотъ такая задача выпала на долю декадентовъ.

Полные энергіи, горячо принялись они за работу, съ веселымъ задоромъ юности стали подрывать фундаментъ устарѣлаго зданія. Но по мѣрѣ того, какъ дѣло подвигалось впередъ, и на сцену выступалъ вопросъ о построеніи новаго храма искусства, лица реформаторовъ становились все серьезнѣе, все сосредоточеннѣе. Пристальнѣе, зорче всматривались они вдаль, въ глубокую тьму будущаго, стремясь уяснить себѣ свои собственные идеалы, пока еще неясно носившіеся предъ ихъ взорами, словно задернутые туманной пеленой. Эта неясность, эта расплывчатость міросозерцанія отразилась и въ ихъ произведеніяхъ. Въ живописи является любовь къ сочетаніямъ красокъ самихъ по себѣ, независимо отъ содержательности картинъ; напротивъ, литературность въ нихъ подвергается рѣзкому преслѣдованію. Для нея характерна погоня за гармоніей мягкихъ тоновъ—сѣрыхъ, пепельныхъ, серебристыхъ,—пристрастіе къ сумеркамъ, полутъмѣ. Въ литературѣ нѣтъ рѣзкихъ, опредѣленныхъ типовъ; на первый планъ въ ней выступаютъ глубоко затаенныя, трудно уловимыя движенія души; выдвигается внутренняя оцѣнка явленій, отраженіе ихъ въ душѣ человѣка; внѣшнія явленія разсматриваются не сами по себѣ, а какъ смѣна настроеній, чувствъ, мыслей; подчеркивается неудовлетворенность настоящимъ, исканіе чего-то новаго, неяснаго. Въ ней звучатъ струны болѣзненной, страстной тоски по идеалу. Въ музыкѣ—нѣжныя мелодіи прерываются рѣзкими диссонансами, словно кто плачетъ по утраченному дорогому, лелѣя мечты о грядущемъ.

Такъ отплатило за гибель свою подрытое подъ основаніе старое искусство. Ломка никогда не проходитъ безслѣдно. Кровныя узы рвутся съ мукой. Такъ было и на этотъ разъ.

Само собой разумѣется, новое теченіе отразилось и въ области сценической литературы. «Дядя Ваня» и «Чайка»—вотъ лучшія произведенія, сюда относящіяся. Весьма характерно, что постановка «Чайки» на Александринской сценѣ увѣнчалась колоссальнымъ неуспѣхомъ, что только Московскій Художественный театръ, внесшій свѣжую струю въ затхлую атмосферу театральнаго міра, заставилъ публику оцѣнить это прекрасное произведеніе, заставилъ полюбить его. Очевидно, нужны были иные приемы постановки. Очевидно, Художественный театръ отвѣчалъ назрѣвшимъ запросамъ общества. Спрашивается: что же новаго внесъ онъ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, необходимо разграничить сознательную работу театра отъ того, что сдѣлано было имъ безсознательно.

Сознательно, театръ выдвинулъ на первый планъ художественность ансамбля и художественность постановки. Въ высшей степени умѣлое, талантливое сочетаніе двухъ этихъ основныхъ условій обезпечивало уже театру успѣхъ, любовь къ нему публики и преслѣдованіе со стороны приверженцевъ старины. Безсознательно же театръ сумѣлъ уловить духъ новаго теченія, сумѣлъ явиться выразителемъ свѣжаго вѣянія въ искусствѣ.

Помогъ ему въ этомъ А. П. Чеховъ, которому театръ обязанъ очень и очень многимъ. Поразительный художественный талантъ, необычайная чуткость и наблюдательность поставили Чехова во главѣ новаго теченія. Говоря это, я отнюдь не хочу сказать, что Чеховъ былъ центромъ для тѣхъ пресловутыхъ декадентовъ, разборъ нечлѣпостей которыхъ занималась наша близорукая критика. Во время прибоа волны несутъ съ собою массу сора, накипи. Наша критика, а за нею и публика, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за колебаніями щепокъ и пробокъ, плававшихъ на поверхности воды, а самого-то прибоа и не замѣтила. Между тѣмъ самой высокой волной его и былъ А. П. Чеховъ. Но около Чехова никогда не было шума. Въ то время, какъ критика усиленно обращала вниманіе публики на кривлянье бездарностей, заставляла всѣхъ знакомиться съ ихъ виршами, декламировала на всю Россію: «О закрой свои блѣдныя ноги» и тому подобную чухъ, полагая, что въ этомъ-то и заключается суть новаго теченія,—никто изъ-за гама и ругани не усмотрѣлъ, какой переломъ совершается въ творествѣ лучшаго нашего писателя. Никто не понималъ, что «Дядя Ваня» и «Чайка»—ступени къ «Тремъ Сестрамъ» и «Вишневому саду», произведеніямъ, исполненнымъ глубокаго, необычайно тонкаго символизма.

Декадентство, все глубже постигая свои собственные идеалы, постепенно, но вѣрно подходило къ символизму. Перенеся центръ тяжести міропониманія съ внѣшняго міра на свое внутреннее я, на душу человѣка съ ея глубокою, полною тайнъ жизнью, стремясь уловить и понять сокровенныя душевныя движенія, декаденты на все стали смотрѣть какъ бы сквозь призму, весь міръ пріобрѣлъ въ ихъ глазахъ таинственную многозначительность. Вотъ почему такъ странны, такъ непонятны первыя символическія произведенія для лицъ, воспитанныхъ на такъ называемой классической литературѣ. Но Художественному театру посчастливилось. На его долю выпало счастье поставить лучшія символическія произведенія русской литературы: «Три Сестры» и «Вишневый Садъ». Взволнованная, растроганная публика, выходившая изъ театра, и не подозрѣвала, что восторженно преклоняется предъ символическими, декадентскими вещами. Не понимала этого и критика. За А. П. Чеховымъ настолько упрочилась репутация неподражаемаго реалиста, что никому и въ голову не приходило считать его за символиста. А между тѣмъ истинный символизмъ—глубоко реалистиченъ; проникновенный реализмъ—символическъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ суть символизма, въ чемъ новизна его?

Для натуралистической школы идеаломъ являлся внѣшній міръ. Задача искусства сводилась къ возможно болѣе точной, объективной передачѣ дѣйствительности, къ художественной фотографіи. Для новой школы этого далеко не достаточно. Въ основѣ ея лежитъ понятіе «міръ есть представленіе». Каждый живетъ своимъ собственнымъ особымъ міромъ. Объективность можетъ быть лишь кажущейся, мнимой. Самая сущность вещей намъ неизвѣстна, она закрыта отъ насъ плотной завѣсой, которую человѣкъ приподнимаетъ лишь въ моменты особенно напряженнаго воспріятія. Художники, какъ люди наиболѣе впечатлительные, чаще испытываютъ подобные подъемы чувства, слѣдовательно могутъ глубже, вѣрнѣе

одѣлнить значеніе и смыслъ жизненныхъ явленій. Но для этого необходимо центръ тяжести перенести съ внѣшняго міра на внутренній міръ человѣка. Само собой разумѣется, проникнуть въ самую глубь явленій могутъ лишь гени, художники же меньшаго дарованія лишь болѣе или менѣе близко подходятъ къ лицезрѣнію таинственной сущности вещей. Отсюда проистекаетъ неясность, непонятность ихъ произведеній. Людямъ, воспитаннымъ на реализмѣ, трудно перейти на совершенно иную точку зрѣнія, трудно постичь міросозерцаніе автора, трудно отдаться обаянію его творчества. Необходима необычайно тонкая и сильная художественность для того, чтобы символическое произведеніе могло стать доступнымъ общему пониманію. Вотъ почему пьесы Чехова имѣли успѣхъ. Вотъ почему Художественный театръ, поставивъ ихъ, явился выразителемъ новаго теченія въ искусствѣ.

На Александринской сценѣ, какъ мы уже отмѣтили, «Чайка» Чехова провалилась. Та же участь постигла бы и «Трехъ сестеръ» и «Вишневый садъ». Эти драмы требуютъ иныхъ условій постановки. Скрытый въ нихъ символизмъ очаровываетъ и захватываетъ зрителя при посредствѣ кажущихся мелочей. Вся совокупность постановки должна незамѣтно ввести зрителя въ духовный міръ дѣйствующихъ лицъ, сдѣлать ихъ ему близкими, понятными, дорогими. Вникая въ отдѣльныя мелкія сцены, зритель постепенно постигаетъ самую суть, основной характеръ героевъ, постигаетъ настолько хорошо и полно, что начинаетъ болѣть ихъ болѣзнями и горемъ, какъ своими собственными.

Очевидно, для успѣха этихъ драмъ необходима была тонкая художественность постановки. Вотъ почему только на сценѣ Художественнаго театра пьесы Чехова имѣли и могли имѣть успѣхъ.

Итакъ, поставивъ Чехова, Художественный театръ познакомилъ публику съ лучшими нашими символическими произведеніями и явился, такимъ образомъ, выразителемъ новаго теченія въ литературѣ. Но достигъ этого театръ безосознательно. Это видно изъ того, что онъ не оказался на высотѣ своего положенія, когда ему пришлось имѣть дѣло съ дальнѣйшей стадіей эволюціи декадентства—съ мистицизмомъ.

Переходъ отъ символизма къ мистицизму такъ же естествененъ и послѣдователенъ, какъ и смѣна декадентства символизмомъ. Міръ есть представленіе. Мы постигаемъ его при посредствѣ нашихъ органовъ чувствъ. Но исчерпывается ли этимъ наше общеніе съ внѣшнимъ міромъ? Не воспринимаемъ ли мы все иначе въ моменты сильнаго нервнаго напряженія? Не устанавливается ли тогда какая-то иная связь между человѣкомъ и внѣшнимъ міромъ? Что такое предчувствіе, передача мыслей на разстояніи, ясновидѣніе? Не воздѣйствуетъ ли на нашъ организмъ кромѣ видимаго міра—объекта науки—еще другой міръ, міръ невидимый, чудесный, полный таинственности, который только еще начинаетъ привлекать вниманіе ученыхъ и то лишь наиболѣе смѣлыхъ и независимыхъ? Точно ли мы хорошо видимъ, или это только обманъ, и мы, въ дѣйствительности, лишь слѣпцы?

Да, міръ полонъ тайнъ, говорятъ мистики.

Мы слѣпы, говоритъ Мэтерлинкъ своими «Слѣпцами».

Можно ли подобныя вещи ставить съ такимъ реализмомъ, какъ пьесы Чехова? Разумѣется, нѣтъ. Въ нихъ человѣкъ обращается къ намъ не видимой, привычной намъ стороною своею, а таинственной своею сущностью, при посредствѣ которой онъ вступаетъ въ общеніе съ міромъ непостижимаго, рокового, вѣчнаго. А потому пьеса должна давать какъ можно меньше лица органамъ внѣшнихъ чувствъ и какъ можно сильнѣе будить

загадочную способность человѣка проникать въ мистическую область непостижимаго.

Для Художественнаго театра переходъ отъ Чехова къ Матерлинку оказался слишкомъ рѣзокъ. Театръ не смогъ отрѣшиться отъ доведеннаго имъ до такого совершенства художественнаго реализма, и пьесы Матерлинка не имѣли успѣха. Вниманіе публики постоянно двоилось. Едва начинала она проникаться чувствомъ ужаса предъ вѣчной загадкой жизни—предъ тайною смерти, едва охватывалъ ее священный трепетъ постиженія чего-то необычайно важнаго, высокаго, какъ вдругъ реализмъ обстановки пробуждалъ ее изъ созерцательнаго состоянія и возвращалъ къ дѣйствительности. Нервы зрителя бесплодно дергались, терзались, и онъ выходилъ со спектакля неудовлетворенный, недоумѣвая, что случилось съ его любимымъ театромъ.

Этимъ краткимъ, бѣглымъ очеркомъ мнѣ хотѣлось указать на недостаточную степень гибкости, обнаруженную Художественнымъ театромъ въ постановкѣ пьесъ Матерлинка. Является опасеніе: неужели нашъ чудный театръ, предметъ нашей гордости, сталъ на мертвую точку?

Чтобы отражать переживанія общества, надо глубоко проникать въ суть ихъ. Приемы исполненія должны быть въ строгомъ соотвѣтствіи съ характеромъ произведенія. Нельзя успокоиться на опредѣленномъ, разъ выработанномъ методѣ, хотя бы и доведенномъ до высшей степени совершенства. Необходимо искать, искать и искать. Необходимо идти впередъ. Кто не идетъ впередъ, тотъ отстаетъ *).

С. Далевскій.

Е. А. Колтоновская.

Писатель-гуманистъ.

(С. Елпатьевскій. Разказы. Т. I, II и III-й).

При знакомствѣ съ произведеніями г. Елпатьевского прежде всего обращаетъ на себя вниманіе ихъ оригинальная форма. Разсказъ въ большинствѣ изъ нихъ ведется отъ перваго лица, и даже тамъ, гдѣ этого нѣтъ, присутствіе авторскаго „я“ все же постоянно чувствуется; вамъ даже словно чего-то не достаетъ, когда оно временно ступшевыается, и герои дѣйствуютъ одни, за свой страхъ. Притомъ у автора совсѣмъ незамѣтно желанія выдвинуть свое „я“, познакомить съ нимъ читателя, наконецъ—просто излить свою душу, какъ это часто бываетъ въ воспоминаніяхъ. Напротивъ, онъ занятъ не собою, а только тѣмъ, о чемъ воспоминаетъ, и старается дать себѣ въ немъ правильный отчетъ, правдиво разсказать и изобразить, какъ оно было и какъ могло быть при данныхъ условіяхъ... Присутствіе творчества въ разказахъ г. Елпатьевского несомнѣнно, хотя они и подходятъ по формѣ ближе къ воспоминаніямъ. Они различны по своему художественному достоинству. Одни болѣе, другіе менѣ закончены и ярки. Но безу-

*) Мы затронули въ этомъ очеркѣ нѣсколько вопросовъ, которые не могли быть, за недостаткомъ мѣста, рассмотрѣны хоть сколько-нибудь полно. Такъ, напр., опредѣленіе пьесъ Чехова, какъ произведеній декадентскихъ и символическихъ, осталось нами едва лишь задѣтымъ, и мы еще надѣемся когда-нибудь вернуться къ этому вопросу. С. Д.

словно отъ всѣхъ ихъ вѣтъ оригинальностью, свѣжестью и жизненной правдой.

Большимъ достоинствомъ ихъ является и прекрасный литературный языкъ, тщательно отдѣланный и музыкальный. Со времени Тургенева въ литературѣ не часто встрѣчаются образцы такого языка. Тургеневская школа вообще замѣтно отразилась на произведеніяхъ нашего автора, въ особенности на описаніяхъ, и принесла хорошіе плоды. Мы, конечно, не сравниваемъ этихъ писателей по дарованію, но въ описаніяхъ г. Елпатьевскій, идя по Тургеневскому пути, сдѣлалъ несомнѣнно шагъ впередъ. Холодные внѣшнія описанія Тургенева скучны для современнаго читателя, не смотря на ихъ пластическую красоту. Описанія же г. Елпатьевского читаются легко и съ интересомъ. Онъ внесъ въ нихъ жизнь и движеніе, внесъ теплоту и одухотворенность. Читая его описанія природы, всегда чувствуешь его напряженную, работающую въ опредѣленномъ направленіи мысль, представляешь себѣ человѣка, окруженнаго такой природой, ея вліяніе на него. Да и самъ авторъ, о чемъ бы ни говорилъ, безпрестанно обращается къ предмету своей неустанной заботы—человѣку. Когда онъ описываетъ ненастное утро и унылую сибирскую рѣку, онъ занятъ раздумьемъ надъ судьбой плывущихъ за пароходомъ на баржѣ арестантовъ. И отъ словъ его вѣтъ не пассивной жалостью къ нимъ, а дѣятельнымъ участіемъ и тревожной заботой. „Сырое холодное утро. Мелкій, сѣющій дождь. Тусклое небо, тусклая рѣка, тусклые берега. Куда-то въ сѣрую безграничную даль уходятъ за ними берега, откуда-то изъ тусклой сѣрой дали выплываютъ на встрѣчу намъ все тѣ же низкіе плоскіе берега. Куда мы идемъ? Зачѣмъ тянемъ за собой эту темную баржу, теперь молчаливую, какъ гробъ? Хотимъ ли мы лѣчить и оживить въ новой странѣ этихъ больныхъ, раненыхъ, искалѣченныхъ людей или веземъ хоронить ихъ въ эту пустыню, гдѣ такъ скоро и такъ настойчиво является мысль о смерти. Что ждетъ этихъ пятьсотъ запертыхъ въ желѣзной клѣткѣ людей въ той развертывающейся передъ нами все шире и шире необъятной, какъ море, холодной сѣрой дали?“...

Описывая величественную и угрюмую сибирскую тайгу, г. Елпатьевскій переноситъ мысль къ попавшему въ нее прищелу изъ далекой Россіи, звѣролову. И въ ярко представляет себѣ, какъ „покорила“ его могучая тайга, какъ онъ подъ ея вліяніемъ, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ дремучаго лѣса, разучился смѣяться, забылъ пѣсни, отвыкъ отъ людей и родины и, наконецъ, всей душой полюбилъ эту странную, своеобразно-прекрасную глушь.

Героиня одного изъ поэтическихъ разсказовъ, „Снѣгурочки“, испытываетъ именно такую стихійную непреодолимую любовь къ тайгѣ. Эта хрупкая молоденькая женщина, выглядѣвшая дѣвушкой, съ ея измѣнчивыми глазами и быстрыми переходами отъ одного настроенія къ другому—олицетвореніе сибирской замкнутости, дикости, оригинальности и удала. Она выросла среди лѣса, привыкла къ уединенію и свободѣ и порой тяготилась человѣческимъ обществомъ. Ей тогда бывало душно въ населенныхъ мѣстахъ—въ городахъ и деревняхъ, въ тѣсныхъ жилищахъ среди людей, съ ихъ также, казалось ей, ограниченными и узкими мыслями, и она отдыхала душой только въ тайгѣ. Ни снѣгъ, ни буря не могли остановить ее, а еще увеличивали, обостряли для нея удовольствіе. Она носилась по лѣсу безъ удержу и возвращалась домой обновленная, словно наэлектризованная. „Звенѣлъ веселый смѣхъ, что-то пѣло въ ней и дрожало, какъ туго натянутая струна а изъ-за опущенныхъ бѣлыми инеемъ рѣсницъ смотрѣли синіе горячіе глаза, блестящіе и странно расширенные.“

— Ахъ, хорошо тамъ въ тайгѣ. Шу-у-мѣть!...

Она зажмурила глаза и глубоко вздохнула, словно набирая въ себя какъ можно больше воздуха“.

По словамъ ея мужа, добродушнаго и насмѣшливаго сибиряка, это былъ какъ бы родъ запоя.

Снѣгурочка не хуже любого хунхуза охотилась на звѣря, съ восторгомъ рассказывала о ночахъ, проведенныхъ въ тайгѣ, въ ямахъ, вырытыхъ въ снѣгу на подобіе медвѣжьихъ берлогъ; но при этомъ она отличалась очень интеллигентными вкусами и взглядами—много читала и работала во вновь открытыхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ Сибири. Подобно большинству сибиряковъ, она была страстной патриоткой и, умирая, взяла съ своей дочери клятву, что та, гдѣ бы ни училась, вернется въ Сибирь.

Сибирь съ ея своеобразнымъ бытомъ и нравами повидимому произвела на г. Елпатьевского очень сильное впечатлѣніе и дала богатый матеріалъ его творчеству. Онъ большой знатокъ ея. Всѣ его сибиряки живы и типичны, при чемъ каждый изъ нихъ говорить и выражается особеннымъ, ему одному свойственнымъ языкомъ. Это признакъ настоящей художественности у автора. Беллетристическій тонъ его рассказовъ иногда сбивается на тонъ простыхъ воспоминаній, отчего художественное творчество оставляетъ впечатлѣніе незаконченности, но оно всегда органическаго происхожденія. Авторъ чутокъ и наблюдателенъ по натурѣ, все видѣнное оставляетъ въ его душѣ глубокой слѣдъ, затѣмъ естественно, само собой, всплываетъ въ памяти, выливаясь въ художественные образы, которые постепенно объективируются.

Содержаніе рассказовъ г. Елпатьевского разнообразно, но сюжеты ихъ не представляютъ ничего исключительнаго. Изображаемыхъ имъ людей всѣ достаточно встрѣчали и въ литературѣ, и въ жизни. Однако, эти изображенія все-таки даютъ читателю нѣчто новое, раздвигаютъ его горизонтъ. Значить, дѣло тутъ не въ томъ, что изображается, а въ томъ, *какъ* оно изображается,—въ отношеніи автора къ жизни и къ людямъ. Последнее отличается у г. Елпатьевского большой теплотой, широтой, искренностью и проникнуто глубокимъ сочувствіемъ ко всѣмъ живымъ интересамъ человѣческой личности. У него самого исполнѣ сложившееся міросозерцаніе и опредѣленный взглядъ на правду и неправду; но по отношенію къ своимъ героямъ онъ проявляетъ прежде всего терпимость и желаніе „все понять“, понять ихъ и условія, которыя сдѣлали ихъ такими, а не иными. Повидимому, ему одинаково чужды какъ слащавая и расплывчатая жалость къ людямъ, способная вызывать на глаза пассивныя слезы, такъ и quasi-нитцшеанская жестокость, побуждающая дѣлать людей на достойныхъ жить и недостойныхъ, да еще и „толкать“ тѣхъ, которыхъ жизнь и безъ того загнала въ болото... Ему интересна живая человѣческая личность, состоящая изъ плоти и крови человѣкъ, и дорого въ немъ все положительное и прогрессивное, какими бы мимолетными искрами оно въ немъ ни мелькало.

Такая точка зрѣнія наиболѣе желательна для художника. Она открываетъ для его наблюденій широкій горизонтъ и даетъ возможность справедливой и всесторонней оцѣнки жизни, а на читателя производить гуманизирующее вліяніе даже въ томъ случаѣ, когда онъ совѣмъ далекъ отъ нея и съ нею не согласенъ. Въ этомъ смыслѣ г. Елпатьевского и можно съ полнымъ правомъ называть *гуманистомъ*.

Не смотря на присущую его творчеству нотку элегической грусти и критицизма, онъ принадлежитъ къ числу безусловно „вѣрующихъ“, даже слишкомъ вѣрующихъ—не только въ положительныя свойства человѣческой природы, но и въ близкое тор-

жество на землѣ лучшихъ идеаловъ. Эта вѣра сквозить у него вездѣ. Вспомните, какъ огорчилъ и смутилъ его сибирскій скептицизмъ Снѣгурочки, когда она, указавъ на полку съ книгами, уныло замѣтила: „все они пишутъ, а ничего нѣтъ“... Съ какимъ жаромъ сталъ онъ говорить ей о томъ, „какъ много уже исполнилось изъ того, о чемъ „они“ писали, и какъ еще больше исполнится въ будущемъ, и какъ тогда хорошо и весело будетъ жить на землѣ“...

Среди сибирскихъ типовъ г. Елпатьевского большое мѣсто занимаютъ арестанты и ссыльные, попавшіе въ Сибирь за уголовныя преступленія очень давно и уже совершенно съ ней сроднившіеся. Авторъ рисуетъ ихъ съ любовью и проникновениемъ въ ихъ суровую судьбу, и всѣ они очень живы. Особенно хорошъ Ванька Безпечальный, бывшій актеръ, а теперь по профессіи воръ и горькій пьяница. Тюрьма отняла у него, какъ и у большинства своихъ продолжительныхъ обитателей, все—и культурный видъ, и имя, давъ взаимнѣ только одно: страсть къ водкѣ.

„Свободному человѣку трудно представить себѣ, что значить водка въ тюрьмѣ,—говорить г. Елпатьевскій:—она даже не удовольствіе, она—жизнь.

„Въ ней все: и забвеніе прошлаго, и прекращеніе думы о томъ неизвѣстномъ и страшномъ, что ждетъ впереди, въ ней воля, уголокъ счастья, за который можно отдать и отдають все, все“...

Это стремленіе—проникнуться чужою жизнью, какъ бы темна она ни была, и отыскать въ ней человѣка, понять, чѣмъ онъ живетъ, гдѣ основной нервъ его существованія—звучить въ творчествѣ нашего писателя доминирующею нотою и придаетъ ему особенную привлекательность.

Типиченъ у него осужденный на вѣчную каторгу Василій Семеновичъ съ его неласковыми глазами и чарующимъ голосомъ, который помогъ ему осуществить завѣтное желаніе—бѣжать на волю, и Савелій съ его пророческимъ сномъ все объ одномъ и томъ же—о волѣ и страстной мечтой о ней. Но особенно хорошъ „Волчекъ“, такъ удачно—до иллюзіи—подражавшій въ тюрьмѣ волчѣму вою и изливавшій въ немъ всю тоску своей загубленной жизни и безнадѣжный страхъ передъ ожидающимъ его Сахалиномъ.

Безконечно грустное чувство возбуждаетъ въ читателѣ рассказъ о Павлѣ Павловичѣ—бывшемъ человѣкѣ благороднаго званія, заброшенномъ за неизвѣстныя вины въ Сибирь. Болѣе 50 лѣтъ прожилъ онъ въ глухомъ углу и мало-по-малу совсѣмъ опустился—запилъ и потерялъ человѣческій образъ.

Аналогична судьба доктора въ „Окаянномъ Городѣ“. Когда-то онъ съ самоотверженіемъ отдавалъ себя на служеніе несчастнымъ вымирающимъ остякамъ и неутомимо леталъ изъ одного конца пустынной тундры въ другой. Но одинокая жизнь въ глухомъ городкѣ, который въ распутицу цѣлыми мѣсяцами бываетъ отрѣзанъ отъ цивилизованнаго міра, постепенно охладила его пылъ и засосала его. „Водка заняла въ его сердцѣ мѣсто остяка“, и практика свелась къ писанію отчетовъ.

Но участь доктора оказалась трагичнѣе, чѣмъ у Павла Петровича. Покой его угасающаго существованія былъ встревоженъ неожиданнымъ для „Окаянска“ явленіемъ. Въ городъ пріѣхали новые интеллигентные люди и внесли съ собой свѣжую струю. Они основали школу. И полупьяный докторъ съ едва ворочающимся во рту языкомъ заинтересовался новыми людьми и ихъ дѣломъ. Онъ, уже въ теченіе десяти лѣтъ не видѣвшій печатной строчки, сталъ ходить на уроки, рыться въ старыхъ книгахъ и журналахъ, мало-по-малу восстанавливая въ своей памяти прошлое.

Вѣдь и онъ когда-то жилъ и всѣмъ этимъ интересовался,

какъ они, стремился къ полезной дѣятельности... Куда-жъ это все ушло? И чѣмъ онъ сталъ?

Вернуться къ осмысленному существованію „бывшему“ человѣку не удалось, и припоминаніе обошлось ему дорого. Разъ утромъ его нашли плавающимъ въ крови съ недорѣзаннымъ горломъ. Рана не была смертельна, но, придя въ себя, онъ—сталъ заговариваться, и потому его съ первымъ же пароходомъ отправили въ больницу. Трогательна психологія жены доктора, остячки, въ свое время, вѣроятно, не мало содѣйствовавшей его отупѣнію. Къ удивленію окружающихъ, знавшихъ ее за горькую пьяницу, равнодушную ко всему на свѣтѣ, кромѣ водки, она обнаружила по отношенію къ мужу самую нѣжную заботливость. Она не отходила отъ него ни на шагъ, вспоминая всѣ русскія слова, которыми онъ ее когда-то училъ (собираясь цивилизовать!), и его любимыя русскія кушанья. Она на отрѣзъ отказалась отпустить доктора одного и поѣхала съ нимъ въ больницу, сказавши: „Вмѣстѣ жили, вмѣстѣ и пропадать будемъ!“—И дѣйствительно, на другой день послѣ смерти больного, умерла и его жена, жаловавшаяся только на угнетавшую ее тоску... Такъ своеобразна психологія нѣкоторыхъ человѣческихъ сердецъ—независимо отъ расъ, положенія и степеней культуры! Это весьма тонкій штрихъ у г. Елпатьевского.

Изъ сибирской жизни взять и поэтичный „Гекторъ“, написанный полу-штрихами, словно въ полутонахъ. Хороши въ немъ и смутныя картины человѣческаго прошлаго, встающія въ памяти Гектора, и его собачья психологія. Дѣвочка-сибирячка Зина съ кухаркой даже рѣшали вопросъ: „не изъ человѣковъ ли Гекторъ?“—такъ онъ уменъ и интеллигентенъ. На одухотвореніе и индивидуализацію животныхъ г. Елпатьевскій, вообще, большой мастеръ. Отъ его живыхъ, проникнутыхъ теплотой и юморомъ, рассказовъ о нихъ вѣетъ пантестической любовью къ жизни. Тамерланъ, Варваръ и Бычокъ (въ очеркѣ: „На кухнѣ“) такіе же осмысленные персонажи, какъ фигурирующие тамъ кучеръ Фролъ и глухая кухарка Орына, собирающая у себя подъ печью заброшенныхъ щенковъ и котятъ.

Больше всего удаются г. Елпатьевскому рассказы чисто психологическаго содержанія, какъ наиболѣе соответствующіе основнымъ свойствамъ его музы и его точкѣ зрѣнія—чуткаго вдумчиваго психолога. Онъ не равнодушный созерцатель жизни, но и не судья надъ ней, потому что она слишкомъ сложна и загадочна, чтобъ произносить надъ ней скорые категорическіе приговоры. Не судья онъ и надъ людьми, которые чаще всего являются ея жертвами, хотя относится къ нимъ вполне опредѣленно и легко въ нихъ разбирается.

Въ разсказѣ: „Вылѣчилъ“ передъ нами хилый старикъ, заболѣвшій воспаленіемъ легкихъ, котораго автору почему-то особенно захотѣлось вылѣчить—можетъ быть, потому, что онъ казался такимъ безпомощнымъ, обреченнымъ на смерть. Больной относился къ своей участи съ удивительнымъ равнодушіемъ и отвѣчалъ на всѣ ободренія доктора односложнымъ: „помру“... Въ семьѣ же царило какое-то странное настроеніе—не то волненіе, не то смущеніе, относившееся не къ болѣзни старика, а къ чему-то другому, съ нею связанному. Оно больше всего обнаружилось, когда опасность въ положеніи больного миновала, и докторъ объявилъ, что онъ останется живъ. Жена старика только бросила растерянно и покорно: „Божья воля“... Самъ больной обвелъ всѣхъ испуганнымъ, словно виноватымъ взоромъ, а старшая дочь, забывшись въ чуланъ, отчаянно зарыдала. Докторъ ушелъ въ полномъ недоумѣніи. Но лавочникъ-сосѣдъ далъ ему объясненіе всего, что происходило.

Оказалось, что въ семьѣ давно ждали смерти старика, такъ какъ онъ былъ застрахованъ, и только выдача страховой преміи могла освободить всѣхъ членовъ семьи отъ гнетущей нужды...

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ такой простой, до грубости вульгарной психологіи въ докторѣ вспыхнули гнѣвъ.

— Что-жъ они изверги, что ли?—вырвалось у него.

Но лавочникъ остановилъ его почти съ испугомъ:

— Что вы, баринъ? Семья-то хорошая, согласная. Почитали старика-то. Человѣкъ-то какой, господинъ докторъ, Иванъ-то Степановичъ!

И въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Степановичъ былъ всѣми уважаемый человѣкъ—тридцать восемь лѣтъ служилъ онъ главнымъ довѣреннымъ у богатаго купца, и, пока служилъ, ни самъ онъ, ни семья его ни въ чемъ не нуждались. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ его разбилъ параличъ, и всѣ они сразу были выброшены за бортъ жизни. Таковъ естественный результатъ современнаго порядка вещей. Богатому человѣку нужны честные, толковые люди; нужны они и всему обществу; но, когда такой человѣкъ, проработавъ 38 лѣтъ и потерявъ на работѣ силы, заболѣетъ, онъ очутится съ своей, привычкой къ довольству и достатку, семьей на улицѣ... Семья Ивана Степановича только и оставалось, что застраховать его и, тратя всѣ сбереженія на уплату процентовъ, ждать его смерти. Частью преміи предполагалось обезпечить вдову, часть употребить на устройство судьбы сыновей, а часть отдать въ приданое старшей дочери, у которой былъ уже женихъ—тоже бѣднякъ—приказчикъ, не имѣвшій возможности безъ этого жениться на ней и начать самостоятельную торговлю, о которой мечталъ.

Таковы были расчеты „дружной“ семьи, жестокіе по отношенію къ старику, но естественные и логичные, какъ сама жизнь. И по мѣрѣ того, какъ раскрывалъ ихъ лавочникъ, раздраженіе, охватившее доктора, потухало, смѣняясь другимъ, болѣе сложнымъ и смутнымъ чувствомъ. Онъ не находилъ, что возразить. Какъ аккомпаниментъ къ трезвымъ словамъ лавочника, въ душѣ должны были зашевелиться совѣтъ иныя мысли. Не изверги люди, не безсердечны и не грубы они по природѣ, а поступаютъ жестоко потому, что къ этому принуждаетъ ихъ жизнь, ломающая и гнущая ихъ во всѣ стороны. И пока такъ тяжелы и ненормальны ея условія, на нее, а не на людей долженъ падать всякій правый гнѣвъ...

Сходный мотивъ звучить и въ разсказѣ: „Пожалѣй меня!“ Въ немъ содержится коротенькая исторія болѣзненнаго мальчика Павлуши, покончившаго съ своей маленькой жизнью. По разсказамъ его тетки-торговки, мальчикъ все жаловался на то, что ему „скучно жить“ и все просилъ, чтобъ его „пожалѣли“—поласкали.

„Придетъ (ночью, когда всѣ спятъ), за шею меня обхватить, прижмется и говоритъ: „Пожалѣй меня, тетенка!“—Это значитъ, чтобъ я прижала его. Прижмешь къ груди.—Жальче!—говорить. Прижимай, значитъ, крѣпче. Ну, и затихнетъ, уснетъ. „Въ послѣдніе дни передъ смертью, онъ особенно жаловался, на то, что у него „тоска на сердцѣ“, и, наконецъ, не выдержавъ—воспользовавшись недолгимъ отсутствіемъ тетки, удавился.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что дѣло тутъ очень просто: мальчикъ покончилъ съ собой потому, что былъ ненормаленъ; значитъ, и заслуживаетъ сочувствія, лишь какъ больной, какъ невинная жертва чѣй-нибудь вины, а можетъ быть, и простой случайности. Но стоитъ попристальнѣе взглянуть въ его недолгую и несложную жизнь, чтобъ понять, что причина трагической катастрофы лежитъ глубже. Зажиточная тетка-торговка съ своимъ мужемъ, солиднымъ штукатуромъ, взяли Павлушу въ

пріемыши уже тогда, когда онъ былъ подросткомъ. Раннее же дѣтство его протекло въ очень тяжелой обстановкѣ. Въ его семьѣ царилъ нищета. Отецъ—слесарь, безпробудный пьяница, обремененный множествомъ дѣтей, вмѣстѣ съ мачехой, постоянно обижали Павлушу, посылали его просить милостыни и жестоко били, когда онъ приносилъ мало денегъ. Это въ корни подорвало и потрясло нервную впечатлительную организацію мальчика, оставивъ слѣды на всю жизнь. Когда, разъ, впослѣдствіи, дядя-штукатуръ, вернувшись на-веселѣ домой, началъ бить жену, съ Павлушей отъ страха сдѣлался такой припадокъ, что его съ трудомъ отходили. Какъ видимъ, въ глухой уголъ Павлушу, какъ и семью Ивана Степановича, опять-таки загнала жизнь. Она съ раннихъ лѣтъ отравила ему сердце, убила ко всему вкусъ, толкнула на гибель. По природѣ же Павлуша не только не былъ дряблымъ вырождаемъ, неспособнымъ жить, а напротивъ, по отзывамъ своей учительницы въ школѣ, былъ способнымъ и выдающимся мальчикомъ.

Въ тонкомъ художественномъ разсказѣ: „О мама!“ передъ нами раздирающая драма въ интеллигентной семьѣ. Или, вѣрнѣе сказать, тутъ двѣ драмы—матери и дочери. Генеральша-мать, потерявшая любимого сына, обречена ухаживать за нѣкогда оскорбившимъ ее больнымъ мужемъ и больною нелюбимою дочерью, фатально похожею, какъ двѣ капли воды, на отца. А эта маленькая дочь Лилия, сознавая себя нелюбимою, только и мечтаетъ, что о любви мамы. Чего, чего только она не дѣлала, чтобы это осуществилось! „Она училась изъ всѣхъ силъ и усмирляла свое грѣшное непокорное сердце, слушалась всѣхъ и уступала всѣмъ,—все затѣмъ, чтобы полюбила ее мама. Вставала по ночамъ, становилась голыми колѣнями на холодный каменный полъ и давала Богу обѣщаніе не грѣшить никогда, никогда, и со слезами молила Его все о томъ, чтобы полюбила ее мама... какъ любить другія мамы“... Въ разсказѣ даже есть намекъ на то, что и болѣзнь развилась у крѣпкой по природѣ дѣвочки подъ вліяніемъ постоянныхъ огорченій и волненій. Такъ совершались параллельно эти двѣ тяжелыя драмы. И авторъ разсказа обнаружилъ большую широту и психологическую чуткость, занимаясь ими съ равнымъ безпристрастіемъ и избѣгая судейскаго тона, отчего общее впечатлѣніе отъ разсказа еще больше выигрывается.

Тѣ же свойства г. Елпатьевского, какъ писателя, обнаруживаются и въ его оригинальномъ, смѣломъ разсказѣ: „Чужая красота“. Прирожденная эстетка, малорусская дѣвушка Одарка, служившая горничной, попала въ южный роскошный городъ, въ курортную среду, гдѣ эта природенная страсть ко всему красивому и изящному стала быстро развиваться. Началось съ того, что Даша сорвала въ чужомъ саду прекрасную розу. На сдѣланный ей за это барыней выговоръ, она наивно отвѣтила:—„Чого-жъ вона така красива... Я-жъ не могу“... А дальше пошли другіе соблазны: красивые наряды и драгоценныя вещи, которые она видѣла на разныхъ барыняхъ—больше всего на пріѣхавшей гостить къ барынѣ, ея племянницѣ-артисткѣ. Голова Дашини кружилась въ атмосферѣ непрерывнаго праздничнаго веселья и наслажденія жизнью, и сердце ея валось въ эту невѣдомую для нея, запретную область. Когда она разъ снимала съ себя наряды артистки, которые примѣряла въ ея отсутствіи, и дѣло дошло до маленькаго красиваго колечка съ синимъ камнемъ, она почувствовала, какъ и тогда съ розой, что „не можетъ“... и оставила его у себя. Вскорѣ къ колечку присоединилось прекрасное жемчужное ожерелье, а за нимъ и другіе предметы роскоши. Только предметы роскоши. Къ деньгамъ Даша пока была вполне равнодушна и къ воровству не

чувствовала никакой склонности, у нея только не хватало духу разстаться съ „чужой красотой“.

Дашу, конечно, разочли, приказавъ ей предварительно „найти“ пропавшія вещи. И когда она возвращала послѣднюю изъ нихъ, самую красивую и дорогую для нея—ожерелье, „изъ глазъ ея капали крупныя слезы“. А спустя немного времени, барыня встрѣтила свою бывшую горничную за городомъ, катающуюся въ экипажѣ въ нарядномъ туалетѣ, рядомъ съ сѣдымъ армянскимъ купцомъ...

Чтобы удовлетворить своей жадной потребности въ красотѣ и роскоши, Даша, вѣроятно, преступила не одну заповѣдь морали и, наконецъ, попала на совѣтъ скользкій путь. Впрочемъ, она, кажется, никогда и не была тверда въ морали. Но г. Елпатыевскій этимъ и не занимается, а только правдиво передаетъ впечатлѣнія. И факты говорятъ за себя сами. Въ голову приходятъ прежнія мысли—о случайности, несправедливости и жестокости жизни. Все извращено, все спутано. И причина этой путаницы и дисгармоніи не въ самомъ человѣкѣ, не въ какихъ-нибудь неустрашимыхъ дисонансахъ его психологіи, а въ чисто вышнихъ условіяхъ жизни. „Барынина племянница“—какова бѣ она ни была—могла свободно и спокойно развивать свои наклонности и удовлетворять эстетическія потребности только потому, что какое-то теченіе случайно вынесло ее на поверхность жизни, въ ея высшій слой. А Даша, у которой эти потребности достигали страсти—нѣтъ... Она должна была, по тѣмъ же стихійнымъ причинамъ, барахтаться на днѣ, не видя предъ собой другого пути вверхъ, какъ чрезъ богатаго купца...

Слабѣе у г. Елпатыевского рассказы сатирическаго содержания: „Миша“ и „Спирька“, потому что сатира, вообще, не въ его характерѣ. Онъ для нея слишкомъ мягокъ и добродушенъ, и изображенія получаются не мѣткія и злыя, а расплывчатые и туманныя. Миша, дворянинъ Поздревско-Хлестаковского типа, какъ онъ самъ себя аттестуетъ, и Спирька, кулакъ-міроѣдъ, выросшій изъ ловкаго уличнаго мальчишки, слишкомъ хорошо всѣмъ знакомы, и ихъ едва ли стоило дѣлать центральными фигурами большихъ рассказовъ. Слишкомъ растянутъ и рассказъ: „Служащій“. Но онъ читается съ большимъ интересомъ, потому что нарисованныя въ немъ картины общественной жизни ярче, да и положительные типы удаются нашему автору лучше. „Служащій“—Ножичкинъ, типъ, созданный условіями новой усложнившейся жизни.

Онъ—олицетвореніе сознанной силы, достоинства и, почти неизбежной при низкой степени развитія, ограниченности. Послѣдняго свойства авторъ повидимому въ немъ не замѣчаетъ, во всякомъ случаѣ не ставитъ ему въ вину и, кажется, нѣсколько увлечается своимъ героемъ.

Ножичкинъ всѣмъ, что имѣетъ: и своимъ образованіемъ, и мѣстомъ, занимаемымъ въ жизни, обязанъ самому себѣ и чрезвычайно гордъ этимъ. Онъ не допускаетъ и мысли о возможности помощи съ чьей-нибудь стороны. Оба они съ женой живутъ чопорно и замкнуто, никому не кланяются и бдительно охраняютъ входъ въ свое семейное святилище. Конечно, бодрость и сила—необходимыя условія успѣха, въ нихъ молодость и жизнь. Но съ однимъ этимъ далеко не уѣдешь. Необходимо человѣку какое-нибудь внутреннее содержаніе и движеніе впередъ. А у Ножичкина этого-то и не чувствуется. Онъ слишкомъ узокъ, самодоволенъ и ограниченъ—вообще, буржуазенъ.

Гораздо интереснѣе герой другого рассказа: „Изъ случайныхъ встрѣчъ“. Имъ не грѣхъ и увлечься, такъ онъ бодръ духомъ,

цѣленъ и полонъ живого, сознательнаго стремленія впередъ. Это разносчикъ, недовольный своимъ ремесломъ и рвущійся на фабрику. Ему не нравилось и зависимое положеніе отъ хозяина, и самъ трудъ, не совсѣмъ чистоплотный и честный, какъ водится въ торговлѣ, да и слишкомъ легкій для его молодыхъ, сильныхъ рукъ. Онъ высказалъ эти свои сомнѣнія доктору, придя къ нему за совѣтомъ на счетъ груди.

— Извольте понимать, господинъ докторъ, какой это родъ дѣятельности? И развѣ можно счесть за трудъ, что я съ лоткомъ по городу слоняюсь?..

На вопросъ доктора о деревнѣ, онъ отвѣтилъ, что деревня сначала было ему понравилась, но послѣ пришлась не по душѣ. Особенно послѣ одного случая, когда въ волости выпороли крестьянина. Фабрики же рисовались ему въ иномъ, радужномъ свѣтѣ; и вопросъ о поступленіи туда въ сущности былъ у него уже рѣшенъ. Требовалась только санкція доктора о здоровьи.

— Помилуйте, развѣ можно сравнить!—говорилъ онъ, повесѣвъ, когда докторъ нашелъ, что у него грудь здорова.—Горизонтъ не тотъ, кругозоръ другой. Плугъ, скажемъ, дѣлаю, машину какую, по крайней мѣрѣ вещь пригодная для человѣчества. И вокругъ наука... Очень привлекаетъ меня механическая часть. А проработаешь день, вечеромъ у нихъ классы, техническое и все прочее. Вѣдь вотъ тутъ,—онъ указалъ на голову,—чуть просвѣтлѣло, а ужъ хочется знать все, что на свѣтѣ есть, что къ чему... И весело, господинъ докторъ! Товарищи хорошіе... Народъ тамъ все образованный, есть у кого спросить, что самому не въ понятіе. Да и я, можетъ, кому пригожусь: молоденькіе поступаютъ—словно галчата“...

Въ полубеллетристическихъ очеркахъ „На переписи“, „Присяжнымъ засѣдателемъ“, „Ярмарочныя картинки“ мелькаетъ цѣлый рядъ любопытныхъ человѣческихъ образовъ и типовъ—чаще всего „бывшихъ“ людей или даже только людей *въ возможности*, согрѣтыхъ тепломъ авторскаго вниманія и сочувствія. „Бывшіе“ люди г. Елпатьевского, сохраняя черты, свойственныя аналогичнымъ героямъ Горькаго, имѣютъ и одно важное отличіе отъ нихъ. Это не передовые и бодрые борцы за свободу, не революціонеры, несущіе міру обновленіе, хотя бы въ видѣ разрушенія его ветхихъ обломковъ. Это жертвы стараго міра, взвалившаго на ихъ плечи непосильную ношу. Но въ душахъ ихъ нерѣдко сверкаютъ искры настоящей, неугасимой, заложенной въ нихъ и неиспользованной жизнью, любви къ добру и правдѣ. Поэтому для нѣкоторыхъ изъ нихъ и возможно возрожденіе. Напомнимъ читателямъ хотя бы арфистку въ „Ярмарочныхъ картинкахъ“, поступившую сестрой милосердія въ холерный баракъ... Г. Елпатьевскій не идеализируетъ своихъ „бывшихъ людей“, какъ Горькій, а только относится къ нимъ съ полнымъ вниманіемъ, и въ его словахъ всегда чувствуется, что такого вниманія у него заслуживаетъ каждый человѣкъ...

Аналогичнымъ настроеніемъ проникнута и семейная хроника изъ жизни дореформеннаго духовенства. Она состоитъ изъ отдѣльных „разказовъ о прошломъ“, представляющихъ вмѣстѣ одно опредѣленное и законченное цѣлое. Это не только повѣсть изъ быта русскаго духовенства, а и изображеніе старинной русской жизни вообще. Но, по обыкновенію, нашего автора внутренне не столько занимаетъ фонъ рисуемой имъ картины и даже не мелькающіе въ ней типы, сколько мысль о положеніи въ описываемыхъ условіяхъ *человѣка*. Что они изъ него дѣлали? Какъ они на него вліяли? Какимъ онъ былъ?.. На первый взглядъ отъ „добрыхъ“ патріархальныхъ нравовъ вѣетъ идиллической простотой

и, какъ отъ самой природы, здоровьемъ, но авторъ спокойнымъ тономъ хроникера незамѣтно и искусно вскрываетъ суть этой старинной жизни... И жутко становится отъ знакомства съ ней свѣжему человѣку—такъ она жестока и сурова, столько въ ней дикости, косности и невѣжества! Дорого расплачивался человѣкъ за эту идиллію и простоту, за свою близость къ природѣ и вѣрность старинѣ. Гигантъ по натурѣ, онъ былъ совершенно безсиленъ и передъ природой, и передъ людьми. Онъ не зналъ, что значить чувствовать себя самимъ собою и жить соотвѣтственно своимъ вкусамъ и потребностямъ, онъ всегда былъ чимъ-нибудь рабомъ. Привлекающій въ немъ ригоризмъ и сознание долга были развиты въ немъ чисто внѣшне, искусственно и только угнетали въ немъ душу, гасили ее, вырабатывали изъ человѣка машину. Отличительная черта описаннаго г. Елпатьевскимъ быта—полное поглощеніе личнаго начала общимъ. Личность не существовала. Человѣкъ былъ только частью цѣлаго—членомъ семьи и членомъ общины. Онъ вполне зависѣлъ отъ цѣлаго, не могъ жить для себя, да часто уже и не испытывалъ въ этомъ потребности. Нигдѣ человѣческая личность не угнеталась такъ, какъ въ смиренной семьѣ. Тамъ царилъ „старшій“ съ своей деспотической властью, часто граничащей съ произволомъ. „Старшій“ за всѣхъ думалъ, всѣмъ распоряжался и за всѣхъ несъ отвѣтственность. Остальные были безгласными исполнителями его воли и трудолюбивыми работниками въ семьѣ, какъ пчелы въ ульѣ. Но и „старшимъ“ не приходилось много думать и разсуждать—жить своимъ умомъ. Они тоже только исполняли завѣты, полученные по наслѣдству отъ предковъ и только примѣняли ихъ къ своему обиходу. „Не нами установлено, не нами и кончится!“—вотъ основной принципъ этой старинной застывшей жизни, накопившей энергію для будущаго и затиравшей современнаго ей человѣка. Сковывавшія его цѣпи такъ рѣзко мѣняли этого человѣка, что намъ почти не приходится видѣть его такимъ, какимъ онъ былъ по природѣ, и остается дѣлать на этотъ счетъ только догадки, какъ при археологическихъ раскопкахъ. Наиболѣе интересна и типична фигура отца въ описываемой семьѣ, такъ сильно измѣнившійся подъ влияніемъ гнетущей семейной атмосферы и мало по малу превратившагося изъ веселаго, жизнерадостнаго пѣсенника въ угрюмаго молчальника.

Тонкими, яркими штрихами изображены въ „разсказахъ о прошломъ“ переходъ къ новой жизни, обозначившейся вмѣстѣ съ началомъ реформъ 60-хъ годовъ, и новое молодое поколѣніе, на сторонѣ котораго—самое живое сочувствіе автора и всѣ его лучшіе упованія.

Сказаннаго достаточно, чтобъ получить представленіе объ основныхъ мотивахъ въ творествѣ г. Елпатьевского и объ его міросозерцаніи, проникнутомъ широтой и гуманностью. Подобное настроеніе особенно цѣнно и дорого именно въ такомъ, какъ онъ, писателѣ, идейномъ—*типичномъ русскомъ писателѣ*... Въ своихъ интересныхъ и характерныхъ для него самого воспоминаніяхъ о Чеховѣ, г. Елпатьевскій дѣлаетъ мѣткое опредѣленіе особенностей русской литературы и русскаго писателя. Литература вездѣ является выразительницей идейныхъ теченій и общественныхъ настроеній. Но, можетъ быть, нигдѣ, кромѣ Россіи, литература не бываетъ такою исключительною выразительницей этихъ теченій и единственною трибуной, съ которой раздаются живыя слова и опредѣленная оцѣнка жизни. И служители ея чувствуютъ себя настоящими жрецами и пророками, имѣющими право карать и миловать. Осторожно и нервно прислушиваются они ко всѣмъ оттѣнкамъ мнѣній и предусмотрительно замыкаются въ обособлен-

ный кругъ, спрашивая всякаго, кто хочетъ туда проникнуть:— „кто ты?“ (Судьба Чехова въ этомъ отношеніи особенно характерна). Такая строгость и опредѣленность со стороны литературныхъ жрецовъ вполне понятна. Она обусловливается указанной ролью русской литературы въ общественной жизни. Винить ихъ за это нельзя. Но она неизбежно влечетъ за собой узость, сухость и нетерпимость. А эти свойства не только губительны для жизни и для литературы въ широкомъ смыслѣ слова, но нежелательны и для тѣхъ, кто ихъ проявляютъ. Они застилаютъ передъ писателемъ горизонтъ, лишаютъ его чуткости, способности двигаться впередъ и понимать жизнь.

По счастливымъ особенностямъ своей индивидуальности, г. Елплатевскій избѣжалъ этихъ неблагоприятныхъ для художественнаго развитія чертъ и вынесъ изъ идейной литературной среды только все хорошее—содержательность и опредѣленность міросозерцанія. Это выгодно выдѣляетъ его среди нашихъ современниковъ, склонныхъ къ пестротѣ, неустойчивости и эклектизму. А широкое, внимательное и терпимое отношеніе къ чело-вѣку, живой и искренній интересъ къ его будущимъ судьбамъ открываютъ передъ нашимъ писателемъ далекія перспективы. Безъ такихъ свойствъ невозможно никакое исканіе, никакой шагъ впередъ.

Е. Нолтоновская.

В. Каменская.

Нѣсколько словъ о творчествѣ Ст. Пшибышевскаго.

Среди представителей современной польской литературы видное мѣсто занимаетъ оригинальный талантливый писатель Станиславъ Пшибышевскій, пѣвецъ тоски и стоновъ души человѣческой въ поискахъ за идеаломъ.

Изъ-подъ его пера вышли и переводятся на другіе языки: романы, драмы и отточенные, какъ кристаллы, въ высшей степени поэтическія стихотворенія въ прозѣ, носяція въ себѣ печать трагической красоты и яркой индивидуальности ихъ творца. Драма Пшибышевскаго „Снѣгъ“ нынѣшней зимой обошла всѣ русскія сцены большихъ городовъ и вызывала къ себѣ неослабный интересъ театральной критики и публики.

Въ его произведеніяхъ останавливаютъ вниманіе читателя не внѣшнія обстоятельства жизни его героевъ, не завязка и развязка, а внутренняя, скрытая отъ насъ жизнь души, что и составляетъ главное содержаніе его творчества; все остальное лишь рамка, амбразура, черезъ которую вы созерцаете бой страстей, желаній, отчаянія и надежды.

Пшибышевскій разлагаетъ душу человѣческую, анализируетъ ея движенія, улавливаетъ тончайшіе, неуловимые оттѣнки чувствъ, настроеній, ощущеній, раскрываетъ завѣсу таинственности. Теоретическіе взгляды свои на искусство Пшибышевскій весьма опредѣленно выразилъ въ слѣдующемъ своемъ разсужденіи:

„Есть два пути, чтобы объять жизнь искусствомъ: одинъ—широкій, безопасный и удобный; другой—крутой, ведущій черезъ пропасти и полный опасностей.

Первый—это путь мозга, путь жалкихъ пяти чувствъ, что охватываетъ жизнь въ ея случайностяхъ, въ ея скудной и глупой повседневности.

Второй путь—крутой и скользкій, это путь души, для которой жизнь—тяжелый сонъ, болѣзненное предчувствіе гнущихъ глубинъ, нежели тѣ, до которыхъ можетъ достигнуть нашъ мозгъ.

Мозгъ—это математика, это логика, душа—это, чего ни вычислить, ни сужденіемъ охватить нельзя“.

(Афоризмы и прелюдіи).

Истинные художники, по Пшибышевскому, это жрецы, несущіе свои жертвы на алтарь души, это горсточка людей, въ которыхъ традиціи былыхъ временъ о святости мышленія, святости искусства—живутъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо; горсточка людей, которая творитъ лишь въ минуты интенсивнаго подъема духа и наиболѣе мучительнаго его проявленія наружу.

„Истинный художникъ, это новый пророкъ, стремящійся обнять весь міръ органомъ души... Истинный художникъ видитъ лишь вѣчныя, неповседневныя вещи и стремится проникнуть въ самую ихъ сердцевину“.

Согласно такому требованію, предъявляемому къ художнику. Пшибышевскій стремится обнажить передъ нами внутренній міръ человѣка, раскрыть его душу, проникнуть вглубь тѣхъ страстей, которыя вѣчны и непреоборимы... Герои его не сѣренькіе люди, равнодушные, безстрастные, безъ горячей вѣры, но и безъ холоднаго скептицизма; нѣтъ, это люди, живущіе усиленнымъ темпомъ, таящіе въ своей душѣ бурныя движенія, руководящія и заправляющія ихъ настроеніемъ, самочувствіемъ и поступками.

Передъ читателемъ проходятъ мистики-фаталисты („Золотое руно“); снѣдаемые и пронизываемые острымъ жаломъ терзающей гидры-совѣсти („Гости“); неисправимые, прозорливые скептики; жаждущіе душевнаго мира и, обрѣтши его, бѣгущіе изъ него („Снѣгъ“).

Вездѣ у него одинъ преобладающій надъ всѣмъ, ярко выступающій пунктъ—душа человѣка со всѣми ея богатыми, разнообразными нюансами.

Вотъ передъ нами небольшая одно-актная драма „Гости“, которая сразу вводитъ насъ въ тотъ незримый, сложный міръ внутреннихъ страданій, которыя владѣчаютъ надъ личностью во всей своей грозной силѣ.

Перейдемъ къ краткому изложенію содержанія этой драмы: Въ старомъ графскомъ дворцѣ поселились новые владѣльцы—Адамъ и его жена Бела.

Во дворцѣ кроется какая-то тайна.

Балы и искусственная веселость не разгоняюгъ, не уничтожаютъ того жуткаго состоянія, которое охватываетъ всѣхъ, кто входитъ туда.

Домъ полонъ тѣхъ странныхъ гостей, которые именуются сомнѣніемъ, подозрѣніемъ, угрызѣніемъ совѣсти и, поселяясь въ душѣ своей жертвы, неотступно, немилосердно мучаютъ ее, скребутъ своими желѣзными, иглистыми когтями.

Одинъ изъ этихъ гостей ходитъ по пятамъ новаго владѣльца—Адама, не даетъ ему забыться, преслѣдуетъ, подстерегаетъ его, и между ними происходитъ слѣдующій выразительный діалогъ:

Адамъ (обращаясь къ гостю).

— Ну, что же, ты ни на минуту не уйдешь отъ меня?

Ни минуты покоя не дашь мнѣ?

Я не могу слушать музыки, видѣть танцевъ... каждый предметъ вырастаетъ въ моихъ глазахъ въ того звѣря, который грызетъ меня...

Гость. Ты знаешь, что я неотступный товарищъ твой...

Помнишь ту ночь въ паркѣ? Я тогда тебѣ сказалъ, что мы всю жизнь будемъ неразлучны.

Адамъ. А если я вырву тебя изъ сердца, оттолкну тебя, соберусь съ силами и скажу—прочь!

Гость. Тогда, тогда тѣнь моя падетъ на стѣны, окружающія тебя...

Я раскину надъ тобой страшныя крылья, и при малѣйшемъ твоёмъ движеніи—зашевелятся эти безобразныя крылья... Нѣтъ, эти ужасныя руки, растопыренныя, длинныя пальцы, словно дьявольскіе когти, готовые въ тебя вонзиться... И ты будешь видѣть эти предательскіе когти, эти ужасныя руки, притаившіяся, словно пантера передъ прыжкомъ...

Онѣ сожмутъ тебя, обоймутъ сатанинскимъ объятіемъ и будутъ душить, душить, пока не задушатъ.

Этотъ страшный гость (совѣсть) предлагаетъ Адаму лишь одно средство избавленія—смерть.

„Смерть добра и кротка“.

Чѣмъ то фатальнымъ, подавляющимъ, ужаснымъ вѣсть на васъ отъ этой тяжелой трагедіи души человѣка, нашедшей глубокое несчастье въ поискахъ за счастьемъ.

Къ каждому человѣку, говоритъ одинъ старикъ въ этой драмѣ, къ каждому, кто въ поискахъ за счастьемъ по дорогѣ жизни, хоть разъ поскользнулся, къ тому являются тѣ таинственные гости, которые терзали Адама.

Эта маленькая драма, рѣдкая по своей силѣ и мощности, оставляетъ послѣ себя глубокое впечатлѣніе.

Въ трехъ-актной драмѣ „Золотое руно“ центральная личность—директоръ курортной лѣчебницы Рембовскій, его жена Ирена и еще близко стоящій къ этой парѣ старый другъ—Рущицъ,

Этотъ послѣдній и устроилъ лѣчебницу, гдѣ Рембовскій состоитъ директоромъ. Рущицъ 30 лѣтъ испытываетъ состояніе мучительнаго покаянія.

Онъ былъ въ связи съ матерью Рембовскаго, и послѣдній явился плодомъ ихъ любви. Любовь же Рущица повлекла за собой самоубійство мужа той женщины, которую онъ любилъ...

Сынъ, доживъ до 30-ти лѣтъ, не подозрѣваетъ, что Рущицъ его отецъ. Но когда Рембовскому-сыну измѣняетъ жена, то старикъ, видя въ этомъ возмездіе судьбы за свои грѣхи, открывается сыну.

Нѣтъ вины, есть только возмездіе, таковъ выводъ изъ жизни старика Рущица.

„Вина его матери на немъ, на сынѣ“.

Въ погонѣ за золотымъ руномъ (любовь) всѣ герои драмы испытываютъ мученія.

Въ драмѣ „Снѣгъ“ чистая, какъ бѣлый снѣгъ, невинная Бронка даетъ временное успокоеніе мятежной душѣ своего мужа, художника Тадеуша.

Но Тадеушу, сжигаемому жаждой творчества, тѣсно въ уютномъ уголкѣ семейнаго счастья, его влекутъ къ себѣ новыя міры, новое, огромное счастье, въ его душѣ пробуждается творческая „тоска по тоскѣ“, которая, въ образѣ нѣкогда любимой имъ дѣвушки Евы, влечетъ и манитъ его къ себѣ.

Тадеушъ жертвуетъ Бронкой и всѣмъ своимъ кажущимся счастьемъ для новой тоски и творчества.

Творчество—порожденіе тоскующей души...

Творчество—тоска, а тоска—красота...

Эту мысль Пшибышевскій варьируетъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ.

Только глубокія страданія души создаютъ вѣчные плоды творчества.

Этотъ апоѳеозъ тоски, этотъ величавый гимнъ творческой силѣ—тоскѣ-красотѣ онъ изобразилъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній въ прозѣ, блистающемъ поэтическими красотою и метафорами.

Приводимъ отрывокъ изъ этого глубоко скорбнаго и сильнаго по своему выраженію стихотворенія „Тоска“, пер. на русск. яз. А. Ремизовымъ:

„Холоднымъ блескомъ погасшихъ солнцъ меркнетъ лицо твое.

На твоей головѣ вѣнокъ изъ увядшихъ цвѣтовъ, а въ слабой жемчужной раковинѣ моей немощи плывешь ты въ темную даль вѣчныхъ тѣней и небытія...

Ты страшная красота, что превыше всякой красоты—тоска ты!“

Тоска и страданія, какъ источникъ творчества—особенно подчеркивается эта мысль въ его повѣсти „Сыны земли“ изъ жизни художниковъ.

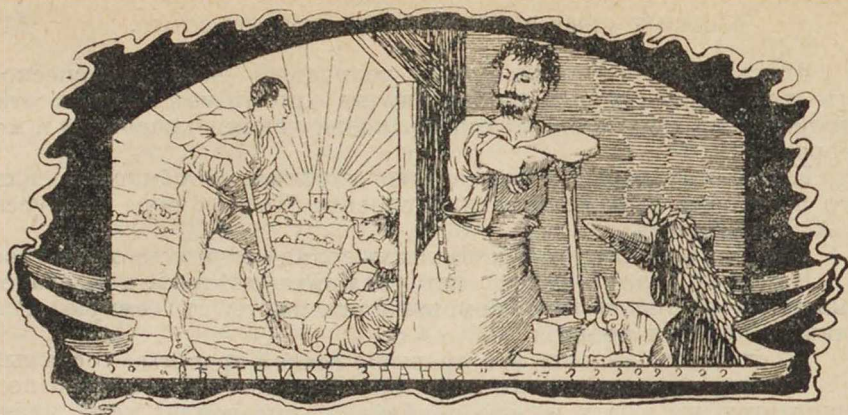
Готовятся къ печати на русскомъ языкѣ, насколько намъ извѣстно, еще нѣкоторыя драмы Пшибышевскаго: „Мать“ и „За счастье“*).

В. Каменская.

*) Предполагается и полное изданіе сочиненій Пшибышевскаго.

А. Нѣдровъ.

Волчья философія.

„Прежде, баринъ мой жалобный, лучше было.. Жили смирно, Бога помчили, а Господь батюшка заботился объ людяхъ, назначалъ всему мѣру. Мѣра была, порядоки! Война объявится, а либо голодь,— и почистить народъ; глядишь, другимъ жить свободнѣе стало; бабушки придуть (оспа)—что народу поклѣютъ! Знай, домовины готовы! Сокращалъ Господь челоуѣка, жалѣлъ народъ. А тепери ка нѣту этого. Ни войны не слышать, вездѣ тихо, фершалихъ наставили! В тѣ и тужить народъ землею. Что сталося, то и не гляди. Выѣдешъ съ сохой на нивку, а что орать—не знаешъ. Сосѣдъ кричитъ: „эй, дядя Лизаръ, мою полоску зацѣпилъ!“ Повърнулся—съ другого боку: „мою-то зачѣмъ трогаешъ?“ Во-отъ какое стѣсненіе!“...

Вересаевъ „Лизаръ“.

— А что, говорятъ, хворь по нашимъ мѣстамъ пошла, кровью челоуѣкъ исходить... Правда-а?

— Правда.

— Можеть, почистить народъ, свободнѣе жить станеть....—Задумчиво произнесъ онъ (гонимикъ плотовъ).

Вересаевъ „На голоду“.

Если дядя Лизаръ здравствуетъ до сихъ поръ, то, разумеется, ему остается только радоваться и благодарить Бога: гека томбы Ляояна, Портъ-Артура, Шахъ и сотни другихъ самымъ несомнѣннымъ образомъ доказываютъ, что „Господь сокращаетъ челоуѣка, жалѣетъ народъ“, а холера въ Саратовѣ являетъ собою новый знакъ милости Божіей, готовой съ весной, можеть быть, посѣтить самые отдаленные уголки нашей родины.

Дядя Лизаръ, безъ сомнѣнія, вызываетъ негодованіе очень многихъ читателей; ужасающая непосредственность его философіи, грубая форма, въ которой она выражается, и въ особенности то эпическое спокойствіе, которымъ проникнуты его слова, — спокойствіе палача, невозмутимо отрубавшаго голову своей жертвѣ,—представляютъ достаточный мотивъ для этого. Найдутся, можеть быть, даже люди, которые съ ужасомъ отвернутся отъ Лизара, какъ отъ какого то чудовища, неизвѣстно какимъ образомъ сохранившагося отъ временъ пещерной эпохи, и потребуютъ, чтобы его посадили въ клѣтку—въ интересахъ общественной безопасности. А для челоуѣка, проникнутаго не только гуманными чувствами, но и современными общественными взглядами, дядя Лизаръ и его слова представляютъ прекрасный случай высказать нѣсколько болѣе общихъ и важныхъ положеній; въ особенности, такой случай находка для критика. „Мы не разъ го-

ворили“ замѣтитъ онъ—“что русскій народъ поразительно „некультуренъ“; онъ живетъ до сихъ поръ на уровнѣ троглодита, чему яркимъ примѣромъ и служить Лизарь, не представляющій, по нашему мнѣнію, исключенія, пережитка давно минувшей эпохи. кое-гдѣ встрѣчающагося по медвѣжьимъ угламъ родного Пошехонья, а воплощающій въ себѣ черты обычного, среднего типа мужика. Въ литературѣ его образъ, со всѣми присущими ему до сихъ поръ звѣринными качествами, былъ прекрасно изображенъ Чеховымъ въ повѣсти „Мужики“; вересаевскій же Лизарь есть новое доказательство мужицкаго троглодитства. Да, впрочемъ, нужны ли еще новыя свѣдѣтельства, новыя доказательства? Всякій, кто посмотритъ безъ предвзятой точки зрѣнія на нашъ народъ, убѣдится, что онъ нисколько не ушелъ впередъ со временъ Гостомысла.“—Разумѣется, критикъ будетъ правъ. „Эта некультурность, эта отсталость нашего народа“ скажетъ онъ, можетъ быть, далѣе—„въ тысячный разъ взываютъ къ чувству совѣсти и чести нашей интеллигенціи, которая одна своей культурной работой, своимъ вліяніемъ можетъ измѣнить физіономію народа и ввести его какъ полноправнаго товарища въ семью европейскихъ народовъ, пробудивъ въ немъ челоуѣка и гражданина. Какъ велика эта задача и какихъ героическихъ усилій потребуетъ она отъ русской интеллигенціи! Но наша интеллигенція уже доказала, что она всегда... и т. д. и т. д.; здѣсь критикъ, безъ сомнѣнія, употребитъ еще нѣсколько краснорѣчивыхъ выраженій о задачахъ русской „интеллигенціи“, обычно употребляемыхъ въ такихъ случаяхъ, и въ заключеніе рѣшительнымъ взмахомъ пера начертаетъ:

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное;
Сѣйте...» и т. д.

Конечно, критикъ опять будетъ правъ.

Однако,—идетъ ли дѣло о чувствѣ простого возмущенія, которымъ проникнется всякій „порядочный“ читатель, слушая Лизара, или о глубокихъ разсужденіяхъ того или иного критика относительно необходимости для „народа“ подвергнуться надлежащимъ экспериментамъ со стороны „нашей интеллигенціи“, („внѣ-классовой“ или какой-нибудь иной)—въ обоихъ этихъ случаяхъ имѣется на-лицо нѣкоторое недоразумѣніе, которое объясняется, надо полагать, просто наивностью.

Мы сказали „наивностью“,—ибо нѣкоторые злые языки склонны утверждать, что въ данномъ случаѣ дѣло касается вовсе не наивности; они думаютъ, что многіе „порядочные“ люди возмущаются формой, въ которой Лизарь и ему подобные люди выражаютъ свои несуразныя мысли,—по существу же ихъ собственные взгляды, т. е. тѣ, которыми они руководятся въ жизни, еще болѣе нелѣпы и жестоки, но облекаются они въ такую форму, которая не рѣжетъ уха благовоспитаннаго челоуѣка и не нарушаетъ общепринятыхъ понятій о „культурности“; такимъ образомъ „порядочные“ и „культурные“ люди заподозриваются этими господами въ самомъ чудовищномъ лицемеріи. Относительно же людей, обладающихъ современными общественными взглядами, эти злонамѣренные языки идутъ гораздо далѣе: они утверждаютъ, что фразы о высокомъ призваніи „интеллигенціи“, о чести и совѣсти и т. п. въ лучшемъ случаѣ говорятся просто потому, что служатъ признакомъ хорошаго тона въ такъ называемомъ интеллигентномъ обществѣ, имѣя значеніе довольно невиннаго краснорѣчія или же средства предстать въ выгодномъ свѣтѣ; въ худшемъ же случаѣ они скрываютъ за собою дѣйствительные эксперименты, но весьма прозаическіе по реальному, жизненному содержанію. Впрочемъ, такъ говорятъ злые языки, а это, извѣ-

стно, люди мелкіе и завистливые, умышленно видящіе все въ дурномъ свѣтѣ и часто не брезгающіе никакими средствами, что-бы причинить непріятность своему ближнему.

Поэтому-то мы, заговоривъ о недоразумѣніи, считаемъ нужнымъ заранѣе оговориться, что единственная причина его, по нашему мнѣнію, заключается въ наивности, встрѣчающейся и у людей, весьма почтенныхъ, умудренныхъ опытомъ, ибо, какъ извѣстно, — „на всякаго мудреца довольно простоты“.

Въ чемъ же состоитъ недоразумѣніе, о которомъ мы говоримъ? Всего яснѣе это будетъ видно изъ нашего собственнаго отношенія къ Лизару.

Явленіе, имя которому „Лизаръ“, по нашему мнѣнію, старо, какъ міръ, и незыблемо существовало во всѣ эпохи человѣческой исторіи—притомъ не какъ исключеніе, а какъ общее правило. Лизаръ настоящаго, также, не только не есть рѣдкій экземпляръ, сохранившійся отъ далекаго прошлаго—на подобіе зубра въ Бѣловѣжской пущѣ,—а, наоборотъ, представляетъ явленіе, весьма распространенное во всѣхъ безъ исключенія слояхъ общества,—стало быть, не тамъ только, гдѣ люди продолжаютъ существовать до сихъ поръ почти въ условіяхъ пещерной эпохи, т. е. не въ русской деревнѣ и мѣстахъ, ей подобныхъ, а и на самыхъ высшихъ вершинахъ современнаго образованія,—на Монбланахъ учености и Гималаяхъ интеллигентности... Сверхъ того, Лизаръ вовсе не исключительная особенность русской жизни: онъ живымъ-живехонекъ и на Западѣ, но существуетъ тамъ, можетъ быть, въ менѣе примитивномъ видѣ.

За такое утвержденіе и вообще за наши мысли о Лизарѣ, которыя многимъ могутъ показаться парадоксальными и даже оскорбительными, мы, безъ сомнѣнія, рискуемъ не только быть причисленными къ противникамъ прогресса и неисправимымъ ретроградамъ, но и услышать презрительную кличку литературнаго хулигана... Утѣшаемъ себя мыслью, что люди разсудительные окажутся къ намъ справедливей и признаютъ, что мы никого не желаемъ оскорблять, а изобличаемъ лишь въ наивности тѣхъ людей, которые усвоили ничѣмъ не оправдываемую привычку свысока третировать Лизара и его нехитрую, „грубую“ философію...

Что такое Лизаръ? Конкретный Лизаръ,—тотъ, котораго видѣлъ Вересаевъ,—какъ и миллионы другихъ, ему подобныхъ, составляющихъ русскій „народъ“, въ отличіе отъ „общества“, по нашему глубокому убѣжденію, не только не троглодиты, не антропофаги, не пожиратели собственныхъ дѣтей и вообще не изверги рода человѣческаго, но и, весьма часто, очень порядочные и добрые люди. Мы даже думаемъ, что волчья философія Лизара при всей своей грубой непосредственности и прямолинейности менѣе груба и безчеловѣчна, чѣмъ иная философія „культурныхъ“ людей, облеченная въ несокрушимыя логическія формы и блестящая всѣми перлами ума и роскошью діалектики; помимо того, она несравненно болѣе интересна, ибо имѣетъ вполне *жизненное* значеніе для миллионовъ, тогда какъ очень многія весьма тонкія и глубокія философскія упражненія, — напримѣръ, нашихъ „идеалистовъ“ и „реалистовъ“, — ни для кого не имѣютъ такого значенія, кромѣ нихъ же самихъ, а если и имѣютъ, то для весьма ограниченаго круга лицъ, у которыхъ есть досугъ и возможность заниматься этимъ общественно-полезнымъ дѣломъ совершенно исключительно значенія.

Вересаевъ, рассказывая о Лизарѣ, говоритъ:

„Передо мною развѣртывалась пѣлая система, — законченная и оформленная, дышавшая наивною и страшною безпощадностью“

и замѣчаетъ, что ему Лизаръ, какъ и хозяйка, сочувственно поддакивавшая послѣднему, казались „двумя разлагающимися трупами, говорившими какія-то холодныя, дышавшія могильною плѣсенью рѣчи“. Впечатлѣніе жуткое! Но почему же „трупами“? Во-первыхъ, инстинктъ жизни въ Лизарѣ очень силенъ, хотя бы и чисто зоологической. Во-вторыхъ, тамъ, гдѣ люди живутъ вѣчно подъ гнетомъ нужды, гдѣ ихъ, какъ кошмаръ, давить одна тяжелая мысль, господствующая надъ всѣми остальными помыслами,—выраженная однимъ изъ персонажей Гл. Успенскаго въ такой характерной формѣ: „Главная причина, братецъ ты мой... пищи у насъ нѣтъ—вотъ!“,—тамъ, неудивительно, эта „главная причина“ создаетъ почву для развитія „пѣлой системы“, поражающей человѣка, пришедшаго изъ другого міра, „наивной и странной безпощадностью“.

Что, въ самомъ дѣлѣ, прикажете дѣлать Лизару, когда его изба, какъ онъ выражается, „и такъ полна“? Легко, конечно, нарисовавъ картину весенней ночи, когда „все кругомъ жило, пѣло и любило“, а „тамъ, въ блѣдномъ полумракѣ, — на гумнахъ, за плетнями, подъ ракетами, — вездѣ слышался мужской шопотъ, сдержанный дѣвичій смѣхъ“, воскликнуть затѣмъ: „Хороша жизнь! Жить, только жить,—жить широкою, полною жизнью, не бояться ея, не ломать и не отрицать себя—въ этомъ была та великая тайна, которую такъ радостно и властно раскрывала природа...“; но—увы!—это красивое восклицаніе звучитъ обидной и горькой ироніей для человѣка, у котораго существуетъ „главная причина“; не будь ея,—можетъ быть, онъ съ успѣхомъ могъ бы доказать, что умѣть жить, „не ломая и не отрицая себя“, не такая ужъ хитрая штука, и только человѣку съ истрепанными нервами, какимъ—увы—часто бываетъ россійскій интеллигентъ, можетъ представляться это какой-то особенной „великой тайной“. И ужъ, конечно, милліоны Лизаровъ не потому не живутъ „широкою, полною жизнью“, что „боятся ея“ и не умѣютъ постичь этой „великой тайны“ природы, и не какое-то особенное откровеніе для этого нужно, а нѣчто болѣе простое и реальное, что, какъ это ни странно, постоянно забывается по причинамъ, выраженнымъ „съ наивной и страшной безпощадностью“ пословицей: сытый голоднаго не разумѣетъ.

„Мужской шопотъ“ и „сдержанный дѣвичій смѣхъ“ которые слышались „на гумнахъ, за плетнями, подъ ракетами, „принадлежать, безспорно, такимъ же Лизарамъ, какимъ былъ собесѣдникъ Вересаева; перечисленные же аксесуары весенней ночи свидѣтельствуютъ, что эти Лизары очень умѣютъ „жить, не ломая себя“; однако, авторъ разсказа не поручится, конечно, что онъ не услышалъ бы и отъ нихъ тѣхъ же самыхъ разсужденій, какія ему пришлось уже слышать отъ одного изъ Лизаровъ.

Разумѣется, не представляетъ никакого труда воскликнуть съ меланхолической досадой: „И тутъ-то, среди этого таинства неудержимо развивающейся и размножающейся жизни,—онъ забытый и сжавшійся въ себѣ „царь природы“ съ его проповѣдью собственнаго сокращенія...“; это выйдетъ даже очень красиво и интеллигентно, но совѣмъ другое дѣло указать для Лизара практическій выходъ. Чтобы понять трудность этого, слѣдуетъ поставить себя въ его положеніе хоть на минуту. Любопытно знать, какъ поступилъ бы тогда любой интеллигентъ съ тою „великой тайной“, которую ему „такъ радостно и властно раскрываетъ природа“; весьма вѣроятно, онъ нашелъ бы теоретическій выходъ, очень пригодный для того времени, когда будутъ кореннымъ образомъ измѣнены всѣ основанія общества, но что сдѣлалъ бы онъ теперь, при настоящемъ порядкѣ вещей? А Лизаръ, къ тому же,

человѣкъ темный, невѣжественный и неудивительно, что, поставленный въ безвыходное положеніе, онъ приходитъ къ своей „системѣ“... „Бамамъ бы тутъ порадоваться нужно, вотъ кому“, говоритъ Лизарь: „сходи къ доктору, поклонись въ ножки,—они учены, знаютъ дѣло. Поклонишься,—дадутъ тебѣ капель“. Что же въ этомъ удивительнаго или ужаснаго? А огромное мальтузіанское теченіе въ другихъ болѣе „культурныхъ“ классахъ общества, гдѣ нѣтъ такой острой нужды, а признаніе необходимости принятія „предупредительныхъ“ мѣръ, раздѣляемое такими людьми, какъ Карлъ Каутскій?

Власть голода и власть тьмы являются болѣе чѣмъ смягчающими обстоятельствами для Лизара; голодъ же и тьма такія вещи, которыя едва ли кто поставитъ ему въ вину. Въ результатъ намъ придется не только не обвинять Лизара или негодовать на него, а прежде всего жалѣть его и болѣть отъ сознанія его темноты.

По натурѣ Лизарь можетъ оказаться очень добродушнымъ, незлобивымъ человѣкомъ, и такимъ можетъ оказаться вообще всякій человѣкъ его круга, раздѣляющій ту же волчью философію. Посмотрите, какъ ведетъ себя хозяйка, слушающая разсужденія Лизара.

„Пять сыновъ у нихъ, видишь? Ребята все малые, что паучки, а вырастутъ,—всѣхъ нужно произвести къ дѣлу. Къ дѣлу нужно произвести! А земли на одну душу. Вотъ и считай тымъ разомъ,—много ли на каждаго придется?“—„Да такъ сказать, ничего не придется“ поучающе произнесла хозяйка. Лизарь развелъ руками: „Ничего! на кой же они нужны? На сторону намъ ходить некуда, заработки плохи!.. Ложись, да помирай. По нашему дѣлу, баринъ мой любимый, столько ребятъ не надобно. Если чей Богъ хорошій, то прибираетъ къ себѣ,—значить, сокращаетъ семейство. Слыхаль, какъ говорится? Дай, Господи, скотинку съ приплодомъ, а дѣтокъ съ приморцемъ. Вотъ какъ говорится у насъ! Хозяйка *сочувственно* слушала Лизара, *ласково глядя* рукою головки жавшихся къ ея юбкѣ *ребятъ*. „Губять насъ, можно сказать, пустячныя дѣла“, продолжалъ захмѣлѣвшій Лизарь; „Безсмертная сила народу набилась, а сунуться некуда, концовъ-выходовъ нѣту! А каждый на то не смотритъ, старается съ своей бабой... Э-эхъ! не глядѣли бы мои глаза, что дѣлается!“...

Въ этихъ словахъ Лизара слышится не грубость троглодита только, а жалость вообще ко всѣмъ, страдающимъ отъ „тѣсноты“, и искреннее сожалѣніе о томъ, что люди не задумываются надъ тѣмъ, какъ выйти изъ этого тяжелаго положенія и предотвратить бѣдствія...

„Жить тѣсно“—это фактъ въ жизни Лизара и всѣхъ Лизаровъ вообще. „Куренка некуда выпустить“ говоритъ курекій мужикъ и идетъ искать простора на „новыя земли“. Жить тѣсно и въ Тульской, и въ Орловской, и въ Полтавской и въ Черниговской губ. и во многихъ другихъ, но отыскать дѣйствительную причину этого своеобразнаго перенаселенія и соотвѣтственный тому выходъ Лизарь, конечно, не въ состояніи. Жить тѣсно оттого, что много народу народилось и, стало быть, для того, чтобы стало просторнѣе, надо, что бы этого самаго народу поубавилось—вотъ и все, до чего можетъ додуматься Лизарь. Кто обвинитъ его за это? И, нѣтъ ничего удивительнаго, Лизарь привѣтствуетъ войну и голодъ. Но онъ не доходитъ при этомъ до мысли о простомъ убійствѣ, истребленіи стариковъ и дѣтей, какъ это дѣлалось, на примѣръ, въ Спартѣ. Отчего это? Отчего такая непослѣдовательность, которой нельзя было бы во всякомъ случаѣ ожидать отъ „троглодита?“ Да оттого, именно, что Лизарь, не тро-

глодитъ; по его понятіямъ, между войной, холерой и т. д. и убійствомъ, безъ сомнѣнія, огромная разница. Чума, холера, оспа и всякая „хворь“ есть, подобно землетресенію, наводненію, граду или засухѣ, стихійное бѣдствіе; это—Божіе насланіе, при которомъ воля человѣка совершенно не при чемъ. Къ такимъ же стихійнымъ бѣдствіямъ причисляется и война. Это что-то настолько постороннее для воли Лизара, вполне независящее отъ него, что получаетъ въ его глазахъ характеръ полной фатальности; ни предотвратить, ни вызвать этого, ни даже помѣшать ему Лизаръ совершенно не въ состояніи: во всѣхъ такихъ явленіяхъ какъ война, чума и т. д., видна лишь воля Божія. Разумѣется, безчисленные жертвы войны, страданія, которыя она приноситъ, представляютъ непосредственное зло, но Лизаръ тутъ не при чемъ—на то воля Бога; можетъ быть, Онъ посылаетъ это „за грѣхи“, а, можетъ быть, просто „заботится“ о людяхъ, „сокращая“ человѣка, чтобы остальнымъ жить стало „просторнѣе“,—во всякомъ случаѣ здѣсь виденъ Промыселъ Божій,—и такимъ образомъ бѣдствія войны вполне согласуются съ представленіемъ о всеблагости Бога. Слѣдовательно, привѣтствуя войну, Лизаръ *покоряется* лишь *всеблагой воли* Бога, а самъ тутъ совершенно не при чемъ и никакого грѣха на свою душу не беретъ. Другое дѣло—убійство: здѣсь *человѣчская воля на-лицо*; поэтому оно есть сознательное душегубство, за которое тотъ, кто его совершилъ, лично отвѣтственъ. „Бѣсъ попуталъ“ или что другое—во всякомъ случаѣ элементъ личнаго участія не подлежитъ никакому сомнѣнію; стало быть, посягнуть на жизнь другого значитъ преступить совѣсть и погрѣшить противъ Бога,—и убійство разсматривается поэтому, какъ тягчайшее преступленіе и страшный грѣхъ.

Такимъ образомъ, волчья философія Лизара не только имѣетъ за себя смягчающія обстоятельства, но и по самой сущности своей не носитъ специфически-звѣрскаго или хищническаго характера; это—не душегубство, не разбой, не кровопійство; это прежде всего невѣжество и власть голода.

Но что сказать, если мы ту же волчью философію встрѣчаемъ въ другихъ слояхъ общества, гдѣ нужда или отсутствуетъ или существуетъ въ болѣе мягкой формѣ, гдѣ образованіе, казалось бы, должно изгнать предрасудки и заблужденія, гдѣ люди имѣютъ достаточно досуга и средствъ, чтобы просвѣтить свой умъ? „Смягчающія обстоятельства“ здѣсь отсутствуютъ, и мы должны будемъ признать въ этомъ случаѣ, что передъ нами уже волчья философія въ болѣе чистомъ видѣ, хищничество въ принципѣ. Но намъ могутъ возразить, что такія явленія во всякомъ случаѣ большая рѣдкость. Однако, мы имѣемъ всѣ основанія утверждать какъ разъ противное. Конечно, въ болѣе „культурной“ средѣ волчья философія выступаетъ обыкновенно въ нѣсколько иномъ видѣ: Лизаровская непосредственность выраженія ее грубо шокируетъ, и отъ нея носителей въ ушлышите поэтому ссылки на авторитетъ „науки“, на Дарвина, напимѣръ, и его законъ борьбы за существованіе на Мальтуса и законъ населенія, на сверхъ-философію Ницше и на что угодно, что только въ состояніи привести или изобрѣсти *человѣчскій умъ*. Но по существу тѣмъ не менѣе это чистая волчья философія.

Вся жизнь служить подтвержденіемъ такого взгляда „Жизнь—грубое дѣло“ говоритъ Инсаровъ въ „Наканунѣ“ Тургенева. Эти слова можно съ успѣхомъ приложить ко всей оборотной сторонѣ современной цивилизаціи—при условіи не смотрѣть на нее черезъ очки уловныхъ приличій и ложной гуманности. Борьба на самомъ дѣлѣ кипитъ по всѣмъ направленіямъ,—въ новыхъ формахъ, но съ тѣмъ же ожесточеніемъ, и старый возгласъ „горе побѣжден-

нымъ!" сохраняетъ все свое значеніе для нашего времени, воплощая въ себѣ принципъ, проводящійся при обычныхъ условіяхъ менѣе открыто, но столь же послѣдовательно; въ моменты же рѣзкихъ столкновеній онъ обнаруживается настолько ярче и опредѣленнѣе, насколько маузеровскія ружья и скорострѣльные пушки дѣйствительнѣе пращи и лука. Правда, въ наше время, борьбу ведутъ не только хищники между собою и не стихійно лишь сталкивающіяся силы, но и болѣе чѣмъ когда-либо, силы, принципиально враждебныя всякому хищничеству вообще, съ этимъ послѣднимъ, стремясь воплотить новыя начала въ жизнь.

Даже открытое исповѣданіе волчьей морали можно нерѣдко встрѣтить въ „культурной“ средѣ, ибо извѣстная доля благопристойности требуется только тогда, когда она безусловно необходима по практическимъ соображеніямъ.

Авторъ этихъ строкъ зналъ, напримѣръ, одного ученаго въ буквальномъ смыслѣ слова; это былъ докторъ зоологіи и приватдоцентъ; онъ утверждалъ, что любовь родителей къ дѣтямъ нелѣпа и что слабыхъ и больныхъ дѣтей и вообще „лишнихъ“ слѣдовало бы... убивать. Вы не вѣрите, читатель? Но развѣ не то же самое утверждали, напримѣръ, великіе философы древности—Платонъ и Аристотель? Развѣ „обычай“ убиванія дѣтей и стариковъ такъ рѣдокъ и существовалъ лишь у первобытныхъ народовъ? Развѣ не былъ онъ распространенъ, напримѣръ, въ Римѣ во времена Августа, какъ то доказываютъ литературныя свидѣтельства? Развѣ не такая же мысль по существу заключена хотя бы въ слѣдующихъ словахъ знаменитаго трактата Мальтуса о народонаселеніи: „Если человѣка, пришедшаго въ занятый міръ, не могутъ прокормить его родители, или если общество не въ состояніи воспользоваться его трудомъ, то онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать какого-нибудь пропитанія и въ дѣйствительности онъ—лишній на землѣ: на великомъ жизненномъ пиру нѣтъ для него мѣста; природа повелѣваетъ ему удалиться и не медлитъ сама привести въ исполненіе свой приговоръ“? Развѣ не тѣ же волчьи мелодіи слышались порою въ „философіи“ Ницше? Развѣ убійство дѣтей въ наше время практикуется только у дикарей и не существуютъ такъ-называемыхъ „фабрикъ ангеловъ“, организуемыхъ Скублинскими и имъ подобными—ради удовлетворенія потребностей самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества?... И удивительно ли послѣ того, что ученый зоологъ, не мало изучавшій, надо полагать, на своемъ вѣку звѣрей, самъ спустился наконецъ до ихъ уровня?

Недавно намъ пришлось присутствовать на собраніи очень „интеллигентныхъ“ людей, гдѣ разговоръ зашелъ о войнѣ. Одинъ изъ присутствовавшихъ, врачъ, съ величайшимъ апломбомъ и горячей убѣжденностью сталъ доказывать, что война во всякомъ случаѣ имѣетъ одну хорошую сторону: уменьшаетъ число людей и тѣмъ дѣлаетъ болѣе сносною жизнь для остальныхъ. Чѣмъ это не вересаевскій Лизарь? Развѣ только тѣмъ, что при этомъ не были забыты въ качествѣ несокрушимыхъ доводовъ ни чрезвычайно быстрое размноженіе человѣка, опережающее ростъ средствъ существованія, ни „законъ борьбы за существованіе“, какъ бы разлитой во всей природѣ, ни гарантированное послѣднимъ выживаніе наилучшихъ, наиспособнѣйшихъ, всего лучше-де обезпечиваемое путемъ войны, ни многое другое, что значительно уже отличало ученаго эскулапа отъ Лизара,—едва ли, впрочемъ, къ выгодѣ перваго. Напрасно пытались возражать этому ретивому адвокату „хорошихъ сторонъ“ взаимнаго истребленія, что война уноситъ какъ разъ наиболѣе здоровую и крѣпкую часть населенія, что она губитъ тысячи молодыхъ силъ, массы полезныхъ ра-

ботниковъ и наносить неисчислимый ущербъ общественному хозяйству,—ничто не помогало: „интеллигентъ“, при томъ по самой своей профессіи призванный врачевать недуги страждущаго человечества, непоколебимо стоялъ на своемъ и даже видѣлъ въ той страстности, съ которой нападали на него, лишнее доказательство своей правоты, полагая, вѣроятно, что черты троглодита, имъ обнаруженные, есть результатъ совершеннѣйшаго подбора, а не простой атавизмъ.

Вотъ еще примѣръ. Нѣкій студентъ въ собраніи товарищей, пытаясь охладить ихъ гражданскіе порывы, сталъ доказывать съ весьма сокрушеннымъ видомъ, что зло лежитъ въ корнѣ природы, что его нельзя уничтожить, что вѣчный законъ жизни—борьба существъ, что единственною моралью, имѣющей практическое значеніе, всегда было и всегда останется кулачное право; далѣе, что законъ борьбы въ наше время находитъ свое выраженіе въ конкуренціи, и что всякая эксплуатація и гнетъ уже потому законны, что естественны и неизбѣжны. Нельзя было разобрать, чѣмъ былъ этотъ молодой человекъ съ видомъ Чайльд Гарольда: естественнымъ ли представителемъ культурной породы троглодитовъ, чрезмѣрно одолѣваемыхъ волчьими переживаніями, или просто крайнимъ пессимистомъ, мысль котораго въ погонѣ за разрѣшеніемъ жизненныхъ противорѣчій забила въ непроходимыя дебри и здѣсь подверглась своеобразной гипертрофіи. Вѣроятно, было понемногу и того и другого.

Къ нѣкоторому утѣшенію, слѣдуетъ замѣтить, что въ заявленіяхъ волчьяго характера, наблюдаемыхъ въ культурной средѣ, виноваты не только соотвѣтственныя настроенія и вкусы, но очень часто, въ извѣстной степени, и невѣжество, сближающее „культурныхъ“ людей съ Лизаромъ,—сообразно тому, какъ и въ низахъ общества, населенныхъ Лизарами, есть и чистокровные хищники, волчья философія которыхъ, съ устраненіемъ невѣжества и нужды не только не исчезнетъ, но окрѣпнетъ и приобрѣтетъ болѣе „культурный“ видъ. Справедливость требуетъ лишь сказать, что „культурная“ волчья философія имѣетъ несравненно чаще своимъ корнемъ грубѣйшій эгоизмъ и хищническіе инстинкты и тѣмъ болѣе, чѣмъ искуснѣе спрятаны они подъ виѣшнимъ благообразіемъ формы,—а Лизаровская философія, при всей „грубости“ и „непосредственности“, слишкомъ рѣзкой для культурнаго уха, гораздо чаще есть лишь результатъ тяжелыхъ условій жизни, соединенныхъ съ невѣжествомъ.

Что касается скрытыхъ формъ, въ которыхъ выступаетъ „культурная“ волчья философія, то перечислить ихъ совершенно невозможно, ибо изобрѣтательность въ этомъ отношеніи не знаетъ предѣла. Однако въ каждомъ частномъ случаѣ можно обнаружить ея сущность, если тотъ или другой вопросъ изъ сферы словесной диалектики и голыхъ формулъ свести къ жизненнымъ практическимъ отношеніямъ, къ диалектикѣ самой жизни, такъ сказать, и имѣть въ виду раскрытіе не столько формальныхъ логическихъ противорѣчій въ заявленіяхъ какого-нибудь ловкаго краснбая, сколько противорѣчій въ области фактовъ, относящихся къ возбужденному вопросу, выбирая изъ нихъ самыя ближайшія и не упуская изъ виду ни на минуту практической позиціи противника, какъ члена общества. Въ борьбѣ все дѣло не въ силлогизмахъ и словахъ, а въ фактахъ и дѣйствіяхъ.

Но насъ интересуетъ прежде всего исповѣданіе волчьей философіи, объясняемое невѣжествомъ и вообще темными условіями жизни, такъ какъ изъ него еще можетъ кое-что выйти, а часто и весьма многое. Между тѣмъ изъ волчьей философіи по принципу, скрытой или явной, но неизмѣнно вѣрной себѣ по

существо, ничего не можетъ выйти кромѣ сознательной подлости и глумленія надъ всѣмъ, что такъ или иначе противорѣчитъ принципамъ волчьяго существованія.

Невѣжество, о которомъ мы говоримъ,—все равно, идетъ ли рѣчь о Лизарѣ, вѣрующемъ, можетъ быть, въ сонъ и чохъ и убѣжденномъ, что земля стоитъ на 3-хъ китахъ, или объ „интеллигентѣ“, не только имѣющемъ узаконенное свидѣтельство о прохожденіи положеннаго курса наукъ, тѣхъ или другихъ специальныхъ, узко-утилитарныхъ отраслей знанія, но и освѣдомленнаго въ общихъ вопросахъ, интересующагося философій, литературой, искусствомъ, обладающаго острымъ критическимъ умомъ и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ и весьма сложной психикой вообще,—это невѣжество совершенно одинаково въ обоихъ случаяхъ по существу. Это—непониманіе общественной стороны жизни, непривычка подмѣчать и оцѣнивать въ каждомъ явленіи его социальную сторону, отсутствіе общественного смысла или, выражаясь нѣсколько по ученому, отсутствіе социологическаго типа мышленія. Непониманіе общественныхъ явленій, ихъ взаимной связи и даже самой простой, наглядной зависимости всѣхъ факторовъ личнаго существованія отъ причинъ общественнаго характера,—эта общественная слѣпота и вытекающій изъ нея индифферентизмъ—прямо поразительны. „Моя хата съ краю, ничего не знаю“ или, иными словами, не хочу дальше своего носа ничего видѣть—вотъ правило, которымъ подавляющее большинство руководится въ практической жизни. Попробуйте растолковать иному россіянину—все равно „благопопучному“ или нѣтъ—что его хата вовсе не съ краю, что, разсуждая такъ, онъ обнаруживаетъ полнѣйшую близорукость, отъ которой прежде всего страдаютъ его собственные, кровные, эгоистическіе интересы,—онъ, навѣрно, сочтетъ васъ же безпочвеннымъ мечтателемъ и поспѣшитъ спрятаться въ свою раковину для столь привычнаго и любезнаго ему прозябанія, весьма недовольный тѣмъ, что вы нарушили покой его мысли; при этомъ онъ вынесетъ очень нелестное о васъ мнѣніе, какъ о чрезвычайно непрактическомъ человѣкѣ, не понимая, что вся его собственная хваленая „практическая“ мудрость есть лишь „премудрость“ щедринакаго пискаря, денно и ночью дрожащаго въ страхъ за свою жалкую, блѣдную жизнь... Въ лучшемъ случаѣ вы услышите принципиальное согласіе съ общественной точкой зрѣнія, признаніе необходимости слѣдовать ей во всемъ, но это лишь „такъ“, для успокоенія совѣсти и ради приличія, а на дѣлѣ та же косность, та же рутинна, то же слѣпое подчиненіе стародавнимъ привычкамъ, то же сѣренькое, мелкое существованіе, характеризующее съ незапамятныхъ временъ родное обывательское болото, съ его близорукимъ, чисто-мѣщанскимъ, узкимъ индивидуализмомъ; между отвлеченными выводами и истинами и дѣйствительнымъ складомъ психики, между платоническими порывами и практическимъ поведеніемъ—непроходимая пропасть. Неудивительно, что въ погонѣ за удовлетвореніемъ жизнью, за равновѣсіемъ душевныхъ силъ мы никогда не достигаемъ цѣли и, не умѣя находить правильнаго разрѣшенія житейскихъ противорѣчій, только безъ толку утомляемся, вращаясь какъ въ бѣличьемъ колесѣ въ постоянной, но тщетной погонѣ за призракомъ счастья. Все это справедливо въ особенности для насъ, русскихъ, воспитанныхъ въ этой атмосферѣ суровой школой нашей исторіи.

Невѣжество „интеллигентное“ гораздо менѣе объяснимо и простиительно, чѣмъ невѣжество дяди Лизара. Послѣдній говоритъ: „тѣсно жить“, потому что „безсмертная сила народу набилась“;—мысль дикая сама по себѣ, но вѣдь дядя Лизаръ еще, можетъ быть, и въ трехъ китовъ вѣруетъ и потому странно и непослѣ-

довательно требовать отъ него удовлетворительнаго пониманія общественныхъ явленій и отношеній. Откуда онъ можетъ, напримеръ, знать, что жилъ на свѣтѣ нѣкій ученый англичанинъ Мальтусъ, который еще въ концѣ XVIII столѣтія въ своемъ „Опытѣ о народонаселеніи“ пытался вывести всѣ положенія водичей морали изъ непреложныхъ естественныхъ законовъ—неограниченно-быстраго размноженія человѣка и ограниченности средствъ существованія, ихъ болѣе медленнаго роста и т. д.? Откуда онъ можетъ знать, что послѣ Мальтуса были Чернышевскій, Марксъ и другіе, давшіе критику его ученія? Откуда онъ можетъ знать, что въ наше время вопросъ о перенаселеніи можетъ считаться вполне разрѣшеннымъ, и что его личная, Лизара, жизнь тяжела и скучна вовсе не по причинѣ естественной „тѣсноты“? Говоря по совѣсти, ему неоткуда это знать, и мы должны сказать: нѣтъ, Лизаръ невиновенъ, а если и виновенъ, то заслуживаетъ полнѣйшаго снисхожденія. Совѣмъ другое дѣло—интеллигентъ. Если ему неизвѣстно многое, что простительно не знать Лизару, то чаще всего совѣмъ не потому, что онъ не можетъ знать, а потому, что не хочетъ, ибо совершенно немыслимо предположить, чтобы его мысль, находящаяся въ неизмѣримо болѣе благоприятныхъ для развитія условіяхъ, не могла найти выхода, если бы серьезно работала въ этомъ направленіи. Нѣтъ,—видно, въ его психикѣ не мало элементовъ, толкающихъ его совѣмъ въ другую сторону, и его невѣжество объясняется гораздо менѣе властью темныхъ условій, чѣмъ властью его собственныхъ настроеній, окрашенныхъ чаще въ буржуазный цвѣтъ, родственныхъ волчьимъ воззрѣніямъ по принципу. Если бы въ его душѣ надъ послѣдними настроеніями возобладали другія силы, какъ бы то ни было существующія въ ней, то, несомнѣнно, его культурное троглодитство, объясняемое лишь недостаткомъ знаній, очень скоро исчезло бы...

Впрочемъ, въ „интеллигентной“ или „культурной“ средѣ можно встрѣтить людей, обладающихъ въ высшей степени законченнымъ міровоззрѣніемъ самаго передового лагеря, обширнѣйшими познаніями, блестящей эрудиціей, но на дѣлѣ скрывающихъ за этой ослѣпительной декораціей самый пошлый эгоизмъ и архибуржуазнѣйшія замашки. Такіе люди поразятъ васъ своей прогрессивностью, правильнымъ пониманіемъ общественныхъ явленій, больше же всего—точною осѣдомленностью насчетъ самыхъ мелкихъ деталей и оттѣнковъ всѣхъ современныхъ теченій, относительно которыхъ они всегда вполне au courant; и вы въ ихъ обществѣ должны непременно испытать смѣсь почтительнаго удивленія къ столь блестящимъ качествамъ и невольнаго смущенія отъ сознанія своего ничтожества... Вамъ не легко будетъ разобрать, что всѣ ихъ громкія разглагольствованія и ультра-прогрессивныя мысли служатъ лишь украшеніемъ ума, способомъ самоуслажденія и чекомъ на вниманіе со стороны общества, доставляющимъ не только удовлетвореніе самолюбію, но и нѣкоторыя практическія удобства; еще труднѣе поймать ихъ на чемъ нибудь, такъ какъ по части прятанія всякихъ концовъ они первые виртуозы въ мірѣ и сумѣютъ вполне своевременно обезоружить васъ искуснымъ силлогизмомъ, надъ смысломъ котораго вы напрасно будете морщить свой лобъ, удивляясь уму своего собесѣдника и столько же собственной глупости; а неизмѣнно пріятное выраженіе лица и играющая на губахъ снисходительно-привѣтливая улыбка окончательно приведутъ васъ къ молчанію,—послѣ чего вамъ придется только удивляться, до какой степени иные джентльмены бываютъ безукоризненно-корректны. И не мало пройдетъ времени, пока вы разберете, что передъ вами

нѣчто гораздо худшее, чѣмъ даже обыкновенный слѣпой темный человѣкъ вродѣ Лизара,—пока убѣдитесь, что это троглодитъ по принципу, по органической склонности къ хищничеству и прозаически-мѣщанскимъ вкусамъ и вожделѣніямъ; другими словами, вы должны будете признать, что передъ вами не только не маленькій „премудрый пискарь“, а рыба несравненно болѣе положительная и солидная: щука, размѣръ которой можетъ быть весьма разнообразенъ въ зависимости отъ мѣста, положенія и возраста.

Вообще, это—наиболѣе замысловатый видъ культурнаго мѣщанства.

„Человѣкъ человѣку волкъ“ говорилъ древній міръ и объявлялъ войну всѣхъ противъ всѣхъ“. „Горе побѣжденнымъ!“ Средніе вѣка, явившись на арену исторіи, провозгласили: „кулачное право“. Новое время не прочь употреблять тѣ же старыя выраженія, ибо „теперешняя Европа, накопивъ въ своемъ „наслѣдіи вѣковъ“ всѣ заблужденія, ошибки, знанія и невѣжества прошедшихъ временъ хранить все это, какъ Плюшкинъ, въ одной кучѣ“, *) но оно выражается и по новому.

«Dem bösen Geist gehört die Erde,
Nicht dem guten»...,

говоритъ новое время,

«Wo eines Platz nimmt, muss das andere rücken,
Wer nicht vertrieben sein will, muss vertreiben;
Da herrscht der Streit und nur die Stärke siegt...» **)

Или вотъ еще проще: „des Einen Tod—des Anderen Brod!“ (смерть одного—хлѣбъ для другого!).

Но такъ ли все это? Не болѣе ли правъ поэтъ, который, нарисовавъ картину битвы, спрашиваетъ:

«... Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ? Небо ясно—
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?» ***)

Зачѣмъ?.. Вотъ вопросъ, который составляетъ корень всего такъ называемаго „соціального вопроса“. „Подъ небомъ мѣста много всѣмъ“; но правда ли это? Если правда, то, очевидно, всякая вражда должна представляться дикой и нелѣпой, не должно быть ни гражданскихъ, ни международныхъ войнъ, ни классовой, ни партійной борьбы, ни великаго множества всякихъ другихъ столкновеній, существующихъ въ обществѣ, раздираемомъ внутренними противорѣчійми, и только съ точки зрѣнія хищника должны сохранить всю свою силу вражда и борьба, какъ необходимое слѣдствіе изъ самаго принципа, полагаемаго имъ въ основу жизни. Но легко сказать: „подъ небомъ мѣста много всѣмъ“, а какъ доказать это, какъ убѣдиться, что это не будетъ одной изъ прекрасныхъ утопій?

Начало XX вѣка обладаетъ вполне определеннымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ,—отвѣтомъ, содержащимъ въ себѣ полное отрицаніе волчьей морали. Правда, съ этимъ не согласится большинство цеховыхъ ученыхъ и всѣ другіе защитники волчьихъ основъ жизни, не могущіе представить себѣ человѣка иначе, чѣмъ въ положеніи „Бѣднаго волка“ въ „Сказкахъ“ Шедрина. И тѣ и другіе

*) Слова Иелгунова.

**) «Злой духъ владѣетъ землею, а не добрый... Гдѣ одно занимаетъ мѣсто, тамъ другое должно уступить; кто не хочетъ быть прогнаннымъ, долженъ прогонять; здѣсь господствуетъ борьба и только сила побѣждаетъ... Шиллеръ «Валленштейнъ».

***) Лермонтовъ «Валерикъ».

готовы соорудить цѣлый Монбланъ учености, дабы задавить имъ простую и вѣрную мысль, содержащую рѣшеніе вопроса и доступную пониманію большинства: они хорошо знаютъ, что „невѣрное разсужденіе можетъ обмануть полсвѣта, если его развить въ цѣлый томъ in quarto, хотя, изложенное просто, въ немногихъ предложеніяхъ, оно не обмануло бы и ребенка“ (Уэтли). Когда живая, развивающаяся жизнь, несущая съ собой движеніе впередъ, выдвигаетъ понятную, доступную истину, то ея противники, будучи не въ состояніи справиться съ ней простыми средствами, извергаютъ цѣлыя моря схоластики и бездны философскаго тумана, стремясь утопить въ нихъ живую истину. Вотъ недурной примѣръ изъ исторіи русской общественной мысли, относящійся къ 60-мъ годамъ прошлаго вѣка: „Чернышевскій искалъ формулъ точныхъ, самоочевидныхъ, способныхъ къ немедленному осуществленію, а такіе люди, какъ Юркевичъ, старались затянуть его въ безконечный споръ на тему: „такъ какъ человекъ съ одной стороны духъ, съ другой стороны—матерія, то почему сіе важно въ пятыхъ“ *)

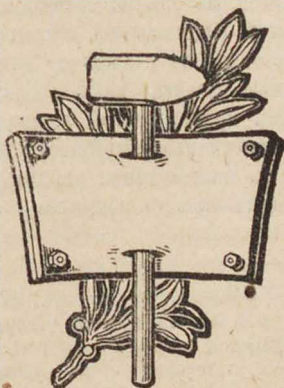
Впрочемъ, намъ могутъ замѣтить, что „иная простота хуже воровства“; вѣдь очень просто, напримѣръ, что земля стоитъ, а солнце движется—какъ это каждый день мы наблюдаемъ въ дѣйствительности,—но на дѣлѣ происходитъ, какъ извѣстно, наоборотъ:

Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
Однако-жъ правъ упрямый Галилей.

Да, но противъ такой кажущейся очевидности можно, тѣмъ не менѣе, привести доводы столь же очевидные и простые, которые и вскроютъ ошибку. Слѣдовательно, всякая простота, оказывающаяся „хуже воровства“, можетъ быть побита всегда соображеніями, изложенными въ ясной, доступной формѣ, и потому нѣтъ необходимости прибѣгать къ замысловатымъ хитросплетеніямъ, скрывающимъ чаще всего внутреннюю несостоятельность или затушевывающими истинныя намѣренія; мы раздѣляемъ поэтому мнѣніе Герцена, что „нѣтъ мысли, которую нельзя было бы высказать просто и ясно, особенно въ ея диалектическомъ развитіи“.

Отчего происходитъ въ Россіи „тѣснота“, заставляющая Лизара желать войнъ и эпидемій? Отвѣту на этотъ вопросъ должно предшествовать точное и наглядное изображеніе всей скудости и неустройства русской жизни вообще, Лизара въ особенности; но цифрамъ и фактамъ, относящимся къ этой области, удобнѣе быть сгруппированными въ отдѣльномъ очеркѣ.

А. Ньдровъ.

Вопросы народного образованія.

А. А. Николаевъ.

„Фондъ народного просвѣщенія“ *).

I.

За послѣдніе мѣсяцы шумно выступилъ на арену русской дѣйствительности «Фондъ народного просвѣщенія». Сначала дѣло обстояло довольно просто и ясно: часть газетъ и журналовъ отмалчивалась, или не придавая затѣѣ «Руси», выступившей съ инициативой этого фонда, никакого значенія, или придерживаясь выжидательной политики для того, чтобы не попасть впросакъ, или въ силу какихъ-либо иныхъ соображеній; другая часть органовъ печати злобно высказалась противъ фонда: среди нихъ на первомъ мѣстѣ фигурировали «Московскія Вѣдомости» и «Гражданинъ»; и, наконецъ, остальные органы, среди которыхъ мы находимъ «Русскія Вѣдомости» и нѣсколько почтенныхъ провинціальныхъ газетъ, открыли на своихъ страницахъ подписку на фондъ и помѣстили рядъ сочувственныхъ ему статей. Дѣло при такомъ положеніи вещей, говоримъ, было просто и ясно: на фондъ откликнулись люди прогресса, противъ фонда подняли вой защитники невѣжества и мракобѣсія. Но вотъ заговорила о фондѣ и «толстая» журналистика, до сихъ поръ сохранявшая загадочное молчаніе. Однимъ изъ первыхъ въ ноябрьской книжкѣ откликнулся «Міръ Божій» статьей г. Кранихфельда. Статья оказалась сердитой: авторъ ея совершенно не сочувствуетъ фонду въ данный моментъ и въ данной общественной обстановкѣ. Карты такимъ образомъ смѣшались: на одномъ и томъ же полюсѣ по данному вопросу слились съ одной стороны такіе ретроградные органы, какъ «Гражданинъ» и «Московскія Вѣдомости» и съ другой—такой прогрессивный журналъ, какъ «Міръ Божій». Чувствуется поэтому особенно настойчиво потребность разобраться въ вопросѣ,—мы и попробуемъ сдѣлать это съ нашей точки зрѣнія, съ которой мы изъ мѣсяца въ мѣсяцъ освѣщаемъ работу нашего общества въ области народного просвѣщенія.

*) Въ виду того интереса, который возбудилъ къ себѣ «Фондъ народного просвѣщенія», мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ на данную тему статьи двухъ авторовъ, далеко не во всемъ сходящихся другъ съ другомъ. Что же касается личной точки зрѣнія на этотъ вопросъ, совершенно не согласной со взглядами обоихъ авторовъ, то читатели могутъ познакомиться съ нею въ статьяхъ „Что дѣлать?“, помѣщенныхъ въ №№ 1 и 2 „Недѣли“.

II.

Но сначала несколько словъ о самомъ фондѣ. Свѣдѣнія, которые мы здѣсь предлагаемъ читателямъ, будутъ, конечно, несколько запоздавшими къ тому времени, когда этотъ номеръ журнала дойдетъ до своихъ адресатовъ. Но, зная составъ вашихъ читателей и увѣренные, что многіе изъ нихъ не могутъ пользоваться тѣми дорогими газетами, въ которыхъ главнымъ образомъ и разрабатывается вопросъ о фондѣ, мы позволяемъ себѣ дать хотя бы небольшую характеристику фонда по тѣмъ матеріаламъ, которые оказались подъ руками къ моменту обработки настоящей статьи (начало ноября).

Вопросъ о фондѣ, выдвинутый «Русью», создалъ уже замѣтное общественное движеніе. Объ этомъ можно судить по тому, что число газетъ,—какъ свидѣтельствовала «Русь» въ своемъ номерѣ еще отъ 24-го октября,—поддерживающихъ идею «фонда» (не считая газетъ, ограничивающихся печатаніемъ петиціи на послѣднихъ страницахъ списка взносовъ), равнялось сорока. Цифра для Россіи, вообще бѣдной періодическими органами,—замѣтная. Сборъ пока-что не достигъ еще значительныхъ размѣровъ: до втораго ноября въ контору «Руси» на «Фондъ» поступило всего 20.488 руб. 89½ к.; кромѣ того, рублевый купонъ 4-проц. государственной ренты, 13 купоновъ отъ билетовъ государственнаго казначейства срокомъ 1 февр. 1902 г.—по 90 коп., свидѣтельство государственной 4-проц. ренты 100 руб. достоинства со срочн. купономъ 1 іюня, нитка жемчуга съ бриллиантовой застежкой, золотой медальонъ съ эмалью, серебряная цѣпочка для часовъ, серебряный портсигаръ, 25 германскихъ марокъ, 1 фунтъ стерлинговъ, 5—франковая румынская монета, 45 пенни, 5 спаянныхъ старинныхъ серебряныхъ рублей, серебряная монета въ 10 злотыхъ, попорченная 15 коп. монета, 7 десятинъ земли и золотая и серебряная гимназическія медали. Мы, нарочно, выписали всю эту пеструю картину пожертвованій, такъ какъ уже она даетъ нѣкоторое понятіе о самихъ жертвователяхъ, изъ которыхъ иные очевидно несли послѣднюю свою цѣнную вещь. Самый списокъ жертвователей и размѣры ихъ взносовъ убѣждаютъ въ этомъ еще больше. Такъ такъ характеръ пожертвованій не измѣнился до конца, то мы приведемъ подсчеты, сдѣланные «Русью», въ началѣ и серединѣ октября.

По значительности внесенныхъ суммъ жертвователи распредѣлялись къ 8-му октября слѣдующимъ образомъ: по 1,000 руб.—3 (изъ нихъ одинъ пожертвовалъ земли на 1,000 руб.); 500 р.—1; 300 р.—1; 250 р.—1; 200 р.—1; 100 р.—9; отъ 70 до 100 р.—1 ч. и одна группа; отъ 50 до 70 р.—одна группа; 50 р.—2; отъ 25 до 50 р.—25 чел. и 3 группы; отъ 10 р. до 25 р.—61 чел. и 21 группа; отъ 10 р. до 5 р.—114 чел. и 30 группъ; отъ 5 р. до 1 р.—282 чел. и 33 группы; по 1 р.—332 человѣка и 2 группы; отъ 1 р. до 50 к.—108 чел. и 1 группа; отъ 50 к. до 25 к.—51 чел.; отъ 25 к. до 10 к.—74 чел.; 7 к.—1 чел.; 5 к. 8 чел. и 2 к.—1 человѣкъ. Принимая группу въ среднемъ по десять человѣкъ, приблизительное число жертвователей «Русь» опредѣляла къ указанному моменту въ 1997 человѣкъ, т. е. въ среднемъ на жертвователя приходилось около 3,5 руб.

Къ 17 октября «Русь» произвела приблизительный подсчетъ лицъ, принявшихъ участіе въ «фондѣ», по профессіямъ. Данныя нижеслѣдующей таблицы получены были посредствомъ подсчета подписей, при чемъ взносы анонимные отнесены въ группу «неизвѣстной профессіи», а групповые взносы расчленены приблизительно, считая, что взносъ студента равенъ въ среднемъ 50 к., а рабочаго 25 к. Результаты получились слѣдующіе:

студентовъ	2.102 чел.	инженеровъ и архитект.	33 чел.
рабочихъ	1.173 »	публицистовъ	8 »
неизвѣстныхъ проф. .	1.261 »	учащихся женщинъ . .	434 »
служащихъ	707 »	крестьянъ	172 »
учениковъ и ученицъ	640 »	педагоговъ	116 »

низшихъ служащихъ (при- казчики, писаря и пр.)	391 »	докторовъ	70 »
прислуги	135 »	ремесленниковъ	35 »
дѣтей	97 »	торговыхъ лицъ	19 »
военныхъ	43 »	адвокатовъ и нотаріусовъ	12 »
духовныхъ лицъ	20 »	литераторъ	1 »
		Итого	7,649 чел.

Такимъ образомъ ясно, что изъ этой семитысячной толпы очень немногіе могли искутиться въ общественной жизни и общественной работѣ,—все это въ большинствѣ случаевъ или учащаяся молодежь, или лица, принадлежащія къ такъ-называемому «народу». Въ этомъ отношеніи вся эта публика, дѣйствительно, является «простецами», какъ ихъ угодно было назвать г-ну Кранихфельду, и въ этомъ еще больше убѣждаютъ ихъ письма, которые въ большомъ изобиліи печатаются на страницахъ «Руси». Они, эти письма, стоятъ того, чтобы съ ними познакомиться хотя бы въ наиболѣе характерныхъ выдержкахъ.

III.

«Не хватить силъ и разума, умѣнья»,—пишетъ крестьянинъ Кашвинецъ,—«выразить тѣ чувства восторга, которыя я получилъ, когда прочиталъ о «фондѣ народнаго просвѣщенія», и этотъ день для меня былъ сущимъ праздникомъ. И я радовался и торжествовалъ и на другой же день послалъ свою скудную посылную ленту. Вотъ теперь урѣзалъ еще нѣсколько грошей изъ своего скуднаго крестьянскаго бюджета и посылаю второй разъ на это святое дѣло.

«Въ добрый путь! За святую работу вы взяли и кромѣ счастья и истиннаго добра ничего иного не принесете народу.

«Ахъ, кабы вы знали, какъ надоѣло коснѣть и грязнѣть во тьмѣ, въ ко-вѣчной тьмѣ, и съ какой силой мы рвемся къ свѣту, къ знанію, ищемъ его и гонимся за нимъ»... И дальше, и дальше летятъ все торжественнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ все наивнѣе слова и фразы... пишетъ человѣкъ, какъ умѣетъ, какъ чувствуетъ, какъ знаетъ. И знаетъ онъ, что не такъ все это говорится по ученому, «по господски» и бьетъ онъ ученымъ господамъ нижайше челомъ за свою простецкую и мужицкую рѣчь. «Простите», заканчиваетъ онъ свое письмо, «что написалъ вамъ безграмотно, мало логично письмо мое, я написалъ вамъ, какъ сумѣлъ, что подсказала совѣсть и если узнаете все, что написалъ безграмотно,—простите всѣ мои ошибки, потому что школа отъ насъ стоитъ въ семи верстахъ, и мнѣ пришлось учиться одинъ годъ всего. И какъ умѣю и могу, снизу отсюда, я жадно молю, кричу о свѣтѣ, о знаніяхъ, которыя необходимы, неотложны» («Русь» № 322).

«Итакъ, съ Богомъ, братья!» восклицаетъ въ заключеніе своего обстоятельнаго и продуманнаго письма крестьянинъ В. Ивановъ: «Подадимъ другъ другу руки и дружно на великое дѣло просвѣщенія во имя отечества! Несите ваши даванія, кто чѣмъ можетъ, пусть не меркнетъ яркое солнце труда и науки, пусть оно сіяетъ и грѣетъ прозябшія темныя русскія души и тогда намъ не страшны враги въ вооруженіяхъ»... («Русь» № 317).

«И радостно и страшно!... Все можетъ быть!» пишетъ нѣкто С. Переславцевъ: «Но нѣтъ... Не будемъ страшиться... Отгонимъ отъ себя страхъ и сомнѣнія и будемъ твердо вѣрить, что, наконецъ, пришла пора, и палка, которую хотѣли сдѣлать мужика «разумнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ»,—умреть и не воскреснетъ. Будемъ твердо вѣрить въ то, что пришло время, и русскій мужикъ перестанетъ быть пасынкомъ, лишеннымъ живительнаго, размягчающаго и исцѣляющаго загноившіяся душевныя раны лѣкарства—«просвѣщенія»... Сплотимся же всѣ вмѣстѣ, принесемъ на это дѣло свои трудовые гроши, свой трудъ, свое сочувствіе, кто что можетъ, и дружно примемся за работу, чтобы проложить широкую дорогу къ источнику живой воды, которая необходима намъ для

разумной жизни... Выйдемъ же на работу! Заря загорѣлась!... Скоро взойдетъ слнце и настанетъ день»... («Русь», № 318).

«Русскіе люди!»—воскликаетъ крестьянинъ—добровольный переселенецъ въ Сибирь: «двинемся общей массой съ оружіемъ, кто съ какими можетъ, противъ общаго врага, тьмы, и да побѣдимъ его нашей самодѣятельностью, при которой можно надѣяться внести побѣдоносный всенародный свѣтъ, да падетъ отъ него врагъ тьмы со всѣми отъ нея послѣдствіями» («Русь», № 316)...

И такъ далѣе, и такъ далѣе—десятки и сотни писемъ въ такомъ же поднятомъ настроеніи, въ такомъ же шумливомъ исполненіи.

IV.

И вотъ на всю эту сумятицу выходитъ самъ г. петербургскій публицистъ и строго вопрошаетъ: по какому случаю шумъ? Оказывается, что это «простецы» подняли шумъ по поводу фонда... Натурально, г. петербургскій публицистъ начинаетъ «простецовъ» успокаивать... такъ слегка и немножко свысока... «Да знаете ли вы», резонируетъ онъ разшумѣвшихся «простецовъ», «что народное образованіе—далеко еще не все, что, кромѣ народнаго образованія, нужно еще многое для того, чтобы наша жизнь попала, какъ слѣдуетъ, въ настоящую колею? Да знаете ли вы, что образованіе образованію рознь, что вонъ, вѣдь, и церковно-приходскія школы народнымъ образованіемъ занимаются и даже приводятъ иныхъ своими успѣхами въ умиленіе, и что на свои гроши вы получите, пожалуй, такое, отъ чего потомъ и три года не отплываете?»

Понятно, что «простецы» ничего этого не знаютъ. Знаютъ они одно только, что жили все время оторванные отъ всего живого по своимъ глухимъ уголкамъ, вокругъ которыхъ зимній вѣтеръ перегоняетъ теперь свѣжные сугробы, что много терпѣли они отъ всякой темноты и неправды и никакъ додуматься не могли, какими средствами бороться съ этой неправдой, какими путями выбраться изъ этой тьмы... И вдругъ—«фондъ народнаго просвѣщенія»... Что-то большое, захватывающее... особенно, какъ поглядѣшь на божій свѣтъ изъ той ничтожной щелки, которая не толще газетнаго листа и которая одна только и осталась незаколоченной для многихъ миллионовъ нашего обывателя... Ныла душа человѣка отъ своего безсилія, отъ полной безнадежности, которая царила вокругъ... и вдругъ возможность принять участіе въ великомъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія своей лептой, часто ничтожной въ абсолютныхъ своихъ выраженіяхъ и великой въ своемъ относительномъ значеніи, ибо вырвана она, эта лепта, изъ крошечныхъ средствъ, изъ убогой жизненной обстановки... И заговорили «простецы», не привыкшіе говорить... и сами знаютъ, что несладко у нихъ выходитъ, и кланяются господамъ низко, чтобы не обезсудили ихъ на ихъ мужицкомъ словѣ. Не хотятъ они молчать... хотятъ подѣлиться своими думами, маленькими, но выношенными и выстраданными такъ же, какъ и думы самого г. петербургскаго публициста... Пускай эти думы—думы заблуждающагося человѣка, но неужели же онѣ только и заслужили великолѣпной, снисходительной усмѣшки: «простецы»... Къ чему эта новая незаслуженная обида?

Нѣтъ! на это рука наша не поднимется! Знаемъ мы, знаемъ, что народное образованіе безъ политическаго благоустройства дать странѣ мало, но знаемъ мы, что нѣтъ на свѣтѣ политически-благоустроенной страны, которая не напирала бы всѣхъ силъ на просвѣщеніе своего народа. Знаемъ мы, знаемъ, что классовыя различія кладутъ отпечатокъ на воззрѣнія лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ общественнымъ группамъ, но мы знаемъ также, что отдѣльныя общественныя группы не только раздѣлены своими интересами и ведутъ между собой борьбу, но и связаны въ общество, защищающее цѣлый рядъ добытыхъ предшественниками вѣками культурныхъ благъ... И одно изъ этихъ благъ—народное образованіе, народное просвѣщеніе; и объ чемъ другомъ, а о немъ столкуется интел-

лигенція, если только удастся ей вырвать себя въ данномъ отношеніи достаточную свободу... И мы не торопимся разочаровывать «простеца», мы не позволяемъ себѣ снисходительно подсмѣиваться надъ его «простецкой» душой... Мы считаемъ его порывъ законнымъ, мы видимъ въ немъ залогъ того, что даже смрадная общественная атмосфера послѣдняго десятилѣтія не вытравила въ немъ всего живого... Это его первый выходъ на широкую общественную работу... Если этотъ выходъ будетъ удачнымъ, тѣмъ лучше: нашъ «простецъ» получитъ извѣстное общественное воспитаніе; если онъ окажется неудачнымъ, то нашему «простецу» невольно придется задуматься надъ своимъ промахомъ и разочарованіями. И вотъ мы торопимся помочь ему взглянуть въ волнующее его будущее, выдѣлить тѣ самыя условія, при которыхъ ему грозитъ неудача и при которыхъ онъ можетъ достигъ успѣха...

V.

Прежде всего приходится волноваться о томъ, кому въ руки попадутъ эти деньги для того, чтобы быть увѣреннымъ, что имъ не дадутъ никакого нежелательнаго направленія. Къ счастью, вопросъ этотъ въ данный моментъ оказывается разрѣшеннымъ: для заведыванія фондомъ и для разработки устава будущаго комитета образованъ временный комитетъ, куда вошли слѣдующія лица («Рус. Вѣд.» № 304): Ан. П. Философова, Е. Я. Корсакова, В. И. Тарновская, гр. П. А. Гейденъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, А. А. Суворинъ (изд. газ. «Русь»), ген. А. Н. Макаровъ, В. Н. Марковъ (предс. губ. зем. управы), А. А. Стаховичъ (елецкій предв. дворянства), свящ. Г. С. Петровъ, В. Д. Набоковъ, А. Г. Небольсинъ, А. В. Зенгеръ (сотрудникъ «Руси») — имена, въ громадномъ большинствѣ почтенныя, и руки, совершенно чистыя. Этотъ составъ временнаго комитета даетъ полное основаніе надѣяться, что организація дѣла будетъ поставлена на прочную общественную почву, и задачи просвѣщенія не будутъ истолкованы въ какомъ-нибудь нежелательномъ и одностороннемъ смыслѣ. Но тѣмъ не менѣе опасность того, что хорошо уже налаженное общественное предпріятіе не обратится въ жалкую комедію, еще не миновала.

Недостаточно одного только общественнаго сочувствія и общественной инициативы... Напрасно проф. П. Ф. Лесгафтъ увѣряетъ («Русь» № 292): «У насъ возможно все то, что возможно повсюду; аттестатъ «никчемныхъ» людей мы сами себѣ выдаемъ только для того, чтобы за этой спасительной драпировкой улизнуть отъ тѣхъ прямыхъ обязанностей, которыя намъ предписываютъ законы нравственности и морали. Если намъ чего-либо недостаетъ, такъ это общественной инициативы, общественнаго самосознанія. И то, и другое фондъ имѣетъ въ своемъ основаніи и этого вполне достаточно, чтобы быть увѣреннымъ, именно увѣреннымъ въ успѣхъ дѣла. Разъ дѣло при первомъ призывѣ привлекло къ себѣ широкое пониманіе и участіе общества, и не только интеллигентовъ, но и «меньшой братіи», то это уже служитъ гарантіей успѣха»... Напрасно М. М. Стасюлевичъ заявляетъ («Русь» № 291): «Для успѣшнаго прогрессированія дѣла народнаго просвѣщенія, какъ мы видимъ, нужны двѣ вещи: деньги и общественное сочувствіе, которое гарантируетъ развитіе дѣла. И то, и другое даетъ фондъ»... Напрасно та же идея находитъ отзвукъ и въ другихъ бесѣдахъ интервьюера «Руси» съ представителями нашего интеллигентнаго общества... Напрасно — потому, что русская дѣйствительность безпощадно учитъ насъ совсѣмъ другому, грубо доказывала и доказываетъ, что деньги и общественное сочувствіе далеко еще не все, что вопросъ успѣха далеко не только въ общественной инициативѣ и общественномъ самосознаніи... И то и другое, и третье, и четвертое — все это у насъ есть, и тѣмъ не менѣе дѣло народнаго просвѣщенія все еще находится въ жалкомъ положеніи, ибо нѣтъ у насъ самаго главнаго: такого правопорядка, который бы ставилъ нашу общественную работу на прочный общественный фундаментъ, такого правопорядка, который защищалъ бы наши общественныя

организации отъ произвола бюрократіи, отъ неопозволительнаго третированія ихъ и неуваженія къ ихъ работѣ со стороны власти имущихъ. И многіе, если не большинство нашихъ общественныхъ дѣятелей, прекрасно это понимаютъ. Доказательствомъ служить тѣ же самыя бесѣды, которыя мы находимъ на страницахъ «Руси».

«Но прежде», заявляетъ Е. С. Шумигорскій («Русь» № 320), «чѣмъ говорить о непосредственной практической дѣятельности (фонда), я хотѣлъ бы коснуться наиболее важной на мой взглядъ стороны—дѣятельности фонда въ смыслѣ очищенія атмосферы, въ которой находится все дѣло просвѣщенія, начиная отъ низшихъ и кончая высшими его стадіями.—Что такое наша низшая школа? Краснорѣчивымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ статистика, доказывающая, что почти 30 проц. учащихся въ начальныхъ школахъ рецидивисты безграмотности. Это печальное явленіе констатировано многими земствами, пришедшими къ заключенію въ полной непригодности школъ. Но до сихъ поръ урегулированіе этого вопроса не представлялось возможнымъ, ибо все это дѣло было скрыто отъ нашихъ взоровъ покровомъ канцелярской тайны, между обществомъ и веденіемъ дѣла былъ установленъ строгій карантинъ. Въ этой атмосферѣ, лишенной животворящаго свѣта, зарождались и развивались такіе факты, которыми постепенно направляютъ дѣло просвѣщенія на путь полнаго банкротства, предвѣстники котораго и выразились въ указанныхъ цифрахъ рецидива безграмотности... И именно очищеніе, такъ сказать, дезинфекція этой атмосферы и, въ конечной цѣли, принатіе всецѣло въ свое вѣдѣніе области воспитанія народа—одна изъ самыхъ почетныхъ задачъ фонда; рѣшеніе этой задачи принесетъ такіе результаты, которые дороже денегъ, ибо ихъ ни за какія деньги некупить. Я поставилъ на первомъ планѣ этотъ вопросъ потому, что считаю его самымъ существеннымъ во всей идеѣ. Ибо до тѣхъ поръ, пока не будетъ разсѣяна тяжелая атмосфера, *никакихъ денегъ не хватитъ, ибо онѣ получаютъ неправильное назначеніе*» (кур. нашъ).

«Надо имѣть въ виду», заявляетъ извѣстный земскій дѣятель А. А. Стаховичъ («Русь» № 316), «что общество у насъ въ достаточной мѣрѣ научено горькимъ опытомъ и относится весьма недовѣрчиво ко всякимъ проблескамъ новой эпохи. И нельзя винить его въ этомъ. Въ нашей исторіи слишкомъ ужъ часты примѣры, когда оно при появленіи свѣтлыхъ лучей устремлялось на призывный свѣтъ и расплавилось за свою поспѣшность, ибо лучъ потухалъ такъ же стремительно и быстро, какъ загорался («сердечное попеченіе», напр.). Естественно, что многіе до сихъ поръ относятся весьма скептически къ дѣлу, ожидая обычнаго разочарованія, которымъ такъ богата наша исторія... Не мало времени пройдетъ и не мало ошутительныхъ реформъ должно провести, чтобы окончательно разсѣять то недовѣріе общества, которое у насъ долго и съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, культивировали»...

Любопытно также откровенное и сильное заявленіе извѣстнаго общественнаго дѣятеля В. А. Варгунина («Русь» № 321): «Народу вредно учиться»—вотъ девизъ, проникший во всѣ инстанціи нашей администраціи, кончая послѣднимъ стражникомъ; и если присмотрѣться къ дѣятельности административныхъ дѣятелей, то поневолѣ приходишь къ заключенію, что у насъ въ государствѣ одинъ только вопросъ, который можно формулировать: «обузданіе народа въ его влеченіи къ образованію». И не только учащіе, но и каждый человѣкъ, мало-мальски сочувствующій просвѣщенію народа и пытающійся обнаружить практическую дѣятельность, берется «подъ сомнѣніе» и попадаетъ подъ бдительный надзоръ недреманнаго ока начальства; а имя ему легіонъ, ибо сюда относятся всѣ рѣшительно, чувъ-ли не до послѣдняго десяткаго, а за послѣдніе годы сюда присоединилось еще въ большей степени духовенство, представители котораго также зорко наблюдаютъ, какъ и «начальство». Можно сказать, что вся атмосфера

пропитана «присмотромъ», мелкими и крупными преслѣдованіями, а въ центрѣ всего этого букета—инспекторы... Конечно, въ концѣ концовъ у работниковъ на нивѣ просвѣщенія опускаются руки: слишкомъ ужъ крѣпко и прочно обосновалась эта тяжелая атмосфера, настолько прочно, что въ то время, какъ здѣсь (въ Петербургѣ) поютъ новыя пѣсни, тамъ (въ провинціи) мракъ все болѣе сгущается. Да и нескоро удастся прошибить эту мрачную сферу; много лѣтъ она насланивалась и крѣпла, много лѣтъ она прогрессировала все болѣе и болѣе...

«Необходимо», говорилъ извѣстный ученый статистикъ В. И. Покровский, («Русь» № 303), «прежде всего отрѣшиться отъ системы заподозрѣванія всѣхъ, и отъ цѣлаго ряда формальностей и стѣсненій, которыми у насъ обставлено дѣло ученія... Мое глубокое убѣжденіе, и я полагаю, что всѣ съ этимъ согласятся, что дѣло просвѣщенія не можетъ дать плодотворныхъ результатовъ, если оно поставлено на такую почву, въ которой красной нитью проходитъ подозрѣніе и недоувѣріе...»

Мы полагаемъ, что эти цитаты достаточно выясняютъ отношеніе сознательныхъ элементовъ общества къ постановкѣ народнаго образованія у насъ, на Руси, въ настоящій моментъ.

VI.

И, дѣйствительно, система недоувѣрія и опеки дошла до крайней степени напряженія.

А до какого поистинѣ жалкаго положенія довела дѣло народнаго просвѣщенія эта система заподозрѣваній и опеки! Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ текущей литературы. Любопытнымъ, напр., являются тѣ соотношенія, въ которыхъ была поставлена этой системой печать и школа, которымъ посвящена статья г. Петрищева ¹⁾.

Бѣдная наша школа! Кому только изъ аристократовъ русской мысли не взбранился туда входъ.

Вотъ Тургеневъ... Въ годовщину рожденія этого замѣчательнаго русскаго писателя г. Петрищевымъ на школьномъ праздникѣ былъ прочтенъ знаменитый и безобидный рассказъ Тургенева «Пѣвцы», и г. Петрищеву пришлось выслушать со стороны мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ таковой реприманды: «Я крайне пораженъ, какъ вы могли остановиться на Тургеневѣ. Вы должны знать, что этотъ писатель извѣстенъ своими либеральными выходками и явно анти-правительственнымъ образомъ мыслей... Со стороны учителя это непозволительный выборъ. Это... это... вовсе не рекомендуетъ ни вашего вкуса, ни вашего образа мыслей»...

Вотъ Вѣлинскій... О немъ г. Петрищевъ приводитъ между прочимъ слѣдующій рассказъ покойнаго педагога Вобровскаго, напечатанный въ «Рус. Школѣ»: «Посѣтивъ всѣ классы (таганрогской гимназіи), графъ Толстой (бывшій тогда министромъ народ. просв.) зашелъ въ учительскую комнату, на одной изъ стѣнъ которой висѣлъ портретъ Вѣлинскаго. Увидя его, онъ спросилъ меня (инспектора гимназіи): чей это портретъ? Когда я сказалъ, что это портретъ Вѣлинскаго, министръ былъ, повидимому, какъ бы удивленъ и, раздражительно обращаясь къ директору, сказалъ, что онъ и представить себѣ не могъ, чтобы въ комнатѣ, гдѣ собираются учителя, люди просвѣщенные, вывѣшивался на почетномъ мѣстѣ портретъ «Вѣлинскаго», этого *шалопая, прохвоста, выгнаннаго изъ университета*» (ковычки и курсивъ г. Вобровскаго). Директоръ былъ весьма озадаченъ и сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я снялъ портретъ, въ такой степени неприятный для высокаго посѣтителя. Я снялъ его со стѣны и поставилъ за книжный

¹⁾ «Изъ замѣтокъ учителя» (Печать и школа) А. Петрищевъ «Рус. Бог.» № 9 за 1904 г.

шкафъ, въ которомъ, на нашу бѣду, стояли на первомъ планѣ сочиненія этого незабвеннаго писателя. Это еще болѣе раздражило министра, который сдѣлалъ директору еще непріятное замѣчаніе и приказалъ исключить ихъ изъ библиотечнаго шкафа и выбросить въ сарай, къ вещамъ, негоднымъ къ употребленію».

Вотъ Ушинскій... Когда въ 1895 г. учителя въ Астрахани хотѣли почтить память этого замѣчательнаго педагога, то столкнулись съ протестомъ инспектора народныхъ училищъ, который нашелъ такое желаніе неодобрительнымъ.

Вотъ Некрасовъ... Когда въ 1902 г. томское общество попеченія о народномъ образованіи составило весьма невинную программу чествованія памяти дорогаго поэта изъ его произведеній, то канцелярія округа не только отказала утвердить эту программу, но еще свой отказъ сопровождала грубымъ «предложеньемъ»: «Во избѣжаніе напрасной траты времени въ управленіи округа на просмотръ подобныхъ статей (рѣчь идетъ о біографіи Некрасова) и произведеній, составленіе программъ поручать лицамъ, литературно образованнымъ»...

Вотъ знаменитый композиторъ Глинка, гордость русской музыки... Г-жѣ Сѣровой, приложившей такъ много усилій къ тому, чтобы «пересаживать ученую музыку въ народъ» предложено было, по словомъ г. Петрищева, пѣть на мотивы «Жизни за царя» учебную книжку Баранова: «Наше родное». «Объ этомъ, во всякомъ случаѣ трудно исполнимомъ, требованіи рассказываетъ сама г-жа Сѣрова въ «Вѣстникѣ Воспитанія» (1895 г.). Она организовала въ селѣ Судосевѣ хоръ, въ которомъ, конечно, приняли участіе и ученики начальной школы. 14 мая 1893 г. въ судосевскую школу поступила бумага, гласившая: «Пѣніе г-жѣ Сѣровой можетъ быть разрѣшено только въ зданіи школы, съ выборомъ матерьяла изъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, каждый разъ въ присутствіи учителя».

«На основаніи этой бумаги учитель потребовалъ»,—рассказываетъ г-жа Сѣрова,—«чтобы я пользовалась исключительно текстомъ изъ Барановскаго сборника, употребляемаго для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ. Неисполненіе курьезнаго требованія вызвало гоненіе на моихъ пѣвчихъ, хотя изъ школы (уже) ни одинъ ученикъ не участвовалъ въ моемъ хорѣ. Пѣвчихъ разъ загнали на сѣзжую, гдѣ урядникъ подвергъ ихъ слѣдующему допросу:

— Вы что дѣлаете у Сѣровой?

— Поемъ.

— Что поете?

— Глинку.

— «Глинку?» переспросилъ урядникъ. Въ полномъ недоумѣніи обратился онъ къ мѣстному земскому доктору за разъясненіемъ:

— Ваше благородіе, растолкуйте вы мнѣ, что, это—«глинку пѣть не опасная вещь?»

И смѣшно, и горько, и тупая злоба просыпается въ душѣ, когда приходится прочитывать всю эту ненужную, бессмысленную тяжелую сумятицу жизни... Но пойдѣмъ еще нѣсколько дальше.

Само собою понятно, что гоненію подвергаются не только корифеи нашей литературы, но и всѣ лучшіе журналы и газеты. Мы видимъ изъ разсказа г. Петрищева, что такому гоненію подвергались «Библіотека для Чтенія», «Сѣверная Пчела», «Дѣло», «Отечественныя Записки». Мы видимъ дальше, что изъ списка газетъ и журналовъ, составленнаго педагогическимъ совѣтомъ одной гимназій кавказскаго учебнаго округа, были вычеркнуты «Вѣстникъ Европы» и «Русскія Вѣдомости», а вмѣсто нихъ указано выписать «Русскій Вѣстникъ» и «Гражданинъ».

Вообще, съ газетами, надо сознаться, дѣло въ нашей школѣ обстоитъ необыкновенно сложно и плохо. Обыватель, особенно обыватель, облеченный прерогативами бюрократическаго надзора, совершенно сбился и положительно

не понимаетъ, что дозволено и не дозволено, что прилично и неприлично. Приведемъ для иллюстраціи еще слѣдующій діалогъ изъ статьи г. Петрищева:

— До меня тутъ,—жаловался какъ-то въ 1898 г. директоръ народныхъ училищъ Ч—скій,—по губерніи такое вольнодумство развилось, что Боже упаси!.. Теперь тише стало. Только въ двухъ городскихъ училищахъ еще нигилисты сидятъ. Понимаете: «Московскихъ Вѣдомостей» читать не желаютъ! Каждый годъ «Новаго Времени» требуютъ...

Говорилось это въ кружкѣ знакомыхъ, но вовсе не близкихъ Ч—ому людей. Одинъ изъ слушателей рѣшился замѣтить директору, что «Новое Время» министерствомъ разрѣшено наравнѣ съ «Московскими Вѣдомостями».

— Те-те-те!—возразилъ Ч—скій.—Знаемъ мы эту пѣсню: «разрѣшено». Кто-жъ не понимаетъ, что это протестъ противъ «Московскихъ Вѣдомостей», а если хотите, то и противъ кой-кого повыше... Слышали, какое Грингмутъ вліяніе имѣтъ? Его самъ Николай Павловичъ (тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Боголюбовъ) изъ Москвы для совѣтовъ вызываетъ, какъ ближайшаго друга!.. И противъ такого человѣка протестовать?!.. Развѣ вы не понимаете, что это прямая оппозиція министру?»

VII.

Бюрократія въ концѣ-концовъ все же признавала свое безсиліе поднять дѣло народнаго образованія на должную высоту. Она тоже считала необходимымъ привлечь къ этому дѣлу общественныя силы, поставивъ ихъ, однако, подъ самый строгій свой контроль и отборъ. Въ результатѣ, конечно, дѣйствительные общественные дѣятели бѣжали, а оставались лишь чиновники, которыхъ главной задачей становилось услужить своему начальству. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительна исторія Петербургскаго Общества Грамотности, явившагося на смѣну Петербургскому Комитету Грамотности. Приведемъ здѣсь отрывокъ изъ дебатовъ, происходившихъ въ Обществѣ Грамотности по вопросу о «фондѣ народнаго просвѣщенія» («Русь» № 312).

«Членъ общества Н. А. Окуневъ отмѣтилъ характерную особенность движенія дѣла «фонда». «Если-бъ,—сказалъ Н. А.,—эта же мысль возникла лѣтъ 10—12 тому назадъ, то несомнѣнно, что большинство лицъ, отозвавшихся на благой призывъ въ своихъ откликахъ, указало бы ту инстанцію, которую слѣдуетъ избрать, если не для полнаго завѣдыванія всѣмъ дѣломъ, то, по крайней мѣрѣ, для выработки программы будущей дѣятельности. Эта инстанція—бывшій комитетъ грамотности. Между тѣмъ ни въ одномъ изъ многочисленныхъ писемъ отдѣльных лицъ не упоминается общество грамотности, являющееся собственно преемникомъ комитета. Такое единодушное отрицательное отношеніе представляется, конечно, весьма прискорбнымъ обстоятельствомъ, къ которому необходимо отнестись весьма серьезно. Объясняется такое отношеніе, по мнѣнію Н. А., чрезвычайной стѣснительностью устава, ставящаго всю дѣятельность общества грамотности въ узкія рамки, а главное—отсутствіемъ той публичности, которая въ широкой степени примѣнялась въ дѣлахъ бывшаго комитета и которая почти вовсе изгнана изъ сферы дѣятельности преемственнаго комитета общества.

В. А. Мамонтовъ (предсѣдатель общества), возражая Окуневу, указалъ на то, что въ извѣстной степени публичность имѣтъ мѣсто въ обществѣ и что разнится оно отъ комитета лишь тѣмъ, что въ дѣлахъ комитета «участвовала улица, (курсъ нашъ), мѣшавшая занятіямъ». Отвѣчая другому оратору, В. А. Мамонтовъ выразилъ мнѣніе, что другія общества не согласятся объединиться для обсужденія вопроса о фондѣ подъ эгидой общества грамотности, «такъ какъ общество грамотности не пользуется популярностью». Объясняетъ это В. А. тѣмъ, что публика мало знакома съ дѣятельностью общества грамотности.

Нѣтъ, г. Мамонтовъ, вы ошибаетесь... Не оттого отъ вашего общества отшатнулись лучшія общественныя силы, что публика незнакома со всѣми вели-

кими заслугами вашими передъ отечествомъ. Нѣтъ, говоря это, едва ли вы искренни. Вспомните-ка послѣдній сѣздъ дѣятелей по техническому образованію на минувшихъ рождественскихъ каникулахъ! Да проститъ мнѣ читатель, что я позволю себѣ привести здѣсь выписку изъ одной своей статьи, набросанной подлѣ непосредственнымъ впечатлѣніемъ сѣзда и его выставки *).

Удивительно злая шутка,—писалъ я тогда,—шутить иногда жизнь тамъ, гдѣ нельзя было бы, кажется, этого совсѣмъ ожидать. Къ такимъ обиднымъ шуткамъ принадлежитъ, конечно, та случайность, которая свела другъ противъ друга въ одинъ тѣсный уголокъ два общества: Петербургское общество грамотности и Харьковское общество распространенія въ народѣ грамотности. Въ этомъ маленькомъ уголкѣ русское общество наглядно можетъ учиться тому, при какихъ условіяхъ общественное дѣло должно развиваться и при какихъ условіяхъ оно должно заглохнуть.

Уже одинъ бѣглый обзоръ выставленныхъ этими двумя антиподами общественной жизни экспонатовъ заставляетъ насъ почувствовать ту пропасть, которая раздѣляетъ эти два общества, столь одинаковыя по своей общественной конструкціи. У Харьковскаго общества масса діаграммъ и картограммъ, рисующихъ его всестороннюю работу, цѣлая куча отчетовъ, проектовъ и проч. У Петербургскаго общества языкъ цифръ отсутствуетъ: прошлаго своего оно, повидимому, конфузится, въ настоящемъ еще ничего почтеннаго не сдѣлало. Что же тутъ подсчитывать! За то и выставленъ цѣлый рядъ книгъ не имъ изданныхъ, цѣлый рядъ экспонатовъ, не ему принадлежащихъ (экспонаты г. Никифорова).

Выставленные о-вомъ грамотности изданія оказались въ большинствѣ случаевъ изданіемъ комитета грамотности и сѣздъ съ негодованіемъ (X секція) отмѣтили эту развязность о-ва грамотности. Уничтожающей критикѣ были подвергнуты и каталоги народныхъ библіотекъ, выставленныхъ тѣмъ же обществомъ... Нѣтъ, г. Мамонтовъ, васъ не потому сторонятся, что васъ слишкомъ мало знаютъ, а потому, что узнали слишкомъ хорошо... И на петербургскомъ обществѣ грамотности мы вообщію убѣждаемся, что противоестественная связь между бюрократіей и обществомъ обречена на полнѣйшее безплодіе.

Подведемъ же маленькій итогъ сказанному. Мы вѣримъ въ искренность рѣчей «простецовъ» и не позволимъ себѣ ни гаерства «Образованія» (гдѣ г. А. Яблоновскій, приплясывая и подмигивая, высмѣиваетъ простодушныхъ рѣчи этихъ «простецовъ»), ни великолѣпно-снисходительнаго тона «Міра Божія». Мы привѣтствуемъ улицу въ ея порывѣ къ свѣту и знанію, улицу, которая заговорила о путяхъ къ просвѣщенію. Мы не скрываемъ отъ нея ея ошибки—ждать чего-то сильнаго и яркаго до тѣхъ поръ, пока общественная инициатива связана бюрократическимъ произволомъ, но, повторяемъ, мы привѣтствуемъ улицу, заговорившую и задумавшуюся о такихъ важныхъ государственныхъ функціяхъ, какъ народное просвѣщеніе... Именно, улицу. Намъ непонятно, намъ противно то безразличное отношеніе, которое позволяетъ себѣ «Образованіе», точно испугавшееся, когда запахло овчиной, смазными сапогами и потомъ въ благородномъ обществѣ, охранявшемъ за собою привилегію вести хорошіе разговоры, между прочимъ, и по вопросамъ народнаго просвѣщенія.— Именно, улицу привѣтствуемъ! Развѣ не на улицу бѣжимъ мы, когда въ нашъ домъ врываются грабители? Развѣ не на улицу бросаемся мы, когда нашъ домъ охваченъ пожаромъ? Развѣ не на улицѣ мы ищемъ развлечения, когда тоска одиночества охватываетъ души? И если, какъ увѣряетъ «Образованіе», это «Русь» вызвала улицу на разговоры о народномъ просвѣщеніи—исполать тебѣ, «Русь»!

*) «Вопросы народнаго образованія на третьемъ сѣздѣ ...». «Вѣстникъ Таврическаго земства», № 9.

Чего вы боитесь улицы? Какое право имѣете вы ея пренебрегать? Развѣ не утверждали, что судъ присяжныхъ, это—судъ улицы? А вѣдь человѣческое общежитіе не создало лучшаго суда. Развѣ не старались изгнать улицу со стѣздовъ и изъ обществъ (см. выше, о-во грам.)? И что же? Какъ только улицу выгнали, дѣло стало...

Еще два слова. Говорятъ, что «Русь» руководилась во всей этой исторіи съ «фондомъ» нечистыми побужденіями (реклама, популярничане). Какое намъ дѣло до этого, какое право имѣемъ мы поднимать по этому поводу сыскъ! Вѣдь это интеллигентнымъ участкомъ пахнетъ! Мы такъ долго жили подъ сыскомъ, что нигдѣ не можемъ безъ него обойтись. Мотивы «Руси» для насъ скрыты. Мы можемъ наблюдать лишь выполненіе задачи. А выполненіе это повидимому «добросовѣстное»: если «Русь» помѣшала восторженные письма «простецовъ», то она вмѣстѣ съ тѣмъ отводила свои столбцы подъ бесѣды съ русскимъ интеллигентомъ, искушеннымъ во всякихъ разочарованіяхъ и не скрывавшимъ эти разочарованія. Она не закрывала глазъ ни на что своимъ читателямъ.

А. Николаевъ.

А. Бакурцевъ.

По поводу „Фонда народнаго просвѣщенія“.

— А вотъ что: сказать, на примѣръ, что просвѣщеніе полезно, это общее мѣсто; а сказать, что пр. свѣщеніе вредно, это противоположное общее мѣсто. Оно какъ будто щеголеватѣе, а въ сущности одно и то же.

— Да правда-то гдѣ, на какой сторонѣ?

— Гдѣ? Я тебѣ отвѣчу, какъ эхо: гдѣ?

Изъ разговора Базарова съ Кирсановымъ (Тургеневъ «Отцы и дѣти»).

Когда говорятъ о просвѣщеніи, то надо посмотрѣть, кто это говоритъ, ибо можетъ оказаться даже, что

.... просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщеніе
И даже нравовъ развращенье,

какъ говорилъ еще Крыловъ.

Что разумѣть подъ «просвѣщеніемъ»? Князь Мещерскій вовсе не врагъ просвѣщенія, но въ его представленіи оно неотдѣлимо отъ розги. Есть люди, которые хотятъ дать народу просвѣщеніе въ предѣлахъ церковно-приходской школы и только въ ея предѣлахъ, считая, на примѣръ, земскую школу не только ненужной, но и вредной затѣей; есть другіе, которые думаютъ какъ разъ наоборотъ.

Когда соберется 10 человѣкъ и станутъ говорить о просвѣщеніи, то все будетъ обстоять благополучно, пока дѣло идетъ о цитатахъ изъ древнихъ и новыхъ писателей, въ прозѣ и стихахъ, о пользѣ просвѣщенія,—о пословицахъ вроде «ученье—свѣтъ, неученье—тьма», но когда нужно будетъ перейти отъ лирическихъ возгласовъ, стиховъ и пословицъ къ практикѣ, то можетъ оказаться, что каждый хочетъ совсѣмъ не того, что другой, и даже совсѣмъ противоположнаго: одинъ, на примѣръ, хочетъ земскихъ школъ, другой—церковно-приходскихъ, третій—низшихъ сельско-хозяйственныхъ, четвертый—среднихъ училищъ, пятый—ремесленныхъ и т. д. Въ дѣлѣ просвѣщенія могутъ обнаружиться не

только *различныя*, но и прямо *противоположныя* тенденціи; иллюстраціей къ этому является, напримѣръ, страстная борьба между духовной и свѣтской школой во Франціи.

Лозунгъ «просвѣщеніе» можетъ объединить людей только тогда, когда подъ этимъ лозунгомъ преслѣдуется *единая* тенденція. Когда же говорятъ о самодѣятельности «общества» въ области просвѣщенія, то забываютъ, что общество вовсе не едино, а состоитъ изъ группъ или классовъ, у которыхъ интересы и стремленія весьма различны, а иногда и совершенно противоположны; сообразно этому также и *идея* просвѣщенія должна пониматься ими различно. Поэтому-то, когда говорятъ о «самодѣятельности общества» въ области «просвѣщенія», то съ практической точки зрѣнія это составляетъ безсодержательное «общее мѣсто», и можетъ статься, что подъ широкошумной этикеткой «просвѣщенія» вообще—выступаетъ просвѣщеніе, понимаемое болѣе или менѣе специфически въ смыслѣ стремленій и желаній одной группы. Извѣстно, что всякія *частныя* общественныя стремленія, несомнѣстимыя во многомъ или цѣликомъ со стремленіями другихъ группъ, стремятся придать себѣ обобщающій общественный характеръ, сдѣлать видъ, что они преслѣдуютъ цѣли, достиженіе которыхъ важно и полезно для всего общества, какъ цѣлаго.

Школы—въ Западн. Европѣ, напримѣръ—весьма часто, если не всегда, служатъ не только общекультурнымъ цѣлямъ, но и орудіемъ для прививки извѣстныхъ воззрѣній и симпатій, относящихся до гражданской жизни, нравственныхъ понятій и т. д., являясь нерѣдко политическимъ орудіемъ и въ рукахъ правительства.

Поэтому нелепимо обходить вопросъ о *практическомъ содержаніи* просвѣщенія.

Письма, присылаемые жертвователями на «Фондъ народнаго просвѣщенія» и помѣщаемыя въ газетѣ «Русь», заставляютъ сказать о нихъ слѣдующее. Подавляющее большинство ихъ принадлежитъ крестьянамъ, рабочимъ, ремесленникамъ, мелкимъ служащимъ и т. п., т. е. «народу», а остальная часть преимущественно интеллигенціи. Это уже само собою показываетъ, что въ подпискѣ принимаетъ участіе далеко не все «общество». Тѣмъ не менѣе удивить исполнѣ опредѣленный характеръ въ просвѣдительныхъ пожеланіяхъ всѣхъ этихъ группъ жертвователей—довольно трудно, такъ какъ огромное большинство писемъ содержитъ лишь весьма наивныя, хотя и исполнѣ искреннія, изліянія чувствъ, скорбь о темнотѣ народной, указанія на необходимость свѣта, призывъ къ борьбѣ съ темнотой и тому подобныя общія мѣста. Объясняется это, конечно, не тѣмъ, что у представителей «народа» не можетъ быть исполнѣ опредѣленныхъ, ясныхъ тенденцій въ дѣлѣ просвѣщенія, а тѣмъ, что послѣднія еще не успѣли созрѣть, сформироваться, отлиться въ исполнѣ ясныя, практическія формулы,—т. е. тѣмъ, что народное чувство еще смутно, и что въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, ему недостаетъ дока *сознанія*. Но если бы этого недостатка и не существовало, то и тогда мы не имѣли бы передъ собой одну, ясно выраженную тенденцію, ибо въ сущности и между этими, принимающими участіе въ подпискѣ на «Фондъ» различными группами, не смотря на ихъ обще-демократическій цвѣтъ, не можетъ быть по существу полнаго единомыслія; это замѣтно даже и теперь, поскольку въ нѣкоторыхъ письмахъ замѣчается попытка поставить вопросъ практически: одни желаютъ прежде всего сельско-хозяйственныхъ школъ, другіе говорятъ даже о церковно-приходскихъ, третьи—о народномъ университетѣ и т. д. Если обратиться въ частности къ крестьянамъ, то исполнѣ понятно, что и здѣсь мы встрѣтимъ различныя просвѣдительныя стремленія, такъ какъ крестьянство само по себѣ есть смѣшанная категорія, тащаая въ себѣ очень большія противорѣчія.

Слѣдовательно, относительно *направленія* дѣятельности «Фонда» мы не имѣемъ, говоря вообще, никакихъ опредѣленныхъ указаній со стороны самихъ

жертвователей, и все сводится пока къ полному предоставленію этого вопроса волѣ и инициативѣ организаторовъ подписки,—довѣрію къ нимъ. Надо сознаться, что такая постановка дѣла—очень наивна и таитъ въ себѣ много неожиданностей и недоразумѣній,—такъ какъ, если даже организаторы подписки и уловятъ смыслъ пожеланій нѣкоторыхъ группъ жертвователей и сумѣютъ согласовать свои дѣйствія съ этими пожеланіями, то во всякомъ случаѣ имъ невозможно будетъ, по самой сущности дѣла, объединить въ вопросахъ практики «Фонда» всѣ группы.

Такія же неясности мы находимъ и въ вопросѣ объ *организации* дѣятельности Фонда. Въ самомъ дѣлѣ, если даже допустить, что «самодѣятельность» не встрѣтитъ никакихъ препятствій со стороны административной (чего очень опасаются такъ называемые «скептики»), то является вопросъ, какъ могутъ *выбрать* комитетъ или другое центральное учрежденіе Фонда лица—жертвователи? Это и физически прямо невозможно. Очевидно, и здѣсь дѣло сводится къ весьма наивной формѣ довѣрія къ организаторамъ подписки, т. е. редакціи «Руси» или тѣмъ, кого послѣдняя признаетъ подходящимъ для роли распорядителей Фонда. Допустимъ даже, что редакція «Руси» предприметъ опросъ всѣхъ жертвователей относительно состава будущаго комитета или вообще относительно *организации* Фонда,—но какой опредѣленный результатъ можетъ получиться при отмѣченномъ уже выше очевидномъ разнообразіи вкусовъ, желаній и мнѣній жертвователей, разбросанности послѣднихъ и невозможности обсудить вопросъ въ собраніяхъ? Говорятъ о передачѣ Фонда земству. Но, прежде всего, кто уполномочилъ его передавать? Жертвователи? Но это далеко не общее ихъ желаніе. Да и еще вопросъ, отвѣтитъ ли земство желаніямъ большинства, не говоря уже о томъ, что—пока что—нѣтъ никакой общеземской *организации*, которой могъ бы быть переданъ Фондъ, а передача отдѣльному земству противорѣчила бы идеѣ фонда, какъ фонда «Всероссійскаго».

Изо всего этого слѣдуетъ, что прежде, чѣмъ собирать деньги подъ шумъ общихъ фразъ, слѣдовало бы по крайней мѣрѣ выработать и указать вполне опредѣленные, не допускающія никакой неясности цѣли, на которыя собираются деньги, дабы не оказалось великаго множества просвѣтительныхъ цѣлей, намѣченныхъ жертвователями (какъ это будетъ несомнѣнно теперь), согласовать которыя между собою окажется весьма затруднительно. Только при этомъ условіи, при вполне конкретной формулировкѣ инициаторами «Фонда» намѣченныхъ ими просвѣтительныхъ задачъ, можно было бы согласиться, скрѣпя сердце, на большія неясности въ дѣлѣ *организации* Фонда и помириться на нѣкоторомъ «довѣріи». Теперь же нѣтъ никакихъ рѣшительно гарантій, что деньги Фонда не получатъ весьма *односторонняго* назначенія, которое не удовлетворить, если не большинство, то непременно огромное количество жертвователей; и, во всякомъ случаѣ, фондъ теперь, не имѣя подъ собой однородной почвы, не можетъ найти такую форму, которая удовлетворила бы различныя группы жертвователей. Этимъ, конечно, объясняется, почему не жертвуютъ многіе, которые могли бы жертвовать,—тѣмъ болѣе, что самая фizioномія газеты «Русь», должествующей, несомнѣнно, такъ или иначе оказать большое вліяніе на судьбу денегъ, далеко не всѣмъ одинаково импонируетъ. Кто виноватъ во всѣхъ этихъ ошибкахъ? Конечно, не только организаторы подписки, но и сами жертвователи, не знающіе, куда и на что они жертвуютъ. Но если послѣдніе, принимая во вниманіе главный ихъ контингентъ, вполне понятны и извинительны въ ихъ наивности, то какъ объяснить поведеніе редакціи газеты «Русь», которая, желая бороться съ невѣжествомъ, все дѣло строитъ на наивности жертвователей, т. е. преимущественно на ихъ *общественной* наивности, или въ сущности на томъ же невѣществѣ? Злые языки могутъ сказать, что все дѣло сводится къ своеобразной формѣ «просвѣтительной» демагогіи—въ скрытомъ видѣ (и съ примѣсью, какъ думаютъ многіе—саморекламы).

По нашему мнѣнію, единственной чисто-культурной цѣлью, которая могла бы — при благопріятныхъ условіяхъ — объединить на широко-организованномъ предпріятіи столь разнообразныя группы общества, является не «просвѣщеніе» вообще, такъ широко и различно понимаемое и потому, какъ нѣчто единое, не существующее, а простая *грамотность*. Всеобщая грамотность, т.-е. умѣнье читать, писать и считать, и организація для этой цѣли соотвѣтственнаго типа школъ—вотъ то, что могло бы, безъ всякихъ специальныхъ цѣлей, различныхъ у различныхъ группъ, объединить огромное количество людей изъ разныхъ классовъ общества. Грамотность есть орудіе, которое должно быть предоставлено каждому члену общества и которымъ каждый воленъ затѣмъ распорядиться, какъ ему угодно. Все, что выходитъ за предѣлы грамотности, пріобрѣтаетъ неизбежно тотъ или иной специфическій, частный отбѣнокъ и потому должно бы въ сущности составлять предметъ заботъ отдѣльныхъ группъ и слоевъ общества, или кружковъ, партій, мѣстныхъ организацій и т. д.—на основѣ полной свободы образованія. Конечно, помимо простой грамотности, можно было бы, весьма вѣроятно, столкнуться относительно нѣкотораго круга элементарныхъ знаній—изъ области естествознанія, географіи и т. д., т.-е. такъ называемаго «начальнаго образованія», но и такой вопросъ представляетъ уже не мало затрудненій, а въ данномъ случаѣ, въ дѣлѣ организаціи всеобщаго фонда, онъ весьма осложнилъ бы и затруднилъ осуществленіе дѣла. Грамотность же есть, безспорно *всеобщая* общественная потребность, и, какъ таковая, она при обсужденіи общихъ просвѣтительныхъ мѣръ является пока единственной мѣркой ихъ абсолютнаго достоинства; она создаетъ фундаментъ, на которомъ затѣмъ развитіе можетъ совершаться въ ту или другую сторону. Мы привѣтствовали бы учрежденіе «Фонда всеобщей грамотности» съ отчетливой регламентаціей его функцій, яснымъ планомъ и демократической организаціей, но считаемъ учрежденный «Русью» «Фондъ народнаго просвѣщенія» плодомъ гражданской наивности тѣхъ людей, письма которыхъ печатаются у себя «Русь». Фондъ грамотности возможенъ былъ бы однако, повторяемъ, лишь при отсутствіи внѣшнихъ «препятствій»; при томъ, такой фондъ по своимъ средствамъ—даже при широкомъ участіи земствъ и городовъ—долгое время оставался бы далеко отъ полного достиженія намѣченной цѣли и игралъ бы скорѣе болѣе скромную роль—роль *мш*, ведущей *агитацію* за введеніе всеобщей грамотности.

Что касается «просвѣщенія» вообще, то въ настоящее время,—при существованіи въ обществѣ классовыхъ и иныхъ противорѣчій,—каждый крупный общественный слой понимаетъ его на свой особый ладъ. Выработать въ этой сферѣ общую программу или мѣрку—дѣло не только щекотливое, но и прямо невозможное; при этомъ весьма часто нѣкоторые слои общества стремятся навязать другимъ систему воспитанія и образованія съ преимущественной цѣлью затѣмнить у нихъ ясное сознаніе своихъ собственныхъ интересовъ и своего особеннаго положенія, противорѣчащихъ интересамъ и положенію первыхъ, а наивность русскаго человѣка, да еще изъ «народа», въ этомъ отношеніи составляетъ безспорный и огромной важности печальный фактъ.

По нашему мнѣнію, въ дѣлѣ «просвѣщенія» трудящихся классовъ—при данныхъ условіяхъ—имѣетъ особенное и громадное значеніе такъ называемое внѣшкольное образованіе и въ частности—самообразованіе. Работа въ такомъ направленіи и помощь этой работѣ—въ видѣ работы въ обществахъ, кружкахъ, организаціяхъ, созданіи и распространеніи живой общедоступной литературы, которой, кстати, имѣется такъ мало, и т. д., и т. д.,—должна носить прежде всего *мѣстный* характеръ, являясь выраженіемъ самодѣтельности однородныхъ, родственныхъ по духу элементовъ, и не можетъ уложиться въ форму разноцвѣтныхъ «всероссійскихъ» фондовъ. При такой постановкѣ нѣтъ никакого смысла собирать и отсылать трудовыя деньги куда-то, кому-то для того, что бы ими

другіе распорядились и порадили о нашей пользѣ; надо *умѣть самимъ* распорядиться ими совмѣстно съ ближайшими товарищами—для покупки ли и распространенія книгъ, устройства бібліотеки или для другихъ какихъ цѣлей; ко всему же, что идетъ извнѣ, необходимо относиться осторожно и выбирать лишь то, что дѣйствительно полезно, памятуя, что, какъ выразился одинъ изъ корреспондентовъ г. Рубакина, «никто намъ по настоящему не поможетъ, если мы сами себѣ не поможемъ».

Необходима дѣйствительная *самодѣятельность на мѣстахъ*; образованіе же общихъ, связующихъ учрежденій можетъ явиться лишь какъ второй, дальнѣйшій шагъ—самъ собою, естественно, какъ результатъ органическаго роста мѣстной работы; только тогда объединяющія учрежденія будутъ имѣть цѣлью не благожелательную и часто очень сомнительную опеку сверху, а служебную роль въ дѣлѣ взаимопомощи и помощи въ общемъ дѣлѣ и *объединенія снизу*. Къ сожалѣнію, для такой работы созрѣли далеко не всѣ элементы такъ называемой «народной», т.-е. выдвигаемой самимъ «народомъ», интеллигенціи.

А. Банурцевъ.

Справочный отдѣлъ по народному образованію.

◆ Русская Высшая школа въ Парижѣ. Русская Высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ вступаетъ въ четвертый годъ своего существованія. Школа начинаетъ мало-по-малу принимать фізіономію регулярнаго, правильно функционирующаго учебнаго заведенія. Наплывъ учащихся все растетъ; по самымъ скромнымъ подсчетамъ, до 600 человекъ. Совѣтъ школы опубликовалъ уже подробную программу лекцій, которую мы и приводимъ здѣсь цѣликомъ. А. Курсы: I Философія и психологія. 1) В. А. Анри: курсъ экспериментальной психологіи; 2) В. А. Анри: исторія философіи XVIII вѣка отъ Лейбница до Канта; 3) Г. В. Ительсонъ: основы логики. II. Философія и методологія социальныхъ наукъ. 1) Драгическо: исторія социологіи и критика социологическихъ системъ XIX вѣка (на французскомъ языкѣ); 2) В. де-Греефъ: социальная статистика (на французск. яз.). III. Всеобщая исторія и описательная социологія. 1) М. М. Ковалевскій: родовой бытъ; 2) П. Г. Виноградовъ: очерки по исторіи среднихъ вѣковъ; 3) Тарле: исторія умственныхъ и общественныхъ движеній XIX вѣка; 4) А. С. Трачевскій: основы исторіи XIX вѣка; 5) Таръ: эволюція формъ общественной жизни. IV. Антропологія и этнографія: 1) Ѳ. К. Волковъ: а) основы антропологіи; б) сравнительная этнографія; 2) О. Е. Деникеръ: о человѣческихъ расахъ въ Европѣ; 3) Л. Ланикъ: этюды по антропологіи Индіи (на французскомъ языкѣ); 4) Танъ: чукчи. V. Исторія религій Востока (Магометъ и Исламъ). VI. Исторія экономическаго быта и экономическихъ ученій. 1) Франкъ: общій курсъ политической экономіи; 2) Рейхельсбергъ: очерки по исторіи экономическихъ ученій; 3) А. А. Радцигъ: теорія статистическаго метода; 4) М. М. Ковалевскій: исторія экономическихъ доктринъ въ связи съ измѣненіемъ условій народнаго хозяйства (фізіократія и зарожденіе фритредерства въ трудахъ англійскихъ экономистовъ XVII и XVIII вв.); 5) А. А. Исаевъ (см. особое объявленіе); 6) Г. Б. Іолдосъ: исторія рабочаго законодательства въ Германіи и Швейцаріи; 7) А. Метзнъ: рабочее движеніе въ Англіи (на французскомъ языкѣ); 8) Э. Вандервельдъ: рабочее движеніе въ Бельгіи (на фран. яз.); 9) Г. Лагардель: рабочее движеніе и кооперація во Франціи (на французск. языкѣ); 10) Борткевичъ: методологія статистики; 11) Тотоміанцъ: потребительная кооперація на Западѣ и въ Россіи. VII. Исторія политическихъ теорій и учреждений. 1) М. М. Ковалевскій: а) основные вопросы государственнаго права; б) современное государственное право Англіи; в) исторія политическихъ ученій XVII и XVIII вв. въ связи съ исторіей

учреждений: 1) история русских государственных учреждений; 2) В. Черновъ: государственное право европейских державъ; 3) Тарбуріешъ: развитіе идеи мира во Франціи и другихъ государствахъ (на франц. яз.) VIII. История учреждений и теорій гражданского права: 1) Ю. С. Гамбаровъ: а) история и методологія гражданского правовѣдѣнія; б) вещное право; 2) А. Ламбергъ: курсъ французскаго конституціоннаго и гражданского права, (на фран. языкѣ). IX. Соціальная криминалогія. 1) Л. И. Шейнисъ: основы уголовной антропологіи; 2) Тимофеевъ: общій курсъ уголовного права. Б. Дополнительные курсы и отдѣльныя лекціи общаны на 1904—05 учебный годъ слѣдующими лицами (подробныя названія курсовъ и лекцій будутъ своевременно заявлены): В. Башъ, Георгъ Брандесъ, Г. Блондель, П. Вояз, Р. Вормсъ, А. Гольденвейзеръ, Ш. Дойногъ, Э. Дельбэ, Ш. Жидъ, Л. Куперникъ, Карабчевскій, А. Леруа-Болье, Л. Лакуръ, О. Лурье, Д-ръ А. Мари, Л. Манувриэ, А. де-Мортилье, Максъ Нордау, Я. Новиковъ, Г. Папилю, А. Петти, Эд. Пикарь, Г. Ренаръ, П. Рузье, Г. Сэ, Ф. Саньякъ, Ш. Сеньобосъ, Г. Сельякъ, М. Щепкинъ, А. Эспинасъ. Запись въ студенты высшей школы на курсы 1904—05 учебного года будетъ производиться съ 1-го (14) октября 1904 года отъ 11 до 12 часовъ дня въ помѣщеніи Школы: 16, *Rue de la Sorbonne*. Занятія начнутся 1 (14) ноября 1904 года и продолжатся до 1 (14) июня 1905 года. За всѣми свѣдѣніями и разъясненіями можно обращаться: 1) въ Парижъ—къ генеральному секретарю Виктору Алексѣевичу Анри письменно 16, *rue de la Sorbonne, Paris*; 2) въ Москвѣ—къ Николаю Александровичу Карышеву (6, Миусскій пр., д. Соловьева); 3) въ Петербургѣ—къ Петру Исаевичу Вейнбергу (Фонтанка, 25).

◆ Русская высшая школа Общественныхъ Наукъ. Ноябрь-декабрь 1904 года. **Лекціи профессора А. А. ИСАЕВА:** «Міровое Хозяйство». — Успѣхи промышленности и торговли отъ половины XIX столѣтія. Расширеніе рынковъ сбыта. Торговая политика европейско-американскаго міра отъ начала XIX вѣка. Протекціонизмъ, завѣщанный XIX вѣку предыдущими столѣтіями. Научное обоснованіе протекціонизма: Листъ, Кэри, Паттенъ. Научное обоснованіе свободнаго обмена между народами: Манчестерская школа, Соммеръ, Уэльсъ, Джорджъ. Перемѣны въ торговой политикѣ за послѣднюю четверть XIX вѣка. Таможенные войны и торговые договоры Успѣхи сдѣланные Англіей, Франціей, Германіей, Соединенными Штатами, Россіей въ связи съ торговой политикой этихъ странъ. Связь колоніальной политики съ торговою. Колоніальная политика европейскихъ народовъ до половины XIX вѣка. Отношеніе къ колоніямъ въ новѣйшее время. Вліяніе метрополіи на колоніи и колоній на метрополію. Расширеніе мірового рынка. Соперничества на міровомъ рынкѣ. Борьба Америки съ Европою. Борьба бѣлой расы съ желтою. Тихій океанъ и новые задачи культурныхъ народовъ. Вліяніе міроваго рынка на хозяйственную жизнь отдѣльныхъ странъ: на раздѣленіе труда между народами, на умноженіе потребностей, на цѣны, на перемѣненіе капиталовъ, на прибыль, ренту и заработную плату, на классовое сознаніе и ростъ солидарности среди работниковъ. Возрастаніе взаимной зависимости между народами. Опасность истощенія естественныхъ богатствъ. Предѣлы роста производительности труда. Торговая политика въ будущемъ. Сложеніе новаго типа экономической жизни и новаго типа людей подъ вліяніемъ міроваго хозяйства.

◆ Курсы рисованія при Императорскомъ тульскомъ оружейномъ заводѣ открываются 31-го октября. Программа преподаванія поставлена въ связь съ гравировкой, чеканкой и травкой по металлу, примѣнительно къ тѣмъ издѣліямъ, которые вырабатываются въ Тулѣ, какъ-то ружей, самоваровъ, замочко-петельныхъ и дверныхъ приборовъ. Курсы учреждаются по почину комитета общества для содѣйствія и развитія кустарной промышленности Тульской губерніи. Чтобы работы на курсахъ велась возможно ближе къ потребностямъ мѣстной промышленности, комитетъ предлагаетъ фабрикантамъ и хозяевамъ кустарныхъ мастерскихъ,

въ случаѣ желанія кого-либо взъ ихъ рабочихъ изучать названныя искусства, посылать ихъ на курсы. Принято будетъ не болѣе 40 человекъ, а потому изъ отдѣльныхъ мастерскихъ попадутъ на курсы по 2—3 человека. Занятія будутъ производиться по воскреснымъ днямъ отъ часа до 4 часовъ. Плата—2 рубля въ годъ, а всѣ учебные матеріалы будутъ выдаваться бесплатно («Тульск. Губ. Вѣд.»).

◆ Открытіе врачебно-педагогическаго института въ Кіевѣ состоялось 5-го ноября. Онъ учрежденъ дочерью профессора—О. И. и Е. И. Сикорскими для умственно-недоразвитыхъ, отсталыхъ и нервныхъ дѣтей. Открытіе института идетъ навстрѣчу необходимости въ такомъ врачебно-педагогическомъ учрежденіи, въ которомъ отсталыя, недоразвитыя и нервныя дѣти могли бы получать правильное физическое, умственное и нравственное развитіе. До настоящаго времени въ Россіи существовалъ только одинъ такой институтъ—Маляревскаго въ Петербургѣ. Кіевскій институтъ будетъ носить характеръ семейнаго дома, въ которомъ дѣтямъ, способнымъ къ дальнѣйшему развитію, будутъ сообщать свѣдѣнія изъ Закона Божія, русскаго языка, арифметики, исторіи, географіи, природовѣдѣнія и т. д. Въ программу занятій также предполагается включить—рисованіе, музыку, пѣніе, врачебную гимнастику, танцы. Въ институтъ будутъ принимать дѣтей и временно, на срокъ отъ 6 недѣль до полугода, для выясненія причинъ и свойствъ ихъ ненормальнаго умственного и нравственнаго развитія и для опредѣленія способовъ устраненія ихъ.

◆ Рижская городская художественная школа. Еще въ 1902 г. риж. гор. дума выразила свое согласіе, въ принципѣ, къ пріобрѣтенію частной школы рисованія въ г. Ригѣ г-жи Элизы ф. Юнгъ-Штиллингъ.

Въ настоящее время городская управа признаетъ весьма желательнымъ, чтобы означенная частная школа рисованія, которою въ настоящее время управляетъ, по порученію наследниковъ владѣлицы, художникъ г. баронъ Розенъ, была преобразована въ городскую художественную школу, съ принятіемъ городомъ за сравнительно небольшую сумму инвентаря школы.

Г. вице-предсѣдатель Императорской академіи художествъ, разсмотрѣвшій проектъ устава школы, заявилъ уже о своемъ согласіи оказать содѣйствіе къ утвержд. устава выработаннаго школой.

Вотъ нѣкоторые положенія изъ проекта устава художественной школы.

Рижская городская художественная школа имѣетъ цѣлю: содѣйствіе художественному развитію мѣстнаго населенія, подготовленіе учителей и учительницъ по рисованію и предоставленіе подготовительнаго художественнаго образованія лицамъ, желающимъ вступить въ высшія художественныя училища.

Школа будетъ состоять въ вѣдомствѣ министерства Императорскаго Двора и въ вѣдѣніи Императорской академіи художествъ.

Общее наблюденіе за дѣятельностью школы принадлежитъ попечительному комитету, состоящему подъ предсѣдательствомъ рижскаго городского головы или замѣняющаго его одного изъ членовъ рижской городской управы, изъ двухъ гласныхъ рижской думы, избираемыхъ послѣднюю; завѣдывающаго школою, и представителя отъ Импер. ак. худ., если таковою будетъ назначенъ.

Преподаваніе производится штатными преподавателями, т. е., преподающими не менѣе 12 уроковъ въ недѣлю, или же преподавателями, опредѣляемыми по вольному найму. Штатные преподаватели, состоя въ VIII классѣ по должности и мундиру, пользуются правами государственной службы по министерству Императорскаго Двора и пенсіями изъ государственнаго казначейства по уставу о пенсіяхъ по придворному вѣдомству. Директоръ училища пользуется тѣми же правами, состоя въ VI классѣ. Въ составъ учебнаго курса школы входятъ художественныя занятія и спеціальныя предметы, преподаваемые по программамъ и планамъ, утвержденнымъ Императорскою академіею художествъ.

Занятія раздѣляются на 4 курса. Художественныя занятія суть: а) перспективное рисованіе, б) рисованіе съ гипсовыхъ головъ и фигуръ, в) рисованіе человѣческихъ фигуръ съ натуры, г) лѣпка, д) прикладное искусство; а научные предметы: а) исторія изящныхъ и прикладныхъ искусствъ, б) анатомія, в) перспектива г) методака рисованія, д) проекціонное черченіе и ордера.

Въ школу принимаются лица обоего пола, изъ числа лицъ, кончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. На I и II курсы принимаются также и окончившіе курсъ городскихъ училищъ, существующихъ по уставу 31-го мая 1872 года.

Всѣ обучающіеся въ школѣ приходящіе. Кромѣ учащихся, проходящихъ школу по курсамъ, допускаются, съ разрѣшенія педагогическаго совѣта, вольнослушатели. Кончившіе полный курсъ рижской художественной школы имѣютъ право на сдачу испытанія на право преподаванія рисованія и черченія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а кончившіе I и II курсы на сдачу испытанія на право преподаванія рисованія и черченія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Испытаніе на полученіе свидѣтельства учителей и учительницъ рисованія и черченія назначается одинъ или два раза въ годъ и производится въ особыхъ комиссіяхъ, въ составъ коихъ подъ предсѣдательствомъ завѣдывающаго школою входятъ по два преподавателя училища по художественной части, по назначенію отъ педагогическаго совѣта и по одному представителю отъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и министерства финансовъ.

Экзамены производятся примѣнительно къ правиламъ и указаніямъ, изложеннымъ въ утвержденномъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 18-го іюля 1903 года положеніи объ учителяхъ и учительницахъ рисованія и черченія. Рисунки экзаменуемыхъ, вмѣстѣ съ журналомъ комиссіи, представляются въ Императорскую академію художествъ, которая выдаетъ свидѣтельство на право преподаванія рисованія. Рисунки лицъ, не выдержавшихъ устныхъ или письменныхъ экзаменовъ, не представляются въ академію.

При школѣ могутъ устраиваться художественныя выставки, къ участію къ которымъ могутъ быть приглашаемы какъ мѣстные художники, такъ и иностранціе. Плату за ученіе предполагается назначить въ I курсѣ отъ 10 учащихся по 120 руб., въ III курсѣ отъ 10 учащихся по 140 руб. и въ IV курсѣ отъ 10 учащихся 140 руб. Расходы по содержанію школы исчислены въ 8,375 руб.

Съ будущаго академическаго года, при кievскомъ политехническомъ институтѣ открывается для студентовъ-агрономовъ *лѣснѣй отдѣлъ*, въ которомъ, кромѣ общихъ предметовъ, будутъ преподаваться: общее законодѣніе, полицейскіе, лѣсные и межевые законы, лѣсоводство, лѣсная таксація, лѣсоустройство, лѣсная техника и лѣсное инженерное искусство («Кiev. Откл.»).

На с.-петербургскіе женскіе сельско-хозяйственные курсы (по вѣдомству Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ) распространяется по распоряженію департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, съ 27-го ноября текущаго года, дѣйствіе льготнаго тарифа, установленнаго для разовыхъ поѣздокъ учащихся, а также льготнаго тарифа, установленнаго для проѣзда учащихся въ образовательныя экскурсіи по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія, по сообщенію газетъ, увѣдомило попечителей учебныхъ округовъ, что оно не находитъ справедливымъ принять за общее правило, чтобы учительницы и надзирательницы женскихъ учебныхъ заведеній были увольняемы отъ службы при выходѣ ихъ замужъ, такъ какъ замужество не можетъ лишать учительницъ пріобрѣтенныхъ ею образованіемъ правъ, и что если въ отдѣльныхъ случаяхъ семейныя обязанности препятствуютъ какой-либо учительницѣ съ успѣхомъ исполнять служебныя обязанности, то вопросъ объ оставленіи ея на службѣ долженъ рѣшаться для каждаго такого случая отдѣльно.

Запрещеніе. Въ «Ю. О.» помѣщено разъясненіе министерства народнаго

просвѣщенія, что молодые люди, принадлежащіе къ сектѣ молоканъ, не могутъ быть принимаемы въ число воспитанниковъ оеодосійскаго учит. института.

◆ Министерство Народнаго Просвѣщенія предложило попечителямъ учебныхъ округовъ разъяснить начальствамъ промышленныхъ училищъ, что они не должны отказывать лицамъ, возрастъ коихъ превышаетъ установленную норму, въ приемъ, а направлять ихъ ходатайства въ управление учебнаго округа, которому законъ предоставляетъ разрѣшать въ каждомъ данномъ случаѣ вопросъ о приемѣ въ *среднія и низшія учебныя заведенія лицъ*, не достигшихъ установленнаго *возраста* или перешедшихъ его.

◆ Ремесленные курсы при курско-харьково-севастопольской желѣзной дорогѣ намѣчено открыть въ ближайшемъ будущемъ, съ цѣлью дать возможность служащимъ на дорогѣ обучить своихъ дѣтей и родственниковъ ремесламъ и этимъ путемъ пополнять со временемъ штатъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Въ ученики будутъ приниматься мальчики отъ 15 до 17 лѣтъ, окончившіе курсъ не ниже одноклассной начальной школы. Всѣ они будутъ получать въ первый же годъ обученія поденную плату въ 30 коп., которая будетъ увеличиваться въ зависимости отъ успѣховъ учениковъ. Для образованія сберегательнаго фонда, для выдачи его по окончаніи курсовъ, предполагается установить десятипроцентное удержаніе изъ заработка.

◆ Первые селско-хозяйственные и ремесленные классы въ Волынской губерніи были учреждены въ 1899 году, въ Дубенскомъ уѣздѣ, по почину и на средства крестьянъ 8 волостей 1-го участка уѣзда, установившихъ съ 1896 года подесятинный сборъ въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. По ходатайству крестьянъ всѣхъ волостей, съ Высочайшаго соизволенія, классы эти наименованы «Николо-Александринскими». Они имѣютъ цѣлью дать ученикамъ основныя практическія познанія по разнымъ отраслямъ селскаго хозяйства и по нѣкоторымъ ремесламъ и, такимъ образомъ, подготовить изъ нихъ будущихъ мелкихъ землевладѣльцевъ-хозяевъ, работающихъ на своихъ надѣлахъ. При классахъ устроенъ питомникъ для продажи по удешевленнымъ цѣнамъ мѣстному населенію плодовыхъ деревьевъ, а также имѣются склады сѣмянъ, земледѣльческихъ машинъ и орудій и случной пунктъ. Хозяйство классовъ состоитъ изъ участка земли въ 43³/₄ десятины, изъ которыхъ около 9 заняты усадьбой. Здѣсь находятся: хозяйственные постройки, старый садъ, питомникъ, огородъ-хмѣльникъ, лугъ, показательное поле и опытный участокъ, который въ текущемъ году былъ частью занятъ посѣвомъ пшеницы. Кромѣ того, въ трехъ верстахъ отъ усадьбы имѣется 40 десятинъ, изъ которыхъ 28 заняты пашней и 12—лугомъ и лѣсомъ. Участокъ этотъ служитъ большимъ подспорьемъ въ учебномъ и промышленномъ отношеніяхъ. Главнѣйшими отраслями хозяйства являются: полеводство, садоводство и огородничество; второстепенное значеніе имѣютъ хмѣлеводство, животноводство и пчеловодство. При классахъ находятся огороды трехъ типовъ: для удовлетворенія хозяйственныхъ нуждъ, для учебнаго матеріала по огородничеству и ученической. Въ особыхъ зданіяхъ помѣщаются общежитіе и столярная мастерская. Преподаваніе специальныхъ предметовъ ведется въ классахъ въ формѣ бесѣдъ. Въ 1902 году курсы окончили 14 учениковъ, въ 1904 году—7 и теперь на нихъ обучается 35 учениковъ.

◆ *Зубоврачебныя школы.*—Могутъ ли быть принимаемы въ зубоврачебныя школы лица, имѣющія свидѣтельство объ окончаніи курса шести и восьми классовъ гимназій безъ древнихъ языковъ? Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, на обсужденіе котораго этотъ вопросъ былъ переданъ, высказался въ томъ смыслѣ, что весьма желательно, чтобы поступающіе въ зубоврачебныя школы имѣли нѣкоторыя познанія въ латинскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, въ объемѣ IV классовъ гимназій, что такія познанія требуются даже для поступленія въ аптекарскіе ученики, что въ этомъ смыслѣ необходимо

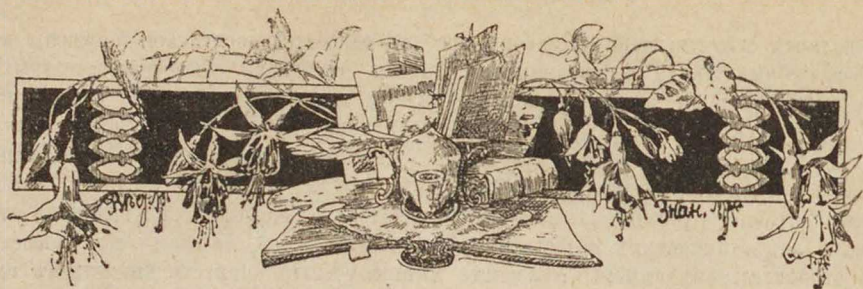
восполнить существующій въ законѣ пробѣлъ относительно условій допущенія въ зубоврачебныя школы воспитанниковъ такихъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, каковы реальныя училища и кадетскіе корпуса. Такъ какъ по закону (св. зак. т. XIII, изд. 1892 года прим. къ ст. 103 п. 7 уст. врач.) для поступленія въ зубоврачебную школу «требуется представленіе свидѣтельства объ окончаніи курса, по крайней мѣрѣ, шести классовъ средняго общеобразовательнаго учебнаго заведенія», то, очевидно, вопросъ о допущеніи въ эти школы лицъ, имѣющихъ вышеупомянутыя свидѣтельства, долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Указанное мнѣніе ученаго комитета министромъ народнаго просвѣщенія утверждено.

◆ *Курсы учительницъ домоводства и поварскаго искусства.* Цѣль курсовъ подготовить хорошихъ учительницъ по домашнему хозяйству—домоводству. Кромѣ того на курсахъ могутъ обучаться и лица, желающія изучать домоводство для себя и для своей семьи. Продолжительность курса учительницъ 8 мѣсяцевъ. Начало занятій 9 сентября, конецъ—въ маѣ мѣсяцѣ.

Продолжительность другихъ курсовъ 4 мѣсяца. (Подготовленіе кухарокъ по соглашенію). Предметы занятій на курсахъ учительницъ: I. Гигіена и подаваніе первой помощи. II. Педагогика. III. Счетоводство. IV. Товаровѣдѣніе. V. Штопка и чинка. VI. Кройка и шитье бѣлья. VII. Кройка и шитье платій. VIII. Припасовѣдѣніе. IX. Мясовѣдѣніе. X. Приготовленіе домашняго стола. XI. Домоводство и всѣ его отрасли.

Н. Оглоблинъ.
Василій Тюлинъ.

(Изъ Ветлужскихъ впечатлѣній).

Кто не знаетъ „милаго“, но „стихійнаго, безалабернаго, распущеннаго“ Тюлина, героя извѣстнаго очерка В. Г. Короленки „Рѣка играетъ“? Это лукаво-добродушное и безпечное дѣтище „наивной Ветлужской природы“, поражающее то гомерическою обломовщиною, то почти героическимъ подъемомъ духа, съ чертами то невозмутимаго стойка, то жизнерадостнаго благоуха, превратилось въ яркій и цѣльный типъ, котораго не забудетъ русская литература.

Но немногіе знаютъ, что основныя черты этого типа взяты авторомъ съ живого лица, здравствующаго и понынѣ. Лѣтомъ 1903 г. судьба свела меня съ Василиемъ Андреевичемъ Тюлинымъ, живущимъ въ с. Благовѣщенскомъ на р. Ветлугѣ, въ Варнавинскомъ уѣздѣ Костромской губ. Это и есть тотъ самый Тюлинъ, который фигурируетъ въ очеркѣ Короленки.

Любопытно прослѣдить, каковъ Тюлинъ въ настоящее время, спустя 12 лѣтъ послѣ знакомства съ нимъ Короленки, т. е., насколько удержались въ немъ прежнія черты, извѣстныя по очерку Короленки, и что явилось у него новаго. Интересно также отмѣтить отношенія Тюлина къ обезсмертившему его имя произведенію, которое ему хорошо извѣстно. Помимо этого прямого значенія, собранныя мною свѣдѣнія о теперешнемъ Тюлинѣ являются отчасти матеріаломъ какъ для исторіи творчества В. Г. Короленки, такъ и для его біографіи.

I.

Еще въ первую поѣздку на Ветлугу, два года назадъ, я слышалъ мелькомъ отъ ветлужанъ, говорившихъ не безъ гордости, что ихъ землякъ Тюлинъ—живое лицо, дѣйствительно бывшее перевозчикомъ на Ветлугѣ, гдѣ-то около с. Воскресенскаго, но давно уже „отставленное“ отъ перевоза за излишнее пристрастіе „къ винищу“. Дальнѣйшихъ подробностей о Тюлинѣ тогда не удалось собрать.

Проживая часть прошлаго лѣта въ дер. Прудовкѣ, въ 2 верстахъ выше по рѣкѣ отъ с. Благовѣщенскаго—резиденціи Тюлина, я долго не подозрѣвалъ, что нахожусь вблизи этой Ветлужской знаменитости. Знакомые ветлужане почему-то молчали о Тюлинѣ и я узналъ о немъ только благодаря случайности.

Какъ-то гулялъ я по берегу Ветлуги у с. Благовѣщенскаго, извѣстнаго красивыми видами, памятными, вѣроятно, всѣмъ, имѣвшимъ несчастье плавать на ветлужскихъ посудинахъ, именуемыхъ пароходами... Подходя къ перевозу (на дер. Песочную), я обратилъ вниманіе на пріютившійся подлѣ молодой сосенкой полуразрушенный, довольно высокій столбъ, сбитый изъ досокъ. По старости онъ пошатывался отъ вѣтра и какъ-то жалобно скрипѣлъ... Вершина столба когда-то заканчивалась 6-ти-конечнымъ крестомъ, какъ показывали выемки для исчезнувшихъ поперечинъ. Досчатой крыши пониже креста уже не было. На срединѣ столба виднѣются вырѣзки для бывшихъ тутъ раньше иконы и кружки.

Отъ столба-часовенки вѣетъ большою стариной и какъ-то больно смотрѣть на его изуродованный видъ. Онъ такъ жалостно поскрипываетъ своими дряхлыми членами, прижимаясь къ молодой подругѣ-сосенкѣ, словно предчувствуетъ, что вотъ-вотъ сильный порывъ вѣтра совсѣмъ свалитъ его съ ногъ и разлучитъ съ другой... Вематриваюсь внимательнѣе и—вдругъ на меня повѣяло чѣмъ-то знакомымъ, давно и хорошо извѣстнымъ...

— Что это за старина?—спрашиваю своихъ спутниковъ, мѣстныхъ жителей.

— А это бывшая часовенка, про которую пишетъ Короленко въ разсказѣ о Тюлинѣ...

— Да! Такъ это и есть Тюлинскій перевозъ?

— Онъ самый. И Тюлинъ проживаетъ въ немъ...

— Что же вы молчали до сихъ перъ о немъ?!

— Да какъ-то позабыли сообщить вамъ... Вотъ поправѣ столба, на скатѣ горы, подлѣ березами, была избушка Тюлина, когда онъ былъ перевозчикомъ.

Такъ вотъ онъ знаменитый перевозъ, гдѣ жилъ и „дѣйствовалъ“ Тюлинъ! Я подивился, что мѣстные ветлужане, втайнѣ гордящіеся „своимъ“ Тюлинымъ, не позаботились объ увѣковѣченіи памяти извѣстнаго перевозчика: что стоило бы поставить у перевоза столбъ съ надписью для грядущихъ поколѣній— „Тюлинскій перевозъ“, да поддержать разрушающійся столбъ-часовенку, какъ свидѣтеля „дѣяній“ Тюлина...

А этотъ столбъ все жалобно поскрипывалъ около насъ, словно пытаясь разсказать свою печальную повѣсть... Но о ней вспомнилъ одинъ изъ спутниковъ и говоритъ:

— Вотъ здѣсь, въ вырѣзкахъ столба, помѣщалась икона, очень древняя, да кружка для сбора денегъ на колоколь къ нашей церкви. У кружки была доска съ надписью: „пожертвуйте, православные, на колоколо Господне“... У Короленки тутъ ошибка: онъ прочиталъ „проходящій“, вмѣсто „православные“... Лѣтъ 5 назадъ все это сняли—и образъ, и кружку, которая нерѣдко соблазняла проходящихъ... Да и „колоколо“ уже купили.

— Хорошо... Но какъ же бы мнѣ—спрашиваю—познакомиться съ Тюлинымъ?

— А ничего нѣтъ легче.. Мы это живо устроимъ...

Однако, это „легкое“ дѣло оказалось однимъ изъ тѣхъ „легкихъ“ обѣщаній, на которыя такъ падки истые ветлужане... Знакомство съ Тюлинымъ долго мнѣ не давалось. Идти къ нему въ домъ было неудобно, не имѣя благовиднаго предлога и зная, что нарочитый мой визитъ только усилитъ обычную сдержанность Тюлина съ незнакомыми людьми. Приходилось ждать случайной встрѣчи съ нимъ и всего лучше на работѣ. Я зналъ, что теперешній Тюлинъ—пильщикъ и плотникъ, работаетъ больше въ окрестностяхъ своего села.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, мнѣ дали знать, что Тюлинъ „взялъ подрядъ“ на обшивку лодки мѣстнаго земскаго на-

чальника г. Поливанова. Работалъ онъ, вмѣстѣ съ товарищемъ Алфимомъ, на берегу Ветлуги около села. Тутъ мы и познакомились.

II.

Перейдя мостъ на болотистомъ оврагѣ, отдѣляющемъ с. Благовѣщенское отъ дер. Соловьиhi, и направляясь къ столбу-часовенкѣ, не доходя послѣдняго, я увидѣлъ около поленицы дровъ большую, уже отдѣланную лодку, подлѣ которой возились двое людей.

Одинъ—пожилой, съ просѣдью, красивый brunetъ, съ правильными и тонкими чертами лица, съ длинной шевелюрой, высокій, худощавый, въ мягкой сѣрой шляпѣ на головѣ.

Конечно, это не Тюлинъ—рѣшилъ я, и обратилъ все вниманіе на другую, коренастую фигуру, сидѣвшую около лодки на корточкахъ и очень медленно, методически, какъ бы съ трудомъ растиравшую въ черепкѣ красную краску. Фигура была въ рубахѣ и старыхъ, заплатаанныхъ штанахъ. Несмотря на 30-ти градусную жару, крупная голова была открыта, а на землѣ лежала старая соломенная шляпа.

По этой шляпѣ я припомнилъ, что уже встрѣчался разъ съ Тюлинымъ—это былъ онъ,—нѣсколько дней назадъ, у этой самой поленицы его дровъ, которые онъ тогда кололъ. Дрова были сборныя, какія весною ловить прирѣчная бѣднота по Ветлугѣ и затопленнымъ лѣсамъ. Тюлинъ тогда привѣтливо поздоровался со мною, но я куда-то торопился и не остановился побесѣдовать съ нимъ, не подозрѣвая, кого встрѣтилъ.

Теперь я пристально вематривался въ фигуру и черты лица знаменитаго перевозчика. Ему теперь лѣтъ 45, онъ выше средняго роста, очень коренастый, плотный, съ могучими плечами и широкой грудью. Черты лица правильныя и выразительныя, хотя очень крупныя, особенно выдается большой, правильной формы носъ и чувственные губы, но въ общемъ нѣтъ ничего рѣзкаго и весь обликъ его мягкій, пріятный, сразу располагающій къ человѣку. Въ ясныхъ голубыхъ глазахъ постоянно мелькаетъ огонекъ ироніи, а на устахъ бродитъ тонкая улыбка, иногда довольно злая, сатирическая. Вообще, все лицо производитъ очень милое впечатлѣніе своимъ добродушно-лукавымъ и жизнерадостнымъ выраженіемъ.

На крупной головѣ Тюлина черныя густыя волосы, а небольшая бородка уже серебрится просѣдью. Голосъ грудной, съ пріятнымъ баритональнымъ тембромъ. Словомъ, ничего „грубаго“—какъ говорятъ иные ветлужане—въ Тюлинѣ нѣтъ, и не мудрено, если въ молодости онъ былъ, какъ извѣстно, не послѣднимъ сердцемъ въ своей округѣ...

Въ отдѣльно изданномъ Курнинымъ очеркѣ „Рѣка играетъ“ (Москва, 1901) рисунокъ на обложкѣ и въ текстѣ (стр. 10), изображающій Тюлина сидящимъ у „шалаша“ и стоящую подлѣ него бабу съ дѣтьми, очень-очень слабо напоминаетъ скатъ Благовѣщенской горы, а самого Тюлина изображаетъ совершенно ложно... Въ жалкомъ, истощенномъ, испитомъ мужичонкѣ рисунка нѣтъ ни малѣйшаго подобія крѣпкаго и браваго доселѣ, дѣйствительнаго Тюлина, глядѣвшаго 12 лѣтъ тому назадъ несомнѣнно еще болѣе коренастымъ и здоровымъ, несмотря на тогдашнее частое состояніе его въ хмѣлѣ и въ похмѣлѣ. Не говорю уже о лицѣ Курнинскаго Тюлина, въ которомъ нѣтъ ни одной черты, напоминающей дѣйствительнаго Тюлина. Особенно же противорѣчатъ дѣйствительности курносый носъ и скуластость лица. Какъ возмущается этимъ фальшивымъ рисункомъ самъ Тюлинъ—узнаемъ ниже. Разумѣется, именно прежнимъ пьянствомъ Тюлина объясняется,

почему Короленко нашелъ у него „басистый“ и „осипшій“ голосъ (с. 8, по изданію Курнина), „выцвѣтшіе глаза“ (с. 12) и т. п., а я видѣлъ ясные глаза, слышалъ чистый и пріятный голосъ и пр. Во всѣ встрѣчи съ Тюлинымъ я находилъ его трезвымъ, да и вообще теперь уже не слышно о прежнемъ гомерическомъ пьянствѣ его. Еще одна крупная невѣрность рисунка въ изданіи Курнина: тамъ изображенъ жалкій шалашъ Тюлина, соотвѣтственно тексту очерка, говорящаго именно о „шалашѣ“ (с. 3 и др.). Но мѣстные жители и самъ Тюлинъ увѣряютъ, что у него была на берегу небольшая, но порядочная избушка. Не объясняется ли это разнорѣчіе тѣмъ, что у Тюлина, вѣроятно, было и то, и другое: шалашъ у самаго перевоза, а избушка подальше, на косогорѣ, подъ раскидистыми березами.

Возвращаюсь къ знакомству съ Тюлинымъ.

III.

Подхожу къ уже законченной лодкѣ, подлѣ которой товарищъ Тюлина плотникъ Алфимъ (изъ с. Баки) отдѣлывалъ весла, а самъ Тюлинъ былъ углубленъ въ болѣе легкую работу—сначала растиралъ краски, а потомъ принялся очень обстоятельно, не торопясь, съ остановками, раскрашивать лодку. Кажется, въ послѣднее время у Тюлина появилась новая страсть—къ малярному искусству, не требующему большого напряженія силъ... По крайней мѣрѣ, въ его новой избѣ, въ с. Благовѣщенскомъ, всѣ наличники оконъ очень мило раскрашены имъ бѣлой краской. Позже онъ собирался выкрасить полы въ своей избѣ и пр.

Подхожу къ лодкѣ и здороваюсь:

— Богъ въ помощь! Здравствуйте, господа.

— Богъ спасетъ... Здравствуйте,—отвѣчали оба.

— Чья это лодка?—обращаюсь къ Тюлину.

— Поливанова.

— Хорошо сдѣлана, только больно ужъ тяжела и велика,—человѣкъ 10 подниметъ?

— И всѣхъ 15 подыметъ.

— На что ему такая большая?

— Да што-жь!...—усмѣхается Тюлинъ,—наберетъ онъ этого гостей сколь хошь, возьметъ вина и всего прочаго, и айда по Ветлугѣ покатываться куда хошь, хоть до Воскресенска, али до Баковъ...

— Сколько вы взяли за работу?

— 9 рублей, съ нашимъ матеріаломъ.

— Дешево же!

— Ничего не подѣлалъ... больше не давалъ...

Предлагаю папирсы собесѣдникамъ. Закуривши, Алфимъ продолжалъ обтесывать весла, почти не принимая участія въ нашей бесѣдѣ съ Тюлинымъ. Послѣдній сначала бросилъ растирать мумію (какъ онъ самъ опредѣлилъ свою краску) и усѣвшись на корточки, бесѣдовалъ со мною. Но затѣмъ косые взгляды Алфима заставили Тюлина взяться за раскраску лодки, не прерывая разговора со мною. Покончивши вопросъ о лодкѣ, обращаюсь къ нему безъ церемоній:

— Вы не Тюлинъ ли?

— Тюлинъ... А развѣ што слышали про меня?

— Какъ же, кто про васъ не читалъ!..

— Вѣдь вотъ этотъ Короленко!.. раславилъ меня на всю Россію... да еще и въ лицахъ представилъ...

— Какъ это въ лицахъ?

— Да какъ же...

Здѣсь Тюлинъ сталъ очень запутанно объясняться... Но изъ сопоставленія тогдашнихъ его словъ съ позднѣйшими рѣчами ока-

зывается, что онъ разумѣлъ тутъ именно рисунки изданія Курнина (на обложкѣ и стр. 10), на которыхъ, какъ мы знаемъ, Тюлинъ изображенъ „въ лицахъ“ и совершенно неправдоподобно.

Какъ ни старался я увѣрить Тюлина, что Короленко тутъ не причемъ, но тотъ стоялъ на своемъ и говорилъ:

— Былъ тутъ одинъ поповичъ и посовѣтовалъ написать Короленкѣ, што бы, значить, прислалъ мнѣ гостинца.. Ну, мы этта и написали ему, въ городъ Полтаву...

— А вы грамотный?

— Нѣ, обучиться не довелось... А написалъ за меня тотъ поповичъ... Ну, а Короленко гостинца не пожаловалъ, а вмѣсто того прислалъ книжку про меня въ лицахъ. Она и сейчасъ лежитъ въ нашемъ волостномъ правленіи.

Какъ бы то ни было, но рисунки Курнинскаго изданія вызываютъ у Тюлина положительное негодованіе. При воспоминаніи о нихъ онъ вышелъ изъ своего обычнаго добродушнаго настроенія и даже пустилъ по адресу Короленки нѣсколько ругательныхъ словъ, добавляя:

— Бѣды! Какъ назову свою фамилію въ Нижнемъ, али Сормовѣ, такъ всякъ почитай пристаешь съ допросомъ: такъ этто ты Тюлинъ? Этто про тебя писалъ Короленко?.. А штобъ ему!..

— Да за что же вы его ругаете? Развѣ онъ неправду про васъ писалъ?

— Оно-то и правда... въ тее поры я страсть сколь лакалъ энтото винища!.. Ну, знаете, была тады Троицка недѣля, вотъ какъ и сичасъ, и ѣхало на перевозъ много песочинскихъ мужиковъ, каждый съ виномъ къ празднику,—приходомъ они, значить, къ с. Троицкому. Ну, на перевозѣ всякъ и подносилъ мнѣ винца, а у другихъ и самъ я выпрашивалъ... большой охотникъ до него я былъ въ тее поры... Такъ всю недѣлю и бражничалъ... А тутъ и подвернись Короленко...

Однако, изъ дальнѣйшихъ рѣчей Тюлина обнаружилось, что „Троицкая недѣля“ тутъ не причемъ, такъ какъ Короленко имѣлъ возможность наблюдать его въ теченіе цѣлаго мѣсяца, пока жилъ въ с. Благовѣщенскомъ. Но для обрисовки теперешняго Тюлина очень характерно его стремленіе обфлить себя въ прежнемъ пьянствѣ, найти для послѣдняго хотя кое-какія оправданія... Очевидно, теперешній Тюлинъ уже не такой страстный поклонникъ „винища“, какъ прежній, если критически отнесется къ давнишней своей страсти.

Очень обстоятельно рассказывалъ затѣмъ Тюлинъ, какъ онъ сбывъ Короленкѣ дырявую лодку за 6 рублей, но предусмотрительно положилъ на нее „плицу“ (деревянный лотокъ съ ручкой).

— Зачѣмъ мнѣ плица?—спрашиваетъ Короленко у Тюлина.

— А штобъ ты не потонулъ...—отвѣчалъ тотъ,—скажешь мнѣ большое спасибо за плицу...

Такъ оно и вышло,—рассказывалъ Тюлинъ,—плица очень пригодилась, чтобы выливать воду изъ дырявой лодки. До с. Воскресенскаго Короленко плылъ вмѣстѣ съ В. И. Снѣжневскимъ (въ домѣ отца его Короленко жилъ въ с. Благовѣщенскомъ), а дальше, до г. Кузюдемьянска, плылъ уже одинъ. На Волгѣ, по словамъ Тюлина, Короленко „пустилъ лодку на волю, штобъ кто не потонулъ въ ней“... Но все же прислалъ будто бы „благодарственное письмо“ Тюлину, гдѣ писалъ, между прочимъ: „воды въ Ветлугѣ я не боялся, а въ лодкѣ ея опасался, и безъ плицы потонулъ бы“.

Спрашиваю у Тюлина: какъ онъ узналъ о рассказѣ Короленки?—Оказывается, что проѣзжалъ на пароходѣ мѣстный землевладѣлецъ г. Поливановъ (отецъ нынѣшняго земскаго начальника), вызвалъ Тюлина съ лодкой и высадившись на берегъ, тутъ же

уѣлся и прочиталъ очеркъ ошеломленному перевозчику. Потомъ онъ же далъ Тюлину книгу на домъ, и тамъ сынъ послѣдняго Иванко, также фигурирующий въ очеркѣ, еще разъ прочиталъ отцу. Спрашиваю его:

— Ну что же, обидно вамъ показалось?

— Да нѣ... што же... чего тамъ обидно!..—благодушно отозвался Тюлинь, очевидно строго различающій самый разсказъ Короленки отъ рисунковъ Курнинскаго изданія, которыхъ онъ рѣшительно не переноситъ...

— Сколько лѣтъ вы были перевозчикомъ?

— 12 лѣтъ.

— Отчего бросили?

— Надоѣло... Да и што было сидѣть на перевозѣ? дождался бы другого Короленки, который написалъ бы про меня новую книжку...—отшучивался Тюлинь, скрывая истинную причину своей отставки отъ перевоза, лѣтъ 8 назадъ, т. е. безмѣрное пьянство, тянувшееся далеко не одну „Троицкую недѣлю“...

Разсказывая о своей дальнѣйшей жизни, Тюлинь также умолчалъ, что послѣ перевоза онъ состоялъ „сотскимъ“ при Благовѣщенскомъ волостномъ правленіи, когда его пьянство достигло гомерическихъ размѣровъ и скоро вызвало отставку и отъ этой нехитрой должности... Оба эти умолчанія характерны для тепершняго Тюлина, начинающаго стыдиться своего прошлаго...

Послѣ такихъ незадачъ на „мірской“ службѣ, Тюлинь превратился въ плотника и пильщика, работая больше по близости—„у мужичковъ“ (какъ онъ выразился), но иногда отправляясь и на дальне зарботки—въ Нижний, Сормово, Василь, Кузмодемьянскъ и др.

Коснувшись своего прошлаго, Тюлинь сказалъ, что онъ родомъ изъ дер. *Левики* (около с. Воскресенскаго), сынъ тамошняго крестьянина, который переселился на р. Бѣлую (въ Уфимскую губ.). Послѣ ухода отца, Тюлинь перешелъ въ с. Благовѣщенское, женился на здѣшней крестьянкѣ и тутъ осѣлъ, приписавшись къ селу, но безъ надѣла (имѣеть только усадѣбную землю). Семья его теперь состоитъ изъ жены, сына и 2 дочерей, 20 и 10 лѣтъ. Сынъ „Иванко“ (—читали про него у Короленки?—спросилъ Тюлинь, усмѣхаясь...) женатъ, имѣеть ребенка, „сдѣлалъ меня дѣдомъ“...—сказалъ насмѣшливо молодцоватый еще Тюлинь.

Замѣчаю ему о старшей дочери, служащей нянькой у одного изъ мѣстныхъ священниковъ, что и она, пожалуй, скоро подтвердитъ его дѣдовство.

— Нѣ, не пойдетъ она замужъ, — отвѣчалъ Тюлинь, — она оспой тронута и бѣльмо на глазу... Когда служила въ Нижнемъ, ходила къ доктору, да не помогъ—больно-де запустили...

На этомъ и закончилась наша бесѣда, при чемъ Василій Андреевичъ обнаружилъ одну очень деликатную черту: обстоятельно и охотно отвѣчая на всѣ мои распросы, вертѣвшіеся около его личности, онъ не заикнулся ни однимъ запросомъ относительно меня, хотя другіе ветлужане обязательно засыпали подобными вопросами при первыхъ же встрѣчахъ, съ трудомъ воздерживаясь отъ специфическаго запроса: „рцы ми, чадо, како вѣруеши?“...

Эта встрѣча была въ Троицкую субботу, а черезъ день, раннимъ утромъ Духова дня я еще разъ повстрѣчался съ Тюлинымъ, на бульварѣ (*sic!*) с. Благовѣщенскаго. Несмотря на праздникъ онъ былъ не только трезвъ, но даже шелъ съ топоромъ на рѣку, къ своей поленицѣ дровъ. Совсѣмъ новый Тюлинь, работающій даже въ праздники, т. е. рѣшительно не похожій на прежняго!..

Спрашиваю, когда онъ собирается въ Сормово, о чемъ шла рѣчь въ прошлый разъ.

— Да вотъ здѣсь опять работа подвернулась—крыльцо поправить у церкви... Такъ, черезъ недѣлку, надо быть, покончу тутъ и пойду въ Сормово.

Лодку, окрещенную—„Катеръ Стрѣла“, Тюлинъ собирался въ тотъ день спустить на Ветлугу и отвезти къ усадьбѣ г. Поливанова.

Больше въ то лѣто не пришлось видѣться съ Тюлинымъ, за скорымъ моимъ отъѣздомъ на Волгу.

IV.

В. Г. Короленко, которому я сообщилъ для провѣрки вышеприведенные рассказы о немъ Тюлина, нашелъ въ нихъ всего три ошибки. Первая касается того мѣста, гдѣ Тюлинъ говоритъ, что вслѣдствіе письма къ Короленкѣ какого-то „поповича“ отъ имени Тюлина, первый „прислалъ“ послѣднему „книжку въ лицахъ“, т. е. изданіе Курнина съ рисунками. Короленко замѣчаетъ, что „ничего подобнаго не прислалъ“ Тюлину. Возможно, однако, что Курнинское изданіе было прислано кѣмъ-нибудь изъ ветлужанъ, знающихъ Тюлина, а послѣдній, по недоразумѣнію, отнесъ присылку къ Короленкѣ, особенно если она послѣдовала вслѣдъ за письмомъ „поповича“.

Вторая ошибка Тюлина въ томъ, будто Короленко, разставшись въ с. Воскресенскомъ съ г. Снѣжневскимъ, плыть дальше, до Кузюдемьянска, „одинъ“ въ тюлинской лодкѣ. По словамъ же Короленки, онъ былъ въ лодкѣ не одинъ: „со мной была еще старушка Н. Г. Л—ва, мать моего зятя“.

Третья поправка относится къ этому же рассказу Тюлина, именно къ тому пункту, будто Короленко прислалъ Тюлину „благодарственное письмо“ за „плицу“, положенную въ лодку и проч. Короленко замѣчаетъ, что это „невѣрно: такого письма не писалъ, да и лодка не такъ ужъ была плоха. Я ее привезъ въ Нижний, и мои знакомые въ ней катались, пока она не была похищена“. Какъ увидимъ ниже, Тюлинъ въ бесѣдахъ съ другими лицами повторяетъ ту же свою фантазію о „гнилой лодкѣ“, но уже со многими новыми вариантами. Мало того, онъ придаетъ этой лодкѣ особое значеніе, наивно полагая, что Короленко „разславилъ“ его именно и только за эту самую „гнилую лодку“... Разумѣется, этотъ нелѣпый вздоръ зародился въ головѣ теперешняго Тюлина, уже стыдящагося своего пьянаго прошлаго, единственно потому, что онъ не находить болѣе разумнаго отвѣта на давно волнующій его вопросъ—почему Короленко такъ заинтересовался именно имъ Тюлинымъ, когда вокругъ и около было не мало всякаго рода пьяницъ?... Почему такое „счастье“ выпало только на его долю?...

Что касается „письма“ Короленки, то не было ли все-таки здѣсь нѣкоторой фактической основы для фантазіи Тюлина?—Несомнѣнно, Короленко разсказывалъ о своей поѣздкѣ на тюлинской лодкѣ кому-нибудь изъ ветлужанъ въ Нижнемъ, напримѣръ, В. И. Снѣжневскому, отъ котораго эти рассказы могли дойти письменно до его родныхъ, живущихъ въ с. Благовѣщенскомъ, а отъ нихъ уже устно и до Тюлина. Послѣдній же, лукаво не мудрствуя, разрисовалъ эту основу узорами собственной фантазіи, довольно богатой, какъ увидимъ ниже.

Настаиваю на этомъ предположеніи, такъ какъ имѣю данныя считать Тюлина не завѣдомымъ лгуномъ, а лишь безобиднымъ фантазеромъ, да и то въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ. На сколько вообще правдивъ Тюлинъ, это достаточно засвидѣтельствовалъ самъ В. Г. Короленко, который нашелъ всего три мелкихъ ошибки во всѣхъ сообщеніяхъ Тюлина о событіяхъ, имѣв-

шихъ мѣсто 12 лѣтъ назадъ. Относительно даже такихъ мелочей, какъ цѣна лодки, снабженіе лодки пліцей и проч., Короленко замѣчаетъ, что все „это правда“.

V.

Сообщаю еще нѣсколько свѣдѣній о Тюлинѣ, собранныхъ у мѣстныхъ жителей.

Должность *сотскаго*, на которую попалъ онъ послѣ перевоза, пришлась ему очень по вкусу: это былъ періодъ сплошнаго и, такъ сказать, узаконеннаго ничегонеделанія и болтанья по пустякамъ, да еще, вдобавокъ, обильно поливаемый даровымъ виномъ, которое волею-неволею подносилося обывателями Тюлину, какъ представителю сельской администраціи... Разумѣется, администраторомъ онъ былъ самымъ удобнымъ, покладистымъ, желаннымъ, такъ какъ вся программа его „дѣятельности“ выражалась всего въ двухъ нехитрыхъ понятіяхъ—покой и вино... За годъ, когда онъ былъ сотскимъ, онъ до того излѣнился и расписался, что, вѣроятно, ровно ничего теперь не можетъ вспомнить объ этомъ періодѣ своей жизни.

Но обыватели кое-что помнятъ и рассказываютъ, напр., что каждый базаръ, куда Тюлина и другихъ сотскихъ командировали „для порядка“, заканчивался у него обязательнымъ пьянствомъ.

— Да и нельзя было ему не выпить!..—философствуютъ благодушные ветлужане...

Ходить-ходить Тюлинъ по базару, угрюмый-преугрюмый, съ похмѣлья, „наблюдаетъ за порядкомъ“, а больше ищетъ того, что ему сейчасъ требуется... А на ловца и звѣрь бѣжитъ: въ укромномъ уголку, въ тѣни, уютно сидитъ компанія добрыхъ людей и тянетъ винцо... Тюлинъ вдругъ оживляется, напускаетъ на себя самую суровую, чисто начальническую мину, и энергично шагаетъ къ пьющимъ, чтобы пресѣчь явный беспорядокъ. Но бѣсъ не дремлетъ и живо искушаетъ начальство въ лицѣ Тюлина...

— А Василей, здорово!—добродушно привѣтствуетъ компанія начальство.

— Вы штожь тутъ, черти этакіе, расѣлись? Вино лакаете? Нельзя!..

— А пошто нельзя? Выпей-ко и ты, Василей, съ нами!..

— Да штожь!.. Малость, пожалуй, и выпью...—быстро мѣняетъ тонъ Тюлинъ и присаживается дружески къ компаніи.

Но эта „малость“ повторяется и въ другомъ мѣстѣ, и въ третьемъ и т. д., и черезъ два-три часа Тюлинъ уже „готовъ“, и десятскіе волокутъ его подъ-руки домой. Другіе сотскіе слѣдуютъ примѣру коллеги и скоро всѣ исчезаютъ съ базара. Пріѣзжаетъ урядникъ и на вопросъ о Тюлинѣ и другихъ сотскихъ, десятскіе докладываютъ, что всѣ они-де повели пьяныхъ на съѣзжую... Проводивши урядника, десятскіе и сами послѣдуютъ примѣру сотскихъ.

— Така ужъ должность сотскихъ да десятскихъ,—замѣчаютъ ветлужане,—что безъ вина никакъ имъ не прожить...

Но они же прибавляютъ, что не однѣми розами усыпанъ путь этой сельской полиціи: бываетъ-де, что пьяныхъ сотскихъ и десятскихъ, достаточно надоѣвшихъ обывателямъ, послѣдніе не разъ и поколотятъ, иногда до крови и членовредительства... Сомнительно, однако, чтобы въ этомъ родѣ доставалось и Тюлину, при его добродушно-спокойномъ характерѣ и при полномъ отсутствіи нахальства и назойливости.

Изда Тюлина, очень удобно расположенная между монополіей и волостнымъ правленіемъ, стала „клубомъ“ для всѣхъ жаждающихъ выпить, а такихъ всегда бывало не мало среди собиравшихся къ

волостному правленію по дѣламъ и отъ бездѣлья. Многіе заходили отдохнуть въ избу сотскаго Тюлина, угощались виномъ и его угощали. Житіе было Тюлину!..

Но были и шипы... Исполняя разъ ночью какое-то порученіе начальства, полу-хмѣльной Тюлинъ влетѣлъ на чьемъ-то дворѣ въ открытый погребъ, сильно расшибся и всю ночь пролежалъ тамъ. Только утромъ его нашли и вытащили. Этотъ случай такъ его потрясъ, что онъ цѣлый мѣсяцъ пилъ безъ просыпа, ссылаясь въ оправданіе на „проклятуцій погребъ“: всего-де изломило!.. Какъ тутъ не пить?!

Но есть предѣлъ долготерпѣнію и ветлужскихъ властей... За весь годъ урядникъ буквально ни разу не видѣлъ Тюлина трезвымъ, а тутъ еще подвернулся этотъ „погребъ...“ Кое-какъ дали ему дотянуть до года и уволили въ чистую, хотя Тюлинъ выражалъ благое желаніе „послужить міру еще одинъ годикъ...“ Но міръ не внялъ этому наивному желанію и разстался съ Тюлинымъ окончательно.

VI.

Было отчего задуматься Тюлину послѣ отставки отъ должности сотскаго... Исчезли не только даровая выпивка, но и кое-какой заработокъ. Если бы не жена его—серьезная, работающая женщина, кормившая семью поденщиною, шитьемъ и проч., то Тюлину пришлось бы голодать. При его нѣсколько презрительномъ отношеніи къ „бабѣ“ вообще—жить на счетъ бабы было ему тяжело, особенно когда онъ понималъ, что отъ него ускользаетъ положеніе главы дома... Притомъ, заработокъ жены былъ очень скромный, такъ что о выпивкѣ нечего ужъ было и помышлять. Подросшій сынъ Иванко начиналъ уже плотничать и кое-что зарабатывалъ, но это была кровь отъ крови Тюлина, съ отцовскими повадками на выпивку, полеживание на боку и т. п.

Волею-неволею Тюлину пришлось взяться за топоръ и пилу, съ которыми онъ и раньше былъ нѣсколько знакомъ. Нужда постепенно втянула его въ работу и значительно отучила отъ вина. Началось воскресеніе Тюлина, въ каковомъ онъ благополучно пребываетъ и донынѣ...

Главная черта новаго Тюлина—отсутствіе работобоязни, каковою раньше онъ беззастѣночно страдалъ. Работаетъ онъ теперь настолько достаточно и производительно, что, напр., недавно построилъ себѣ новую, порядочную избу. Въ домѣ у него большая чистота и порядокъ, благодаря, конечно, дѣловитой хозяйкѣ; но не безъ участія и главы дома. Семья живетъ въ сравнительномъ достаткѣ.

Правда, земляки Тюлина и теперь говорятъ, что на артельной работѣ его „сейчасъ узнаешь...“ Другіе работаютъ споро, бойко, энергично, а нашъ Тюлинъ такъ медленно, методично, „не торопимъ“ обычаемъ, что „просто-де тошно смотреть...“ Недаромъ онъ избѣгаетъ артельной работы и предпочитаетъ работать самостоятельно, или самъ—другъ, если находитъ подходящаго товарища, также не азартнаго къ работѣ. Иногда просыпается въ Тюлинѣ прежняя лѣнца... Разъ онъ взялъ подрядъ на распилку теса къ весеннему сплаву бѣланы. Работалъ онъ съ сыномъ, но такъ медленно, что сплавщикъ всполошился, такъ какъ тесъ не могъ поспѣть къ веснѣ. Тюлинъ иронически утѣшалъ:

— Не бойсь! Къ Петрову дни обязательно поспѣю...

Видя, что слово свое онъ непременно сдержитъ, сплавщикъ передалъ работу другому плотнику.

Но всѣ подобныя переживанія прошлаго сравнительно уже рѣдки въ теперешнемъ Тюлинѣ и въ общемъ не нарушаютъ его новаго направленія. Онъ теперь полѣнивается, когда это допустимо,

т. е., когда раньше онъ достаточно наработался и нѣсколько обезпечилъ себя.

Другая основная черта новаго Тюлина—отсутствіе прежняго пропойства. Правда, отъ „винища“ онъ и теперь не отказывается, да, вѣроятно, и никогда совсѣмъ не откажется. Но прежняго пьянства и въ поминѣ нѣтъ, и теперь даже „Троицкую недѣлю“ онъ былъ трезвъ, хотя работалъ (лодку) на берегу, значитъ не былъ застрахованъ отъ искушенія легкомысленныхъ песочинцевъ, попрежнему перевозившихъ вино черезъ рѣку къ себѣ домой, къ празднику...

Вся эта переменна въ Тюлинѣ не должна насъ поражать. Вѣдь и въ прежнемъ Тюлинѣ бывали моменты большого подъема духа, когда, напр., „въ критическую минуту“ на рѣкѣ—на паромѣ, борвшемся съ сильнымъ теченіемъ разыгравшейся Ветлуги, Тюлинъ вдругъ „видимо подтянулся“ и мастерски продѣлалъ очень трудный маневръ съ паромомъ (с. 16—17, по изданію Курнина). И тогда еще ветлужане говорили: „кабы... не винище, цѣны бы не было“ Тюлину, разумѣя его „перевозническіе таланты“ (с. 18). „Дѣло свое знаетъ“ онъ, и когда захочетъ, „себя покажетъ“ (с. 29). Здоровыя, зиждательныя силы таились и въ прежнемъ Тюлинѣ, а теперь, когда онъ „видимо, подтянулся“ вообще, онъ явно обнаруживаются и, какъ кажется, твердо влекутъ его по новой дорогѣ...

VII.

Мнѣ не пришлось побывать въ избѣ Тюлина и узнать поближе его отношенія къ семьѣ и особенно къ женѣ, предъ которою онъ немало виноватъ въ прошломъ... О своихъ прежнихъ „романахъ“ Тюлинъ нерѣдко откровенничаетъ съ земляками, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень признателенъ В. Г. Короленкѣ, что тотъ не коснулся одной тогдашней романической исторіи, въ эпилогѣ которой главную роль играло коромысло, обломившееся о плечи Тюлина... Онъ говоритъ:—Вѣдь! кабы Короленко описалъ эту исторію съ коромысломъ, тады житья не было бы мнѣ...

Приходится падить скромность Тюлина и не касаться этой интимной стороны его жизни...

Съ сыномъ Тюлинъ не ладитъ. Иванко, порядочный плотникъ, то живетъ съ отцомъ, то уходитъ отъ него. Стычки между ними происходятъ главнымъ образомъ изъ-за того, что отецъ неодобрительно относится къ стремленіямъ Иванки „побаловаться“ виномъ, картами и т. п. Итакъ, Тюлинъ является даже въ роли проповѣдника трезвости и всяческаго воздержанія!.. Иногда отношенія отца и сына обостряются до крайности...

Изъ разсказовъ о Тюлинѣ его земляковъ слѣдуетъ еще отмѣтить отношенія его къ Короленкѣ, о которыхъ мы отчасти уже знаемъ изъ разсказа о моей бесѣдѣ съ Тюлинымъ. Но со мною онъ не могъ быть вполне откровененъ какъ съ своими земляками. По словамъ же послѣднихъ, Тюлинъ, смотря по его личному настроенію, относится двояко къ своей литературной извѣстности. Въ благодушномъ и трезвомъ настроеніи онъ только поسمѣивается, когда ему напоминаютъ о Короленкѣ, и мирно повѣствуетъ о встрѣчахъ съ нимъ, въ такомъ родѣ:

— Вѣдь вотъ онъ какой! и не угадаешь, што за человѣкъ... Частенько онъ похаживалъ ко мнѣ на перевозъ, сидитъ бывало, да бесѣдовать со мной, спрашивать про то-другое, да все энтѣ, што я ему скажу, и чиркать карандашикомъ въ книжку *). Мнѣ

*) Слыша про это до встрѣчи съ Тюлинымъ, во время бесѣды съ нимъ, ничего не записывалъ, чтобы не испугать его, а постарался удержать въ памяти нашъ разговоръ, который и записалъ тотчасъ дома, но, понятно, уже не могъ восстановить многихъ характерныхъ выраженій Тюлина, успѣвшихъ ускользнуть изъ памяти.

и невдомекъ—къ чему оно? а вышло вонъ што!.. Все онъ записалъ точно, какъ было, да и разславилъ меня на всю Россію... И таперь всякъ спрашивать, какъ энто меня пропечатали?..

Выпивши же, Тюлинъ ругается и говоритъ вздоръ, будто Короленко его „обурочилъ“, т. е. сглазилъ:

— Какъ пропечатали онъ меня, такъ и наложилъ на меня уроки—пошли разныя болѣзни: спину ломить и прочее... И што бы ему прислать трешницу, а то лечиться нечѣмъ, штобы уроки отстали отъ меня...

Въ дѣйствительности же, Тюлинъ глядитъ такимъ еще крѣпышомъ, что ни о какихъ болѣзняхъ его нѣтъ пока и рѣчи, но разумѣется, въ будущемъ онъ не застрахованъ отъ послѣдствія пьяно проведенной молодости.

Остается еще сказать о Тюлинскомъ перевозѣ, надъ которымъ тяготѣетъ какой-то злой рокъ: мѣсто ли тутъ уже такое „проклятушее“, или Тюлинскія традиціи очень живучи, только преемники Тюлина оказываются все въ томъ же родѣ... Непосредственный его преемникъ—Кулагинъ—былъ такъ же лѣнивъ, тоже любилъ виннице и точно такъ же смѣнилъ перевозъ на должность сотскаго. На перевозѣ обыватели съ нимъ мучились, какъ и съ Тюлинымъ. Бывало кричать ему съ того берега:

— Кулагинъ! перевозъ!..

— Подождешь! — огрызается онъ, обращаясь къ случившимся подлѣ: и што энто за народъ пошелъ!.. повадились лѣтомъ за рѣку шататься, а была зима—никто не ѣздилъ, сидѣли спокойно по домамъ... А тутъ на! отбою нѣтъ... покоя не дадутъ человѣку... черти!..

— Кулагинъ!.. чертъ!.. перевозъ давай!..—взываютъ неистово оттуда.

— Подождешь! ишь загорѣлось... каки-таки важныя дѣла у тебя за рѣкой!..

Но какъ никакъ, а ѣхать нужно, не то наскочишь на суровыхъ уренцевъ (старовѣры Уренской волости), а тѣ своего не упустятъ и пожалуются кому слѣдуетъ... Кулагинъ досадливо поднимается, медленно спускается къ рѣкѣ, методично осматриваетъ свои удочки и др. рыболовныя снасти, затѣмъ, не спѣша, переходитъ къ парому, безъ всякой нужды обозрѣваетъ его, пробуетъ крѣпость веревокъ... Наконецъ онъ трогается подъ неистовую брань съ того берега, откуда хорошо видны всѣ эти убійственные приемы перевозчика, видимо желающаго отучить людей отъ скверной манеры—„шататься лѣтомъ за рѣку“... Кулагинъ тоже не молчитъ и ругается вволю, если только его потревожили не строгіе уренцы, а какіе-нибудь легкомысленные песочинцы, или скромные раскотовцы и др.

Понятно, что и Кулагина скоро сплывили. Явился новый перевозчикъ и—съ новыми качествами: сильно поделѣповатый и недалекій къ тому же... Требуютъ лодку на пароходъ,—онъ непремѣнно угодить подъ колесо... Зовутъ вверхъ,—онъ ѣдетъ внизъ и т. п. Милые ветлужскіе „порядки!“ Конечно, не Тюлинъ ихъ завелъ, не Тюлинымъ они и кончились... Послѣдній вправѣ утѣшаетъ себя, что и безъ него порядки на перевозѣ остались если не хуже, то и не лучше прежняго...

VIII.

Послѣ моего отѣзда съ Ветлуги знакомые ветлужане сообщили еще нѣсколько новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній о Тюлинѣ.

Одинъ мой корреспондентъ изъ с. Благовѣщенскаго пишетъ, что Тюлинъ благополучно шествуетъ впередъ по стезѣ „исправнаго мужика“, всячески стараясь утвердиться въ своемъ новомъ положеніи, столь необычномъ для „прежняго“ Тюлина. Такъ, по

словамъ корреспондента, Тюлинъ самымъ ревностнымъ образомъ заботится объ украшеніи своей новой избы, въ которой „наѣмъ“ выкрасить полы“ (чего не водится даже у ветлужскихъ богатѣевъ), а передъ избой разбилъ палисадникъ и проч.

Другой, землякъ Тюлина, говорилъ о возрастающемъ довѣріи къ послѣднему мѣстныхъ жителей: зимою Тюлинъ взялъ подрядъ въ 135 рублей на распилку теса для строящейся у с. Воскресенскаго баржи. Конечно, теперь онъ уже не дотянетъ подряда „до Петровадня“, какъ случалось раньше, а едасть его во-время, до Пасхи. У этого же земляка Тюлина были интересные разговоры съ нимъ, вызванные, между прочимъ, моимъ пребываніемъ на Ветлугѣ. При встрѣчахъ со мною Тюлинъ ничего не подозрѣвалъ о моей профессіи и не зналъ, что я буду писать о немъ. Встрѣтившись осенью съ тѣмъ прудовцемъ, у котораго я жилъ, Тюлинъ былъ страшно пораженъ, когда тотъ сообщилъ обо мнѣ:

— А вѣдь Н. Н. и про тебя напишетъ...

Тюлинъ даже поблѣднѣлъ и въ лицѣ измѣнился, узнавши эту новость... Дрожащимъ голосомъ и съ негодованіемъ онъ заговорилъ:

— Што ты говоришь? сызнава про меня будутъ писать? ахъ, бѣды!.. Тады Короленко напустилъ на меня уроки—пять лѣтъ отъ нихъ мучился... А теперь сызнава?.. што-жъ это за напасть!.. Да коли-жъ энтому будетъ конецъ?!

— Ну, чего ты разохался?—успокаивалъ его прудовецъ,—теперь ты сталъ другимъ человѣкомъ и Н. Н. напишетъ про тебя другое, какъ про исправнаго мужика...

Тюлинъ сразу просіялъ и заговорилъ повеселѣвшимъ голосомъ:

— Правда?! вотъ было бы хорошо, кабы такъ написали!..

— А вотъ услышишь—прочитаемъ тебѣ, когда Н. Н. про тебя напечатаетъ.

— Даль да Богъ!.. ай было бъ хорошо!..

Мнѣ кажется, послѣ этого разговора нельзя сомнѣваться въ томъ, что помимо вышеуказанныхъ житейскихъ причинъ, заставившихъ Тюлина такъ сильно измѣниться, на эту перемѣну очень сильно повліялъ самый очеркъ Короленки. Какъ умный человѣкъ, Тюлинъ отлично понималъ, что всероссійская извѣстность его, благодаря очерку, довольно печальная: отдавая должное немногимъ положительнымъ качествамъ тогдашняго Тюлина, авторъ выдвинулъ на первый планъ отрицательныя черты его личности, которыя, естественно, вызывали у читателей, если не отрицательное же отношеніе къ выведенному типу, то во всякомъ случаѣ проницательное. Когда прочитали очеркъ ветлужане, и раньше относившіеся къ Тюлину иронически, а многіе и презрительно, Тюлинъ сдѣлался въ округѣ просто „притчею во языцѣхъ“, надъ которою не издѣвались только лѣнныя.

Самолюбивою Тюлину не легко было все это переносить и можно ему повѣрить, что онъ „5 лѣтъ мучился“, испытывая „напущенные“ якобы на него „уроки“... Ему оставался единственный путь для восстановленія своей репутаціи—показать не на словахъ, а на дѣлѣ, что и онъ, ежели захочетъ, можетъ стать лучшимъ человѣкомъ. И Тюлинъ, словно придерживаясь предначертаннаго плана, бодро вступилъ на новый путь. Когда я съ нимъ встрѣтился, т. е. спустя 12 лѣтъ послѣ появленія очерка Короленки, Тюлинъ настолько ушелъ впередъ въ этомъ новомъ направленіи, что прежнее ироническое отношеніе къ нему ветлужанъ почти исчезло, проявляясь развѣ спорадически, какъ отголоски прошлаго. Теперь на мѣстѣ смотрять на Тюлина, какъ на „исправнаго мужика“ и серьезнаго человѣка, взявшагося за умъ. Все начинаютъ забывать преж-

няго Тюлина, а къ нынѣшнему многіе относятся даже съ нескрываемымъ уваженіемъ.

Тюлинъ страшно дорожить своей новой репутаціей и боится потерять ее. Понятно, какъ испугала его неожиданная вѣсть, что онъ снова попадетъ въ печатъ: онъ вообразилъ, что опять станетъ посмѣшищемъ... И такъ понятна его радость, когда онъ разубѣдился въ этомъ подозрѣніи.

IX.

Возвращаясь къ бесѣдѣ Тюлина съ прудовцемъ. Успокоившись на мой счетъ, Тюлинъ перешелъ къ давно волнующему его вопросу: „за что“ В. Г. Короленко „разслабилъ“ такъ его „на всю Россію?“

Привожу эту любопытную фантазію Тюлина, представляющую новый и очень расширенный вариантъ его разсказа о „гнилой лодкѣ“. Фантазія характерна сама по себѣ и особенно, по обрисовкѣ Короленки съ точки зрѣнія Тюлина, истого ветлужанина, у котораго часто не отличишь наивности отъ ироніи...

Долженъ, однако, предупредить, что такъ какъ эта фантазія Тюлина дошла до меня черезъ вторыя руки, то естественно, что на своемъ пути она претерпѣла нѣсколько наслоеній, но во всякомъ случаѣ—не только чисто ветлужскихъ, но и совершенно въ духѣ Тюлина...

Вотъ какъ фантазировалъ Тюлинъ въ бесѣдѣ съ прудовцемъ: — А знаешь, братъ, што я думаю: за што этто Короленко такъ разслабилъ меня? да за гнилую лодку, што я всучилъ ему за 6 цѣлковыхъ... Сговорились этта они съ В. И. Снѣжневскимъ добратся въ моей лодкѣ до Кудемьянска. И здорово же намучились!.. одинъ этта гребетъ, другой выливать воду изъ лодки моей плицей... Вздохнутъ, пересядутъ и опять—одинъ гребетъ, другой выливать... Не понравилось этто Снѣжневскому,—да и коему лѣшему понравится?!.. Снѣжневскій и вылѣзъ въ Восресенскомъ. Што тутъ дѣлать Короленкѣ одному на энтакой лодкѣ? а лодку жаль бросить, потому дадены за нее не малыя деньги... и фхать-то надо... Ну, да енъ съ головой, догадался—нанялъ проходящаго человѣка, такъ изъ немудреныхъ бурлачишковъ, кой тожъ поспѣшалъ къ Кудемьянску, хотѣлъ рядиться на низовые плоты. Ну, сѣли этто они въ мою лодку и пошли тѣмъ же манеромъ: одинъ гребетъ, другой выливать... Намучились страсть какъ! Ругаютъ меня за лодку съ утра до вечера... На ночь вытаскивали лодку на берегъ, штобъ не потопла... Ну, допозли они энтакимъ манеромъ черезъ сколько день до Люнды. Тутъ бурлачишко и взмолился къ Короленкѣ:

— Ну, што-де намъ за неволя столь мучиться на энтонъ проклятуей лодкѣ? айда пѣшкомъ по берегу! живо домахамъ до Кудемьянска... А Короленко посмотрѣлъ таково сердито на свои и на бурлаковы сапожонки, да и говорить:

— Дурья твоя голова! да какъ же мы пойдемъ? глянь-кось на наши сапоги: вотъ-вотъ развалятся отъ мокроты въ лодкѣ... Кака намъ честь будетъ въ городѣ, ежели мы придемъ туда босы?! За бродягъ примутъ... Ну, говоритъ, ежели бъ еще съ нами былъ Никаноръ Павлычъ изъ Прудовки—первый по всей Ветлугѣ мастеръ на счетъ починки сапоговъ: ежели у тебя и весь сапогъ пропадетъ, а его починка останется цѣла на вѣки вѣчные!..

Бурлакъ замолчалъ, потому что жъ тутъ сказать?!.. Вздохнули они малость, выпили, закусили и—айда въ лодку, прежнимъ же манеромъ: одинъ гребетъ, другой выливать... Ну, какъ ни какъ, а еще черезъ сколько день доплзли они и до Кудемьянска. Тутъ и Короленко, и бурлакъ ажъ перекрестились и выбросили на берегъ кой-какой багажонко Короленки, да котомицу бурлака. За-

тѣмъ Короленко пхнулъ лодку таково сердито ногой въ рѣку, выругался какъ нельзя быть лучше и говоритъ:

— Ступай-де ты къ чорту! и не попадайся никому! а то еще кто утопнетъ отъ тебя...

— Скажи ты мнѣ на милость,—говоритъ Короленкѣ бурлакъ,—и гдѣ были твои глаза, когда ты покупалъ у Тюлина такую проклятушу лодку?..

— Да што, — съ досадой говоритъ Короленко, — довѣрился пріятелю...

— Больно хороши у васъ на Ветлугѣ пріятели-то!..—говоритъ бурлакъ.

А Короленко,—закончилъ Тюлинъ,—только рукой махнулъ да ухмыльнулся, а потомъ вотъ за эту самую гнилую лодку и пропечаталъ меня по всей Россіи...

Такъ фантазировалъ Тюлинъ... Какъ мало правды въ этой фантазіи,—мы уже упоминали.

Затѣмъ Тюлинъ, бесѣдуя съ прудовцемъ, перешелъ къ выше-упомянутымъ (см. II и III главы) рисункамъ изданія Курнина:

— Да вотъ еще и въ лицахъ меня представилъ Короленко... Да развѣ жъ это я?! Это какой ни есть золоторотецъ, а совѣмъ не я... И лаптей я николи не нашивалъ... И не шалашъ у меня, а избенка порядочная была...

Газумѣется, В. Г. Короленко ровно ни при чемъ въ тѣхъ рисункахъ, которыми Курнинъ снабдилъ свое изданіе. Какъ мы знаемъ, рисунки, дѣйствительно, неудачные и невѣрные. Но Тюлинъ не правъ, вооружаясь противъ лаптей: на рисункахъ лаптей и нѣтъ, а Тюлинъ изображенъ въ „старыхъ отопкахъ“, согласно тексту очерка (стр. 8).

Н. Оглоблинъ.

Проф. Пфуль.

Всемогущество свѣта.

Къ западу отъ древнихъ развалинъ Оивъ, у подножья голаго гребня холмовъ, отдѣляющихъ песчанья массы безплодной пустыни отъ плодородной Нильской долины, возвышается могущественный каменный колоссъ. Далеко-кругъ виденъ онъ. Гордо вздымается онъ, точно памятникъ на

границѣ молчаливаго „аментесъ“ (адъ у египтянъ), мрачнаго царства мертвыхъ. Здѣсь будетъ царить смерть, по благочестивому вѣрованію древнихъ египтянъ, послѣ того, какъ погибнетъ наше солнце. И все же первый нѣжный, дрожащій лучъ свѣта, посланный алой зарей на темный гранитъ, возвѣщаетъ изгнаніе смерти, и новая жизнь, новое чувство охватываетъ мертвый камень:

И до-нынѣ еще слышны въ этой скалѣ
Рѣдкіе звуки и звонъ,
Какъ будто желаетъ намъ пѣснь тоски
О счастливой юности спѣть.

И эта пѣснь тоски,—о чемъ пѣлось бы въ ней, что возвѣщала бы она? Она пѣла бы о далекой порѣ, когда свѣтъ культуры и знанія озарялъ темную страну Нила; о могущественномъ городѣ съ гордыми прославленными храмами, высокія колонны котораго сіяли въ свѣтломъ блескѣ не только для одного Египта, но и для всего тогдашняго міра. „Онъ“—такъ звали египтяне этотъ городъ, „Гелиополисъ“ было его греческое названіе, арабы величали его „Источникомъ свѣта“, а въ переводѣ на наши языки мы должны были бы сказать: „Солнечный городъ“. Здѣсь, въ священномъ храмѣ Озириса, въ торжественномъ полумракѣ величественныхъ гrotтовъ, немногіе избранники поучались удивительной мудрости, имѣвшей свое начало и свой конецъ въ вѣчномъ солнцѣ,

озаряющемъ своимъ сіяніемъ все земное; въ немъ источникъ всего существующаго, въ немъ источникъ всей жизни. И то, чему учили тогда тѣ мудрые жрецы, это слышимъ мы нынѣ, черезъ 5 тысячелѣтій, изъ устъ великихъ учителей современнаго естествознанія. Эти послѣдніе также торжественно возвѣщаютъ о всемогуществѣ свѣта, и ихъ ученіе гласитъ: солнце является первоисточникомъ всего существующаго на землѣ.

Что солнце даетъ жизнь, объ этомъ свидѣтельствуетъ всякое растеніе, которое печальная судьба забросила въ такое мѣсто, куда не достигаетъ солнечный свѣтъ, какъ напр., ростокъ картофеля въ темномъ погребѣ или забытая луковица гіацинта и тюльпана. Уже блѣдный, желтоватый цвѣтъ листы указываетъ на болѣзненное состояніе растенія, и если только живительный свѣтъ не получитъ доступа къ нему, полная смерть не замедлитъ наступить даже при наличности хорошей почвы и достаточнаго количества влаги. Но стоитъ лишь проникнуть туда свѣту, и уже черезъ нѣсколько минутъ микроскопъ даетъ возможность открыть въ листьяхъ и стеблѣ образованіе зеленого красящаго вещества. Лишь при помощи этихъ очень, очень маленькихъ зернышекъ растеніе въ состояніи воспринимать изъ воздуха необходимую для него пищу. И если закрыть непрозрачной оболочкой самое красивое растеніе съ великолѣпнѣйшей зеленой листвою,—тогда же наступаетъ хлорозъ, растеніе вянетъ, и если долго не допускать къ нему свѣта, оно совсѣмъ умретъ. Впрочемъ, изъ этого человѣкъ старается извлечь для себя пользу. Въ Испаніи, возлѣ городка Эльхе, жители такимъ путемъ добываютъ бѣлые, какъ слоновою костью, пальмовые прутья, которые очень высоко цѣнятся во многихъ странахъ. Здѣсь существуетъ лѣсъ финиковыхъ пальмъ, насчитывающій почти 100.000 деревьевъ. Моавія, арабскій полководецъ, прославившійся во многихъ дѣлахъ, посадилъ здѣсь 1.200 лѣтъ тому назадъ первую пальму въ память о своемъ родномъ городѣ Дамаскѣ, окруженномъ пальмами. Ежегодно, въ извѣстное время, около десятой части всѣхъ верхушекъ окружается плотными цыновками. Получается, правда, не очень красивая картина, но зато жители такимъ путемъ достаютъ тысячи вѣточекъ, которыя вывозятся на Пасху во Францію и въ особенности въ Италію: ибо въ Ватиканѣ въ вербное воскресенье употребляются только настоящія пальмы.

Но не только *зеленая* части растений находятся въ зависимости отъ свѣта; многія сѣмена также развиваютъ свои зародыши лишь подѣ дѣйствіемъ свѣта. Такъ обстоитъ дѣло у многихъ травъ, какъ напр., у тѣхъ, которыя употребляются для устройства газоновъ; далѣе, у омелы, растущей на деревьяхъ (напр., на тополяхъ, соснахъ); точно также споры мховъ и папоротниковъ прорастаютъ лишь при свѣтѣ. Но и искусственный свѣтъ—который только долженъ быть при этомъ достаточно интенсивнымъ—также вызываетъ развитіе растеній. Уже въ 1843 году разводились растенія при электрическомъ освѣщеніи. Въ то именно время Сименсъ впервые предпринималъ рядъ опытовъ, которые онъ впослѣдствіи повторилъ и расширилъ. Оказалось, что при непосредственномъ дѣйствіи электрическаго свѣта на растенія листья вянутъ, и растенія умираютъ; но если пропускать свѣтъ черезъ стеклянный дискъ,—который поглощаетъ извѣстные, свойственные электрическому свѣту лучи (ультра-фіолетовые),—то онъ дѣйствуетъ

благопріятнымъ образомъ. Двѣ оранжереи были освѣщены съ вечера до утра электрическимъ свѣтомъ, и это значительно ускорило ростъ находившихся тамъ цвѣтовъ. Горохъ, напримѣръ, далъ уже черезъ два мѣсяца зрѣлые плоды, а виноградъ созрѣлъ вполнѣ немногимъ больше, чѣмъ въ 2 мѣсяца. При этомъ окраска цвѣтовъ, съ которыми производились опыты, оказалась болѣе яркой, аромать плодовъ—тоньше, и только содержаніе сахара оказалось менѣе значительнымъ.

Жюль Вернь, знаменитый авторъ фантастическихъ исторій, рассказываетъ въ одномъ изъ своихъ естественно-научныхъ романовъ о колоссальныхъ шампиньонахъ, образующихъ въ нѣдрахъ земли густые лѣса, безопасное мѣстопробываніе огромныхъ слоновъ и могучихъ носороговъ. Какъ и вездѣ въ его романахъ, истина и вымыселъ сильно переплетены и здѣсь (благодаря этому-то онъ и оказываетъ своими романами такое чарующее вліяніе на широкую публику, которая не всегда въ состояніи провести границу между чудовищной фантазіей и реальной дѣйствительностью). Въ данномъ случаѣ ложно то, что шампиньоны могутъ принимать такіе огромные размѣры, но вѣрно, что они могутъ существовать подъ землей, вдали отъ солнечнаго свѣта. Для старыхъ известковыхъ каменоломенъ возлѣ Парижа и заброшенныхъ штоленъ угольныхъ копей въ Верхней Силезіи нельзя было бы придумать лучшаго употребленія, какъ разводить въ нихъ шампиньоны: этимъ путемъ можно было бы получать лѣтомъ и зимой большія количества этихъ цѣнныхъ грибовъ.

Но какъ примирить этотъ фактъ съ положеніемъ: безъ свѣта нѣтъ жизни? Вспомните только знакомые вамъ грибы, подумайте о свѣтло-желтомъ шампиньонѣ, о яично-желтомъ опенкѣ, о красномъ мухоморѣ, о темно-коричневомъ трюфелѣ, о бѣломъ покровѣ изъ плѣсневыхъ грибовъ на хлѣбѣ, картофелѣ, плодахъ. Мы уже приближаемся къ разрѣшенію загадки: у грибовъ отсутствуетъ зеленое красящее вещество, такъ пріятно ласкающее глазъ въ другихъ растеніяхъ, у нихъ нѣтъ—какъ говоритъ ботаникъ—хлорофилла, при помощи котораго растеніе подъ вліяніемъ свѣта воспринимаетъ пищу изъ воздуха. И все противорѣчіе съ вышеупомянутымъ закономъ природы исчезаетъ, если обратить вниманіе на образъ жизни грибовъ. Вы знаете, что бактеріи—эти простѣйшіе изъ грибовъ—живутъ въ чужихъ организмахъ: бактеріи холеры—въ организмѣ людей, сибирской язвы—въ организмѣ животныхъ, иной грибъ вызываетъ весьма опасныя болѣзни въ картофелѣ, другой—у злаковъ, а о трюфеляхъ извѣстно, что они гнѣздятся на корняхъ дуба. Грибы, ведущіе такой образъ жизни, называются паразитными. А относительно другихъ грибовъ было замѣчено, что они встрѣчаются въ особенно черноземной почвѣ, богатой мертвыми растительными и животными веществами. Такіе грибы носятъ названіе *сапрофитовъ*. Итакъ, грибы—это *несамостоятельные* организмы, предполагающіе обязательное существованіе другихъ организмовъ и питающіеся тѣми веществами, которыя послѣдніе образовали собственной дѣятельностью при помощи свѣта. Подобно животнымъ, и грибы въ послѣднемъ счетѣ находятся въ зависимости отъ остальнаго, содержащаго хлорофиллъ растительнаго міра. Многія изъ болѣзнетворныхъ бактерій являются даже врагами свѣта, и на этомъ ихъ свойствѣ основанъ новѣйшій способъ лѣченія, а именно солнеч-

ное, или свѣтовое лѣченіе. Особенно сильный свѣтъ, направленный при посредствѣ особыхъ аппаратовъ на опредѣленные мѣста кожи, убиваетъ грибовидные организмы, которые тамъ гнѣздятся.

Такимъ образомъ мы получаемъ объясненіе того обстояательства, что, вопреки закону о всемогуществѣ свѣта, можетъ существовать и дѣйствительно существуетъ цѣлая флора, живущая въ темнотѣ. Мнѣ пришлось бы написать не одинъ томъ, если-бы я пожелалъ ознакомить васъ со всѣми растеніями и животными, которые пребываютъ подъ темнымъ скипетромъ Плутона, будучи изгнаны изъ свѣтлаго царства сіяющаго солнца. Ибо вслѣдъ за растеніями въ царство мрака идутъ и животныя, которые въ такомъ случаѣ также носятъ на себѣ, подобно грибамъ, извѣстный отпечатокъ своей темной родины. Почти всѣ они имѣютъ темную и мрачную окраску, глаза ихъ почти всегда атрофированы до слѣпоты или же почти совсѣмъ не дѣйствуютъ. Такъ мститъ природа за пренебреженіе какимъ-нибудь органомъ, такъ недостатокъ въ упражненіи кончается атрофіей. Въ своемъ темномъ царствѣ животныя эти болѣе обезпечены отъ враговъ и менѣе подвержены опасностямъ отъ борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, но зато они не знаютъ міра свѣта и великолѣпія красокъ. Въ одной только мамонтовой пещерѣ въ Кентуки, — которая во всякомъ случаѣ обладаетъ значительными размѣрами, на пространствѣ 30 километровъ, на которое она была изслѣдована, оказалось 200 развѣтвленій, 5 куполообразныхъ расширеній, 8 водопадовъ—въ одной только этой пещерѣ была найдена богатая фауна слѣпыхъ рыбъ, пауковъ и насѣкомыхъ, слѣпыхъ червяковъ и улитокъ; въ видѣ исключенія встрѣчались нѣкоторые виды съ бесполезными и ненужными глазами; у одного вида жуковъ только самецъ оказался зрячимъ, самка же—слѣпой. Для подземныхъ рѣкъ Карстскихъ горъ (въ Крайнѣ, въ Южной Австріи) характернымъ животнымъ оказывается безглазый, блѣдноокрашенный протей; въ глубокихъ колодцахъ Мюнхена живетъ совершенно слѣпой видъ улитки, а въ пещерахъ восточно-азиатскихъ острововъ были найдены даже слѣпые кузнечики.

Но если эти дѣти ночи пытаются выйти изъ-подъ власти свѣта, то тѣмъ страстнѣе стремится къ живительнымъ лучамъ его остальной органическій міръ. Хрупкій стебель комнатнаго цвѣтка тянется къ окну, къ источнику свѣта, и это наблюдается всякій разъ, сколько бы мы ни измѣняли положеніе горшка. „Гелиотропизмомъ“ называетъ ботаникъ это свойство растеній. И всѣ растенія стремятся къ свѣту: могучій стволъ величественнаго дуба и сильной ели точно такъ же, какъ нѣжный стебелекъ лилии или гіацинта. И если растеніе слишкомъ слабо, чтобы собственными силами выбиться къ свѣту, то оно вьется и поднимается въ высь на другихъ растеніяхъ. Такъ карабкаются многіе виды розъ при помощи своихъ шиповъ, хмель—своими шероховатыми волосками, плющъ своими маленькими корнями, которыми онъ прикрѣпляется къ корѣ дерева или къ кирпичамъ зданія (они извѣстны подъ названіемъ репейныхъ корней). Въ густыхъ первобытныхъ лѣсахъ Средней Америки ванильное растеніе, обвиваясь вокругъ деревьевъ-гигантовъ при помощи воздушныхъ корней длиною почти въ полметра, пробивается въ высь, чтобы доставить своей листьѣ необходимый свѣтъ. Филодендронъ, родиною котораго является также Средняя Америка, — это всѣмъ

знакомое комнатное растеніе съ своеобразно продырявленными листьями,—пробивается къ живительному свѣту при помощи воздушныхъ корней, которые могутъ достигать длины во нѣсколько метровъ. У винограда имѣются для этой цѣли особые усики, концы которыхъ прилѣпляются при помощи очень вязкаго клейкаго вещества къ стѣнѣ или изгороди съ такой силой, что усикъ, подвергавшійся уже въ теченіе 10 лѣтъ вліянію вѣтра и непогоды, былъ въ состояніи еще выдержать тяжесть въ 5 килограммовъ, не отрываясь. Страстоцвѣтныя, дыни и многія другія слабыя растенія имѣютъ усики, которые постоянно завиваются, такъ что они такимъ путемъ находятъ себѣ подпору; часто это движеніе усиковъ совершается съ такой быстротой, что кончикъ усика въ 1 часъ проходитъ болѣе полуметра. Самое легкое прикосновеніе вызываетъ загибъ усика, и такимъ образомъ растеніе охватываетъ прикасающійся предметъ. Дарвинъ, напр., производилъ опыты съ страстоцвѣтными. Онъ нашелъ при этомъ, что весьма незначительный вѣсъ тонкой проволоки, повѣшенной на страстоцвѣтное растеніе, вызываетъ уже черезъ 30 секундъ загибъ его усика, а въ теченіе двухъ дней онъ 20 разъ раздражалъ одинъ и тотъ же усикъ, и послѣдній всякій разъ реагировалъ на раздраженіе. При этомъ замѣчательно то, что давленіе, оказываемое усиками другъ на друга, не оказываетъ рѣшительно никакого вліянія; точно такъ же остаются безъ вліянія падающія водяныя капли.

Вліяніе, которое свѣтъ оказываетъ на движенія растеній, выражается большей частью въ томъ, что растенія стремятся къ источнику свѣта; но иногда бываетъ и такъ, что растенія удаляются отъ свѣта. Это явленіе извѣстно у ботаниковъ подъ именемъ „отрицательнаго геліотропизма“. Виноградъ посылаетъ свои усики по направленію къ темной сторонѣ изгороди, какъ будто зная, что здѣсь онъ найдетъ искомую подпору; но и въ виноградникѣ большая часть усиковъ вытягивается по направленію къ сѣверу. Нижняя сторона его листа также обнаруживаетъ отрицательный геліотропизмъ. Если перевернуть листъ, то, самое большое, черезъ два дня онъ возвращается въ свое нормальное положеніе, чтобы той своей поверхностью, которая богата хлорофилломъ, воспринимать живительный свѣтъ.

Если листья въ темнотѣ принимаютъ другое положеніе, чѣмъ днемъ, то явленіе это извѣстно подъ названіемъ „положенія сна“; еще 1800 лѣтъ тому назадъ она наблюдалась Плиніемъ, который упоминаетъ объ этомъ, говоря о клеверѣ и мимозѣ. Тонкія поры на поверхности листьевъ, устьица, въ необыкновенномъ количествѣ прорѣзывающія верхнюю кожицу, дабы сдѣлать возможной циркуляцію воздуха и водяного пара, также принимаютъ положеніе сна, то-есть, онѣ на ночь замыкаются болѣе или менѣе полно. Благодаря этому прекращается почти всякое испареніе воды. А какихъ огромныхъ размѣровъ можетъ достигать это послѣднее при дневномъ свѣтѣ, можно видѣть изъ того, что небольшой буковый лѣсокъ всего лишь въ 1 гектаръ, листья котораго занимали бы пространство въ 8 гектаровъ, выдыхаетъ въ теченіе лѣта 3 милліона килограммовъ воды, то-есть такое количество воды, которая могла бы покрыть этотъ лѣсокъ на 30 сантиметровъ въ вышину. У другихъ растеній всасываніе и испареніе воды еще значительнѣе. Такъ, напримѣръ, въ Россіи для осушенія болотъ

разводить подсолнечники, а въ Италіи для той же цѣли употребляютъ эвкалипты.

Положеніе сна у листьевъ даетъ имъ совершенно особыя преимущества. Ибо листья должны вести борьбу не только за доступъ къ солнечнымъ лучамъ, но и *противъ* нихъ. Если при обыкновенномъ, дневномъ свѣтѣ зеленое вещество листа дѣйствуетъ на пользу организму растенія, приготавливая для него строительныя вещества и пищу, то не то наблюдается при дѣйствіи рѣзкаго неослабленнаго солнечнаго свѣта: этотъ послѣдній разрушаетъ растительный организмъ.

Изъ нашихъ растеній положеніе сна наиболѣе сильно замѣтно у листьевъ робиніи, которую ошибочно называютъ всегда акаціей. Благотворные, не слишкомъ сильныя лучи утренняго солнца падаютъ перпендикулярно на листочки, которые на ночь направлены внизъ; затѣмъ листочки постепенно поднимаются, такъ что лучи полуденнаго солнца падаютъ на нихъ косо, слѣдовательно, оказываютъ лишь слабое вліяніе; къ концу дня листочки снова опускаются, и мягкія лучи заходящаго солнца опять падаютъ на нихъ перпендикулярно; такимъ образомъ, они весь день имѣютъ возможность испытывать на себѣ благотѣльное вліяніе солнца, не подвергаясь особенно сильному дѣйствію его лучей. Если помѣшать листочкамъ въ этихъ движеніяхъ ихъ, то они быстро вянутъ.

Болѣе низкія, крайне просто построенныя растенія также обнаруживаютъ такого рода защитныя движенія. У одного вида водорослей, живущаго въ водѣ въ видѣ зеленой нити, хлорофиллъ образуетъ внутри трубчатаго тѣла спиральную ленту. Какъ только лучъ свѣта попадаетъ въ растеніе, хлорофилльная лента свертывается въ клубочекъ, чтобы снова растянуться при уменьшеніи паденія лучей.

Особенно чувствителенъ хлорофиллъ, какъ показываютъ опыты, къ неослабленному свѣту—въ юности. Поэтому для молодыхъ листьевъ является большимъ преимуществомъ то, что они свернуты въ трубку, какъ у многихъ травъ, или стоятъ вертикально, какъ напр., у крокуса, тюльпана и др. или покрыты сильными волоснымъ и пуховымъ покровомъ, или, наконецъ, что ихъ хлорофиллъ окруженъ оболочкой изъ темнокраснаго красящаго вещества—вспомните только молодую листву тополей и клена.

Весьма замѣчательнымъ путемъ стараются листья многихъ особенно чувствительныхъ растеній избѣгнуть слишкомъ сильнаго дѣйствія солнечныхъ лучей: они становятся вертикально, то есть такъ, что поверхности ихъ не направлены вверхъ и внизъ, а вправо и влево. Относительно положенія и движенія, ихъ можно было бы сравнить съ флюгеромъ: подобно тому, какъ послѣдній указываетъ путь вѣтра, такъ тѣ указываютъ направленіе наиболѣе сильнаго потока свѣта. Такъ какъ свѣтъ течетъ отъ юга къ сѣверу, то и листья имѣютъ такое направленіе. Такія растенія носятъ весьма характерное названіе компасныхъ растеній. Въ безконечныхъ преріяхъ Сѣверной Америки существуетъ растеніе (оно называется *Silphium* и напоминаетъ собой подсолнечникъ, только меньше его), которое служитъ вѣрнымъ путеводителемъ для охотниковъ и кочевниковъ, когда небо покрыто тучами. И у насъ есть такого рода растеніе, родственное

огородному салату: это *Lactuca scariola*, листья которой стоятъ вертикально и указываютъ направленіе съ сѣвера на югъ. Это растеніе всегда точно указываетъ страны свѣта, если оно находится на совершенно свободномъ мѣстѣ; однако, близость какого-нибудь дерева или куста вслѣдствіе тѣни, отбрасываемой ими, вредитъ точности явленія.

О хлорофиллѣ и важномъ его значеніи — ибо отъ него зависитъ существованіе всего растительнаго и животнаго міра — такъ много говорилось, что я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на одинъ вопросъ, одинаково важный какъ для ботаниковъ, такъ и для зоологовъ. А именно: встрѣчается ли хлорофиллъ у животныхъ? Конечно, высшія животныя здѣсь не имѣются въ виду, рѣчь идетъ о маленькихъ слизистыхъ водныхъ обитателяхъ. Если бы такой вопросъ былъ предложенъ естествоиспытателю нѣсколько дѣсятилѣтій тому назадъ, то онъ немедленно отвѣтилъ бы такъ: это общеизвѣстная вещь, что хлорофиллъ встрѣчается у животныхъ; при этомъ онъ перечислилъ бы вамъ цѣлый рядъ хлорофилльных животныхъ. Однако, въ новѣйшее время было открыто, что маленькія, зеленныя зернышки въ тѣлахъ многихъ прѣсно-и соленоводныхъ животныхъ представляютъ собою маленькія, самыя настоящія растеніица: это водоросли; дружно и согласно живутъ водоросли и животныя въ одномъ организмѣ, не причиняя другъ другу ни малѣйшихъ неудобствъ. Водоросли не поступаютъ въ пищу, а животныя не умираютъ отъ заразной болѣзни. Напротивъ того! Эти растенія и животныя благоденствуютъ гораздо больше, живя вмѣстѣ, чѣмъ врозь. Ибо углекислоту, выделяемую животнымъ, тотчасъ же воспринимаютъ водоросли, разлагаютъ ее при помощи своего хлорофилла и выдыхаютъ кислородъ, который непосредственно идетъ на пользу животному. Такую совмѣстную жизнь наука называетъ *симбиозомъ*.

Но если, какъ мы видѣли, дѣйствіе свѣта вызываетъ движенія стебля и листьевъ растенія, то еще болѣе ярко выступаетъ это у цвѣтковъ, — явленіе, которое было уже знакомо и древнимъ. Овидій рассказываетъ, что нимфа Клитія тайно питала горячую любовь къ богу солнца. Но гордый Геліосъ отвернулся отъ нея. Бѣдная нимфа умерла съ горя, но боги превратили ее въ красивый цвѣтокъ, получившій впослѣдствіи у людей названіе геліотропа. Послѣ превращенія она сохранила свою любовь къ солнцу, и вотъ каждый день она поднимаетъ свои цвѣтки къ своему возлюбленному и слѣдитъ за нимъ на пути его по небесному своду. Такъ объясняетъ Овидій стремленіе къ свѣту, наблюдаемое у цвѣтвѣ. Плиній, болѣе трезвый естествоиспытатель, обращаетъ вниманіе на живительную силу свѣта и упоминаетъ о движеніяхъ цвѣтвѣ у цвѣтлаго ряда растеній. Уже Теофрастъ, самый достойный изъ учениковъ великаго Аристотеля, рассказываетъ о цвѣткѣ лотоса: въ волнахъ Евфрата красуются яркіе цвѣтки лотоса; съ первымъ лучемъ утренняго солнца чашечка выходитъ изъ воды и въ полдень высоко вздымается надъ рѣчными волнами; послѣ этого цвѣтки постепенно склоняются къ водѣ и совершенно исчезаютъ въ ней вмѣстѣ съ заходомъ солнца. Поэтъ, слѣдовательно, по мнѣнію естествоиспытателя Теофраста, неправъ, когда онъ говоритъ: лотосъ боится сіянія солнца и съ опущенной головой ждетъ мечтательно ночи. И весь древній міръ считалъ лотосъ цвѣткомъ

свѣта и символомъ жизни. Лакшми, богиня жизни у индусовъ, выходитъ изъ молочнаго моря съ цвѣткомъ лотоса въ рукахъ. У Гомера безсмертные боги, предаваясь радостямъ на свѣтлыхъ высотахъ Олимпа, возлегаютъ на цвѣткахъ лотоса и крокуса (дикаго шафрана), а египтяне украшали храмы своихъ безсмертныхъ боговъ изображениями и изваяніями лотоса. Среди гіероглифовъ, которыми древніе египтяне обозначали свою страну, мы находимъ вѣтку лотоса съ 5-ю цвѣтками.

А сколько еще такихъ цвѣтковъ можно было бы назвать! Голубой осенній цикорій, дикій цикорій, желтый весенній одуванчикъ, и прежде всего подсолнечникъ,—всѣ эти растенія постоянно стремятся къ солнцу и всегда обращены къ нему. У тропическаго растенія *Mirabilis* (что означаетъ—чудесный) листья къ вечеру до того сморщиваются, что цвѣтокъ кажется завядшимъ, но съ первымъ солнечнымъ лучемъ къ нимъ возвращается юношеская свѣжесть. Другое растеніе къ вечеру до того плотно притягиваетъ свои листья и цвѣтки къ стеблю, что оно кажется кускомъ засохшаго дерева. Названіе „дождевого цвѣтка“ носить растеніе, которое немедленно замыкается, лишь только солнце покроется какимъ-нибудь облачкомъ. Многія растенія спятъ до того чутко, что даже слабый свѣтъ способенъ нарушить ихъ сонъ, какъ напр., крокусъ, который пробуждается даже отъ свѣта лампы. У другихъ цвѣтовъ положеніе сна сопровождается измѣненіемъ окраски. У одного вида *Onagraceae* обыкновенно бѣлый цвѣтокъ получаетъ яркочерную окраску во время сна растенія; быть можетъ, ему грезятся теперь пестрыя бабочки, которые такъ часто посѣщаютъ его днемъ, дабы впитать въ себя сладкій нектаръ.

Существуютъ, однако, цвѣты, которые боятся свѣта. Они распускаются ночью и только во мракѣ распространяютъ свой сильный ароматъ. Рѣдко имѣютъ они пестрый видъ, по большей части они бѣлаго, зеленоватаго или темнаго неопредѣленнаго цвѣта, какъ и друзья ихъ—темноцвѣтныя ночныя бабочки, переносящія цвѣточную пыль съ цвѣтка на цвѣтокъ. Нѣкоторые изъ этихъ враговъ солнца забираются даже въ землю. У землянога миндаля цвѣты достигаютъ своей цѣли тѣмъ, что стебельки, спирально свертываясь, все болѣе и болѣе укорачиваются, и лишь тѣ изъ нихъ даютъ зрѣлыя сѣмена, которымъ удалось проникнуть въ землю. Многія растенія имѣютъ двоякаго рода цвѣтки: большіе, ярко окрашенные, надземные, остающіеся по большей части безплодными, и меньшіе плодоносные, которые расцвѣтаютъ и развиваютъ сѣмена подъ землей.

Но не только отдѣльные части растеній приобрѣтаютъ способность двигаться подъ вліяніемъ свѣта. Такъ, напримѣръ, существуетъ маленькій палочкообразный грибокъ-бактерія, многія тысячи котораго, расположенныя въ рядъ едва-едва займутъ 1 см. Если удалить свѣтъ со стеклышка, на которомъ бактерія эта разсматривается подъ микроскопомъ въ каплѣ воды, то бактерія тотчасъ же какъ бы застываетъ, и всѣ движенія ея прекращаются. Слабый лучъ свѣта снова выводитъ ее изъ этого состоянія, и чѣмъ сильнѣе падающій на нее свѣтъ, тѣмъ быстрѣе становятся ея движенія. Самое незначительное, едва замѣтное для глаза измѣненіе свѣта тотчасъ же отражается на скорости ея движеній, отсюда названіе ея: „*Bacterium photometricum*—свѣтоизмѣряющая

бактеріа“. И подобно этой бактеріи, приходятъ въ движеніе подѣйствіемъ свѣта многія другія маленькія растенія и даже низшія животныя, въ особенности инфузоріи, которыя притягиваются къ той сторонѣ акваріума, которая лежитъ ближе всѣхъ къ источнику свѣта.

Такимъ образомъ вездѣ въ природѣ свѣтъ создаетъ жизнь и, наоборотъ, жизнь является источникомъ свѣта. Плиніи рассказываетъ въ своей естественной исторіи, состоящей изъ 37 книгъ, что многія животныя изъ сем. двустворчатораковинныхъ моллюсковъ издаютъ такой сильный свѣтъ, что въ темнотѣ они производятъ впечатлѣніе огненныхъ капель во рту людей, которые ѣдятъ ихъ. Онъ рассказываетъ, что одинъ экземпляръ такого животнаго заставилъ до того свѣтитъ $\frac{1}{4}$ фунта молока, въ которомъ онъ былъ принесенъ, что можно было явственно различить лица присутствующихъ въ темной комнатѣ. Уже Аристотель, этотъ гениальный грекъ, наблюдалъ неоднократно такія явленія; онъ вполне правильно указываетъ, что чешуя, глаза и голова рыбъ, гниющее дерево и рогъ сильно свѣтятся. Линней утверждалъ, что жиръ совы также свѣтитъ, а о свѣченіи разныхъ родовъ мяса, употребляемыхъ для ѣды, существуютъ уже указанія около 300 лѣтъ. Особенно часто замѣчаемъ былъ свѣтъ отъ рыбаго мяса, которое иногда свѣтило съ одинаковой силой въ теченіе 8 дней. Причина этого заключается—какъ показываетъ микроскопъ—въ размноженіи бактерій, которыхъ, несмотря на незначительные ихъ размѣры, можно замѣтить вездѣ. Свѣченіе можно передать другимъ кускамъ мяса; это, слѣдовательно, явленіе заразительное,—впрочемъ нисколько не опасное для здоровья.

Cuscio—таково названіе одного жука въ Средней Америкѣ, который имѣетъ на спинкѣ своей 2 пятна, издающія въ темнотѣ такой сильный свѣтъ, что при немъ можно совершенно свободно разбирать писанное. Путешественники рассказываютъ, что индѣйцы привязываютъ къ своимъ ногамъ этихъ жуковъ, чтобы ночью различать тропинки въ лѣсной чащѣ,—это впрочемъ слѣдуетъ скорѣе отнести къ области басенъ; но достовѣрно то, что американскія дамы вшиваютъ этихъ жуковъ въ тонкій тюль и украшаютъ себя ими во время ночныхъ празднествъ на открытомъ воздухѣ. О свѣтящихся берегахъ и лучеиспускающихъ источникахъ мы встрѣчаемъ рассказы еще у римскихъ поэтовъ (Авзонія и Марціала),—и это не плодъ фантазій, не поэтической вымыселъ. Въ графствѣ Аоста, въ Верхней Италіи, существовалъ такой источникъ, берега котораго при каждомъ прикосновеніи къ нимъ ногой или заступомъ издавали ночью поразительно яркій свѣтъ, что, конечно, объяснялось присутствіемъ маленькихъ свѣтящихся организмовъ.

Если о наиболѣе блестящихъ свѣтовыхъ явленіяхъ, вызываемыхъ живыми организмами на сушѣ, мы имѣемъ уже неясныя указанія изъ очень давнихъ временъ, то первыми болѣе точными наблюденіями и описаніями такого рода явленій въ морѣ мы обязаны знаменитому авантюристу Америго Веспуччи, по имени котораго Америка получила свое названіе. Тщетны были всѣ старанія объяснить это явленіе, пробовали даже прибѣгнуть къ помощи космическихъ причинъ, то-есть созвѣздій—но напрасно. Лишь немного болѣе, чѣмъ 100 лѣтъ тому назадъ было уста-

новлено, что свѣтъ океана обязанъ своимъ существованіемъ живымъ организмамъ, такъ какъ большое число морскихъ животныхъ обладаетъ способностью свѣченія. Таковы, напр., сальпообразныя (*Thaliacra*), почти прозрачныя, слизистыя животныя, замѣчательное развитіе которыхъ впервые было изслѣдовано Шамиссо; далѣе медузы, полипы, инфузоріи, которыя отдѣльно свѣтятся слабо, но когда милліарды ихъ собраны вмѣстѣ, море отъ нихъ искрится зеленымъ, голубымъ или красноватымъ свѣтомъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ волны морскія разбиваются о скалы и утесы или пѣнятся у бортовъ корабля; въ такихъ случаяхъ судно, разбивая волны, оставляетъ за собою длинную огненную полосу. Если бы классической древности было извѣстно все великолѣпіе этого явленія, тогда Гезіодъ въ своемъ „Созданіи боговъ“ совсѣмъ иначе заставилъ бы Афродиту выйти изъ пѣны морской.

Но что значитъ весь этотъ свѣтъ вышеупомянутыхъ свѣтящихся животныхъ въ сравненіи съ блескомъ пирозомы (изъ *Tunicata*—оболочниковыхъ), тѣло которой, имѣющее 1½ метра въ длину, непрерывно испускаетъ изъ себя искры при всякомъ прикосновеніи къ нему. Въ древности такія искрящаяся огнемъ животныя, повидимому, были извѣстны, ибо въ книгѣ Іова о левіаанѣ говорится: изъ ноздрей его пышетъ огонь, рѣсницы глазъ его подобны перстамъ утренней зари, изъ пасти его вырывается пламя, разсыпая искры вокругъ.

Въ сказкахъ мы находимъ разсказы о чудесномъ царствѣ ундины*), расположенномъ глубоко на днѣ морскомъ и населенномъ существами совсѣмъ особой породы. Такое дивное царство открылось передъ глазами изслѣдователя, когда ему удалось спуститься въ своихъ поискахъ на дно морское и проникнуть въ глубь океана. Еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ господствовало убѣжденіе, что въ пучинѣ морской нѣтъ никакой жизни. Но вотъ въ 1872 года снаряжена была на кораблѣ „Challenger“ глубоководная экспедиція, которая въ теченіе четырехъ лѣтъ перерѣзала океанъ во всѣхъ направленіяхъ. Открытъ былъ новый міръ. Работа экспедиціи оказалась неимоვნю трудной. Чтобы опустить одинъ разъ сѣть на глубину 6 километровъ, требовалось работать цѣлый день отъ ранняго утра до поздняго вечера, и при этомъ въ результатѣ могъ оказаться одинъ лишь илъ; немногія же нѣжныя животныя извлекались при помощи коноплянной пакли. При этомъ было найдено, что, хотя по мѣрѣ углубленія жизнь замираетъ, все же она существуетъ еще вездѣ на глубинѣ болѣе восьми километровъ. Многія изъ этихъ животныхъ слѣпы, и замѣной недостающаго имъ чувства зрѣнія служатъ у нихъ необычайно длинныя и чрезвычайно чувствительныя щупальца. У нѣкоторыхъ глаза превратились въ длинные шипы, другія, напротивъ того, имѣютъ необычайно развитые глаза: у нѣкоторыхъ рыбъ глаза занимаютъ одну треть поверхности ихъ тѣла.

Но эти органы не остаются безъ употребленія въ морскихъ глубинахъ, гдѣ, повидимому, долженъ господствовать полный мракъ, ибо здѣсь свѣтъ доставляется различнѣйшими обитателями

*) Ундины почти то же, что русалки.

морской глубины. Многія рыбы имѣютъ замѣчательные отростки на головѣ, которые расположены вверху надъ макушкой и очень ярко фосфоресцируютъ; у другихъ имѣются длинныя свѣтящіяся ленты, которыя расположены по бокамъ ротового отверстія и тянутся за тѣломъ, подобно кометнымъ хвостамъ. Однѣ рыбы имѣютъ ярко свѣтящіяся полосы по бокамъ своего тѣла, у другихъ, какъ напримѣръ, у глубоководныхъ акулъ кожа покрыта многочисленными блестящими пятнами, у третьихъ, наконецъ, вся поверхность тѣла испускаетъ желтый, зеленый, голубой, бѣлый или фіолетовый свѣтъ. Одинъ скандинавскій изслѣдователь назвалъ одну морскую звѣзду, издававшую чрезвычайно красивый оранжевый свѣтъ, бризингой по имени драгоцѣннаго камня богини красоты Фрей, о которомъ очень много говорится въ народныхъ легендахъ.

И весь этотъ міръ глубоководныхъ обитателей питается лишь крошками, которыя, подобно маннѣ въ пустынѣ, попадаютъ въ эти мрачныя пучины съ богатаго стола царства животворнаго свѣта. Во всякомъ случаѣ, много требуется времени, пока пища пройдетъ этотъ длинный путь отъ надземнаго міра. Такъ, напр., четыре дня продолжается, пока мертвое тѣло сальпы, величиной съ небольшой палецъ, погрузится на 4 километра въ глубь. Но какъ бы то ни было, оно все-таки погружается. У береговъ Австраліи найдена была на глубинѣ 8 километровъ живая морская игла, желудокъ которой былъ набитъ морской травой, а въ другомъ мѣстѣ были извлечены изъ значительной глубины пальмовые плоды, сильно изгрызанные раками. Въ мѣстѣ съ этими плодами въ пучины океана опускался живительный свѣтъ солнца, вызывая и здѣсь жизнь, пробуждая ненависть и любовь и въ этихъ пустынныхъ глубинахъ. Солнце озаряетъ океанъ, — и онъ живетъ, говоритъ Окенъ, знаменитый естествоиспытатель.

И мы заслуживали бы упрека въ самой черной неблагодарности, если бы не обращались постоянно къ этому безконечному источнику всякаго свѣта, къ нашему высокому, живительному солнцу.

„Мы желаемъ свѣта, стремимся къ солнцу, подобно орламъ, но, увы, солнечные лучи, которыхъ мы такъ жаждемъ, ослѣпляютъ нашъ глазъ, и парить надъ облаками намъ никогда не будетъ суждено“, — такъ жалуется въ отчаяніи Одинъ, высшій изъ боговъ. Но телескопъ, спектроскопъ и всѣ другіе аппараты даютъ намъ возможность познакомиться съ этими испускающими свѣтъ небесными тѣлами, ибо свѣтъ — это языкъ звѣздъ. Когда астрономы говорятъ намъ, что солнце отстоитъ отъ насъ на 20 милліоновъ миль, то какъ можемъ мы составить себѣ представленіе объ этомъ разстояніи? Мы говоримъ, что умѣлый пѣшеходъ, не тратя времени на напрасныя остановки, прошелъ бы это разстояніе въ 6800 лѣтъ, скорый поѣздъ — въ 300, снарядъ, выпущенный изъ пушки — даже въ 9 лѣтъ, при чемъ звукъ выстрѣла былъ бы услышанъ на солнцѣ лишь 5-ю годами позже. Если бы какой-нибудь ребенокъ имѣлъ такую длинную руку, что могъ бы коснуться ею солнца, то онъ могъ бы умереть сѣдымъ старикомъ, не подозревая даже, что въ раннемъ дѣтствѣ онъ обжегъ свою руку о солнце: за это время нервы не успѣли бы передать мозгу ощущеніе боли.

Само солнце представляет собой раскаленный шаръ, состоящій изъ тѣхъ же веществъ, изъ которыхъ образована земля: напр., желѣза, никкеля, кальція. Поверхность этой раскаленной массы называютъ фотосферой. На ней находятся еще болѣе свѣтлыя полосы, солнечныя факелы (Sonnenfackeln), о которыхъ, впрочемъ, упоминается уже въ древнихъ китайскихъ книгахъ. Эти факелы занимаютъ часто большее пространство, чѣмъ какой-нибудь земной материкъ, и двигаются со скоростью, равной 200 милямъ въ секунду. Если факелы являются наиболѣе свѣтлыми пунктами солнца, то на послѣднемъ существуютъ и мѣста болѣе темныя, а именно всѣмъ извѣстныя, такъ называемыя солнечныя пятна, которыя наблюдаются уже на солнцѣ около 300 лѣтъ. Такое пятно, діаметръ котораго часто бываетъ въ 18 разъ больше земного діаметра, остается видимымъ въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ и вращается вмѣстѣ съ фотосферой вокругъ солнечной оси. Иногда такія пятна наблюдаются въ значительномъ количествѣ, иногда они совсѣмъ исчезаютъ. Эта періодичность повторяется приблизительно черезъ каждыя 11 лѣтъ. Въ солнечныхъ пятнахъ ищутъ причины многихъ явленій, совершающихся на нашей землѣ. Сѣверное сіяніе, содержаніе озона въ воздухѣ, наводненія, засухи и неурожай, появленіе эпидемій—все это ставится въ связь съ солнечными пятнами, а одинъ профессоръ пытался даже установить причинную зависимость между солнечными пятнами и биржевыми крахами.

Это солнечное тѣло окружаютъ двѣ атмосферы. Нижнюю составляетъ хромосфера, изъ которой постоянно выбрасываются въ верхнюю, корону, часто на высоту 70.000 миль огромные огненные потоки раскаленного водорода, такъ называемые протуберанцы, со скоростью, превосходящей быстроту полета самой быстрой пули. Во время полного солнечнаго затменія корона представляется намъ въ видѣ свѣтлосѣраго вѣнца, который былъ уже извѣстенъ астрономамъ древности, но истинный характеръ котораго столь же неясенъ нашимъ физикамъ, какъ и изслѣдователямъ, наблюдавшимъ созвѣздія на обсерваторіяхъ Гелиополиса и Вавилона.

Но мы знаемъ, что свѣтъ этого центрального тѣла болѣе ярокъ, чѣмъ свѣтъ многихъ милліардовъ самыхъ яркихъ газовыхъ огней, и что температура его поверхности въ 5000 разъ выше самой высокой температуры наиболѣе усовершенствованной искусственной печи. Чтобы получить силу, излучаемую солнцемъ, посредствомъ искусственнаго сжиганія, надо было бы ежечасно сжигать такое количество самаго лучшаго угля, которое могло бы покрыть всю поверхность солнца на 5 метровъ. А если бы все солнечное тѣло состояло изъ такого превосходнаго угля, то, чтобы оказывать то же дѣйствіе, которое оно производитъ теперь, оно выгорѣло бы цѣликомъ въ 6000 лѣтъ. А между тѣмъ самыя точныя наблюденія не даютъ возможности установить хотя бы малѣйшее уменьшеніе свѣта или теплоты солнца. Здѣсь передъ нами снова одна изъ многочисленныхъ загадокъ, на которыя естествоиспытатель наталкивается еще на каждомъ шагѣ и на которыя не существуетъ еще пока лучшаго отвѣта, кромѣ припѣва одной пѣсенки:

Wir finden nicht die Gleichung lösend x
Und saen nescimus—wir wissen nix“.

Но эта неизмѣримость солнца, эта вѣчно юная сила, эта безконечность свѣта и теплоты давно уже возбуждали умъ чело-вѣка и привлекали его взоръ къ этому могучему источнику свѣта; и вотъ мы видимъ, что еще на зарѣ исторіи чело-вѣкъ начинаетъ почитать эту небесную силу, какъ высшее изъ божествъ. Пѣроглифы для обозначенія Озириса, бога небесъ, представителя вновь пробуждающейся жизни въ плодотворной Нильской долинѣ, состоятъ изъ глаза, небеснаго глаза—солнца—и высокаго трона. Персидскій свѣтлый богъ добра, Агурамазда, изображался въ видѣ глаза, изъ котораго выдавался лукъ съ перистыми стрѣлами: это солнце и лучи его. Въ имени высшаго бога вавило-нянъ—Бэль—мы находимъ корень слова *il*, что значитъ свѣтитъ; такой же корень находится въ названіи высшаго божества асси-ріянъ; наконецъ, того же происхожденія, что и Бэль, свѣтящійся, также греческій Аполлонъ и Бальдуръ, весенній богъ нѣмецкой мифологіи. А Зигфридъ развѣ не является свѣтлымъ солнечнымъ богомъ, пробуждающимъ землю къ новой жизни, противъ кото-раго выступаетъ зимній мракъ, олицетворенный въ Гагенъ? „По-смотри на солнце; если оно скрылось, то ты побѣдишь и сына короля Зигмунда“—такъ шипитъ змѣя изъ темной пещеры мрач-ному Гагену. А дроздъ, предостерегая, поетъ: „О Зигфридъ, Зиг-фридъ! скоро побѣдишь солнце, только подожди минутку, одну минутку; твой спаситель сниметъ покрывало съ своей свѣтлой главы, и адъ станетъ безпомощнымъ“. А въ сказкѣ о царицѣ-шиповникѣ подъ разбивающимъ чары поцѣлуемъ рыцаря подра-зумѣвается свѣтъ солнца, несущій жизнь и пробуждающій землю отъ зимнихъ оковъ къ новой, творческой дѣятельности.

Изъ обычаевъ и обрядовъ многое напоминаетъ еще о пер-вобытномъ культѣ солнца и свѣта. Празднество ко времени зим-няго поворота солнца съ его огромнымъ пылающимъ костромъ, сохранившимся до-нынѣ въ видѣ веселой рождественской елки, затѣмъ Ивановъ-огонь ко времени лѣтняго поворота солнца, наконецъ, даже круглой формы хлѣбы, которые пекутся въ из-вѣстные дни во многихъ нѣмецкихъ деревняхъ—все говоритъ о такомъ культѣ. Въ кельтскомъ сказаніи о св. гралѣ *) также скрытъ культъ животворнаго свѣта. Наконецъ, въ той великой книгѣ, которая является общимъ достояніемъ всего культурнаго міра, мы находимъ въ самомъ началѣ знаменательныя слова:

„И Богъ сказалъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ!“

*) Мы не можемъ найти уравненія, чему равно неизвѣстное для рѣшенія и говоримъ *passim*—мы не знаемъ ничего

*) Подъ легендой о св. гралѣ въ Средніе вѣка разумѣлось сказаніе о чашѣ, изъ которой ѣлъ Исусъ Христосъ на послѣдней вечерѣ и въ которую была собрана кровь Христа. Сказаніе это испанскаго происхожденія, перешло во Францію въ XII в., откуда ее заимствовалъ Вольтрамъ ф. Эшенбахъ, отъ котораго въ свою оче-редь Вагнеръ заимствовалъ сюжетъ для своей оперы «Парсиваль».

БИБЛИОГРАФІЯ.

Бугле. Эгалитаризмъ. (Идея равенства). Соціологическій этюдъ. Перев. съ франц. подъ редакціей И. К. Брусиловскаго. Одесса. Изд. Е. П. Распопова. 1904 г. Ц. 50 к. Имя Бугле уже нѣсколько знакомо русской читающей публикѣ. Его книжка: «Соціальныя науки въ Германіи» появилась въ русскомъ переводѣ въ двухъ изданіяхъ. — Въ настоящей работѣ онъ ставитъ себѣ чисто соціологическую задачу: выяснитъ тѣ условія, которыя содѣйствовали и содѣйствуютъ успѣху идеи равенства въ человѣческихъ отношеніяхъ. Онъ вполне правильно замѣчаетъ, что самая идея равенства, какъ таковая, ни отъ чего не можетъ заимствовать того безусловнаго значенія, какое она имѣетъ для сознанія людей: она есть нѣчто апіорное, т. е. непосредственно данное для человѣческаго самосознанія. Но, придавая такое значеніе идее равенства, мы, все же, можемъ изучать, какъ, при какихъ условіяхъ, благодаря какимъ моментамъ эта идея дѣлаетъ завоеванія въ сферѣ человѣческихъ отношеній. Другими словами, авторъ даетъ себѣ вполне ясный отчетъ обо всемъ глубокомъ различіи, какое существуетъ въ методологическомъ отношеніи, между критической и генетической (причинной) точками зрѣнія.

Идея равенства, какъ опредѣляетъ ее авторъ, есть идея *практическая*, т. е. моральная; она требуетъ, постулируетъ безусловное значеніе, безусловную цѣнность *человѣчества* и *индивидуальности*, а благодаря этому одинаково воздастъ должное и чертамъ сродства, и чертамъ различія людей. Такимъ образомъ, вопросъ, съ точки зрѣнія эгалитарной идеи, сводится не къ какой-либо общей нивелировкѣ людей, а къ признанію одинаковыхъ правъ для всего, что только носитъ на себѣ обликъ человѣка. Эгалитарныя идеи несомнѣнны ни съ кастовыми, ни съ сословными, ни съ классовыми строемъ жизни, такъ какъ здѣсь нѣтъ этого принципиальнаго призванія безусловной цѣнности за человѣческой личностью, какъ таковой, независимо отъ различныхъ социальныхъ перегородокъ.

Зарожденіе идеи равенства авторъ относитъ къ концу Римской имперіи, когда, благодаря христіанству и стоицизму, идея о самодовлѣющей цѣнности человѣческой личности достигла значительнаго распространенія. Первобытное общество, несмотря на его внѣшне-демократическій строй жизни, наоборотъ, не знало этой идеи: вообще, ему было чуждо сознаніе личности, индивидуальности. Съ паденіемъ Римской имперіи, эгалитарныя идеи какъ бы исчезаютъ изъ міра. Только въ новое время, въ періодъ такъ называемыхъ западныхъ цивилизацій онѣ возрождаются. Самый строй современной жизни неуклонно приводитъ къ торжеству идеи равенства: громадный ростъ населенія, его подвижность и все увеличивающаяся плотность, взаимно-переплетающіяся однородность и разнообразность социальной среды, наряду съ растущимъ объединеніемъ общества и усложненіемъ его внутреннихъ отношеній, — все это необходимо пробуждаетъ въ человѣческомъ сознаніи идею безусловной цѣнности человѣчества и индивидуальности и неизбежно утверждаетъ ихъ права. Авторъ справедливо говоритъ по

этому поводу: «Если... торжество идеи равенства объясняется... самым строгимъ тѣхъ обществъ, которыя подчиняетъ себѣ эта идея, тогда условія борьбы (противъ нея) мѣняются. Произведите дробленіе государствъ, разрушьте до основанія города, загородите дороги, разъедините людей на такія замкнутыя группы, которыя не допускали бы развитія индивидуальныхъ различій и, въ то же время, не позволили бы индивидуумамъ подражать другъ другу, продѣлайте все это раньше, и тогда, быть можетъ, вамъ удастся остановить демократическое направленіе западной цивилизаціи» (стр. 141). И трудно не согласиться съ этимъ выводомъ: индукція и дедукція, психологія и исторія,—какъ это показываетъ авторъ, одинаково доказываютъ справедливость этихъ словъ.

Что касается самого способа трактованія темы, то въ этомъ отношеніи на авторъ замѣтно сильное вліяніе социологическихъ работъ Зиммеля и Дюркгейма. Ему можно было бы сдѣлать одинъ упрекъ: онъ недостаточно рѣзко подчеркиваетъ моментъ социальнаго хозяйства вообще и торговли въ частности: ростъ населенія, его подвижность, плотность, общественная дифференціація и т. д.,—все это неразрывно связано и развивается на фонѣ хозяйственного уклада жизни: извѣстныя формы социальной трудовой дѣятельности, извѣстныя формы обмена необходимо пробуждаютъ въ сознаніи людей и идею индивидуальности и идею общества, равенства.

Переводъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ шероховатостей, выполненъ хорошо.

И. Давыдовъ.

Земледѣліе, промышленность и ремесла. Съ англ. перевелъ А. Н. Коншинъ. Изд. 2-е «Посредникъ». Москва 1904 г. Ц. 80 к. «Можно воплотить гарантировать удовлетвореніе, которое человѣкъ можетъ найти въ разностороннемъ и полномъ примѣненіи своихъ способностей, въ работѣ безъ переутомленія и въ сознаніи того, что благосостояніе его основано не на страданіяхъ ближнихъ. Вотъ горизонтъ, который открываютъ мои изысканія всякому непредубѣжденному уму». Такъ говоритъ авторъ въ заключительныхъ строкахъ своего изслѣдованія о характерѣ и тенденціяхъ современной хозяйственной жизни. Этотъ положительный выводъ авторъ пытается подтвердить ссылками на факты европейской и американской хозяйственной жизни, а также индійской и японской. Онъ, убѣжденный сторонникъ децентрализаціи хозяйства, требуетъ соединенія промышленности съ земледѣліемъ, умственного труда съ физическимъ;—только при этомъ условіи, по его мнѣнію, люди смогутъ жить истинно-человѣческой жизнью.

Если это требованіе должно служить для насъ идеаломъ въ экономической жизни, то противъ него ничего нельзя возразить: основное зло современной жизни, превращеніе человѣка въ простое средство, въ товаръ, несомнѣнно имѣетъ свои корни въ доведенномъ до крайнихъ предѣловъ принципѣ раздѣленія труда. Понятно, нужно стремиться къ цѣлостности человѣка, нужно собрать во-едино эту разсыпанную хранину, человѣческое «я». Но *какъ*, какими путями, какими средствами этого достигнуть,—въ этомъ весь вопросъ. Сужденія автора о роли и значеніи мелкаго производства, какъ въ промышленности, такъ отчасти и въ земледѣліи, слишкомъ субъективны, на нихъ слишкомъ лежитъ печать своеобразнаго романтизма, чтобъ ихъ можно было положить въ основу практически-экономической дѣятельности. Крупное централизованное производство, со всѣмъ тѣмъ, что органически вырастаетъ и связано съ нимъ—одно изъ наиболѣе цѣнныхъ завоеваній современнаго человѣчества, и именно этимъ путемъ оно скорѣе придетъ къ реализаціи своихъ идеальныхъ требованій.

Во всякомъ случаѣ, факты, въ изобиліи приводимые авторомъ, сами по себѣ, очень цѣнны и интересны,—и они лишній разъ доказываютъ, какъ сложенъ и далекъ отъ прямолинейности тотъ путь, какимъ совершается хозяйственная эволюція современнаго общества.

И. Давыдовъ.

1. *Шмеле*. (Прив. доц. Грейфсвальдскаго универс.) *Соціалъ-демократическіе профессиональные союзы въ Германіи со времени изданія закона противъ социалистовъ*. Первая, подготовительная часть. Перев. съ нѣм. И. Давидсона подъ ред. С. Н. Прокоповича. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 75 коп.

Вопросъ о профессиональномъ рабочемъ движеніи и о связи его съ политической организаціей рабочаго класса является однимъ изъ наиболее жгучихъ вопросовъ общественной жизни въ Западной Европѣ. Сторонники перваго указываютъ, какъ на образецъ, достойный подражанія, на англійскіе трэдъ-юніоны, цѣликомъ поглощенные экономической борьбой, чуждые самостоятельной политики и участвующіе въ политической борьбѣ лишь постольку, поскольку это нужно для проведенія полезныхъ для нихъ законовъ. Такой взглядъ на задачи организаціи рабочаго класса раздѣляется, какъ извѣстно, далеко не всѣми. Противники такого взгляда вполне справедливо возражаютъ, что англійскій трэдъ-юніонизмъ не можетъ служить идеаломъ для другихъ странъ уже потому, что въ самой Англій онъ не привелъ къ тѣмъ результатамъ, какихъ отъ него ожидали. Они указываютъ на то, что одной экономической борьбы (а слѣдовательно и чисто экономического типа организаціи) совершенно недостаточно въ настоящее время для защиты интересовъ рабочаго класса въ его борьбѣ съ капиталистами. Послѣдніе это поняли уже давно. Не переставая совершенствовать свои организаціи для экономической борьбы съ рабочимъ классомъ—синдикаты, тресты, всевозможные предпринимательскіе союзы,—они въ тоже время усорно стараются удержать въ своихъ рукахъ политическую власть и использовать послѣднюю для защиты своихъ интересовъ. Поэтому,—говорятъ пртивники сторонниковъ чисто профессиональнаго движенія—рабочій классъ также долженъ направить всю свою энергію на политическую борьбу, ибо всякая профессиональная организація и экономическая борьба будутъ имѣть силу и значеніе лишь въ томъ случаѣ, если рабочій классъ будетъ организованъ въ могучую политическую партію, которая станетъ руководить его профессиональной организаціей и экономической борьбой. Вотъ почему мы видимъ въ Бельгіи расцвѣтъ такихъ чисто экономическихъ организаціи, которые въ другихъ странахъ не приводятъ ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Этимъ объясняется также и то обстоятельство, что въ Англій, этой классической странѣ трэдъ-юніонизма, среди рабочаго класса съ каждымъ днемъ усиливается стремленіе къ образованію самостоятельной политической партіи, которая явилась бы единственной представительницей и защитницей интересовъ рабочаго класса. Очевидно, трэдъ-юніоны оказались не въ состояніи удовлетворить всѣ запросы жизни.

Названная книга Шмеле представляетъ собой попытку изложить исторію развитія профессиональных рабочихъ союзовъ въ связи съ социаль-демократическимъ движеніемъ. Самъ авторъ, являясь приверженцемъ «притушенія классовыхъ интересовъ» въ современномъ обществѣ, сторонникомъ широкаго профессиональнаго движенія среди рабочихъ. Онъ, правда, не отрицаетъ значенія политической дѣятельности рабочаго класса, но онъ убѣжденъ, что чѣмъ больше социаль-демократическая партія будетъ отказываться «отъ чисто отрицательной позиціи и принимать участіе въ практическихъ задачахъ современнаго государства, тѣмъ болѣе мягкія формы будетъ принимать враждебность социаль-демократіи къ буржуазному обществу и буржуазнаго общества—къ социаль-демократіи. Мы не можемъ здѣсь останавливаться на разборѣ вопроса о томъ, насколько правъ Шмеле въ своей оцѣнкѣ социаль-демократической партіи въ Германіи. Укажемъ лишь, что редакторъ перевода г. Прокоповичъ, счелъ нужнымъ снабдить книгу своимъ примѣчаніемъ, въ которомъ между прочимъ указываетъ, что Шмеле «обнаруживаетъ недостаточное пониманіе политическихъ условій Германіи, развитія въ ней политическихъ отношеній и политическихъ партій».

Переводъ книги сдѣланъ весьма удовлетворительно и цѣну ея нельзя признать дорогой.

Д. В.

Александръ Ачкасовъ. *Пѣсни русскихъ писателей о волѣ.* Изданіе второе дополненное. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Ц. 75 к. (186 стр.). Мысль пришла г. Ачкасову очень счастливая. Ничто больше въ такой степени, такъ настойчиво, призывно и горячо не волновало и не рождало вдохновенія русскихъ писателей, какъ мечты и вздохи о волѣ. Люди самыхъ разнообразныхъ лагерей и отгѣнковъ, темпераментовъ и талантовъ отзывались съ одинаковой тоской о далекой и неосуществляющейся свободѣ. Романтикъ нѣмецкаго склада, Жуковский и печальникъ народнаго горя, Некрасовъ, желчный Щедринъ, задумчивый Г. Успенскій и эстетъ—Ал. Толстой, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, какъ Кольцовъ и славянофилъ Аксаковъ—все отдали въ свой чередъ вздохъ и слезы о свободѣ.

Видимо, сборникъ г. Ачкасова рассчитанъ на самую широкую публику, быть можетъ, въ особенности, на народную аудиторію и начальную школу: въ этомъ убѣждаютъ насъ тѣ комментаріи, которыми сопровождаетъ авторъ различныя стихотворенія, помѣщенныя въ книгѣ. Немало здѣсь «пѣсенъ», посвященныхъ тоскѣ безмолвія писателей, жалобамъ на поднадзорность и плѣвъ слова и мысли. Есть стихи о долѣ учительской, о 19 февраля, о тюрьмѣ, о радости битвы и т. д., и т. д. Составлена книга очень недурно, а если въ ней кое-чего нѣтъ изъ того, что могло бы и, пожалуй, должно бы быть, то жалѣть объ этомъ, конечно, можно, но упрекнуть за такое отсутствіе—нельзя: на 186 страницѣхъ всего не умістишь. Издана книга мило, хотя досадно за опечатыя, пусть даже и рѣдкія: сборникъ, вѣдь, неминуемо проникнетъ въ тѣ слои, гдѣ нужна исключительно грамотная книга, до педантизма, до мелочей и буквъ.

«Пѣсни о волѣ» выходятъ вторымъ и, мы увѣрены, не послѣднимъ изданіемъ. Для такой оригинальной и интересной хрестоматіи цѣна совсѣмъ невысока, хотя, если бы издатель и авторъ рѣшились расчислить для книги очень широкій путь, имъ слѣдовало сбавить цѣну до трети. Такъ копѣекъ до двадцати пяти...

П. П.—ій.

П. С. Уваровъ. *Типы и нравы Сахалина.* Изд. Ефимова. М. 1904. Ц. 1 р. 25 к. 344 стр. Послѣ книгъ Чехова, Дорошевича и г. Миролюбова въ томикѣ г. Уварова читателю ничего ни новаго, ни оригинальнаго не найти. Очень трудно рѣшить на основаніи этой книги—былъ ли на Сахалинѣ авторъ, или нѣтъ, пишетъ ли онъ по наблюденіямъ, или по наслышкѣ, видѣлъ ли онъ изображаемую жизнь, или читалъ о ней. Къ достоинствамъ «Типовъ и нравовъ Сахалина» надо отнести ихъ языкъ, очень легкій и въ общемъ литературный; къ недостаткамъ... Но къ недостаткамъ приходится отчислить все остальное: мелодраматическое содержаніе, неискренній тонъ, поверхностное отношеніе къ психологической сторонѣ описываемыхъ лицъ, легкомысленно-легкій взглядъ на всѣ ужасы и драмы, съ которыми знакомитъ читателя авторъ. Такихъ «разсказовъ» не мало уже прошло черезъ столбцы и страницы такъ называемой мелкой прессы; ничего серьезнаго, важнаго, любопытнаго они не даютъ, а о художественной сторонѣ не нужно и говорить: предъявлять къ книжкѣ г. Уварова какія бы то ни было требованія съ этой точки зрѣнія—значить, возлагать на автора бремя неудобноносимое, подходить къ нему съ требованіями эстетической критики значило бы судить его безъ снисхожденія «по высшей мѣрѣ».

Если у г. Уварова добродѣтельно-благородный герой, то это—Тришка: безъ пятнышка, безъ сучка и задоринки, такъ что удивительно, какъ каторга и поселеніе могутъ еще спасти душу не только живую, а прямо-таки небесную и, пожалуй, протестъ и гнѣвъ противъ развращающе-ужасныхъ условій этой жизни значительно утихнутъ отъ созерцанія такихъ ходячихъ добродѣтелей, какъ Тришка. Если—приливъ разбойническаго благородства, то вотъ вамъ Маркъ, не каторжникъ, а просто какой-то средневѣковъ испанецъ; когда раскаянье, то со слезами

умиленія. «Продажная» повторяет отчасти «Монашку», — и въ той, и въ другой то же самое явленіе изображено въ лицах Наташи и Соньки. Одноцвѣтно нарисованы Воробей (въ первомъ разсказѣ сборника), Мокрохвостовъ (разсказъ того же имени); неконченъ, отрывоченъ и безынтересенъ поэтъ Варшавскій; дубочна Елена Вубелись... Въ общемъ книжка читается все же безъ труда, что не надо переводить: «съ пользой», издана не плохо, и не хорошо, скорѣе, все-таки по базарному, а цѣна непомѣрно возвышенна: полтинникъ за нее какъ разъ впору...

П. П.—ій.

С. Мельгуновъ. Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ. Изд. жур. «Правда» 1904. Ц. 50 к. (71 стр.). Очень интересный, но бѣглый обзоръ. Излагать поэтому исторіи нѣтъ возможности, — пришлось бы уснастить рецензію длинными выписками изъ книжки и, пожалуй, перенечатать добрую половину изъ нея. Первоначально брошюра была напечатана на страницахъ издаваемаго ею журнала (февраль, мартъ, апрѣль). Цѣль своей книжечки авторъ опредѣляетъ довольно широко и очень симпатично:

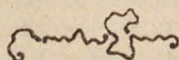
«Желаніе выработать цѣльное міросозерпаніе, говорить онъ въ своемъ вступленіи, — связавъ теоретическія знанія съ практическими выводами въ единую систему, — совершенно естественно и почтенно. Такое желаніе въ послѣднее время замѣтно пробуждается среди учащейся молодежи въ Россіи. Конечно, отъ желанія до его осуществленія далеко, и идеалъ далеко не совпадаетъ съ дѣйствительностью. Помочь разобратся въ этихъ исканіяхъ и найти подходящія средства для осуществленія поставленной цѣли можетъ историческій взглядъ на вопросъ, составляющій главную задачу настоящей статьи».

Исторія самообразовательныхъ исканій русской молодежи — старая и грустная исторія. Университетъ возникъ въ условіяхъ глубокой некультурности, среди тьмы и пошлаго невѣжества, и при его возникновеніи въ 1726 году при Академіи Наукъ пришлось выписывать изъ-за границы не только профессоровъ, но вмѣстѣ съ ними и самихъ студентовъ; однако, лучшіе изъ иностранцевъ почти тотчасъ же бѣжали: слишкомъ тяжело было находиться подъ гнетомъ русскаго бюрократизма, встрѣчая при этомъ еще и національный антагонизмъ, да не получая и жалованья.

Дальнѣйшее развитіе русской университетской жизни шло всегда въ зависимости отъ вѣяній свыше, подчиненное капризной смѣнѣ акцій и реакцій. Въ общемъ, слѣдя за этой грустной исторіей, получаешь впечатлѣніе какого-то тяжелого вѣкового недоразумѣнія, тяготѣвшаго надъ русской молодой мыслью, надъ наукой и общественными стремленіями, зарождавшимися въ университетскихъ стѣнахъ. Выводъ изъ всего получается самый неутѣшительный: всего меньше дѣла правящимъ кругамъ было до науки, главныя же заботы направлялись на скрытую борьбу съ «пагубными плодами западнаго просвѣщенія», на религіозно-нравственную съ виду, а, въ сущности, на притупляющую, полную мрачнаго обскурантизма, выработку служителей порядка. До самого послѣдняго времени почти ничто не измѣнилось и, напримѣръ, бывшій разсадинъ науки, дерптскій университетъ въ началѣ 90-хъ годовъ подвергся существенной ломкѣ, все въ тѣхъ же цѣляхъ русификаціи; и результатомъ всей этой политики явилось только наденіе его былого значенія...

Издана книжка хорошо, къ ней приложенъ очень цѣнный списокъ источниковъ, прочтется она съ удовольствіемъ, а цѣна ея недорога.

П. П.—ій.

Католицизмъ и конецъ древняго Рима.

G. Sorel. La ruine du monde antique. Conception matérialiste de l'histoire.

Исслѣдованіе причинъ паденія Рима во всѣ времена сильно занимало умы философовъ и историковъ. Мнѣнія по этому вопросу чрезвычайно расходятся. Такъ, напримѣръ, клерикальные писатели утверждаютъ, что гибель государствъ происходитъ отъ сверхъестественныхъ причинъ, ея назначеніе—служить интересамъ католицизма, такъ какъ всѣ правовѣрные должны составлять по духу одинъ народъ, во главѣ котораго стоитъ папа. Одна только Церковь не умираетъ, одна только она можетъ удовлетворить социальныя интересы человѣка, древнее же римское государство было въ этомъ отношеніи совершенно безсильно.

Римъ давно утратилъ самые основныя принципы военной организаціи; императоры не слѣдуютъ древнимъ римскимъ традиціямъ и не стремятся къ расширенію предѣловъ имперіи; это буржуазное благоразуміе имѣло фатальныя послѣдствія, оставляя границы не защищенными отъ вторженія враговъ. Однако, было бы несправедливо утверждать, что римляне утратили воинственный духъ, благодаря христіанству; нѣтъ, христіанство просто только воспользовалось мирной и буржуазной эволюціей имперіи. Хотя нѣкоторые отцы церкви энергично ратуютъ противъ военнаго дѣла, говоря, что преступно убивать своихъ ближнихъ, однако, другіе, какъ напр., блаженный Августинъ, стараются смягчить это крайнее ученіе. Онъ говоритъ, что христіанство вовсе не осуждаетъ войны, если она справедлива и ведется гуманно. Разумѣется, такое рѣшеніе вопроса превосходно, такъ какъ оно не затрагиваетъ самой сущности дѣла; и вотъ, съ легкой руки блаженнаго Августина возникла идея о добродѣтельномъ воинѣ и, когда хотѣтъ восхвалить подвиги какого-нибудь генерала, то прежде всего говорятъ: «онъ былъ человѣколюбивъ», а иногда прибавляютъ даже: «онъ отличался большой чистотой нравовъ», и часто все это говорится только лишь для нравственнаго удовлетворенія публики. По мнѣнію блаженнаго Августина, граждане обязаны нести военную службу, подобно тому, какъ палачъ, по самому характеру своей службы, обязанъ казнить законноосужденнаго. Вслѣдствіе этого, древнему Риму нечего было гордиться своей воинственностью, потому что убивать людей—дѣло вовсе не почетное. Ренанъ возстаетъ противъ подобныхъ взглядовъ, говоря, что отъ нихъ уже достаточно пострадала древняя іудейская цивилизація.

Въ Римѣ сановники были окружены особенными почестями, въ которыхъ ясно сказывается воинственное начало; консулъ являлся представителемъ *римскаго могущества*. Церковь же смотритъ на этотъ вопросъ совершенно иначе: почести—это выраженіе рабскаго чувства; впрочемъ, въ IV в. подобныя воззрѣнія дѣйствительно соотвѣтствовали современному порядку вещей. Однако, Церковь настолько осторожна, что не возстаетъ прямо противъ рабскихъ почестей; напротивъ того, она даже старательно ихъ охраняетъ, но требуетъ только, чтобы императоръ, окруженный высокимъ почетомъ, смиренно склонился передъ нею. Церковь, наконецъ, смотритъ на императора только какъ на *хранителя мира*; она можетъ уживаться со всякимъ правительствомъ, подобно тому, какъ мы привыкаемъ ко всякому булочнику, лишь бы онъ доставлялъ намъ хорошо выпеченный и настоящаго вѣса хлѣбъ. Церковь—это духъ, она настолько-же выше временнаго властителя, насколько душа выше органовъ физической жизни.

Можно ли разсчитывать, что и въ настоящее время еще возможенъ обмѣнъ функций между государствомъ и Церковью? Это очень важный вопросъ, который, впрочемъ, не такъ ужъ трудно разрѣшить. Не забудемъ, что духовная власть могла окрѣпнуть только благодаря особымъ благопріятнымъ условіямъ общественной жизни. Власть эта существовала, стало-быть, она возможна, но для насъ важно знать, представляютъ ли современныя социальныя условія благопріятную почву для ея возстановленія.

Войны времени революціи совершенно измѣнили понятіе о государствѣ; совершилось какъ бы пробужденіе античнаго духа, на полѣ битвы родился новый порядокъ вещей. Реставрація была безсильна остановить колоссальное движеніе, которое поднялось вслѣдъ за освободительной войной; когда же церковь вздумала возобновить свои нападки на новое *революціонное язычество*, то очутилась уже лицомъ къ лицу съ новыми экономическими порядками: промышленность усовершенствовала свои приемы, машины приобрѣли громадное значеніе. И вотъ, хотя духовенство привлекаетъ къ себѣ членовъ буржуазіи, конгрегаціи стараются овладѣть арміей и отчасти успѣваютъ въ этомъ дѣлѣ; съ каждымъ днемъ Церковь дѣлаетъ новые успѣхи — и, несмотря на все это, могучее теченіе увлекаетъ правительство къ созданію новыхъ законовъ, подсказанныхъ имъ новыми потребностями промышленности. Въ этихъ законодательствахъ вездѣ ярко сказывается забота о коллективныхъ интересахъ.

Прежнее правительство это — жандармъ, мѣръ, учитель; Церковь вѣдала все акты, касающіеся семейной жизни; она обучала, она была единственнымъ источникомъ знанія, доступнымъ крестьянину. Теперь уже далеко не то. Традиція революціи до сихъ поръ окружена еще высокой поэзіей въ глазахъ каждаго труженика, будь это фабричный рабочій или крестьянинъ. А чудеса Лурда, поклоненіе Сакре Соеур, канонизація Жанны д'Аркъ — интересуютъ однихъ только буржуа. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ идеи коллективизма пускаютъ въ народѣ все болѣе и болѣе глубокіе корни, по мѣрѣ того, какъ все сильнѣе чувствуется потребность въ неустанномъ совершенствованіи учреждений для народа — государство все болѣе и болѣе освобождается отъ своей подчиненной роли относительно Церкви.

Вернемся къ первымъ временамъ христіанства, къ IV вѣку, и посмотримъ, какими путями Церковь приобрѣла свое первенствующее значеніе.

Христіанство дало римскому міру абсолютное сознаніе индивидуальности, собственности и показало всю неосновательность воззрѣнія на обязанности каждаго гражданина въ отношеніи Рима. И въ результатѣ получилось то, что доходы, имѣвшіе прежде другое назначеніе, теперь перешли къ Церкви, а это повлекло за собою крупныя перемѣны во всемъ экономическомъ и социальномъ стрѣѣ. Эмансипація собственности неизбѣжно повлекла за собой и эмансипацію личности; она совершилась при тѣхъ-же условіяхъ: человѣкъ ничѣмъ не обязанъ передъ обществомъ, каждый долженъ заботиться только о своихъ личныхъ духовныхъ интересахъ и нисколько объ интересахъ всей страны. Конечно, въ подобныхъ воззрѣніяхъ не было ничего новаго; и раньше этого знатные роды старались уклоняться отъ общественныхъ обязанностей, какъ мало почетныхъ и подчасъ даже опасныхъ; но эгоизмъ Церкви былъ ужасенъ именно потому, что онъ носилъ подстрекающій характеръ и возводилъ такое положеніе дѣлъ въ систему. Однако, и тутъ, то, что теряло государство, выигрывала Церковь. Измѣнилось только нѣсколько понятіе о свободѣ совѣсти, въ современномъ смыслѣ слова.

Подстрекающій характеръ дѣйствій состоялъ въ томъ, что каждый истинно вѣрующій считалъ своимъ долгомъ служить примѣромъ для другихъ, а съ этой цѣлью очень часто впадали даже въ утрировку и совершали самые удивительные подвиги самоотреченія и умерщвленія плоти, какъ мы это увидимъ ниже. — Знатные римскіе роды, обогащенные войной или доходами съ провинцій теперь только думали о томъ, какъ бы имъ больше принизиться. Все это сильно отражалось на той *респектабельности*, которой такъ дорожили въ Римѣ. Допустимъ даже, что такая *респектабельность* основана на предрасудкѣ, но подобные предрасудки имѣютъ огромное значеніе въ жизни обществъ и, можетъ быть, на нихъ-то и опаснѣе всего посягать. Мистики утверждаютъ, что не слѣдуетъ дорожить человѣческимъ уваженіемъ, и что необходимо всѣми средствами

протестовать противъ традицій *респектабельности*. Отсюда вытекаеть, напр. странное поклоненіе св. Лядру, который такъ сталъ популяренъ въ послѣднее время; и, въ самомъ дѣлѣ, странно видѣть энтузіазмъ свѣтскихъ людей въ отношеніи этого святого, тѣло котораго покрыто коростой и вшами. Этого рода мистицизмъ—явленіе не новое; въ XVII в. бретанскій сановникъ Керіолъ, обращенный, благодаря Лудунскимъ чудесамъ, отправился въ странствованіе по святымъ мѣстамъ, не мѣняя бѣлья во все время пути и подвергая свою плоть умерщвленію посредствомъ вшей. Людовикъ св. прислуживалъ больнымъ на колѣняхъ, съ непокрытой головой; онъ служилъ за столомъ самымъ отвратительнымъ нищимъ и поѣдалъ остатки ихъ суша. Культъ св. Лядра и странная, извращенная, полумистическая литература нашего времени сами по себѣ чрезвычайно характерны и доказываютъ только безсиліе современнаго католицизма. Кому случалось наблюдать нѣкоторые слои общества съ ихъ показною религіозностью, тотъ придетъ къ убѣжденію, что людямъ приходится очень много хлопотать, чтобы только убѣдить себя, что они проникнуты любовью къ Богу. Все это не болѣе, какъ самое низменное вырожденіе мистицизма.

О свободѣ совѣсти Тэнъ высказываетъ парадоксъ, что у древнихъ народовъ ея не существовало, такъ какъ общества, гражданское и религіозное, сливались въ одно, и раздѣленіе совершилось только съ учрежденіемъ христіанства. Такъ, Тертуліанъ утверждаетъ, что римское правительство не вмѣшивалось въ дѣло религіозныхъ вѣрованій другихъ народовъ, но сами римляне должны имѣть одну общую вѣру, иначе они не могутъ считаться римлянами, такъ какъ, оскорбляя римскихъ боговъ, они оскорбляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самый Римъ. Впослѣдствіи, благодаря протестантизму, философіи и наукамъ, вѣрованія сильно умножились и теперь ихъ столько, сколько мыслящихъ людей. Это значить, что религіозныя общества распались на группы, сообразно разнымъ интеллектуальнымъ утонченностямъ.

Въ странѣ, гдѣ существуетъ такое дробленіе группъ, свобода совѣсти дѣйствительно *можетъ* существовать, но это невозможно тамъ, гдѣ Церковь пользуется преобладающимъ вліяніемъ. Ренанъ предлагаетъ рѣшить это затрудненіе раздѣленіемъ интеллектуальной области—между свободомыслящими и Церковью. «Не вмѣшивайтесь,—говоритъ онъ,—въ то, что мы пишемъ, и мы не станемъ оспаривать у васъ вліянія на народъ; не оспаривайте у насъ наши мѣста въ университетѣ и академіи, и мы предоставимъ вамъ безраздѣльно сельскую школу... Пусть намъ предоставлять свободу, и мы оставимъ народу его религіозное воспитаніе».

Подобное подраздѣленіе общества на двѣ категоріи, подчиненныя совершенно противоположному интеллектуальному режиму, не можетъ быть благотворно, что подтверждается также и историческими фактами; наука отъ этого также ничего не выиграетъ: для своего существованія и процвѣтанія, она неизбежно должна черпать свои основы въ промышленной практикѣ, ея успѣхамъ должны содѣйствовать всѣ слои общества. Церковь никогда не допускала свободы совѣсти въ томъ видѣ, какъ это предполагаетъ Ренанъ; напротивъ того, она не разъ безъ малѣйшаго колебанія обращалась къ поддержкѣ свѣтской власти въ своей борьбѣ съ противниками.

Вернемся къ Риму.—Римляне не безъ нѣкотораго основанія опасались, что христіанское ученіе, подрывая уваженіе къ римскимъ богамъ, можетъ пагубно отозваться на всемъ государствѣ. Вотъ почему блаженный Августинъ, послѣ разграбленія Рима, былъ вынужденъ письменно защищать христіанство отъ нападокъ по этому поводу со стороны язычниковъ. Языческіе боги не защитили Рима; спасти имперію могло только торжество истины, добрыхъ дѣла. Безполезно прибѣгать къ помощи человѣческой, ея надо ожидать только отъ Бога, и это подтверждается чудесами. Радогезъ побѣжденъ, Константинъ ведетъ счастливыя войны, Граціонъ, хотя и убитъ, но зато блистательно отомщенъ Теодорикомъ.

Доктора Церкви не намѣрены были преслѣдовать невѣрныхъ, они хотѣли обратить ихъ, хотя бы помимо ихъ воли, чтобы не дать имъ погибнуть. Приемы обращенія язычниковъ различны. Церковь полна снисхожденія къ массамъ, она довольствуется хотя бы только приблизительнымъ соглашеніемъ съ ними: чтобы имѣть возможность воспитывать будущія поколѣнія въ чистомъ ученіи, необходимо не возбуждать слишкомъ рѣзкой оппозиціи въ настоящихъ. Своими умѣренными противникамъ она часто предлагаетъ даже значительныя матеріальныя выгоды, лишь-бы обратить ихъ въ христіанство. Что же касается упорныхъ, то для нихъ нѣтъ милосердія: Несторіусъ свергнутъ со своего патріаршаго престола въ Константинополѣ и заключенъ въ монастырь, но его все-таки продолжаютъ навѣщать его приверженцы, и вотъ папа Целестинъ требуетъ его полного исключенія изъ человѣческаго общества, которое онъ продолжаетъ упорно развращать; затѣмъ его ссылаютъ въ Патра, а оттуда на Египетскій оазисъ. Читая эти грустныя страницы, такъ и кажется, что дѣло идетъ о современномъ революціонерѣ, хотя отцы церкви руководствовались не буржуазными страхомъ, но совершенно другими побужденіями. Безспорно, христіанство дало человѣчеству ясное сознаніе индивидуальности, но отсюда до свободы совѣсти еще далеко.—Тѣмъ такъ характеризуетъ индивидуалистическія воззрѣнія Церкви: какъ маленькій побѣгъ отдѣляется отъ ствола и самостоятельно пускаетъ свои корни, такъ и индивидъ отдѣляется отъ первобытнаго общества, клана, семьи, касты или города, въ которыхъ онъ жилъ, незамѣтный, растворенный въ массѣ, но затѣмъ онъ пересталъ уже быть однимъ изъ органовъ, придаткомъ—онъ сталъ личностью. Одинъ, лицомъ къ лицу съ Господомъ, христіанинъ почувствовалъ, что въ немъ порвались узы, связывающія его съ жизнью группы; вѣдь и Господь взиралъ на души не въ совокупности ихъ, нѣтъ, онъ видитъ и судитъ ихъ каждую въ отдѣльности. Теорія эта имѣла вліяніе на воззрѣнія ученыхъ и на юридическій строй.—Церковь учитъ, что человѣкъ долженъ повиноваться Богу, но не людямъ.

Такая теорія могла бы повести къ полной анархіи, если бы дѣйствительно христіанинъ былъ предоставленъ самъ себѣ, но надъ нимъ бодрствуетъ Церковь, и мнимая независимость превращается въ полное рабство: хотя каждый въ отдѣльности долженъ нести свои обязанности, но и все общество отвѣтственно за поступки своихъ членовъ; они могутъ взыскать на общество свою небрежность, свои ошибки. Справедливо ли осуждать отдѣльное лицо, если общество ничего не сдѣлало, чтобы удержать его отъ паденія? Отецъ до известной степени виновенъ въ проступкахъ своего сына; хозяинъ долженъ имѣть надзоръ за своими слугами, помогать имъ; все общество, вся его коллективность отчасти виновны въ проступкахъ своихъ сочленовъ. Государство должно отвѣчать передъ Богомъ за проступки своихъ согражданъ; для него единственный путь—обратиться къ людямъ, которые носятъ на челѣ печать непреложной истины и просить у нихъ совѣта и поддержки. Иначе, она стремится къ гибели. Если признать, что христіанство дѣйствительно не является источникомъ истинной науки, то оно уже тѣмъ самымъ получаетъ значеніе юридической силы. Теологи утверждаютъ, что они обладаютъ самой важною изъ всѣхъ наукъ—наукой спасенія души, вѣй которой все остальное—только заблужденіе и ложь. Естественно, что при подобныхъ воззрѣніяхъ не можетъ быть серьезной рѣчи о вѣротерпимости. Только новыя научныя передовыя идеи могутъ обезпечить полную свободу совѣсти, такъ какъ люди подъ вліяніемъ этихъ идей склонны прежде всего интересоваться вопросами экономическаго характера.

Къ началу нашей эры Римъ почти уже созрѣлъ къ полному развитію христіанскихъ идей. Такъ, въ умирающемъ обществѣ начинается развиваться вкусъ къ догматикѣ. Юліанъ является покровителемъ эллинизма, который гораздо ближе къ христіанству, чѣмъ къ древнимъ традиціямъ. Онъ пытается организовать

духовный классъ, ввести нравственное и религіозное обученіе въ храмахъ. Въ общемъ, однако, трудно сказать, что, именно, язычество заимствовало отъ христіанства, или, наоборотъ, христіанство отъ язычества. Такъ, напр., ученіе гностиковъ гораздо ближе къ христіанскому, чѣмъ къ языческому, оно было какъ бы посредствующимъ звеномъ къ дальнѣйшей эволюціи религіозной мысли.

Въ современномъ обществѣ успѣхи католицизма обусловливаются двумя условіями: здѣсь имѣютъ роль оккультистическія теоріи, притупляющія мозгъ большей части юношества, и проявленія благочестія въ новыхъ и грубыхъ формахъ, которыя заставляютъ краснѣть просвѣщенныхъ католиковъ, но обезпечиваютъ процвѣтаніе ихъ религіи, каковы, напр., чудеса Лурда. Сильно ошибались философы XVIII в., думая, что католицизмъ уже отжилъ свое время; напротивъ, свободомысліе просуществовало во Франціи даже меньше времени, чѣмъ въ Римѣ. Мірѣ вскорѣ опять запросилъ догматики и порабощенія разума. Послѣдовалъ сначала сентиментализмъ Ж. Ж. Руссо, этого великаго врага атенстовъ, невѣрующихъ философовъ его времени, а затѣмъ—явилось колдовство томатурговъ и всякій вздоръ въ этомъ родѣ. Вообще замѣчено, что за періодомъ скептицизма слѣдуетъ усиленное стремленіе къ мистицизму. Точно также въ первые вѣка нашей эры римскій міръ испытывалъ этотъ религіозный недугъ. «Религіозный недугъ,—говоритъ Ренанъ,—направилъ, особенно женщинъ, къ восточному культу. Это увлеченіе было чрезвычайно сильно; культъ Изисъ, Сераписа, Митры былъ гораздо утонченнѣе грубаго культа грековъ и латинянъ».

Чѣмъ же, однако, объяснить постоянный триумфъ христіанскихъ идей? Чѣмъ объяснить то, что всѣ теологическія разнородныя группы все-таки, въ концѣ концовъ, поглощались одной великой Церковью? Причины эти: 1) то, что Церковь разсматривается рacionalesно, какъ юридическое лицо: не имѣя въ своемъ распоряженіи силы, она основываетъ свое право на науки. Она едина и автономна. 2) Благодаря своей сентиментальной пропагандѣ, она располагаетъ значительными средствами, позволяющими ей щедро вознаграждать услуги своихъ сочленовъ. Экономическая роль Церкви играла огромную роль въ религіозной пропагандѣ даже среди язычниковъ, что подтверждаетъ императоръ Юліанъ, говоря: «У евреевъ нѣтъ нищихъ; галлилеяне кормятъ даже и нашихъ, и намъ необходимо слѣдовать ихъ примѣру». Въ наше время Церковь изо всѣхъ силъ старается поднять свое экономическое значеніе. Когда началось общественное движеніе, требующее ограниченія правъ государства въ вопросахъ экономическихъ, Церковь сейчасъ же воспользовалась этимъ и потребовала для себя автономіи, такъ какъ она обладаетъ всѣми данными для выполненія своей миссіи, однимъ словомъ—свободная Церковь въ свободномъ государствѣ. Духовенство постаралось прибрать къ рукамъ общественное призрѣніе, основываясь не на научныхъ данныхъ, но только взывая къ общечовѣческой солидарности и другимъ подобнымъ призракамъ. Впрочемъ, такой о мѣнѣ функций между Церковью и государствомъ не долго пользовался успѣхомъ: рабочіе теперь уже смотрятъ на общественное призрѣніе, страхование, кассы вспомошествованія и т. п. вовсе не какъ на дѣло милосердія, они видятъ въ нихъ общественныя учрежденія, проявленіе коллективизма; на ученыхъ проповѣдниковъ и профессоровъ рабочихъ теперь смотритъ, какъ на людей заинтересованныхъ, хорошо оплаченныхъ Церковью, а потому относится къ нимъ съ недоверіемъ.—Однако, Церковь не хотѣла считаться съ этимъ явленіемъ и приписывала его только враждѣ франкмасоновъ.—И вотъ, теперь Церковь, какъ лицо юридическое, потеряла свое значеніе.

Затѣмъ, чтобы продолжать добрыя дѣла, необходимы большія средства, а фискальные приемы Церкви, въ общемъ, очень мало удовлетворительны. Съ самаго своего основанія, Церковь старалась привлечь пожертвованія и, кромѣ того, внушить идею, что всѣ—братья между собою, а потому и должны взаимно дѣлиться земными благами. Такая солидарность неизбѣжно должна была рушиться,

какъ только распалась первоначальная христіанская община, и духовенство стало отдѣльной отъ вѣрующихъ экономической группой. Отлично понимая всѣ эти затрудненія, Церковь старалась изыскивать опредѣленные источники дохода: вначалѣ она стремилась къ приобрѣтенію недвижимости, въ настоящее же время она не разъ пыталась погнѣбать свои капиталы въ промышленныя предпріятія, но, благодаря страннымъ случайностямъ, католическіе банки и заводы оканчивали свое существованіе очень печально.

Ко времени паденія Римской Имперіи, преступленія стали дѣломъ обычнымъ; никого уже не шокировали громадныя состоянія, источники которыхъ были далеко не похвальный. Посмотримъ же, какими принципами руководствовалась Церковь въ экономическихъ вопросахъ. Оказалось, что и она также крайне неразборчива въ средствахъ, такъ что даже самъ блаженный Августинъ прибѣгаетъ къ софизмамъ, когда дѣло идетъ о злоупотребленіяхъ и насильномъ захватѣ имущества частныхъ лицъ въ пользу Церкви. Правда, онъ старается дѣйствовать на чувство, однако, въ основѣ все-таки лежитъ экономическій интересъ. Такъ было, напр., въ знаменитомъ дѣлѣ Пиніануса. Если даже допустить, что въ этомъ дѣлѣ блаженный Августинъ дѣйствовалъ по искреннему убѣжденію, то является вопросъ, какая же польза въ этой прекрасной нравственной философіи, если одинъ изъ ея самыхъ авторитетныхъ представителей не могъ стряхнуть съ себя чувство, навѣянное экономическими условіями?

Въ наше время нужды Церкви болѣе многочисленны, чѣмъ когда бы то ни было, и возрѣнія духовенства на нѣкоторые неблагоприятные факты остаются все тѣ же, что и прежде: послѣдствія поступковъ, хорошихъ или дурныхъ, должны быть оцѣниваемы съ точки зрѣнія духовенства. Это все то же ученіе: *цѣль оправдываетъ средства*.

Писатели всѣхъ школъ признаютъ единогласно, что теологическая борьба чаще всего вызывалась алчностью: церковныя богатства были такъ значительны, что являлось желаніе грабить ихъ, по возможности больше; католики каждый разъ жалуются на непомѣрную алчность еретиковъ къ деньгамъ. Но не одинъ только еретики подчиняли теологию своимъ выгодамъ. Такъ, напр., Теофилъ, Александрійскій патріархъ, сначала былъ ревностнымъ послѣдователемъ Оригена и гонителемъ его противниковъ, затѣмъ самъ рѣзко перешелъ въ рядъ его враговъ и преслѣдователей; когда же обстоятельства сложились такъ, что ему не нужно было прикрывать свои политическія цѣли предлогомъ преслѣдованія ереси оригенистовъ, онъ опять перемѣнилъ мнѣніе и нашелъ, что книги Оригена превосходны. Подобныхъ примѣровъ много и такіе быстрые переходы мало кого удивляли. Правда, на Западѣ существовали еще традиціи римской *респектабельности*, которыя и служили сдерживающимъ стимуломъ; но на Востокѣ было совсѣмъ другое, здѣсь пышно распустился цвѣтокъ идеологіи: развѣ человѣкъ не вправе перемѣнить мнѣніе, развѣ онъ не вправе просвѣщать себя?

Конечно, трудно вообще дать себѣ ясный отчетъ, какое вліяніе экономическія условія производятъ на человѣческую мысль. Церковь объясняетъ всѣ поступки своихъ враговъ самыми низкими побужденіями: корыстью, мщеніемъ и т. п. Романисты описываютъ фантастическія картины внутренней борьбы человѣка. Экономисты же говорятъ, что дѣйствія людей основаны на ихъ выгодахъ. Эта теорія была плохо истолкована: благодаря вліянію теологовъ и художниковъ пера, думали, что дѣло идетъ о томъ, чтобы все свести къ самымъ низменнымъ инстинктамъ человѣка. А между тѣмъ имѣлось въ виду совсѣмъ другое. Совершенно невозможно рѣшить, представляетъ ли интересъ силу большую, чѣмъ другія силы, дѣйствующія на человѣка; экономисты и не пытались этого сдѣлать, они говорятъ только, что огромная масса человѣческихъ дѣйствій, доступныхъ наблюденію, представляютъ между собою такую большую аналогію, что всѣ ихъ можно подвести подъ одну категорію и ассимилировать ихъ съ дѣйствіями, зависящими отъ промышленной жизни, управляемой интересомъ. Всѣ мы—члены извѣстныхъ группъ.

имѣющихъ опредѣленное устройство, съ солидарностью чувствъ и идей. Всѣ мы несемъ извѣстныя обязанности данной группы, несемъ изо дня въ день, съ такой же физиологической автоматичностью, съ какой происходитъ пищевареніе, сонъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, разумъ нашъ постоянно бодрствуетъ, и вотъ мы стремимся къ изобрѣтеніямъ, къ усовершенствованіямъ нашихъ задачъ. Разница между Марксомъ и другими экономистами—та, что первый считаетъ автоматизмъ историческимъ фактомъ; по его мнѣнію, не естественныя дѣленія, но дѣленіе на классы составляетъ основу всѣхъ социальныхъ наукъ.—Намъ совершенно незачѣмъ заглядывать въ глубь человѣческой души, опытъ многихъ вѣковъ доказываетъ, что идеаль правосудія администраціи—это дѣйствовать, согласно отвѣченнымъ правиламъ, не справляясь съ особенностью каждаго человѣка въ отдѣльности. Безъ автоматичности невозможенъ былъ бы правильный надзоръ ни со стороны государства, ни со стороны корпораціи. Въ обыденной жизни мы видимъ, что самые алчные люди, цѣль которыхъ—накопленіе богатствъ, стремятся къ этому не для себя лично; часто это—фанатики, приносящіе въ жертву все для интересовъ своей партіи.

Церковная іерархія еще въ IV в. представляла настоящій сколокъ Римскаго образа правленія; Римское же государство временъ упадка по справедливости могло быть названо государствомъ—коршунѣмъ. Въ имперіи возникаютъ бунты съ цѣлю эксплоатаціи народныхъ средствъ, такіе же бунты возникаютъ и въ Церкви. Однако, накопленіе богатствъ часто имѣетъ цѣлю только захватъ власти въ свои руки. Такъ, папскіе выборы часто сопровождаются скандальными сценами; отмѣтимъ хотя бы избраніе папы Дамаса. Исторія Александрійскихъ патріарховъ—это сплошное насилие. А. Тьерри говоритъ объ одномъ изъ нихъ, что интриги его были до того безчестны, что просто трудно было бы повѣрить, что нѣчто подобное могъ породить мозгъ священника и еще менѣе—главы великой Церкви, еслибы историки единогласно этого не подтверждали. Теофанъ былъ безжалостный тиранъ; его называли христіанскимъ фараономъ. Не лучше былъ и его слѣдникъ—Кириллъ: та же пламенная жажда золота и власти, то же презрѣніе ко всякой порядочности, та же ненависть ко всякому, кто вздумалъ бы ограничить его власть. И это не составляетъ исключенія: на каждомъ шагѣ у Тьерри мы находимъ подобные же разсказы.—Соборы епископовъ похожи на бурные парламенты; мы знаемъ, какими населіями ознаменовалъ себя Эфесскій Соборъ оправдавшій Евстихія; не лучше былъ и первый Соборъ, осудившій Несторіуса.

Христіанскіе императоры воображали, что разногласія можно устранить ясною постановкой доктрины; они воображали, что здѣсь дѣйствительно оспаривались догматы. Такъ, Марціанъ требуетъ, чтобы заблужденія Евстихія были ясно сформулированы и торжественно опровергнуты на Соборѣ. Папа Левъ уклоняется отъ созванія Собора, но Марціанъ настоялъ на своемъ. Когда Соборъ состоялся, то это породило только множество затрудненій, и явилось много недовольныхъ его рѣшеніемъ.—Императоры очень хорошо понимали всю опасность для имперіи этихъ бунтовъ и всѣми силами старались ихъ устранить. Къ сожалѣнію, тогда еще никто не понималъ настоящей причины этихъ безпорядковъ и, подъ вліяніемъ идеологическихъ предразсудковъ, думали, что достаточно *убѣдить* людей въ истинѣ извѣстныхъ догматовъ. Теперь же мы можемъ изучать всѣ эти распри, нисколько не заботясь о догматахъ; теперь мы хорошо знаемъ, что теологическая сторона была второстепеннымъ дѣломъ по матеріалистическимъ понятіямъ исторіи. Мы знаемъ, что въ этихъ бунтахъ взаимно оспаривалась духовная и политическая власть, какъ главный источникъ богатствъ того времени. Бунты эти не могли исчезнуть, пока не измѣнилось экономическое положеніе, и вотъ почему ереси безпрерывно слѣдовали одна за другою. Напрасно Церковь старалась реформироваться—у нея были знаменитые философы, были самые выдающіеся люди того времени, они почти всегда располагали силой, и все-таки дѣла Церкви шли плохо. Это потому, что она не обладала тѣмъ знаніемъ, какое ей не можетъ дать теологія, знаніемъ основныхъ историческихъ принциповъ.

Л. Манухина.

Научная хроника.

Императорское русское географическое общество.

18-го ноября действительный членъ общества, шведскій подданный Свенъ Гединъ представилъ первый томъ научнаго описанія своихъ путешествій по Средней Азій, совершенныхъ при дѣятельной поддержкѣ общества и русскаго правительства. Въ настоящее время напечатанъ первый томъ общаго физико-географическаго содержанія; такихъ томовъ будетъ всего четыре и всѣ они принадлежатъ перу самого путешественника. Первый посвященъ описанію бассейна рѣки Тарима и тѣхъ интересныхъ озеръ, которыя цѣлою гирляндю расположены перпендикулярно къ правому берегу рѣки и представляютъ просто рядъ углубленій почвы, залитыхъ водою рѣки, иногда съ довольно большою глубиною, достигающею до 11 метровъ. Второй томъ будетъ заключать подробное описаніе бассейна озера Лобъ-Норъ и путей древнихъ путешественниковъ по этой мѣстности, начиная съ Марко-Поло, что важно для выясненія вопроса о положеніи этого озера въ разныя времена. Третій томъ будетъ занятъ описаніемъ Тибета, а четвертый—Западнаго Тибета. Затѣмъ ботаническія, зоологическія, геологическія и археологическія изслѣдованія займутъ два особыхъ тома и будутъ принадлежать перу разныхъ спеціалистовъ; изъ нихъ теперь уже напечатанъ выпускъ зоологическаго тома. Наконецъ, не менѣе важную часть труда составитъ атласъ картъ въ двухъ томахъ, въ общемъ заключающій до 120 листовъ. Здѣсь будутъ даны образцы непосредственныхъ маршрутныхъ съемокъ путешественника въ масштабѣ 1:30.000; далѣе, на 49 листахъ помѣщена маршрутная карта всѣхъ путей Свенъ Гедина въ масштабѣ 1:100.000, рядъ картъ меньшаго масштаба для разныхъ мѣстъ и, между прочимъ, общая карта Тибета на основаніи всѣхъ имѣющихся данныхъ. Наконецъ, здѣсь приложена особая карта на 17 листахъ съ изображеніемъ путей всѣхъ путешественниковъ по Средней Азій. Всѣ эти труды богато иллюстрированы, напечатаны по-англійски и изданы на средства шведскаго правительства, ассигнованнаго на этотъ предметъ 40.000 рублей. Сорокъ полныхъ экземпляровъ этого труда предвѣщены шведскимъ правительствомъ для предоставленія различнымъ научнымъ учрежденіямъ въ Россіи и прежде всего географическому обществу. Вице-предсѣдатель общества П. П. Семеновъ выразилъ отъ лица общества благодарность за предоставленіе научнымъ учрежденіямъ Россіи такого количества цѣннаго труда, а присутствовавшій на засѣданіи шведскій посланникъ на французскомъ языкѣ отвѣчалъ ему. Затѣмъ действительный членъ Б. А. Федченко сообщилъ о своемъ путешествіи на Памиръ, въ Шуняхъ и Рошанъ.

Нильсъ Финзенъ.

По поводу недавней смерти проф. Нильса Финзена, изобрѣтателя новаго метода лѣченія волчанки (Lupus) при помощи свѣта, нѣмецкій журналъ «Gaese», сообщая нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о покойномъ профессорѣ, даетъ слѣдующую оцѣнку его заслугъ. Профессоръ Нильсъ Финзенъ, одинъ изъ выдающихся современныхъ благодѣтелей человѣчества, родился въ 1860 году въ Торсгавенѣ, получилъ медицинское образованіе въ Рейкјавикѣ, на островѣ Исландіи, и поселился затѣмъ въ Копенгагенѣ. Посвятивъ себя здѣсь изученію свѣтовыхъ лучей и ихъ воздѣйствія на организмъ человѣка, онъ постепенно пришелъ къ мысли о приложеніи свѣтовыхъ лучей къ медицинской практикѣ. Прежде всего онъ примѣнилъ химическіе лучи къ лѣченію оспы, при чемъ производилъ свои опыты съ помощью особаго аппарата, назначеніе котораго состояло въ концен-траціи химическихъ свѣтовыхъ лучей. Результаты опытовъ не замедлили ска-заться. Тогда Финзенъ расширилъ сферу своихъ опытовъ, занявшись лѣченіемъ по тому же способу волчанки. Поразительный успѣхъ опытовъ ободрилъ Финзена, и въ 1896 году онъ устроилъ въ Копенгагенѣ для больныхъ волчанкою спеціаль-ную свѣтовую лѣчебницу, которая быстро получила всемірную извѣстность. Лѣ-ченіе больныхъ производилось амбулаторнымъ способомъ и около лѣчебницы Фин-зена въ Копенгагенѣ скоро образовалась нѣлая колонія больныхъ волчанкою, съѣхавшихся сюда со всѣхъ концовъ Европы. Наплывъ больныхъ увеличился еще болѣе, когда Финзену удалось усовершенствовать свой методъ и сократить срокъ лѣченія. За больными вскорѣ послѣдовали врачи, желавшіе научиться новому спо-собу лѣченія и вскорѣ въ разныхъ частяхъ Европы, благодаря стараніямъ этихъ учениковъ Финзена возникли лѣчебницы, по образцу копенгагенской. Открытіе рентгеновскихъ лучей и лучей радія дало новый толчекъ въ технику лѣченія по методу Финзена и повлекло за собой новыя усовершенствованія въ области свѣ-тового лѣченія. Послѣ Финзена осталось нѣсколько сочиненій, посвященныхъ раз-работанному имъ открытію. Таковы: «О примѣненіи концентрированныхъ хими-ческихъ свѣтовыхъ лучей въ медицинѣ» (на нѣм. яз.), «Фототерапія» (на фр. яз.) и «Сообщенія финзеновской медицинской лѣчебницы». За свои работы по свѣтовому лѣченію д-ръ Финзенъ былъ удостоенъ нобелевской преміи.

Скончался академикъ А. Н. Пыпинъ. О значеніи этой утраты для русской литературы и общественности скажемъ въ слѣд. №.

Научная бесѣда.

Передача фотографіи на разстояніе.

АППАРАТЫ КОРНА И ЧЕРЕБОТАНИ.

Проф. Корнъ и его ассистентъ Вилль.

Техника вообще и электротехника въ частности съ каждымъ годомъ да-руютъ человѣчеству все новыя и новыя открытія. Однимъ изъ такихъ открытій является передача изображеній на раз-стояніе. Извѣстная теорія колебанія міро-вого эфира, рассматривающая явленія свѣта, звука, магнетизма и электриче-ства, какъ различныя энергіи одного и того же источника силы, необходимо должна была навести человѣчество на мысль о превращеніи однихъ изъ этихъ энергій въ другія. И попытки увѣнча-лись въ этомъ направленіи блестящимъ успѣхомъ. Мы знаемъ, что магнетизмъ

преобразуется въ электричество, а электричество—въ свѣтъ. Теперь остается свѣтъ преобразовать въ электричество или, иначе говоря, лучи съ длинными волнами превратить въ лучи съ короткими. Прямымъ путемъ этого до сихъ поръ еще достигнуть не удалось, но косвеннымъ получены очень удовлетворительные результаты.

Этотъ вопросъ получилъ названіе электровидѣнія на разстояніи, или телевизированія, и разрабатывался уже съ давняго времени. Піонеромъ въ этомъ направленіи нужно считать Бэкузля, сдѣлавшаго попытку рѣшенія этого вопроса уже въ 1847 г. Затѣмъ шли Зенлекъ въ 1877, далѣе Пайва, Перозино, Айртонъ и Перри, Карей, Вахметьевъ, Кованько, Бидвель, Ла-

Переданная по телеграфу фотографія:
слѣва—во время дождя. справа—въ ясную погоду.

рокъ, Нипковъ, Лизеганъ, Штольце, Гейнцерлинъ, Кизелька, Щепаникъ и Шефлеръ. Опыты въ этомъ направленіи особенно усилились со времени открытія свойствъ селена. Селенъ былъ открытъ въ 1817 г. шведскимъ физикомъ Берцелліусомъ; это элементъ серебристо-сѣраго цвѣта, въ изломѣ кристаллическаго строенія, принадлежащій къ классу сѣры; онъ въ отношеніи вліянія электрическаго тока проявляетъ много совершенно своеобразныхъ особенностей.

Такъ, въ 1852 г. Хитторфъ нашелъ, что способность селена къ электризаціи зависитъ отъ температуры. Май въ 1873 г. открылъ, что сопротивленіе, оказываемое селеномъ проходящему черезъ него электрическому току измѣняется подвліяніемъ свѣта. Если въ цѣпь, по которой пропущенъ электрическій токъ, включить цилиндрическій кусочекъ селена, то сила его воздѣйствія будетъ зависѣть отъ того: освѣщенъ ли селенъ или нѣтъ.

Передача рисунка:
слѣва оригиналъ, справа копія.

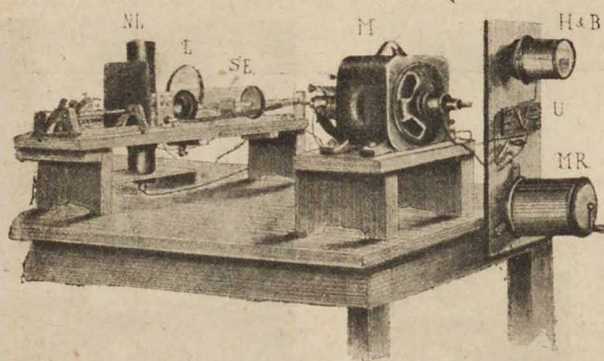
Аппараты, придуманные вышеупомянутыми экспериментаторами, отличались громоздкостью, сложностью и дороговизной конструкціи и требовали сильныхъ двигателей.

Наиболѣе удовлетворительное рѣшеніе этой проблемы принадлежитъ профессору Мюнхенскаго университета, доктору Артуру Корну.

Задача, которую себѣ поставилъ изобрѣтатель, сводилась къ слѣдующему. Подобно тому, какъ волны звука при помощи электрическаго тока передаются посредствомъ телефона съ одного мѣста на другое, иногда находящееся въ значительномъ разстояніи отъ перваго, — должны быть передаваемы и свѣтовые волны. Или, говоря техническимъ языкомъ, надо свѣтовые лучи, идущіе черезъ прозрачный фотографическій негативъ, служащій проводникомъ, при посредствѣ пріемнаго аппарата превратить въ электрическіе интенсивные токи соответствующ-

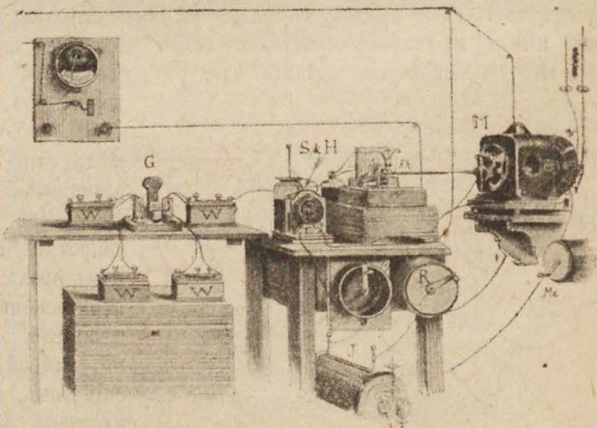
щаго напряженія. Эти токи, переданные на разстояніе, въ опредѣленномъ мѣстѣ снова преобразуются въ свѣтотыя волны первоначальнаго напряженія и воспроизводятъ на чувствительномъ посредникѣ (на свѣточувствительной бумагѣ или пленкѣ) изображение аналогичное, находящееся на станціи отправления.

Подающій аппаратъ Корна. *H* и *B*—указатель скорости (Гартманна и Брауна). *L*—линза, *M*—электромоторъ. *MR*—регуляторъ скорости мотора, *NL*—лампа Нернста, *SE*—селеновая пластинка, *U*—коммутаторъ.

Подающій аппаратъ профессора Корна состоитъ изъ обыкновеннаго телеграфнаго аппарата. Между лампочкой Нернста, силою въ 64 Гефнеровскихъ свѣчей, и пластинкой селена находится стеклянный цилиндръ въ 8 сантиметровъ діаметромъ, на который навернута подлежащая фотографія, снятая на прозрачной пленкѣ. Этотъ цилиндръ при помощи электромотора и особаго привода вращается такимъ образомъ, что при каж-

домъ, происходящемъ точно черезъ 20 секундъ, поворотъ онъ передвигается на 1 миллиметръ въ направленіи своей оси. Свѣтъ лампы падаетъ черезъ призму на негативъ такимъ образомъ, что всегда захватываетъ на негативѣ пространство величиною ровно въ 1 квадр. миллиметръ. Онъ вліяетъ на селеновую пластинку съ большей или меньшей интенсивностью въ зависимости отъ того, черезъ свѣтлое или темное пятно негатива прошелъ этотъ лучъ. Такъ какъ цилиндръ съ изображеніемъ вращается вокругъ своей оси, то послѣ перваго поворота полоса, шириною въ 1 миллиметръ, послѣдовательно измѣняетъ электрическое сопротивленіе селена въ зависимости отъ свѣтлыхъ или темныхъ мѣстъ негатива.

Пріемный аппаратъ Корна. *G*—гальванометръ, *J*—индукторъ, *M*—электромоторъ, *MR*—регуляторъ скорости мотора, *K*—регуляторъ сопротивленія, *Rh*—гейслеровы трубки, *S* и *H*—ролики, *WW*—системы сопротивленія.

Вслѣдствіе непрерывнаго перемѣщенія оси въ одномъ направленіи, каждое мѣсто негатива обязательно должно пройти передъ источникомъ свѣта. Селеновая пластинка включена въ телеграфную линію и проволока несетъ столь различно дифференцирующіе, вслѣдствіе упомянутой причины, токи напряженія къ пріемному аппарату. Важнѣйшей частью этого пріемнаго аппарата является маленькая стеклянная трубочка, въ которой воздухъ предварительно выкачанъ при помощи воздушнаго насоса на 0,2—2 миллиметровъ давленія, — такъ называемая Круксова

трубка. Примѣненіе ея составляетъ основаніе изобрѣтенія профессора Корна. Эта трубка включена со своими электродами во вторичное соединеніе и отъ дѣйствія

Die feder in	Die feder in
Muenchen	Muenchen
und die Feder	und die Feder
in Berlin	in Berlin

Передача письма: слѣва оригиналь, справа копія.

переменныхъ токовъ высокаго напряженія начинаетъ свѣтиться. Далѣе идутъ Тесловы катушки, въ цѣпь которыхъ включены четыре гребенкообразныя системы

Проф. Черевотани у своего аппарата.

сопротивленія, служащія для перевода токовъ, заставляющихъ свѣтиться Круксову трубку.

Вся задача сводится къ тому, чтобы это свѣщеніе трубки привести въ

соотвѣтствіе съ получаемыми отъ селеновой пластинки токами въ приемномъ аппаратѣ. Это достигается слѣдующимъ образомъ. Токъ при помощи статическаго гальванометра Дебре-д'Арсонваля соединяется съ землей. Судя по напряженію по линіи токовъ стрѣлка гальванометра получаетъ большее или меньшее отклоненіе и, въ зависимости отъ силы своего отклоненія, включаетъ или выключенныя въ Теслово соединеніе системы сопротивленія. Это вліяетъ на получающіеся отъ искры индуктора Тесловы токи, а черезъ нихъ и на свѣщеніе Круксовой трубки, соотвѣтствующее интенсивности тока, происходящаго отъ силы освѣщенія селеновой пластинки. Круксова трубка расположена въ системѣ вдоль валька, діаметромъ въ 2 сантиметра, такимъ образомъ, что она поворачивается на четверть миллиметра въ направленіи оси валька въ то время, какъ валець одинъ разъ поворачивается вокругъ своей оси. Этотъ оборотъ валець дѣлаетъ въ точный промежутокъ времени, именно въ 20 секундъ, и происходитъ онъ одновременно съ поворотомъ стекляннаго цилиндра въ подающемъ аппаратѣ, передача котораго происходитъ при помощи упомянутаго выше, при описаніи индуктора, электромотора и улиткообразной спирали. Вокругъ валька наматывается свѣточувствительная бумага или пленка. Круксова трубка закрыта и абсолютно не пропускаетъ свѣта, кромѣ маленькаго отверстія въ четверть квадратнаго миллиметра въ діаметрѣ. Вслѣдствіе того, что трубка въ зависимости отъ Тесловаго сопротивленія свѣтитъ сильнѣе или слабѣе, и лучъ свѣта, проходящій черезъ отверстіе въ ней, въ такой же мѣрѣ начинаетъ дѣйствовать на пленку и, въ концѣ концовъ, воспроизводитъ на ней копію находящагося въ подающемъ аппаратѣ негатива, уменьшенную, однако, въ 4 раза. Въ настоящее время весь процессъ передачи фотографіи продолжается около 30 минутъ.

Другимъ путемъ подошелъ къ рѣшенію этой задачи гениальный итальянскій физикъ профессоръ Черевотани. Онъ основывалъ свои опыты на изобрѣтенномъ еще въ 1856 г. флорентинскимъ физикомъ Джіованни Казелли аппаратѣ, названномъ имъ «пантелеграфъ».

Аппаратъ профессора Черевотани въ существенныхъ своихъ чертахъ имѣетъ слѣдующее устройство.

Приемный аппаратъ снабженъ штифтикомъ для писанія и зарисовыванія, находящимся въ соединеніи съ системой рычажковъ, повторяющей всѣ движенія штифта. Телеграфистъ пишетъ письмо или зарисовываетъ данный для передачи рисунокъ на бумагѣ, лежащей на доскѣ подающаго аппарата. Вслѣдствіе движенія штифта взадъ и впередъ по бумагѣ и дѣйствія соединенной съ нимъ системы рычаговъ, въ проволокахъ, соединяющихъ приемный аппаратъ съ подающимъ, возбуждаются токи то положительнаго, то отрицательнаго значенія. Подъ вліяніемъ этихъ токовъ начинаютъ работать находящіеся въ приемномъ аппаратѣ два электромагнита, заставляющіе двигаться взадъ и впередъ, вправо и лѣво, штифтъ приемнаго аппарата, — автоматически, но въ полномъ соотвѣтствіи съ движеніями штифта въ подающемъ аппаратѣ. Такимъ образомъ приемный аппаратъ повторяетъ на лежащемъ въ немъ листѣ бумаги тѣ линіи, почеркъ и рисунки, которые пишетъ или рисуетъ телеграфистъ на подающей станціи. Заслуга проф. Черевотани, главнымъ образомъ, состоитъ въ умѣлой конструкціи деталей, дающей электромагнитамъ чрезвычайную чувствительность, заставляя ихъ реагировать на токи самаго слабого напряженія.

Передача при помощи его аппарата производилась между Миланомъ и Туринномъ, Мюнхеномъ и Берлиномъ. При помощи же аппарата проф. Корна передача происходила между Мюнхеномъ и Нюрнбергомъ.

С. Цюнгъ.

Научныя новости.

Географія, геологія.

Вновь открытый величайшій въ мірѣ водопадъ. Нѣмецкая газета «Fremdenblatt» сообщаетъ, со словъ «New-York-World», извѣстіе о сдѣланномъ недавно открытіи въ Южной Америкѣ громаднaго водопада, по своимъ размѣрамъ значительно превосходящаго всѣ извѣстные до сихъ поръ водопады, не исключая Ніагары и Викторіи на Замбези. Вновь открытый водопадъ, называемый Игуассу, послужилъ темою для доклада на сѣздѣ географовъ въ С.-Луи. То обстоятельство, что о существованіи водопада до сихъ поръ не упоминалось ни въ одномъ географическомъ сочиненіи, объясняется его мѣстонахожденіемъ. Онъ расположенъ среди густого, почти непроходимаго лѣса, въ разстояніи 1,500 километровъ отъ ближайшаго города, и пробраться къ нему можно только на лодкѣ. Коммиссаръ Аргентинской республики Горацио Аназагаста сообщилъ на конгрессѣ о водопадѣ слѣдующее: «Я видѣлъ водопадъ собственными глазами, самъ измѣрилъ его и могу удостоверить, что водопадъ Игуассу представляетъ удивительное по своей грандіозности зрѣлище. Я самъ изслѣдовалъ водопады на Ніагарѣ и Замбези и утверждаю, что Игуассу величайшій изъ всѣхъ водопадовъ міра. Въ справедливости моихъ словъ многіе усомнятся, но я убѣжденъ, что спустя какой-нибудь годъ всѣ убѣдятся въ томъ, что я правъ». Рѣка Игуассу въ нижнемъ своемъ теченіи на протяженіи 110 километровъ составляетъ границу между Бразиліей и Аргентиной и протекаетъ по гористой мѣстности, изрѣзанной ущельями. На протяженіи 18 километровъ до сліянія Игуассу съ Параною рѣка течетъ съ необычайною быстротою и, поворачивая направо, образуетъ знаменитый водопадъ. Скала, съ которой низвергается водопадъ, имѣетъ 210 футовъ высоты, между тѣмъ какъ высота Ніагарскаго водопада достигаетъ лишь 167 футовъ. Въ ширину водопадъ достигаетъ 13.123 футовъ, т. е. въ $2\frac{1}{2}$ раза шире Ніагары. Количество воды падающей на Ніагарѣ въ теченіе часа опредѣляется въ 100.000.000 тоннъ; количество воды въ Игуассу за тотъ же промежутокъ времени достигаетъ 140.000.000 тоннъ. Наибольшей грандіозностью отличается водопадъ Игуассу въ періодъ дождей; въ это время рѣка выше водопада разливается на 30.000 футовъ въ ширину, и уровень воды поднимается на 6—10 футовъ. Острова, которыми усѣяна рѣка, исчезаютъ подъ водою, и рѣка съ водопадомъ въ это время производитъ на зрителя подавляющее впечатлѣніе.

Нефтяныя озера на Сахалинѣ.—Восточная Азія (Дальній Востокъ) является одною изъ богатѣйшихъ странъ міра по мѣсторожденію горючихъ минераловъ. Поверхность каменноугольныхъ копей Европы, эксплуатируемыхъ въ настоящее время, не превышаетъ въ общемъ 60.000 кв. километровъ, т. е. почти, равняется пространству нашей Казанской губерніи. Каменноугольные же богатства Восточной Азіи просто неисчерпаемы, а залежи драгоцѣнныхъ минераловъ не поддаются даже приблизительному исчисленію. Кромѣ угля, Дальній Востокъ владѣетъ многочисленными подземными нефтяными озерами. Въ ближайшемъ будущемъ жидкому топливу суждено играть большую роль и въ значительной степени замѣнить уголь. Отсюда ясно, какое громадное значеніе для фабрично-заводской промышленности можетъ имѣть нефть. Нефтяныя источники на востокѣ Азіи открыты почти всюду: въ Китаѣ, Маньчжуріи, Уссурийскомъ краѣ, Сахалинѣ, Японіи. Но нигдѣ не найдено такого богатства горючихъ минераловъ—угля и нефти, какъ на островѣ Сахалинѣ. Одинъ инженеръ, который изучалъ каменноугольныя копи и мѣсторожденія нефти въ Техасѣ и Пенсильваніи и затѣмъ занимался эксплуатацией этихъ минераловъ на Сахалинѣ, заявилъ, что по неисчерпаемому богатству угля и нефти американскія залежи и въ сравненіе не могутъ идти съ тѣмъ, что онъ видѣлъ на Сахалинѣ. Американскій консулъ во Владивостокѣ сви-

дѣлствовалъ, что нефтяные источники въблизи одной горной сахалинской рѣчки превосходятъ по богатству и изобилію нефти знаменитые бакинскіе. Тамъ открыты семь подземныхъ озеръ нефти, изъ которыхъ одно занимаетъ пространство болѣе, чѣмъ въ 60.000 кв. метровъ. Неудивительно послѣ этого, что Японія съ давнихъ поръ обратила особенное вниманіе на этотъ островъ, совершенно справедливо видя въ немъ золотое дно Дальняго Востока («Revue Scientifique»).

Пока японцы мечтаютъ объ эксплуатаціи этихъ нефтяныхъ богатствъ, въ Харьковѣ уже учреждается по почину Илларионова «Русское общество сахалинской нефти», правленіе котораго будетъ находиться въ Харьковѣ. Основной капиталъ опредѣляется въ 6.000.000 руб., раздѣленныхъ на 12,000 акцій, по 150 руб. каждая. Общество учреждается для пріобрѣтенія правъ на разработку нефти на островѣ Сахалинѣ для добычи ея и дальнѣйшей обработки, и также для торговли нефтяными продуктами. Расходы эксплуатаціи опредѣляются въ 1.800.000 руб. въ годъ. Предполагается, что эксплуатація сахалинской нефти дастъ участникамъ значительный доходъ.

Опредѣленіе возраста земли на основаніи геологическихъ вычисленій.—Геологъ В. Бульманъ пришелъ къ заключенію, что вычисленія геологовъ относительно древности земли не имѣютъ подъ собою твердыхъ основаній. Какъ извѣстно, исходнымъ пунктомъ этихъ вычисленій обыкновенно служатъ изслѣдованія отдѣльныхъ геологическихъ напластованій, изъ которыхъ состоятъ земная кора; опредѣливъ время, необходимое для образованія этихъ отложеній и сложивъ получаемыя цифры, геологи надѣются найти возрастъ земли. Непрочность этихъ выводовъ Бульманъ доказываетъ простымъ сопоставленіемъ конечныхъ выводовъ, къ которымъ приходятъ различные ученые. Выводы эти весьма колеблются: въ то время какъ одинъ изъ изслѣдователей указываетъ конечную цифру въ 73 милліона лѣтъ, другіе опредѣляютъ ее въ 680 милліоновъ. Такая громадная разница въ выводахъ, по мнѣнію Бульмана, объясняется тѣмъ, что въ рукахъ изслѣдователей нѣтъ точнаго критерія для сужденія о той быстротѣ, съ которой происходили процессы образованія слоевъ земли въ разное время. Весьма вѣроятно, думаетъ Бульманъ, что дѣятельность моря и атмосферы въ этомъ процессѣ значительно разнилась въ прежнія геологическія эпохи сравнительно съ настоящимъ временемъ. Возможно, что тогда было гораздо болѣе атмосферныхъ осадковъ, что въ атмосферѣ содержалось гораздо большее, чѣмъ теперь, количество углекислоты. Подъ влияніемъ этихъ факторовъ въ прежнія геологическія эпохи возможна была болѣе энергичная и интенсивная органическая жизнь какъ въ морѣ, такъ и на поверхности суши, а слѣдовательно, и гораздо болѣе быстрое образованіе напластованій. Такъ какъ эти соображенія доселѣ игнорировались геологами въ ихъ вычисленіяхъ, то послѣднія несомнѣнно страдаютъ сильнымъ преувеличеніемъ и не заслуживаютъ вѣроятія. Какъ на образчики явнаго преувеличенія можно указать, напримѣръ, на вычисленія Г. Дарвина и Пультона. Дарвинъ опредѣляетъ возрастъ солнца въ 500 милліоновъ лѣтъ; по мнѣнію Пультона отъ кембріискаго періода до настоящаго времени прошло не менѣе 400 милліоновъ лѣтъ, а органическая жизнь на землѣ существуетъ уже въ теченіе 1.600 милліоновъ лѣтъ («Stein der Weisen»).

Техника, сельское хозяйство.

Круго-Байкальская жел. дорога.—Въ дополненіе къ замѣтѣ, помѣщенной въ № 11 «Вѣстн. Знанія», приводимъ слѣдующія, заимствованныя изъ «Восточн. Обозрѣнія», строки, посвященныя открытію этой дороги: «Строители были обязаны открыть дорогу 1 авг., а открыли 1 сент. И вотъ каково было это открытіе. Первый поѣздъ, состоящій изъ паровоза типа трамвая (кукушка), платформы съ углемъ, вагона для воды и служебнаго, 4 сентября вышелъ изъ Култукъ и 7 прибылъ на ст. Байкаль. Въ такомъ далекомъ путешествіи озна-

ченный поѣздъ ровно 10 разъ сходилъ съ рельсовъ. Въ тоннелѣ № 10 пришлось разобрать габариты и сломать трубы въ служебномъ вагонѣ, такъ какъ иначе вагоны и поѣздъ не прошли бы въ этомъ тоннелѣ... За что же получили премію гг. подрядчики?.. 80 верстъ пробный поѣздъ прошелъ въ 2½ сутокъ и десять разъ сходилъ съ рельсовъ». Далѣе авторъ цитируемой статьи, техникъ путей сообщенія г. Степановъ, указавъ на «полнѣйшую неспособность строителей, выразившуюся въ произвольномъ отклоненіи оси линіи первоначальнаго проекта», говоритъ: «подобное уклоненіе стоило казнѣ 11.000.000 руб. Изъ газетныхъ извѣстій мы видимъ, что, кромѣ этой суммы, обязанной непозволительной ошибкѣ строителей, выяснился еще перерасходъ въ 5.000.000 руб. Итого, слѣдовательно, 16.000.000 руб. Кромѣ того, намъ положительно извѣстно, что переправа черезъ Байкалъ будетъ производиться наступающей зимой гужевой тягой, для чего уже законтрактовано 1.000 лошадей, а это значитъ внушительный плюсики къ выше указанной суммѣ. Такимъ образомъ, стоимость Кругобайкальской жел. дороги, кромѣ ассигнованныхъ 52 мил. руб., увеличилась уже болѣе чѣмъ на 16 мил. руб.; въ будущемъ же она потребуетъ каждый годъ массовыхъ тратъ».—Эти данныя еще разъ доказываютъ, насколько нужно быть осторожными въ выводахъ изъ официальныхъ отчетовъ.

Утилизациа солнечной теплоты. — Въ Соединенныхъ Штатахъ, одновременно съ попытками воспользоваться для практическихъ цѣлей энергіей вѣтра и морского прибоа, производятъ опыты съ утилизацией солнечной теплоты. Особого вниманія заслуживаютъ опыты американскаго инженера Вуша. Извѣстно, напримѣръ, что онъ освѣщаетъ свой домъ электрическимъ свѣтомъ при помощи вѣтрянаго двигателя, приводящаго въ дѣйствіе динамо-машину, но пока освѣщеніе еще обходится ему довольно дорого и не имѣетъ практическаго значенія. Точно также не экономична и утилизациа солнечной теплоты, опыты примѣненія которой, по словамъ американскихъ газетъ, производившіеся въ мѣстечкѣ Лосъ-Анжелосъ въ Калифорніи, хотя и доказываютъ полную возможность ея, но обошлись слишкомъ дорого. Опыты утилизациа солнечной теплоты въ Лосъ-Анжелосъ производились при помощи параболическаго зеркала съ отверстіемъ въ 10 метровъ, при діаметрѣ у основанія въ 6 метровъ. Оно составлено изъ 1.788 маленькихъ зеркалъ, концентрирующихъ солнечную теплоту на паровой котелъ, развивающій пары при давленіи 12 атмосферъ. Необходимо около часа времени, чтобы развить потребное количество паровъ для приведенія въ дѣйствіе сложнаго конденсаціоннаго мотора, соединеннаго съ паровымъ котломъ.

Механическій паровой вагонъ-прачечная—изготовленъ на ганноверскихъ заводахъ и представляетъ одну изъ совершеннѣйшихъ прачечныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вагонъ-прачечная слѣдоваль чрезъ Варшаву въ С.-Петербургъ, а затѣмъ чрезъ Москву будетъ посланъ въ гор. Харбинъ, гдѣ и откроетъ свою дѣятельность. Вагонъ-прачечная будетъ останавливаться въ большихъ городахъ Имперіи съ цѣлю дать возможность отечественнымъ заводчикамъ ознакомиться съ первымъ образцомъ таковыхъ прачечныхъ. Мытье бѣлья производится машиною барабаномъ, а просушка—системою особыхъ вентиляторовъ, дающихъ возможность въ теченіе десяти минутъ высушить около двухъ пудовъ бѣлья. Въ продолженіе сутокъ при двѣнадцати часовой смѣнѣ рабочихъ, прачечная-вагонъ въ силахъ изготовить до двухсотъ пудовъ бѣлья. На театрѣ военныхъ дѣйствій нынѣ работаютъ только прачечные-вагоны ручною стиркою, конечно, болѣе медленною, чѣмъ машинная. До стирки въ нихъ бѣлье обеззараживается въ особой дезинфекціонной ваннѣ посредствомъ пара. Обеззараживаніе производится такъ же быстро, какъ и просушка выстираннаго. При прачечной-вагонѣ состоитъ особый персоналъ санитаровъ, вполнѣ обученный работѣ въ данной прачечной; во главѣ же этого персонала стоитъ мастеръ-специалистъ, нанятый съ ганноверскихъ заводовъ.

Примѣненіе водяно-электрической силы въ мірѣ—эксплуатируемой фабриками

и заводами, исчисляется въ $1\frac{1}{2}$ милл. лошадиныхъ силъ. Изъ этой общей суммы на долю Соединенныхъ Штатовъ приходится болѣе $\frac{1}{3}$ —527.000 силъ; далѣе по развитію и эксплуатаціи этой силы слѣдуютъ: Канада—228.000 силъ, Італія—210.000 силъ, Франція—162.000 силъ, Швейцарія—133.000, Германія—81.000, Швеція—71.000 и Великобританія—всего 12.000 силъ.

Молочная промышленность въ Канадѣ развита такъ высоко, какъ въ немногихъ странахъ. Она является главною промышленностью провинцій—Квебека и Онтарио. Масло и сыры составляютъ главнѣйшую статью вывоза Канады. За 1903 годъ изъ одного порта Монреаля вывезено сыру на 107.817.940 фр., масла за то же время—на 24.047.666 фр., тогда какъ въ предыдущемъ году вывезено на 39.680.665 фр., а въ 1901 году—на 40.235.000 фр. Уменьшеніе вывоза масла нужно приписать недостаточно еще усовершенствованнымъ способамъ его охлажденія и замораживанія при перевозкѣ по желѣзной дорогѣ и на пароходахъ. Но такъ какъ эта отрасль хозяйственной промышленности даетъ прекрасные доходы, то канадское правительство старательно съ каждымъ годомъ улучшаетъ способы транспорта и сохраненія молочныхъ продуктовъ. Молочные заводы часто объединяются въ большіе кооперативные союзы, синдикаты и соединяютъ въ своихъ рукахъ всю эту промышленность въ той или иной провинціи. Правительство строго контролируетъ ихъ дѣятельность и производимые ими продукты, чѣмъ достигается высокая ихъ доброкачественность. Особеннаго совершенства достигла Канада въ производствѣ сыровъ,—почти весь вывозъ ихъ идетъ въ Англію. Въ 1902 году Канада вывезла сыровъ въ 10 разъ болѣе, чѣмъ Соединенные Штаты («Revue Scientifique»).

Физика и метеорологія.

Эманация радія.—Американскій физикъ Бертонъ (Burton) изслѣдовалъ нефть, полученную изъ одного нефтяного источника въ мѣстечкѣ Петролія (близъ озера Онтарио, Соединенныхъ Штатовъ). Въ нефти оказался какой-то газъ, обладающій сильнымъ лучеиспусканіемъ. Бертонъ рѣшился доискаться до природы этого газа.

Онъ нагрѣлъ нефть и прогналъ черезъ нее воздухъ. Затѣмъ этотъ воздухъ былъ прогнанъ еще черезъ концентрированную сѣрную кислоту и черезъ склянку съ фосфорной кислотой и стекляннѣй ватой, окруженную льдомъ. Послѣ этого воздухъ поступилъ въ цилиндрическій сосудъ изъ гальванизованнаго желѣза, который былъ соединенъ съ электричествомъ. Здѣсь воздухъ и былъ изслѣдованъ съ цѣлью опредѣленія находящагося въ немъ и обладающаго лучеиспусканіемъ газа. Оказалось, во-первыхъ, что проводимость воздуха, которая раньше была очень невелика, увеличилась въ шесть разъ и возросла еще больше, когда цилиндръ былъ закрытъ. Кромѣ того оказалось, что лучеиспусканіе газа передается другимъ тѣламъ, на которыя оно дѣйствуетъ. По этимъ и другимъ признакамъ Бертонъ думаетъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ эманацией радія, заключавшейся въ воздухѣ, взятомъ изъ нефти. Въ настоящее время онъ производитъ опыты, чтобы открыть тотъ же элементъ въ самой нефти.

Бюро погоды (Weather Bureau) въ Соединенныхъ Штатахъ является единственнымъ въ своемъ родѣ по устройству и кругу дѣятельности учрежденіемъ. Находясь въ вѣдѣніи департамента земледѣлія, оно служитъ общей и въ то же время специально-сельско-хозяйственной метеорологической обсерваторіей страны. Дѣятельность его ведется въ трехъ направленіяхъ: 1) предсказаніе погоды, бурь, холодовъ, морозовъ; 2) предсказаніе наводненій и 3) регистрація и распространеніе недѣльныхъ и ежемѣсячныхъ климатическихъ свѣдѣній. Бюро располагаетъ необходимыми приспособленіями для возможно быстрого собранія (дважды въ день) метеорологическихъ данныхъ для изготовленія и отправленія издаваемыхъ имъ предсказаній погоды, а также печатанія и разсылки изданій. Въ распоря-

женіи его имѣются хорошо приспособленныя телеграфныя и телефонныя сѣти, усовершенствованныя типографіи и проч. Въ вѣдѣніи бюро имѣются 180 хорошо оборудованныхъ метеорологическихъ станцій, равномерно расположенныхъ по территории Соединенныхъ Штатовъ. Не ограничиваясь чисто метеорологическими наблюденіями, эти станціи собираютъ также данныя о посѣвахъ, урожаяхъ, представляя свои наблюденія въ мѣстныя центральныя обсерваторіи бюро (ихъ полагается въ каждомъ штатѣ или территоріи по одной); сюда же стекаются и донесенія мѣстныхъ добровольныхъ наблюдателей погоды и урожаявъ. При этихъ центральныхъ обсерваторіяхъ, находящихся подъ общимъ руководствомъ бюро въ Вашингтонѣ, состоятъ метеорологи, сводчики матеріаловъ объ урожаяхъ, имѣются свои типографіи. Для предсказанія наводненій въ вѣдѣніи бюро находятся особые постоянныя и временныя рѣчныя станціи. Помимо персонала станцій и обсерваторій оно пользуется услугами платныхъ reporter'овъ, которые, находясь въ районахъ культуры хлопчатника, пшеницы, кукурузы, ежедневно телеграфируютъ свои наблюденія въ крупныя торговые центры, а также услугами особыхъ лицъ для выставки буревыхъ сигналовъ въ различныхъ портахъ Атлантическаго и Тихаго океановъ, южныхъ заливовъ и озерной области; наконецъ, до 15.000 лицъ еженедѣльно присылаютъ въ центральныя обсерваторіи свѣдѣнія о погодѣ и вліяніи ея на урожай. Для руководства веденіемъ всей этой сложной работы бюро держитъ на службѣ, независимо отъ числа служащихъ въ Вашингтонѣ, свыше 1.000 опытныхъ метеорологовъ и другихъ лицъ. Порядокъ составленія и распространенія предсказаній погоды происходитъ такъ. Въ 8 ч. утра на каждой изъ 180 метеорологическихъ станцій регистрируются данныя о всѣхъ элементахъ мѣстныхъ атмосферныхъ условій. Въ 8 ч. 25 м. сводка этихъ данныхъ передается по телеграфу уже по всѣмъ направленіямъ. Наблюденія всѣхъ станцій или большинства изъ нихъ получаютъ обсерваторіями въ Вашингтонѣ, Чикаго, Нью-Йоркѣ и другихъ городахъ, находящихся въ центрѣ отведенныхъ имъ районовъ для предсказанія погоды (for cast districts). Сводка полученныхъ свѣдѣній этими центрами заканчивается въ теченіе 2 ч. послѣ приступленія къ наблюденіямъ, и тотчасъ же начинается разсылка общихъ выводовъ во всѣ стороны по телефону, телеграфу и почтѣ, заканчивающаяся не позднѣе 6 ч. пополудни. Болѣе 1.800 дополнительныхъ пунктовъ получаютъ эти свѣдѣнія посредствомъ сигналовъ (флаговъ, фонарей и т. д.). Для собиранія свѣдѣній объ ожидаемыхъ наводненіяхъ рѣчная система страны разбита на 35 районовъ; во главѣ каждого стоитъ предсказатель-метеорологъ; къ нему стекаются изъ различныхъ станцій его района по телеграфу извѣщенія объ осадкахъ, повышеніи уровня и проч. Населеніе, такимъ образомъ, своевременно увѣдомляется объ угрожающихъ наводненіяхъ или обмеленіи рѣкъ. Въ 1901 году было 122 постоянныхъ и 41 временныхъ рѣчныхъ станцій, а также 37 постоянныхъ и 13 временныхъ станцій по регистраціи осадковъ. За вѣдынающіе центральныя обсерваторіи каждого штата разрабатываютъ полученные матеріалы и еженедѣльно выпускаютъ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ бюллетени, заключающіе сводку свѣдѣній о климатическихъ условіяхъ и вліяніи ихъ на урожай въ каждомъ штатѣ или графствѣ, въ концѣ каждого мѣсяца составляются и издаются таблицы ежедневныхъ выпаденій дождя и температуръ. За время 1898—1899 гг. бюро погоды было издано и распространено: метеорологическихъ картъ—4.931.140 экз., бюллетеней—146.529 всего же было выпущено и распределено изданій до 24.467.106 экземпляровъ.

Дальнѣйшіе результаты разработки читателями „фонда недостаточныхъ подписчиковъ“.

Когда г. Яковлевъ прислалъ намъ свое первое письмо съ извѣстнымъ проектомъ, мы съ удовольствіемъ прочли его симпатичное предложеніе, заслуживающее самой серьезной поддержки и разработки, но какъ ни прекрасна и благородна эта идея, какъ ни вѣрили мы въ отзывчивость нашихъ читателей, намъ все-таки не представлялась будущая картина «фонда» въ тѣхъ размѣрахъ, какія теперь начинаютъ обрисовываться. Мы даже слегка безпокоились съ точки зрѣнія пропорціональности ожидаемой для недостаточныхъ подписчиковъ пользы тѣмъ хлопотамъ и вознѣ съ разборомъ писемъ, которыя неминуемо должны были послѣдовать вслѣдъ за опубликованіемъ проекта г. Яковлева. Но, если въ послѣднемъ отношеніи наши опасенія превзошли даже самыя пессимистическія ожиданія (такъ какъ переписка *очень* велика), зато и результаты оказались выше всякихъ ожиданій.

Можно смѣло сказать, что каждый день приноситъ теперь десятки и сотни писемъ, сочувствующихъ прекрасной идеѣ г. Яковлева, расширяющихъ ее, одобряющихъ и критикующихъ;—въ общемъ это, если можно такъ выразиться, сплошной взрывъ восторга, свидѣтельствующій о необычайной чуткости подписчиковъ «Вѣстн. Зн.», удивительной сплоченности благородства ихъ побужденій и крайне отрадномъ, трогательномъ единеніи на почвѣ чувства, выражающемся въ лучшихъ, гуманнѣйшихъ порывахъ.

Пусть намъ прибавилось работы, хлопотъ, пусть мы проведемъ изъ-за этого нѣсколько лишнихъ бессонныхъ ночей, пусть эта работа грозитъ превратиться въ нѣчто грандіозное, непосильное для одного человѣка (поищемъ себѣ помощника или даже помощниковъ), мы будемъ только радоваться такому результату, такъ какъ «доброе сѣмя, брошенное г. Яковлевымъ, упало, стало быть,—по выраженію одного подписчика,—на благодарную почву...» Итакъ, примемся за дѣло съ вѣрою въ успѣхъ.

Первыя письма, какъ уже было нами отмѣчено, имѣли въ виду главнымъ образомъ вопросъ о томъ, какъ обезпечить полученіе журнала лицами, дѣйствительно нуждающимися, какъ устроить распредѣленіе въ случаѣ большаго числа кандидатовъ, чѣмъ имѣется экземпляровъ журнала на пожертвованныя подписчиками деньги и т. д. Эта сторона дѣла занимаетъ многихъ подписчиковъ и теперь, при чемъ большинство склоняется къ лотереѣ, хотя кое-кто предлагаетъ посылать только отдѣльныя книжки журнала и приложений; нѣкоторые изложили и еще нѣсколько проектовъ организаціи,—предложеній, вообще, получено очень

много, но авторы не обнаружили въ нихъ достаточной продуманности и практичности, что избавляетъ насъ отъ возможности сообщать объ этихъ проектахъ. Нѣтъ недостатка также и въ извѣстнаго рода скептицизмѣ по отношенію къ порядочности и честности «кандидатовъ» на получение журнала; зато имѣются и настолько восторженные поклонники «Вѣстн. Зн.», что они считаютъ всѣхъ его подписчиковъ до такой степени людьми солидными, честными и умными, что совершенно не допускаютъ возможности ошибокъ въ назначеніи кандидатовъ, которые должны быть, такимъ образомъ, только безусловно достойными. Этимъ господамъ мы приносимъ нашу глубокую благодарность за столь идеальное воззрѣніе на своихъ товарищей-подписчиковъ «Вѣс. Зн.». Но, конечно, никто не обвинитъ и тѣхъ, кто думаютъ, что это плохая все-таки гарантія... Не мало также, если не болѣе всего, подписчиковъ, которые всецѣло полагаются на выборъ самой редакціи «В. Зн.», при чемъ нѣкоторые предлагаютъ урегулировать какъ поступленіе денегъ, сдѣлавъ обязательной ту или иную сумму взноса, такъ и распредѣленіе поступленій, отчисляя въ которую часть «на канцелярскіе расходы редакціи». Не находя нужнымъ останавливаться на всѣхъ подобныхъ подробностяхъ, не можемъ, однако, не возразить послѣдняго рода доброжелателямъ: 1) что никакія «канцелярскія» суммы не могли бы уравновѣсить хлопотности работы, еслибъ мы относились къ ней формально; 2) что, разсматривая дѣло съ матеріальной стороны, проектъ г. Яковлева является для редакціи все-таки выгоднымъ, такъ какъ увеличиваетъ число подписчиковъ; 3) позволяете намъ относиться къ этому проекту съ той же идеальной стороны, какую имѣло въ виду благородное предложеніе г. Яковлева: мы беремъ на себя эту египетскую работу съ особеннымъ восторгомъ и любовью, такъ какъ энтузіазмъ нашихъ подписчиковъ, вѣрящихъ въ громадную пользу «фонда недостаточныхъ подписчиковъ», намъ очень дорогъ, и всѣ наши симпатіи на сторонѣ этого проекта, который, по нашему мнѣнію, требуетъ, однако, разработки въ нѣсколько иную, не благотворительную, а идейную сторону.

Имѣя это въ виду, мы остановимся на трехъ письмахъ, заслуживающихъ, по нашему мнѣнію, наибольшаго вниманія.

Одно изъ нихъ говоритъ о необходимости высылки журнала тѣмъ интеллигентнымъ лицамъ, которые по независящимъ обстоятельствамъ были принуждены переселиться въ разныя болѣе или менѣе отдаленныя мѣста. Кое-кто прислалъ намъ адреса нѣкоторыхъ лицъ, и имъ уже высылаются «Вѣст. Зн.» и «Недѣля» бесплатно, въ чемъ мы, впрочемъ, вообще, никогда не отказывали такимъ лицамъ и раньше...

Одинъ изъ подписчиковъ, г. Кунаховичъ (Бирючь, Воронеж. губ.) пишетъ: «Когда у васъ,—столь великодушно принявшаго на себя нелегкое дѣло возни съ подписчиками и даже неподписчиками,—соберется достаточный фондъ, тогда въ зависимости отъ размѣровъ его нетрудно будетъ опредѣлить и его назначеніе: быть можетъ, фондъ окажется достаточнымъ для устройства бесплатной бібліотеки-читальни. Возможно, что земство, городъ или сельское общество дадутъ для читальни бесплатное помѣщеніе. Такимъ образомъ, будетъ сдѣлано хорошее дѣло: въ читальнѣ, многіе «недостаточные» прочтутъ «Вѣстн. Зн.» и др. изданія. Здѣсь подписчикъ, не безъ основанія, высказываетъ, однако опасеніе за допущеніе «Вѣстн. Зн.» и др. «хорошихъ» изданій въ каталоги бесплатныхъ читальнъ...

«На бельгійскихъ монетахъ, пишетъ г. Кунаховичъ далѣе, имѣется девизъ «Единеніе (Union)—сила». Да, конечно: «капиталъ»—тоже сила!.. Будемъ, однако, надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ единеніе бодрого духа редактора и читателей «В. З.» дастъ въ результатъ силу, превышающую всякій капиталъ: это сила человѣческаго ума, который получаетъ развитіе въ будущихъ читальняхъ имени В. В. Битнера! *) Результатъ анкеты выяснилъ, что фондъ недостаточныхъ подписчиковъ лишь тогда достигнетъ намѣченной цѣли, когда получится увѣрен-

*) Мы предложили бы назвать: читальни «Вѣстника Знанія».

ность, что бесплатный № «Вѣстн. Зн.» достается: во 1) именно тому, кто желаетъ его читать; 2) кто дѣйствительно не въ состояніи внести подписную плату; 3) кто не позволяетъ себѣ перепродать журналъ другому и 4) кто «по минорваніи острой нужды, пожелаетъ вспомнить и о другихъ, нуждающихся болѣе, чѣмъ онъ и... поспѣшить возвратить взятое заимообразно, дабы дать возможность менѣе достаточнымъ воспользоваться услугами «Взаимопомощи». Но, скажите... гдѣ та страна? «Kennst du das Land»?.. Послѣ такого скептическаго восклицанія авторъ письма приходитъ къ заключенію, что ни одинъ изъ до сихъ поръ опубликованныхъ проектовъ не годится, и говоритъ, что надо «стремиться къ устройству читальни». Приложенный имъ рубль онъ предоставляетъ на наше усмотрѣніе въ пользу фонда недостаточныхъ подписчиковъ, либо на бібліотеку-читальню.

Наконецъ, третій проектъ лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, заключается въ слѣдующемъ. На собранныя деньги высылается журналъ въ бібліотеку-читальню, чайныя и пр., по указанію подписчиковъ, преимущественно въ заходустыя, но не исключительно, а главнымъ образомъ вообще туда, гдѣ «Вѣстн. Зн.» менѣе всего извѣстенъ. При этомъ бібліотеки-читальни, безразлично платныя или бесплатныя, получивъ бесплатно одинъ или болѣе экземпляровъ «Вѣстн. Зн.», обязаны давать читать этотъ журналъ всѣмъ желающимъ бесплатно, хотя бы за другіе журналы и книги и полагалась плата. Тамъ, гдѣ нѣтъ такихъ бібліотекъ-читаленъ, подписчики могутъ указать лицъ, которыя согласились бы, получая бесплатно журналъ, отвести у себя помѣщеніе, куда бы *всякій* могъ приходиться и бесплатно читать «Вѣстн. Зн.» Такія «бесплатныя читальни «Вѣстн. Зн.» должны съ каждымъ годомъ расти въ числѣ, благодаря росту потребности въ чтеніи и сочувствіи къ «Вѣстн. Зн.». При этомъ многія лица, какъ думаетъ авторъ проекта, первоначально предоставившія только бесплатное пользованіе комнатою для чтенія «Вѣстн. Зн.» (могутъ быть всѣ года журнала), съ теченіемъ времени навѣрное захотятъ и выписывать на свой или общественный счетъ «Вѣстн. Зн.», а даровой экземпляръ предоставлять какой-нибудь другой, новой, болѣе бѣдной читальнѣ «Вѣстника Знанія».

Таковы въ общемъ результаты анкеты по поводу проекта г. Яковлева. Многое здѣсь осталось, конечно, неприведеннымъ, кое-что упомянуто лишь вскользь, но иначе и быть не можетъ въ виду громадности матеріала, все продолжающаго поступать. Возможно, конечно, что возникнутъ новые проекты, еще болѣе цѣлесообразные и легче осуществимые, но... настоящій №—послѣдній въ 1904 г. И хотя мы не сомнѣваемся, что всѣ наши подписчики не только подарятъ насъ и въ будущемъ году своимъ сочувствіемъ, но и наwerbуютъ намъ новыхъ друзей, тѣмъ не менѣе, теперь въ № 12 приходится подвести итогъ затѣянной анкеты по поводу проекта г. Яковлева, какъ имѣющей большой общественный интересъ *).

Ни одного кандидата (по 25 нояб.) за исключеніемъ тѣхъ, кто подходитъ къ категоріи недобровольныхъ поселенцевъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, намъ не названо. Наиболѣе серьезные, продуманные проекты имѣютъ въ виду не отдѣльныхъ лицъ, а главнымъ образомъ коллективныя учрежденія — читальни, бібліотеки, отдѣльные кружки рабочихъ и т. п. Многіе предлагаютъ изъ «фонда» дѣлать скидки съ подписной цѣны журнала, высылая его по усмотрѣнію редакціи за ту или иную сумму. Тѣ, кто говорятъ объ отдѣльныхъ лицахъ, называютъ главнымъ образомъ бѣдныхъ народныхъ учителей и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, которые, читая

*) Что касается опроса подписчиковъ и читателей по поводу улучшеній въ журналѣ, то громадное большинство все-таки до сихъ поръ не высказалось (мы получили всего лишь около четырехъ тысячъ писемъ), а потому принуждены еще разъ просить торопиться съ присылкою своихъ замѣчаній.

«Вѣстн. Зн.», могутъ оказывать благотворное вліяніе и на окружающихъ, а не будутъ пользоваться журналомъ исключительно только сами. Бесплатную высылку надо дѣлать лишь условно, имѣя въ виду обѣщаніе «по минованіи острой нужды»; возврата подписной платы хотя бы частью въ видѣ болѣе или менѣе крупной жертвы на тотъ же фондъ и возможно болѣе широкаго распространенія отдѣльных книжекъ «Вѣстн. Зн.» среди другихъ недостаточныхъ съ тѣмъ, чтобы обслуживать возможно большій кругъ лицъ, жаждущихъ духовной пищи. Вотъ главные выводы изъ пока полученныхъ писемъ.

Теперь, подводя итоги истекшему году, мы не можемъ не пожелать, чтобы наши друзья перешли въ новый подписной годъ съ сознаніемъ, что «Вѣстн. Знан.» старался по мѣрѣ силъ обогащать своихъ читателей познаніями, расширять ихъ умственный кругозоръ и будить лучшія чувства; мы позволимъ себѣ надѣяться, что каждый читатель можетъ, положи руку на сердце, сказать: «я нѣсколько не тотъ, какимъ былъ годъ тому назадъ, я кое-чему научился, смотрю на многое иными глазами»...

Итакъ, впередъ! Пойдемъ дальше, дальше по пути духовнаго развитія и будемъ взаимно поддерживать другъ друга посредствомъ «Взаимопомощи», будемъ расширять сферу ея дѣятельности...

Что касается проекта фонда недостаточныхъ подписчиковъ, то онъ фактически уже существуетъ, такъ какъ многіе не захотѣли ждать окончательной формы, а предоставили намъ самимъ выбрать ее изъ числа предложенныхъ или скомбинировать нѣчто среднее изъ многихъ предложеній. Теперь мы можемъ предложить лишь желающимъ, присылая деньги на фондъ, сообщать желаемую форму осуществленія проекта, т. е. отдѣльнымъ ли лицамъ слѣдуетъ посылать (указать, если можно кандидатовъ), хотѣть ли жертвователи учрежденія бесплатной читальни (гдѣ именно) *), или, наконецъ, могутъ указать бібліотеку-читальню или отдѣльное лицо, дающее помѣщеніе для чтенія «Вѣстн. Зн.»

Всѣ запросы, на которые желательно получить отвѣты, слѣдуетъ писать на отдѣльныхъ листочкахъ, иначе нѣтъ никакой возможности раздѣлять «Взаимопомощь», «Отвѣты» и «Статистическія данныя по вопросу объ улучшеніяхъ въ журналѣ». Такимъ образомъ, если подписчикъ, сообщая о журналѣ, хочетъ помѣстить свой адресъ во «Взаимопомощи» или высказать нѣсколько мыслей по поводу проекта г. Яковлева, и, наконецъ, еще получить на что-либо отвѣтъ, то онъ долженъ говорить о журналѣ на одномъ листкѣ, запросъ слѣлать на другомъ и все, что касается «Взаимопомощи», помѣстить на третьемъ листкѣ. Во всякомъ случаѣ, «Взаимопомощь» вмѣстѣ съ проектомъ г. Яковлева должна быть всегда отдѣляема отъ запросовъ и статистическихъ свѣдѣній, такъ какъ при громадности переписки нѣтъ возможности разобраться въ матеріалѣ. Мы бы просили еще для нашего облегченія дѣлать заголовки, разбивать по пунктамъ, подчеркивать особенно важное и т. д.—за всякое облегченіе нашего труда мы будемъ особенно благодарны.

Пожертвованія на фондъ недостаточныхъ подписчиковъ. *)

№ 1292. В. П. Перегудовъ—30 к. № 1339 Э. Г. Букъ—5 герм. марокъ (2 р. 30 к.) № 5624 (³¹/₂₃) Г. И. Чечудинъ—30 к. № 2299 (²⁴/₉₅) А. Г. Жилинъ—1 р. 30 к. № 2834. Гр. Шапошниковъ—55 коп. № 17235.

*) Эта форма, слѣдуетъ замѣтить, не допускаетъ, по закону, осуществленія безъ *официальнаго разрѣшенія*, котораго можетъ и не воспослѣдовать, и во всякомъ случаѣ, оно дается не скоро.

*) Просимъ подписчиковъ обращать вниманіе на возможные пропуски и ошибки и сообщать ихъ намъ.

Алекс. Алекс. Зиньковский—20 к. № 2099. Ал. Прокофьевъ—60 к. № 18247. Серг. Конст. Хвощинскій—30 к. № 18247. М. О. Коротковъ—30 к. № 16138. Сер. Мих. Соколовскій—30 к. ⁴⁹²⁵/₁₁₇₀ д-ръ В. И. Боголюбовъ—30 к. № 2711. В. Н. Лепихинъ—30 к. № 3744. Я. П. Двулле—50 к. № 5834. И. Ст. Синевъ—30 к. № 1317. И. Г. Поляковъ—30 к. № 17900. А—ндръ А—севичъ Дубенскій—30 к. № 2431. Е. Чеховичъ—25 к. № 17392. С. Петровъ—50 к. № 17563. Л. Шейнманъ—15 к. № 1101 Н. Н. Федоровъ—30 к. № 3439. П. Ф. Кунаховичъ—1 з. № 2932. А. А. Зайцевъ—30 к. № (нов. подп.) сваш. В. Богрянскій—30 к. № 3150. Крестьянинъ Вас. Ив. Сннгеновъ—4 р. 30 к. № 2870. Э. Т. Гоберникъ и И. Л. Хассеръ—60 к. № 5905. А. Ф. Мухинъ—30 к. № 17920. И. Хуторный—20 к. № 4031. П. Г. Викентьевъ—30 к. № 4460. С. О. Осиповъ—30 к. № 2069. Ф. Мироновъ Урыть—30 к. № 4543. Ал. Гер. Ивановъ—50 к. № 17492. Бор. Георг. Андреевъ—1 р. 90 к. № 2871. А. М. Вазятовъ—30 к. № 5181. Служащіе управленія Саратовскаго почт.-тел. округа—30 к. № 18419. Дм. Петр. Фроловъ—60 к. № 4178. Н. П. Башенинъ—30 к. № 2886. Л. А. Альбицкій—50 к. № 18540. И. И. Смирновъ—20 к. № 4728. П. А. Онаховъ—30 к. № 3007. М. М. Соболевъ—50 к. № Ал. Фед. Янковъ—1 р. 30 к. № 18239. П. И. Черенковъ—30 к. № 1572. Д. Кузнецовъ—20 к. № 5822. А. С. Колбинъ—1 р. 30 к. № 2459. Е. П. Сынной—30 к. Нѣкоторые подписчики прислали кромѣ того деньги на «фондъ народнаго просвѣщенія» (всероссійскій) Л. С. Сысоевъ подписчику № 18851—1 р. (на открытіе «Общедост. гимназій»); подп. «Вѣстн. Зн.» № 18540, И. Смирновъ—10 к. Подп. А. М. Ивановъ 30 к. Эти деньги будутъ переведены въ контору газеты «Русь», согласно желанію одного изъ жертвователей.

АДРЕСА и ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

I. Переписка съ общеобразовательными цѣлями.

◆ № 18438. *Сергій Никол. Тезавринъ, учитель; (см. II отд.).* Можетъ быть полезенъ въ вопросахъ философіи, исторіи (спеціально русс. истор. XVI—XVII в.в.) и основному богословію. ◆ № 17547. *Н. В. Линько-Завадскій. Иваново-Вознесенскъ, Влад. губ., Большая Краснопольская, 45.* Желаетъ переписываться съ общеобразовательными цѣлями и съ цѣлью усовершенствованія въ франц., нѣмец. языкахъ и въ языкѣ эсперанто. ◆ № 18250. *Б. М. Шапиро. Черя, Могилевской губ.*—желаетъ переписываться съ общеобразоват. цѣлями, главнымъ же образ. по предметамъ, соприкасающимся съ рабочимъ вопросу. Просимъ также указаній относительно занятій англійск. языкомъ по Туссену и Лангшейдту. ◆ № 18515. *Учит. Деиносскаго нар. уч. А. Толкачъ, ст. Крайскъ, Вилен. губ.*—перепис. съ образоват. цѣлью (см. II отд.).

II. Переписка со спеціальной цѣлью.

◆ № 1339. *Э. Г. Бунъ. Петропавловскъ, Акмолинск. обл. Пушкинская ул., д. Шпрингбахъ,*—желаетъ купить, хотя бы и въ подержанномъ видѣ, слѣд. книги: С. Длусскій. Стенографич. хрестоматія ч. I и II и С. Длусскій. Стенографическій Вѣстникъ. ◆ № 1231. *Ф. В. Третьяковъ. Ст. Атаманская, Астраханской губ.,*—желаетъ усовершенствоваться въ стенографіи, по системѣ Штолце посредствомъ переписки; мож. быть съ своей стор. полезенъ по счетоводству. ◆ № 5924. *Вас. Никанор. Мазинъ. с. Грачевъ-Нустъ, Николаевскаго уѣзда, Самарской губ.,*—желаетъ переписыв., какъ начинающій учитель, о воспитаніи и обученіи дѣтей. Можетъ доставить нѣкотор. свѣд. о преподавателѣ мнемоники В. С. Макѣевъ. ◆ № 18438. *Серг. Никол. Тезавринъ. Почт. ст. Ногайскъ; село Преславъ, препод. учит. сем.,*—желаетъ переписываться по вопросу о брактѣ. ◆ № 5144. *И. П. Апаршинъ. Пенза, Больш.*

Ведоровская, д. 47,—просить сообщить, достигает ли цѣли изученіе иностр. яз. по методу В. Гурьянова изъ Москвы. ♦ № 16138. **М. Ѳ. Короткій, Черниговъ, 167 Астрах. полкъ**,—эсперантистъ. ♦ № 4571. **С. Ткаченко, г. Радомысль. Кіевск. губ., въ дер. Облитки; волостной писарь**.—Можетъ быть полезенъ по своей спеціальности и вообще по крестьянскому дѣлу. ♦ № 18280. **Алекс. Тихон. Нагорновъ г. Камышинъ, Саратовск. губ. Нѣмецк. ул. 56**;—желаетъ переписываться для практики на яз. эсперанто. ♦ № 1033. **А. П. Соколовъ, г. Ардатовъ, Симбирск. губ.**,—желаетъ имѣть свѣдѣнія о поступленіи въ СПб. Электротехнический институтъ и о самомъ учебномъ заведеніи. ♦ № 3439. **П. Ф. Нунаровичъ, Бирючь, Воронежск. губ.**—желаетъ знать: 1) Гдѣ и по какой цѣнѣ можно купить карбидъ кальція и приборы для ацетиленоваго освѣщенія, описанные въ прилож. къ № 6 «Вѣстн. Зн.» 1904 г., стр. 52—54, и сообщить, примѣняется ли гдѣ-нибудь для освѣщенія не дающій взрыва, вполне безопасный ацетиленъ, аккумулированный въ ацетонѣ (получ. при прокаливаніи уксусно-кислой извести). 2) Можно ли купить въ Россіи слѣдующія лампы для освѣщенія спиртомъ, дипломированныя заграницей: а) La Continentale—въ 40 свѣчей, расходъ въ часъ 1 до 7. б) Auer; в) Préférée (французская). Не случилось ли кому-нибудь видѣть, хорошо ли освѣщаютъ эти лампы? ♦ № 2266. **Серг. Из. Воронковъ, 1. Нашира, Тульской губ.**, желаетъ переписываться какъ эсперантистъ (№ 10498) на языкѣ эсперанто; ознакомиться со стенографіей; получить свѣдѣнія относительно правъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній. ♦ № 1741. **Н. А. Архангельскій, г. Красный, Смоленской губ. до востребованія**,—просить сообщить: 1) Ограниченное ли число разъ можно держать экз. на аттестатъ зрѣлости, 2) Насколько цѣлесообразно преподаваніе иностр. языковъ по мет. «Бургардъ» и 3) при выборѣ, на чьемъ самоучителѣ остановиться:—Бургардъ или Московскій? ♦ № 17248. **Н. П. Томашевскій, г. Ананьевъ, Хер. губ., мужская гимназія**.—просить сообщить: 1) Не изучалъ ли кто стенографію Животовскаго и какіе получились результаты и 2) по какому руководству успѣшнѣ всего можно изучить таковую; 3) Просить рекомендовать хорошій учебникъ тригонометріи и физики, 4) интересуется женскимъ вопросомъ и 5) желаетъ усовершенствоваться поср. перепіски во французск., нѣмецк. языкахъ и польской литературѣ. ♦ № 2891. **А. М. Безпятавъ, 4 уч., Читинскаго уѣзда, Забайк. обл., Усть-Ильинское**,—просить указать, какіе существуютъ въ Москвѣ акушерскіе и фельдшерскіе курсы (женскіе), гдѣ они находятся, какія условія приѣма, формальности поступленія, продолжительность и стоимость ученія и вообще всѣ подробности, необходимыя человѣку, рѣшающемуся ѣхать учиться за 7,000 в. Свѣдѣнія необходимо получить какъ можно скорѣе. ♦ № 18515. **Учитель Двиносскаго нар. уч. А. Толкачъ, ст. Крайскъ, Вил. губ.**—по педагогическимъ вопросамъ.

„МНОГОСТРУВАННУЮ БИБЛИОТЕКУ НИБИ“ на 1905 й годъ.
ВЪ СОСТАВЪ КОТОРОЙ ВОЛЕТЕТЬ НОВЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

проф. ОСКАРА ЙЕНЕРА

в 12-ти **емлемых** выписках, которые составили 4 больших тома. Заключительный в себя около 2,500 стр. текста, большею 80, а то 1,000 хужественно-изобразительных гравюр, 80 отдален. приложением, отпечат. золотом, серебром, черною и цветными красками (по вкусу истории, к-рой и посвящен). Первые 3 тома — по переводу и сьбы дополнениям (по вкусу истории, к-рой и посвящен). Первые 3 тома — по переводу и исправлениям. **Д. 3. Спонтанность** по последнему и **нужному** изданию, а 4-й том — по новому переводу году 1908 г. сь дополн. **Д. 3. Спонтанность** — исполнение **содержания** доведено до 1908 г. " — по включением в издательство — **очередь русско-японского войны**.

"Всеобщая история" проф. Оскара Яёге представляется собою труд, заключающийся по своим научным достоинствам и еще больше по чрезвычайному умению изложить исторический материал, который автор выставляет в плане, которому он придает значение падение народов.

суммирует сопоставлением их роль как факторов, а представляет ему ряд картин, верно и живо изображающих возникновение, воспитание и гибель государств, возвышение, процветание и падение народов.

совершенствую, а потому и переживать ее будет удивительно просто, ясно и доступной форм. Важнейшей преимуществом этого прекрасного труда является, конечно, считать этого критическое отношение проф. Лерера к истинному, по которому он относится.

...всесоюзная история... в 1-м издании, написанная историком, а не автором, не ученым, а мастером, но автору не удалось избежать изъятий и других весьма важных изъянов: он постоянно выдвигает на первый план то, что естественно должно быть интересом, а не вниманием образованного читателя.

наго человека, не утомляя читателей | цирк. Главн. Штаба 17 окт. 1896 г. № 284.

Без доставки: в С.-Петербург — 12 р. Сь дост. в Спб. и сь перес.
во все мѣста Россіи — 14 р. За границу — 16 руб.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА ВЪ 2, 3, 4 И 6 СРОКОВЪ

Адрес: в Контору изданий А. Ф. МАРША, С.-Петербург, улица Гоголя, № 22.

НОВА
ОТКРИТА ПОДПИСКА НА
Кромя 52 №-а: самото жур-
нала и др. къ нему приложени,
ПОДПИСНИКИ ПОЛУЧАТ:
1905Г

ПОЛНАГО СЪБРАНИИ СОУЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ
10 КНИГ
М. Е. ГАТЯКОВА-ЩЕДРИНА

1. "Губернские очерки", "Помпадуры и помпадурши", "Господа Голованевы" и другие).
Съ портретомъ автора и "Материалами для біографіи", **Н. К. Арсеньева**.
(Цѣна пошт. соедр. въ отъѣздной продажѣ съ перес. 21 руб.).

КОМПАТО СОБРАНИЕ СОУЩЕСТВ

ОСТАЛЫХ
30 КНИГ
А. К. ШЕДЬРА-МИХАЛОВА

Под редакцию и со вступительным словом А. М. Скабичевского.
(Изна пом. собр. вь оригинальной продажъ съ перес. 27 руб.).

12 КНИТЬ „ЕЖЕМЕСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНИЙ“ ВСЕГО

52 **КНИГМ, т. е., независимо от других приложений,
ПО ОДНОЙ КНИГѢ ПРИ КАЖДОМЪ № „ИЗЫ“**

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА „НИВЫ“ со всеми приложениями на годъ:
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО Разрочка

603 Б. ДОСТАВКИ — 6 р. 50 к. **Всё МЫСТА РОССИИ** 0 р.
СБ ДОСТАВКОЮ — 7 р. 50 к. За границу — 12 р.
Издатель
№ 2, 3 и 4
спок.

Гр. новые подписчики на 1905 г. могут получить, кроме "Нивы" 1905 г., еще **первую 20 книг А. Н. Шенлера-Нихайтова за 1904 г.** за единовременную плату: 2 р. 50 к. без доставки и 3 р. с доставкой и доставкой посылкой.

Адрес: С.-Петербург, в Контору журнала "ИВА", улица Гоголя, № 22.

Содержаніе „Вѣстника Знанія“ и приложеній за 1904 г.

1. Біологическія науки и медицина.

- Проф. Алленъ Жизнь нныхъ міровъ (№ 1—стр. 171).
 А. Анохинъ. Физическое развитіе человѣка (№ 6—стр. 82).
 Вильгельмъ Бельше. Новыя данныя о родословномъ деревѣ человѣка (№ 1—стр. 62). На пути къ идеалу (№ 2—стр. 105). Завоеваніе человѣка («Чит. Вѣстн. Зн.» № 4).
 В. В. Битнеръ. Краткій систематическій словарь біологическихъ наукъ («Энци. библиот. для самообраз.» №№ 6, 8 и 11).
 Проф. Р. Боммели и Макмиланъ. Жизнь растенія («Энци. библи. для самообраз.» № 9). Спутники смерти (№ 11—стр. 121).
 Ф. ди-Брацца. Жизнь въ кристаллахъ (№ 11—стр. 161).
 А. М. Васильевскій. Замѣтки земскаго врача (№ 3—стр. 143).
 Д-ръ Готштейнъ. Естественный подборъ и общественная гігіена (№ 4—стр. 54).
 Д-ръ З. Гомбергъ. Медицина и химія (№ 11—стр. 170).
 Ар. Готъ. Вегетарианское питаніе (№ 4—стр. 136).
 Куртъ Гротевицъ. Дарвинистическіе мины (№ 4—стр. 65).
 Т. Зевельманъ. Человѣкъ будущаго (№ 4—стр. 112).
 Проф. Іензень. Физиологическое дѣйствіе свѣта (№ 6 стр. 61).
 Д-ръ В. Я. Канель. На Пироговскомъ сѣздѣ (№ 3—стр. 153). Злой недугъ (№ 12—стр. 27).
 Проф. Ламброзо. Атавизмъ и цивилизація (№ 7—стр. 74).
 Проф. И Мечниковъ. Старость (№ 11—стр. 26).
 Д-ръ Меллеръ. Къ вопросу о борьбѣ съ ракомъ желудка (№ 3—стр. 134).
 Проф. В. Мейеръ. Жизнь на землѣ и небесныхъ тѣлахъ и ея естественный конецъ («Энци. библи. для самообраз.» № 4).
 К. Т. Миллеръ. Что такое человѣкъ? (№ 7—стр. 78).
 Анж. Моссе. Интернаціональная физиологическая лабораторія на М.-Роза (№ 12—стр. 62).
 Проф. Фр. Мюллеръ. Сердце (№ 8—стр. 97).
 А. В. Намиловъ. Неовитализмъ (№ 2—стр. 59).
 Д-ръ М. Покровская. Санитарное значеніе врачебно-полицейскаго надзора (№ 6—стр. 109).
 Проф. Поуль. Всомогущество свѣта (№ 12—стр. 166).
 Д-ръ Роммъ. Не является ли соль ядомъ? (№ 4—стр. 157).
 Проф. С. Серванъ. Допотопная Европа («Чит. Вѣстн. Зн.» № 9).
 А. Н. Смоликовъ. Осеннія занятія натуралиста (№ 9—стр. 61; № 10—стр. 145 и № 11—стр. 139).
 Проф. Р. Франса. Новыя изслѣдованія строенія клѣтки (№ 5—стр. 47).

Научныя новости въ области біологическихъ наукъ и медицины.

Алкоголь и вырожденіе.—Новый способъ дезинфекціи.—Причины аппендицита.—Состояніе опьяненія и художественная продуктивность.—Травматизмъ и вторичное цвѣтеніе (№ 1).—О зрѣніи насѣкомыхъ.—О правѣ больныхъ вступать въ бракъ.—Опасно ли для человѣка жало скорпіона.—Примѣненіе низкихъ температуръ при изученіи біологическихъ проблемъ (№ 2).—Бѣлыя пятна на мѣху животныхъ.—Животныя счетчики.—Вторичное цвѣтеніе.—Искусственныя разновидности мотыльковъ.—О вліяніи алкоголя на развитіе морскихъ ежей.—Прививка бактерій

насъкомымъ.—Опыты надъ иммунизацией противъ туберкулеза.—Отчего старость приводитъ къ смерти.—Смертность европейской и негритянской расъ (№ 4).—Оживленіе дѣятельности сердца.—Странная болѣзнь.—Новое открытіе остатковъ доисторическаго человѣка.—Корейско-китайская медицина.—Примѣръ выдающагося ума животнаго.—Проф. Мечниковъ о психическихъ рудиментахъ человѣка (№ 5).—Новыя ископаемыя находки.—Умъ канарейки.—Профессоръ Мечниковъ о старости (№ 7).—Роль окраски, какъ средство защиты.—Палеонтологическая находка въ Италіи.—Раковыя заболѣванія.—Примѣненіе ультра-микроскопа.—Новое примѣненіе лучей Рентгена.—Бациллъ дизентеріи (№ 8).—Геніальный конь.—Хвостатое племя.—Трансформація пола у пыльцъ.—Что такое манна небесная.—Средство противъ усталости.—Очки противъ пьянства (№ 9).—Зимняя спячка птиц.—Отрицательный гелиотропизмъ у нѣкоторыхъ ракообразныхъ.—Остатки динозавровъ въ Сѣверной Америкѣ.—Геніальная лошадь.—Вліяніе радія на бациллы.—Примѣненіе голубыхъ лучей къ зубоврачебному искусству.—Математика, какъ лѣчебное средство.—Вліяніе холода на кровь (№ 10).—Живой питекантропъ (№ 11).

II. Астрономія, математика, метеорологія, физика, химія и техника.

Д-ръ Г. Ангергейстаръ. N-лучи (№ 10—стр. 32).
Н. Д. Ахшарумовъ. Объ измѣненіяхъ климата (№ 10—стр. 65).
Проф. Виттъ. Солнечный двигатель (№ 3—стр. 222).
Д-ръ Геннигъ. Лучи Блондло и физиологическая оптика (№ 10—стр. 43).
Д-ръ Дессау. Таинственные лучи (№ 4—стр. 49).
Проф. Дасюрь. О химическихъ элементахъ (№ 12—стр. 16).
Проф. Майеръ. Космическія и земныя катастрофы («Энциклоп. библ. Вѣстн. Зн.», № 3, «Общедоступный университетъ Вѣстн. Зн.» № 1—2—3, «Электричество и магнетизмъ» № 4, «Механика».)
Проф. Оствальдъ. Школа химіи («Энциклоп. библ. для самообр.», № 10).
Проф. А. Принсгеймъ. Положительныя и отрицательныя стороны математики (№ 7—стр. 154). (№ 12—стр. 72).
Проф. Руснеръ. Новые опыты въ области беспроволочной телеграфіи (№ 2—стр. 110).
Саретъ-Кумеръ-Гешъ. Образование звѣздъ (№ 5—стр. 65).
Проф. В. Семеновъ. Электро-магнитныя волны и роль ихъ въ жизни природы (№ 1—стр. 27).
Проф. К. Фламмаріонъ. Радій и устройство вселенной (№ 3—стр. 70).
А. Чужой. Радій и законъ сохранения силы (№ 3—стр. 75).
Н. Ш. Постройка кругобайкальской дороги (№ 11—стр. 167).
С. Цюнь. Передача фотографій на разстоянія. Аппараты Корна и Черевотани (№ 12—стр. 191).

Научныя новости въ области астр., мат., метеорол., физ., хим. и техники.

Луна и засухи въ Австраліи.—Механическое усиленіе звука.—Самая холодная жидкость.—Электрическое освѣщеніе въ Испаніи.—Электроды Ауера.—Железная дорога безъ рельсъ. N-лучи.—Возможность видѣть на разстояніи помощію электричества (№ 1).—Сплавъ, суживающійся при нагрѣваніи.—Содержаніе аргона въ атмосферномъ воздухѣ.—Удешевленіе лампочекъ накаливанія.—О новомъ родѣ стекла.—О спектроскопическомъ опредѣленіи атомнаго вѣса.—Употребленіе электричества для разсѣиванія тумана и для полученія дождя (№ 2).—Загадочное вещество.—Радій и астрономія.—Лучеиспусканіе живыхъ органовъ.—Дѣйствіе прежнихъ и современныхъ пуль (№ 3).—Новыя изслѣдованія астронома Комстока надъ движеніями солнца и солнечной системы въ міровомъ пространствѣ.—Наблюденія надъ солнечнымъ затмѣніемъ 4-го марта.—Провѣрка опытовъ проф. Ремсея о превращеніи эмананціи радія въ гелій.—Количество тепла, испускаемаго радіемъ.—Радій въ минеральныхъ осадкахъ.—Обезвреживаніе электрическихъ токовъ.—Новый металлъ нодій.—Телеграфъ (№ 4).—Новое объясненіе каналовъ Марса.—Испареніе жидкаго воздуха.—Новые элементы.—Современное состояніе беспроволочной телеграфіи.—Дѣйствіе радія на змѣинный ядъ.—Дѣйствіе радія на зрѣніе.—Состояніе желѣза въ нѣдрахъ земли.—Перегонка металловъ въ безвоздушномъ пространствѣ (№ 5).—Новая одноколейная желѣзная дорога.—Альпійскіе туннели.—Невѣроятная скорость поѣздовъ новой желѣзной дороги.—Говорящій человѣкъ-автоматъ.—Стоимость артиллерійскихъ выстрѣловъ.—Кипяченіе безъ огня.—Машина для искусственнаго приготвленія шелка.—Новое анестезирующее средство.—Новыя изслѣдованія при помощи ультра-микроскопа (№ 6).—Еще о радіи.—Новыя данныя о N-лучахъ.—Проекты перелета черезъ Атлантическій океанъ.—Водоборонный миноносецъ.—Эдиссонъ, какъ реформаторъ золотого промысла.—Устройство трансатлантическихъ

пароходовъ безъ I класса (№ 7).—Новая гипотеза о лунныхъ кратерахъ.—Наблюденія надъ московскимъ ураганомъ.—Городъ, отапливаемый изъ нѣдръ земли.—Новый сортъ бумаги (№ 8).—Новыя выводы относительно атмосферы планетъ.—Дѣйствіе молніи.—Примѣненіе электричества къ рыболовству.—Самодвижущіяся сани (№ 9).—Комета Энке.—Новое образованіе на лунѣ.—Дѣятельность Везувія.—Метеоръ.—Магнитные источники.—Самый большой телескопъ въ мірѣ.—Безпроводный телеграфъ.—Быстроходѣйшій паровозъ (№ 10).—Новый спутникъ Сатурна.—По поводу землетрясенія въ Ригѣ.—Добываніе золотоноснаго песку по Эдиссону.—Электричество въ садоводствѣ.—Быстроходѣйствующій телеграфъ Сименса и Гальске (№ 11).—Кругобайкальская дорога.—Утилизациа солнечной теплоты.—Механическій паровой вагонъ-прачечная.—Примѣненіе водно-электрической силы въ мірѣ.—Молочная промышленность въ Канадѣ.—Эманация радія.—Бюро погоды въ Соединенныхъ Штатахъ (№ 12).

III. Геологія, географія, этнографія, путешествія.

С. И. Алисовъ. Край будущаго.—Забайкалье и Маньчжурія (№ 1—стр. 96).
Вип. Бельше. О рожденіи и смерти горъ (№ 3—стр. 43).
П. К. Бѣлицій. Баргузинскіе орозоны (№ 1—стр. 138; № 2—стр. 156).
С. И. Васюковъ. Очерки кавказскаго черноморскаго побережья (№ 2—стр. 170).
Ант. Горемыка (С. Цюнь). Въ странѣ Бѣлаго Ненюфара (№ 11—стр. 51; № 12—стр. 56).
М. Дюби. Колоніи Ройкрофтеровъ въ Америкѣ (№ 12—стр. 83).
Н. Крыловъ. Сѣверный морской путь (№ 9—стр. 45).
Корея. Очеркъ (№ 5—стр. 144).
Б. А. Немировъ. Буддизмъ и его этническія видоизмѣненія (№ 4—стр. 84; № 5—стр. 108; № 7—стр. 103; № 10—стр. 121).
В. Ф. Поленцъ. Въ странѣ свободы («Чит. Вѣстн. Зн.», № 12).
А. Павловскій. Земля и люди Японіи (№ 3—стр. 52; № 4—стр. 102; № 5—стр. 57; № 6—стр. 94; № 8—стр. 119).
Проф. С. Серванъ. Допотопная Европа («Чит. Вѣстн. Зн.», № 9).
Д-ръ А. Соколовскій. Что представляютъ собой евреи (№ 12—стр. 90).
Пр.-доц. К. Харичковъ. Кавказская Швейцарія (№ 11—стр. 94; № 12—стр. 94).
С. А. Цюнь. Два мѣсяца на Сахалинѣ (№ 9—стр. 172).
Н. Шпановскій. Шпицбергенская экспедиція (№ 8—стр. 83).

Научныя новости въ области геологіи, географіи, этнографіи и путешествій.

Экспедиція барона Толля.—Экспедиція въ центральную Африку.—Течетъ ли нѣмецкая кровь въ жилахъ буровъ.—О происхожденіи минеральныхъ источниковъ (№ 1).—Изъ тьмы вѣковъ (№ 2).—Господство европейцевъ въ Азіи.—Республика Панама.—Мертвое море—будущій промышленный центръ.—Японскій языкъ.—Путешествіе японца по Тибету (№ 4).—Рѣшеніе расовой проблемы.—Предстоящая экспедиція къ сѣверному полюсу.—Всемирная торговля въ 1902 г. (№ 5).—Карликовыя племена въ Африкѣ.—Возвращеніе экспедиціи (№ 6).—Въ поискахъ барона Толля.—Экспедиція барона Норденшельда въ Южную Америку.—Новая полярная экспедиція.—Восхожденіе на гребень Рунсоро въ Конго. Минеральные богатства дальняго востока (№ 8).—Путешествіе Клаача въ Австралію.—Новѣйшая полярная экспедиція (№ 11). Имп. русс. геогр. общество.—Вновь открытый величайшій въ мірѣ водопадъ.—Нефтяныя озера на Сахалинѣ.—Опредѣленія возраста земли (№ 12).

IV. Философія, психологія, психіатрія.

М. Бевръ. Жизнь и ученіе Герберта Спенсера (№ 10—стр. 76; № 11—стр. 89).
В. Бельше. Искусство и дѣятельность (№ 10—стр. 102).
В. В. Битнеръ. Фр. Ницше и его произведенія («Чит. Вѣстн. Знанія», № 6).
Проф. Виндельбандтъ. О свободѣ воли («Чит. Вѣстн. Зн.», № 11).
Проф. П. Вейзенгрюнъ. Наука и жизнь (№ 9—стр. 130; № 11—стр. 130).
Л. Захарьевъ. Предѣлы науки и безпредѣльность исторіи (№ 9—стр. 87).
Э. Ланъ Кей. Современная любовь (№ 6—стр. 55).
Д-ръ Каррингъ. О методахъ психологіи (№ 2—стр. 162).
Генр. Кунъвъ. Философія и общественно-экономическіе факторы (№ 8—стр. 94).
Проф. І. Кольбе. Психологія животныхъ (№ 9—стр. 29).
Проф. Пельманъ. О психической болѣзни Ницше (№ 1—стр. 125).
Е. А. Предтеченскій. Очерки по естественному богословію (№ 6—стр. 46).
Пр. Ал. Риль. Введеніе въ современную философію («Энцикл. библ. для самообр.», № 1).
Проф. А. Риль и Г. Кюльпе. Современная философія («Энцикл. библ. для самообр.», № 2).
Герб. Спенсеръ. Какое знаніе самое цѣнное? (№ 3—стр. 26).

Проф. Ир. П. Снегиревъ. Человѣческіе идеалы и дѣйствительность въ жизни и наукѣ (№ 2—стр. 8).

Проф. М. Фарварнъ. Естествознаніе какъ основа міровоззрѣнія (№ 8—стр. 3).

Д-ръ К. Шмидтъ. О ночной сторонѣ душевной жизни (№ 8—стр. 133).

Научныя новости въ области философіи, психологіи и психіатріи.

Наблюденія надъ психикой преступниковъ. — Бракъ между родственниками и душевныя болѣзни (№ 3).

V. Соціологія, политич. экономія, статистика, право и публицистика.

В. Апокинъ. Чему посвящаетъ свои досуги англійская интеллигенція (№ 2—стр. 182).

А. Андреевичъ. Изъ мотивовъ современной публицистики (№ 5—стр. 167).

Акинъ. Изъ обихода современной деревни. — Красный пѣтухъ и борьба съ нимъ (№ 7—стр. 165).

В. В. Битнеръ. Нѣсколько мыслей о военномъ могуществѣ Японіи (№ 2—стр. 177). — Отъ солидарности къ индивидуализму (№ 12—стр. 70).

Б. Бразоленко. Законъ и рабочий (№ 5—стр. 3).

П. Б—нъ. Народные университеты во Франціи (№ 12—стр. 41).

І. Білѣхъ. Международное право во время мира и войны (№ 7—стр. 27). Ужасы войны и ея конецъ («Чит. Вѣстн. Зн.», № 8).

Проф. Л. Блюхъ. Сословная и социальная исторія римской имперіи («Энци. библ.» № 7).

В. Ш. Б—ковъ. Права личности въ императорскій періодъ (№ 11—стр. 41).

З. Вальс-сый. Страничка изъ исторіи русской интеллигенціи (№ 1—стр. 48; № 2—стр. 114).

С. И. Васюковъ. Изъ-за босяка народъ забыли (№ 1—стр. 146). — Жизнь сказка. — Босякъ писатель (№ 4—стр. 13; № 5—стр. 76).

П. Васильевъ. Къ исторіи русскихъ лишнихъ людей (№ 9—стр. 94).

Д. Верининъ. Бракъ и разводъ (№ 5—стр. 40).

Проф. Ю. А. Веделовскій. Въ поискахъ разумнаго и гуманнаго воспитанія (№ 4—стр. 177);

З. Геневичъ. Социально-этическая сторона русскаго идеализма (№ 11—стр. 155).

Проф. Ю. Гамбаровъ. Политическія партіи въ ихъ прошломъ и настоящемъ (№ 1—стр. 3. № 2—стр. 92).

Проф. Зомбартъ. Карлъ Марксъ какъ теоретикъ (№ 3—стр. 19). — Соціологическіе этюды («Чит. Вѣстн. Зн.», № 7).

Проф. А. А. Исаевъ. Что завѣщала XX столѣтію финансовая политика XIX вѣка (№ 1—стр. 73). — Объ искусствѣ будущаго (№ 2—стр. 38). — Таможенные налоги и сельское хозяйство (№ 7—стр. 3).

К. Каутскій. Признаки національности (№ 1—стр. 37).

А. Колычевъ. Къ вопросу объ урегулированіи положенія ремесленныхъ работниковъ (№ 3—стр. 64).

Н. А. Крыловъ. Изъ воспоминаній о 10-й народной переписи (№ 3—стр. 138).

З. Карпентеръ. Правы и обычаи (№ 5—стр. 137).

А. Н. Котельниковъ. Нужна ли статистика и каково ея содержаніе (№ 8—стр. 19).

Проф. А. Клермонтъ. Популярныя очерки политической экономіи («Чит. Вѣстн. Знанія», № 10).

И. Марксъ. Кэри и Вастія (№ 12—стр. 50).

Проф. А. Метзнъ. Существуетъ ли желтая опасность (№ 4 стр. 5).

А. Нѣдровъ. Хлѣбъ или камень (№ 2—стр. 127; № 3—стр. 34). — Прокурорское разслѣдованіе по дѣлу босяковъ М. Горькаго (№ 6—стр. 35). Волчья философія (№ 12—стр. 120).

Н. Орлинскій. Періодическая печать на западѣ (№ 3—стр. 125).

М. Осеневъ. Очерки изъ жизни русскихъ въ Парижѣ (№ 5—стр. 11; № 6—стр. 169; № 8—стр. 109).

Проф. И. Х. Озаровъ. Контрабандное водвореніе товаровъ (№ 7—стр. 67).

Х. Подбороскій. Вопросы русско-японской войны въ современной деревнѣ (№ 11—стр. 105).

Г. Пятигорскій. Крестьянскій вопросъ и предстоящая крестьянская реформа (№ 7—стр. 61). — Обезпеченіе рабочихъ при уtratѣ ими трудоспособности (№ 9—стр. 66; № 10—стр. 48).

А. А. Радцигъ. Наше желѣзнодорожное хозяйство (№ 1 стр.—129). — О государственной росписи на 1904 г. (№ 2—стр. 84). — Финансовое положеніе Россіи передъ войною съ Японіей (№ 3—стр. 3). — Внѣшняя торговля Россіи въ 1903 г. (№ 6—стр. 3). — Торговля въ Маньчжуріи въ 1903 г. (№ 8—стр. 45). — О русско-германскомъ торговомъ договорѣ (№ 10—стр. 3). — Во что обходится жителямъ Германіи покровительственная система (№ 9—стр. 3). Во что обходится Россіи покровительственная система (№ 12—стр. 3).

- Г. Ратценгоферъ. Прошедшее и будущее парламентаризма (№ 7—стр. 51).
 Пр.-доц. А. Тимофѣевъ. Что такое уголовное право? (№ 4—стр. 31).
 В. В. Тутаміанцъ. Оригинальный проект борьбы съ бѣдностью и безработицей (№ 5—стр. 9). Муниципальная торговля хлѣбомъ (№ 11—стр. 62). Отъ одиночества къ солидарности (№ 12—стр. 66).
 Прив.-доц. Я. Харичковъ. О высшихъ техническихъ школахъ Германіи (№ 9—стр. 39).
 Ак. Шенечій. Что такое интеллигенція? (№ 11—стр. 3).
 Проф. Г. Шмоллеръ. Матинный вѣкъ и народное благосостояніе (№ 2—стр. 120; № 3—стр. 93).
 Л. В. Щеглова. Настроеніе современной личности. М. Горькій (№ 9—стр. 119; № 10—стр. 84).
 Проф. И. И. Щукинъ. Научное паломничество въ русскомъ расколѣ (№ 1—стр. 117).
 Г. Экштейнъ. Очеркъ экономическаго развитія Японіи (№ 4—стр. 143; № 5—стр. 123).

Новости по статистикѣ, политич. экономіи и пр.

Мировое потребленіе лѣса.—Эксплуатація электрической энергіи въ Соединенныхъ Штатахъ.—Валовой доходъ Суэцкаго канала.—Статистика женщинъ (№ 7).—Промышленность Москвы.—Роль экономической политики въ вопросѣ о неподвижности цифры населенія Франціи.—Данныя о добычѣ нефти въ Россіи и Америкѣ.

VI. Біографіи, исторія, археологія, языкознание.

- Проф. Андерсонъ. Исторія погибшихъ цивилизацій востока («Чит. Вѣстн. Зн.», № 1).
 Вилг. Бельше. Эрнстъ Геккель (№ 4—стр. 23).
 В. В. Битнеръ. Новѣйшіе успѣхи матеріальной культуры въ связи съ ея исторіею. («Общедост. Унив. Вѣстн. Зн.» №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12).
 М. Ф. Бунзень. Рескинъ, его жизнь и дѣятельность («Чит. Вѣстн. Зн.», № 3).
 Левъ Горскій. О международномъ языкѣ Эсперанто (№ 3—стр. 3).
 Проф. Пол. Гартунгъ. Аморальная военная исторія (№ 5—стр. 103).
 Проф. Заборовскій. Европейское происхожденіе азіатскихъ арийцевъ (№ 5—стр. 31).
 Проф. Л. Кельнеръ. Гладстонъ (№ 9—стр. 78).
 С. Лозинскій. Эпоха великихъ событій въ ея представителяхъ (№ 6—стр. 138; № 10—стр. 14). О Нильсѣ Финзенѣ (№ 12—стр. 191). О смерти А. С. Пыпина (№ 12—стр. 14).
 Проф. Кнафусъ. «Рафаэль» (Чит. «В. З.» № 2).
 Проф. Мутеръ «Л. Крапахъ» «Веласкецъ». Изъ исторіи искусства. («Чит. В. З.» № 2).
 Проф. Оствальдъ. Всемирный языкъ (№ 3—стр. 102).
 Л. Рускинъ (Фирсовъ). Д. В. Григоровичъ въ Лондонѣ (№ 4—стр. 152).
 Проф. М. И. Тамашевъ. Очерки исторіи арабской культуры въ средніе вѣка (№ 9—стр. 49; № 10—стр. 151).
 А. Тьерри. Двѣ женщины V столѣтія (№ 6—стр. 75; № 7—стр. 88).
 Р. У. Эмерсонъ. Великіе люди («Чит. Вѣстн. Зн.» № 5).

Новости по исторіи, археологіи и языкознанію.

Христіанъ Дошплеръ.—Гербертъ Спенсеръ (№ 1).—В. В. Стасовъ.—Памяти Предтеченскаго (№ 2).—Къ столѣтію смерти Конта.—Н. К. Михайловскій.—Д. И. Менделѣевъ.—Б. Н. Чичеринъ.—А. С. Травецкій.—А. С. Трибофдовъ (№ 3).—Еще о Евгениі Предтеченскомъ (№ 4).—Вальгельмъ Гитторфъ (№ 5).—О. А. Бредихинъ.—Габріель Тардъ.—Эмилъ Дюкло.—Генри Стенли.—Новые доисторическіе рисунки.—Открытіе Діонисова храма (№ 6).—І. О. Жилинскій.—Н. Ф. Дубровинъ (№ 7).—Раскопки Карфагена.—Поднятіе со дна озера римскихъ галеръ (№ 8).—Вальдекъ Руссо.—Фейербахъ (№ 9).—Проф. Нильсъ Риббергъ Финзенъ.—Н. И. Карѣвъ (№ 10).—Мегалитическіе памятники и финикійяне (№ 11).

VII. а) Исторія литературы. Критика. Искусство.

- А. Андреевичъ. Литераторская копѣйка (№ 9—стр. 155)
 Проф. Брандесъ. Артуръ Шнитцлеръ (№ 11—стр. 10).
 В. В. Битнеръ. Московскій художественный театръ (№ 5—стр. 161).
 Ю. А. Веселовскій. Наши поэты. В. Брюсовъ и К. Бальмонтъ (№ 1—стр. 177). Георгъ Оукама Кноопъ (№ 2—стр. 146).
 Проф. Ю. Гартъ. Исторія западной литературы XIX в. («Энцикл. библ. для самообр. № 5).
 С. К. Далекій. Художеств. театръ, какъ выразитель новыхъ теченій въ искусствѣ (№ 12—стр. 101).
 Л. Горскій. Новѣйшій геніальный польскій драматургъ (№ 4—стр. 94).
 Е. А. Колтоновская. Разказы Д. Я. Айзмана (№ 7—стр. 133). Писатель-гуманистъ (С. Елпатьевскій) (№ 12—стр. 106).
 В. Каменская. Нѣсколько словъ о творчествѣ Пшибышевскаго (№ 12—стр. 116).
 П. А. Ковалевъ. Ближайшія задачи современной музыки (№ 8—стр. 67).

- П. З. Мовичъ. Этюды о текущей литературѣ (№ 5—стр. 153; № 6—стр. 170; № 7—стр. 119; № 8—стр. 147; № 9—стр. 136).
 Ф. Ф. Остини. Францъ Штукъ (№ 6—стр. 24; № 7—стр. 40).
 Н. Оглобинъ. Василий Тюлинъ (№ 12—152).
 В. Павловичъ. Леонидъ Андреевъ, какъ выразитель настроенія и мыслей части нашей интеллигенціи (№ 10—стр. 131).
 П. М. Пильскій. Новыя вѣянія (№ 11—стр. 75).
 С. И. Прежній. Изъ старины (№ 2—стр. 138).
 Поль. Сурло. Объективное выраженіе музыки (№ 6—стр. 69).
 А. Б. Струве. П. Розеггеръ (№ 8—стр. 51).
 Дж. Уасперъ. За вечернимъ чаемъ (№ 8—стр. 33).
 А. И. Яцимирскій. Лаза Лазаревичъ и его рассказы (№ 3—стр. 79).

б) Библиографія.

- № 1.—А. А. Н. Библиографич. замѣтки о книгахъ для народа и самообраз.—203.—*Р. Яковлевъ*. Шарль Ланглуа. Инквизиція по новѣйшимъ трудамъ.—206.—*И. Б. Д-ръ Малль*. Врачебная этика—210.—*Н. С. Карлъ Каутскій*. Торг. догов. и торговая политика—212.—*В. Большой* всемірный настольный атласъ Маркса—214.
 № 2.—А. Н. Библиограф. замѣтки о книг. для народа и самообраз.—198.—*Акинъ*. Тотоміанъ. Мошь коопераціи—202.—*В. Вячеславъ* врадій. Краски у Горькаго—202.—*Р. М-чъ*. Изабелла Гринева—203.—*Р. М-чъ*. Сборникъ «Итоги» изд. газ. «Курьеръ»—204.—*Л. М. Кн. Э.* Ухтомскій. Изъ области ламаизма—206.—*В. Я. Б. Шнидеръ*. Иллюстр. исторія письменъ.—*Пр. К. Верманъ*. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ—207.—*Л. М-чъ*. Разборъ способа предсказаній Демчинскаго. А. Клосовскаго—209.—№ 3.—А. А. Н. Библиогр. замѣтки о книг. для нар. и самообраз.—188.—*В. З. Ихоровъ*. Исповѣдь челоѣка на рубежѣ XX в.—190.—*Л. М. Студенты въ Москвѣ*—191.—*М. Василій Якимовъ*. Безъ хлѣба насущнаго—191.—*М. Л. М. Я. Мибиховъ*. Исторія еврейскаго народа—192.—*Л. Проф. Ардашевъ*. О прогрессѣ въ историч. наукѣ—193.—*М-чъ*. *Пр. И. Х. Озеровъ*. Изъ жизни труда—194.—*Л. М-чъ*. *Э. Вандервельде*. Бѣгство изъ деревни и возвращ. къ полямъ—195.—*И. О. А-евъ*. К. Гофманъ. Радій и его лучи—196.—*Ч-мъ*. Сборникъ 200 задачъ—197.—*Л. М. Турутинъ*. О значеніи и дѣят. крестьян. сельско-хозяйств. общ. и о томъ, какъ ихъ устроить—197.—*В. Вармингъ*. Распределение растений—198.—№ 4.—А. А. Н. Книги для нар. и самообр.—208.—*И. О. А-евъ*. Мих. Лешке. Думы журналиста—215.—*Захарьевъ*. Шохоръ-Тропкинъ. Наглядность и нагляд. пособие при обученіи ариметикѣ—217.—*Захарьевъ*. В. Зелинскій. Метод. указанія и примѣрные уроки по объяснит. чтенію—218.—*Л. М-чъ*. Пав. Первовъ. О школьной балловой системѣ—218.—*Л. М-чъ*. Въ старомъ Пекинѣ—219.—*Л. З. М. П. Альбовъ*. Сирота.—Глафирина тайна—219.—А. З. Гнѣдичъ. Новый скитъ—220.—*Л. М-чъ*. Велико. Арабески—221.—А. З. Красновъ. Любость абиссинки—222.—*Л. З. Н. Н. Каразинъ*. На далекихъ окраинахъ—223.—*Л. М-чъ*. Восп. о битвѣ при Сольферино—222.—*Л. М-вичъ*. М. С. Дурасовъ. Краткій курсъ русс. торг. права—224.—*Л. З. Г. Т. Сѣверцевъ*. Трудящіяся.—Шопотъ жизни—224.—*В. Ф. Мартинъ*. Три царства природы—225.—№ 5.—А. А. Н. Книги для нар. и самообр.—190.—*Элемъ*. Kant. Sechzehn Vorlesungen gehalten an der Berliner Universität von Georg Simmel—193.—*Тау. Прокофьевъ*. Панорама міра—193.—*Л. З. Осмелоступная философія*—195.—*Л. З. С. Нестеровъ*. Екатерина II—196.—*Захарьевъ*. Общая зоотехнія соч. П. Дошамбра—197.—*И. О. А-евъ*. Вас. Бруснянинъ. Ни живые ни мертвые—197.—*Л. М-чъ*. Альманахъ «Грифъ»—198.—*Л. З. А. Пстришевъ*. Бенардотъ—199.—№ 6.—*Л. М-чъ*. Кн. Э. Ухтомскій. Передъ грознымъ будущимъ—205.—*Л. М-чъ*. Н. Вороновъ. На отвлеченныя темы—206.—*Л. М-чъ*. *Э. Ловиссъ*. Основные моменты политич. исторг. Европы—207.—*Л. М-чъ*. *Пр. Д. Овсанико-Куликовскій*. Этюды о творчествѣ И. Тургенева—208.—*Л. М-чъ*. И. Новиковъ. Испанія—210.—*Л. З. Вас. Ив. Нем.-Данч*. Родная темень—211.—*Л. З.* Рядъ историческ. романовъ—212.—*М. Н. А. Лейкинъ*. Молодые побѣги—213.—*Л. З. Потапенко*. Живая жизнь—213.—*Захарьевъ*. П. Первовъ. Жители крайняго сѣвера—214.—*В. Календаръ* для мукомоловъ. Изд. А. Радина—214.—№ 7.—*Л. М-чъ*. *Пр. И. Сворцовъ*. Основы гитологін и гигиены—190.—А. П-логъ. *Пр. А. Майеръ*. Результаты агроп. химіи—192.—*Элемъ*. У. Уернеръ. Неотложное дѣло—194.—*Л. М-чъ*. Анри Купенъ. Причудливыя животныя—196.—*Л. М-чъ*. А. Колычевъ. Рабочіе на прискахъ Сибири—196.—*Л. З. Чистяковъ*. Исторія Петра Великаго—197.—*Л. З. В. Венгеръ*. Эллада—197.—*Л. М-чъ*. *Ө. П. Га-ъ*—197.—*Д. В. Г. Дюмоларъ*. Японія въ политич., эконом. и соц. отношеніяхъ—198.—*Л. З. Растеряевъ*. Путев. очерки и зам. по Европѣ.—199.—*Лидевъ*. А. Щегловъ. Психолог. преступника—199.—*Лидевъ*. А. Щегловъ. Общ. умств. работоспособности мал. преступниковъ—200.—*Л. М-чъ*. Фаресовъ и Лѣсковъ—201.—*Л. М-чъ*. К. Баранцевичъ. Свободн. сны и другіе рассказы—201.—*Л. М-чъ*. А. Галуновъ, Г. Чулковъ, А. Бѣлый, Вяч. Ивановъ—202.—*Л. М-чъ*. Л. Лавровъ. Въ нефти—202.—*Л. М-чъ*. Язвнцкій. Болѣзнь духа—202.—*Л. З. Поэмы*

Дермонтова 203.—В. Карты театра воен. д., изд. Маркса и Просвѣщенія.—№ 8.—*Л. Захарьевъ*. Тотоманци. Задачи городск. самоуправления.—199.—*А. А. Н. И. Купчиковъ*. Крестьянское самоуправленіе.—199.—*Е. Колтоновская*. «Къ свѣту». Научно-лит. сб. подъ ред. Е. Лѣтковой и Ѳ. Батюшкова.—200.—*Л. З. К. Пружанскій*. Во свѣ и на-яву.—201.—*Элемъ. В. Авчинникова*. Проституція и проф. Тарновскій.—*А. Елистратовъ*. О прикрѣпленіи женщины къ проституціи.—203.—*Л. Захарьевъ*. А. Пуанкаре. Наука и гипотеза 205.—*Л. З. Царство минераловъ*.—*Н. Д. Первовъ*. Пролож. перваго телеграфа черезъ океанъ.—207.—В. Жизнь моря.—Въ Китаѣ.—207.—*Антонъ Павловичъ Чеховъ*—212.—*Жоржъ Зандъ*—216.—Шестисотлѣтіе Петrarки.—218.—№ 9.—*А. А. Н. Библ. зам. о книгахъ для народа и самообраз.*—271.—*Л. М. Складовская-Кюри*. Радій и радиоактивн. вещества.—177.—*Л. М.-ч.* И. Штейнгауеръ. Слово и слогъ.—177.—*Захарьевъ. Ad. Fedoroff. Leitfachs für den deutschen Unterricht*—178.—*Л. З. Пр. И. Озеровъ*. Очерки экономич. и финансовой жизни Россіи и Запада.—178.—*Л. З. Я. Чимшлійскій*. Женскіе типы Вербицкой.—179.—*Л. З. Г. Филипенко*. На Дальній Востокъ.—179.—*Г. З. С. Пшибышевскій*. Для счастья.—179.—*Л. З. И. Рукавишниковъ*. Стихотворенія.—179.—*Л. З. Мире*. Жизнь.—180.—*Л. М.-ч. Г. Ф. Омштеда*. Разсказы.—181.—№ 10.—*Подборовскій*. Большая энциклопедія.—197.—*Вм. Т.-м. Ostwald. Malerbrieft* 198.—*Василевъ. А. Ростовцевъ*. Пѣвецъ тоски и сумерекъ.—201.—*П. В. Г. Завѣтныя мысли Менделѣева* по пов. Японской войны.—201.—*Л. Л. Профессоръ-идеалистъ*—203.—*П. В. Г. Н. Гаринъ*. Корейскія сказки.—203.—*Василевъ. Д. Кириани*. Студенты.—204.—№ 11.—*А. А. Н. Толковый указатель книгъ для чтенія*—175.—*Тау*. Программы чтенія для самообразованія.—177.—*А. А. Н. Н. А. Скворцовъ*. Въ царствѣ животныхъ.—180.—*В. А. Гольцевъ*. Дѣти и природа въ разсказахъ А. Чехова и В. Короленко.—180.—*П. П.-скій, Гвѣдиць*. Бѣлыя и др. разсказы.—180.—Вѣстники психологіи подъ ред. В. Бехтерева и В. Серебренникова.—182. (№ 12—стр. 179). Бугле. Эгалитаризмъ. (Идея равенства). *Г. Давидовъ*. Земледѣліе, промышленность и ремесла. *Г. Давидовъ*.—*Г. Шмеле*. Соціаль-демократическіе профессиональные союзы въ Германіи со времени изданія закона противъ социалистовъ. *Д. В.-Алексѣй Ачкасовъ*. Пѣсни русскихъ писателей о волѣ *П. П.-скій*.—*П. С. Уваровъ*. Типы и нравы Сахалина. *П. П.-ій*.—*С. Мельгуновъ*. Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ. *П. П.-ій*.—Католическій и конецъ древняго Рима. *Л. Манушина*.

Беллетристика.

П. Бутошинъ. Случай № 212 (№ 8—стр. 14).
Я. В. На гутѣ. Изъ быта рабочихъ (№ 1—стр. 18).
Г. Данилевскій. Тощій и его штучка (№ 9—стр. 13).
Ж. Леонть. Жертва (№ 3—стр. 10; № 4—стр. 58).
Лаза Лазаревичъ. Гайдуки въ добрый часъ (№ 3—стр. 85).
Гр. де-Парманди. Опытъ воскресенія (№ 5—стр. 22; № 6—стр. 157).
Вас. Молотовъ. Онъ ждетъ. Изъ психологіи безнадежно больного (№ 1—стр. 153).
Ал. Намосевскій. Люди 4-го измѣренія (№ 4—стр. 41).—Подчеловѣкъ (№ 10—стр. 43).
Дж. Ант. Но. Браждебная сила (№ 4—стр. 120; № 6—стр. 121; № 7—стр. 141; № 8—стр. 180; № 9—стр. 103; № 10—стр. 162; № 11—стр. 126).
Апо. Певеняновъ. Обсерваторія на Марсѣ (№ 12—стр. 11).
Г. Пятигорскій. Вѣтеръ измѣнился (№ 2—стр. 80).—Разбитые грозой (№ 5—стр. 101).
П. Розенгеръ. Хижина дровосѣка (№ 8—стр. 51).
А. Себѣтохвскій. Онъ и она (№ 2—стр. 23).—Самъ собою (№ 7—стр. 20).
Арт. Шнитцлеръ. Храбрый Касьянъ (№ 11—стр. 14).
В. П.-свѣ. Настроенія (№ 6—стр. 21).
Н. Мамонтовъ. На нивѣ народной (№ 5—стр. 120).
Я. Врхлицкій. Поэзія и проза (№ 10—стр. 12).

Вопросы народнаго образованія.

А. Банурцевъ. По поводу фонда нар. просвѣщенія (№ 12—стр. 142).
Г. А. Коваленко. Пути къ самообразованію (№ 2—стр. 191).
А. Николаевъ. Одна изъ попытокъ распространенія университетскихъ знаній въ широкихъ слояхъ общества. (Къ десятилѣтію Московской комиссіи по организаціи домашняго чтенія).—Богаты ли мы образованными людьми?—Рецидивизмъ невежества.—Чѣмъ помочь горю?—Одна изъ попытокъ разрѣшить проблему.—Достоинства и недостатки Московской комиссіи по организаціи домашняго чтенія (№ 1—стр. 191).—Новые всходы на земской нивѣ («Витская газета»).—«Казанская газета».—«Нижегородская газета».—«Тверское земское страхованіе» (№ 8—стр. 176).—Молодые побѣды. (Изъ исторіи нагляднаго обученія на Руси). *А. Созинова*.—Двадцатипятилѣтіе Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ (№ 4—стр. 188).—Хроника народнаго образованія. (№ 4—стр. 209).—Блестящая страничка изъ исторіи нашей самодѣятельности. (Къ 35-лѣтію Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности) (№ 5—стр. 180).—О высшемъ типѣ народной школы (№ 6—стр. 194).—Изъ хроники нагляднаго обученія (№ 7—стр. 176).—Изданія харьковскаго

общества грамотности (№ 7—стр. 180).—А. Н. Рубакинъ, какъ популяризаторъ (№ 7—стр. 185).—Книга въ современной русской деревнѣ (№ 8—стр. 166).—«Переопѣнка всѣхъ цѣнностей» въ дѣлѣ народнаго образованія (№ 9—стр. 161).—Изъ жизни и быта учительскаго персонала народныхъ школъ (№ 10—стр. 176).—Школа и общество (№ 11—стр. 142).—Фонъ народнаго просвѣщенія (№ 12—стр. 131).—А. В. Португаловъ. Воскресная школа въ Н.-Новгородѣ.—О наглядныхъ пособіяхъ Тамб. Губ. Зем. Управы.—Русскіе въ германскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Брюссельскій свободный университетъ.—Статистика посѣщаемости нѣмецкихъ университетовъ (№ 8—стр. 176).—О положеніи народнаго учителя (№ 10—стр. 134).

Справочный отдѣлъ по народному образованію.

Правила для слушательницъ одесскихъ женскихъ педагогическихъ курсовъ.—Женскія учительскія семинаріи.—Къ открытію женской учительской семинаріи.—Женскіе сельско-хозяйственные курсы.—Статистическіе курсы при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.—Экзамены экстернамъ на аттестатъ зрѣлости.—Школа для аптекарскихъ учениковъ.—Вечерніе общеобразовательные курсы для взрослыхъ.—Общеобразовательные курсы для взрослыхъ и дѣтей въ Варшавѣ.—Почтово-телеграфные классы. Курсы обиходныхъ знаній.—Правила о народныхъ чтеніяхъ и урокахъ для взрослыхъ.—Къ поступленію окончившихъ учительскіе институты въ высшія учебныя заведенія.—Высшіе женскіе естественно-научные курсы.—Казанское рѣчное училище.—Школа рыбоводства.—Учрежденіе для отсталыхъ и неуправляющихъ дѣтей.—Аптекарскіе ученики. (№ 10—стр. 194).—Къ свѣдѣнію русской молодежи.—О поступленіи духовныхъ лицъ въ высшія учебныя заведенія.—Зубо-врачебныя школы.—Педагогическіе сельско-хозяйственные курсы.—Курсы для приготовленія иностранныхъ корреспондентовъ. Курсы учительницъ домоводства и позарскаго искусства.—О преобразованіи Уральскаго горнаго училища. (№ 11—стр. 152). (№ 12—стр. 146). Русская высшая школа въ Парижѣ.—Русская высшая школа Общественныхъ Наукъ.—Лекціи профессора А. А. Исаева: «Міровое Хозяйство».—Курсы рисованія при Императорскомъ тульскомъ оружейномъ заводѣ.—Открытие врачебно-педагогическаго института въ Кіевѣ.—Рижская городская художественная школа.—Лѣтній отдѣлъ для кіевскихъ студентовъ-агрономовъ.—С.-Петербургскіе женскіе сельско-хозяйственные курсы.—Закрытіе молоканамъ доступа въ Θεодосійскій институтъ.—Разъясненіе минъ-ва о возрастной нормѣ при поступл. въ уч. завед.—Ремесленные курсы при курско-харьково-севастопольской желѣзной дорогѣ.—Первые сельско-хозяйственные и ремесленные классы въ Волынской губерніи.—Зубо-врачебныя школы.—Курсы учительницъ домоводства и псарскаго искусства.

Изъ литературы и жизни.

Самообразовательная кружковая чтенія.—«Новый университетъ» въ Брюсселѣ.—Нѣмцы о Л. Н. Толстомъ.—Драма въ Эртелевомъ переулкѣ (№ 1.—стр. 232).—Л. Н. Толстой и «Бѣловодіа», изъ писемъ Л. Н. Толстого.—Л. Толстой объ американцахъ.—Избраніе Л. Толстого въ члены Вольно-Экономическаго общества.—А. Дюма, какъ плагиаторъ. Изъ воспоминаній И. С. Тургенева и Т. Г. Шевченко.—Изъ воспоминаній Ардова о Тургеневѣ.—Къ біографіи гр. Алексѣя Толстого.—«Что такое общественный классъ?»—Понятіе о «народномъ богатствѣ» въ «Экономической Газетѣ».—Графологъ о А. С. Суворинѣ.—Юродство г. Розанова.—Английское воспитаніе дѣтей.—Студенты-торговцы, какъ грустное общественное явленіе. Какъ А. Суворинъ далъ отставку г. Демчинскому и что изъ этого вышло. (№ 2—стр. 225).—Наши рисунки къ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ (№ 3—стр. 163).—Къ вопросу о правѣ открытія всенныхъ дѣйствій безъ объявленія войны. (№ 3—стр. 172).—Отдать ли Манчжурію?—Русскій поселокъ въ Японіи.—Кому хорошо живется на Руси.—«Мой спутникъ».—Изъ воспоминаній о Герценѣ.—Мать И. С. Тургенева.—Послѣдняя любовь Гете.—Ө. II Тютчевъ и Генрихъ Гейне.—Стоимость дворовой дѣвки.—У Эдиссона.—Пророчество астролога.—Вопросъ сына отцу и отвѣтъ (№ 3—стр. 226).—Годовщина освобожденія крестьянъ въ періодической печати.—Надежды періодической печати.—Истинный патріотизмъ.—«Воспитательное вліяніе тюрьмы».—Дочь И. С. Тургенева.—Русское студенчество въ Берлинѣ.—Дѣтскій комитетъ для помощи македонскимъ сиротамъ.—Случай съ докторомъ Гаазомъ.—Донесеніе засѣдателя. (№ 4—стр. 263).—Къ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ (№ 4—стр. 227).—Къ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ. (№ 5—стр. 171). Изъ воспоминаній Дорошевича.—Изъ воспоминаній о Юрьевѣ и Терпигоревѣ.—О пришибившинѣ.—«Два слова» о тайнѣ брака.—Деревенскія бытвые картинки.—Адвокаты-цивилисты и криминалисты. (№ 8—стр. 230).—Письмо въ редакцію г. Прокофьева и отвѣтъ г. Тау (№ 8—стр. 208).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ
НА НОВЫЙ ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ СЕМЬѢ И ШКОЛѢ:

ДРУГЪ ДѢТЕЙ

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1. Разсказы, повѣсти, сказки, пьесы и стихотворенія. 2. Изъ прошлаго. Историческіе разсказы, воспоминанія, біографіи и т. п. 3. Кругомъ сѣба. Путешествія по морю и сушѣ и т. п. 4. Изъ природы. 5. Очерки изъ современной жизни, знакомящіе дѣтей съ выдающимися современными событіями русской и иностранной жизни. 6. Въ часы досуга. Шутки, шарady, загадки, игры, музыка, пѣніе. 7. Смѣсь.

ПОДПИСЧИКИ ВЪ 1905 г. ПОЛУЧАТЪ:

24 **КНИЖКИ ЖУРНАЛА,**
 КАЖДАЯ ВЪ ОБЪЕМѢ ОТЪ 4 ДО 6 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ,
СО МНОЖЕСТВОНЪ РИСУНКОВЪ.

24 **КАРТИНЫ-СНИМКА**
 СЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ЗНАМЕНИТЫХЪ РУССКИХЪ
 И ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

12 **ПРЕМІЙ-ПОДАРКОВЪ:**

1. Стѣнной отрывной календарь на 1905 г. съ шарадами, шутками, загадками, опытами, разсказами на каждый день.
2. Записную книжку со всевозможными полезными указаніями и справочными свѣдѣніями.
3. Дюжину открытокъ съ видами России и Европы.
4. Руководство: „Сборникъ подвижныхъ игръ на воздухѣ“.
5. „Спутникъ экскурсанта“ — указатель, какъ собирать и засушивать растенія, составлять коллекціи и т. д.
6. Альбомъ портретовъ великихъ людей въ дѣтствѣ (10 портретовъ).
7. Альбомъ рисунковъ для вышиванія по дереву лобзикомъ.
8. Альбомъ для любимыхъ стиховъ.
9. „Природа въ комнатѣ“ — указатель, какъ устроить аквариумъ, терраріумъ, какъ ухаживать за ними и т. д.
10. „Въ часы отдыха“ — сборникъ игръ и занятій въ комнатѣ.
11. Лото „Русскія народныя загадки“.
12. „Ручной трудъ“ — домашнія работы по дереву и металлу, по шитью, вязанью, вышиванью и т. д.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ: О. К. Арнольдъ, К. С. Баранцевичъ, Я. В. Боркинъ, Я. Л. Бостромъ, И. А. Бялоусовъ, проф. И. И. Ивановъ, Я. И. Купринъ, Л. А. Лиданова, К. В. Лукашевичъ, Д. Н. Мамкинъ-Сибирякъ, С. Л. Мельгуновъ, И. И. Митропольскій, проф. Я. М. Никольскій, Н. И. Лозниковъ, Т. С. Петровъ, В. А. Поповъ, Я. В. Логожева, Н. Я. Скворцовъ, В. А. Смирновъ, В. А. Тихоновъ, Н. В. Тулузовъ, Л. В. Филоновъ (Друженинъ), Я. Н. Уляновъ, Л. И. Уманецъ, Л. Б. Хавкина, Н. В. Чеховъ, Е. Н. Чериковъ, О. Н. Чюмина, и мн. друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
 съ пересылкой
 и
 доставкой
 на годъ
5
 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:
 при подпискѣ 2 р., въ 1 апрѣля 2 р. и въ 1 июля 1 р.
 Первый номеръ журнала выйдетъ въ ноябрѣ.
 Желаящимъ высылаются за три семикоп. марки.
 Объявленія принимаются съ платой 30 к. за стр.
 четвѣ позади текста.

Адресъ редакціи:
 Москва, Пятницкая ул., в. Т-ва Н. Д. Сытина.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
 съ пересылкой
 и
 доставкой
 на $\frac{1}{2}$ года
3
 р.

Издатель И. Д. Сытинъ.

Редакторъ Н. В. Тулузовъ.

Вѣстникъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 8-Й, 1905 Г.

ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА ПОДЪ РЕДАКЦІЮ В. В. БИТНЕРА

Знакія

48 книжекъ

въ годъ 8 р.

Иллюстрированный, "толстый" ежемѣсячный литератур., художеств. и попул. научный журналъ съ 36 кн. безплатн. приложенія для самообразованія, а именно:

12 книж. „Общедоступнаго Университета“. — **Анатомія и филологія**, профессоръ **Занка**, **Вейлера**, **Редмана** и др. — **Попул. очерки народовъ**, д-ръ **Гаана** и „Жизнь европ. народовъ“, кромѣ того, признавая громад. воспит. влияние рисованія на худож. развитіе учащагося, мы рѣшили въ „Общ. Унив.“ дать — **Самоучитель живописи и рисованія**. Изъ **практическихъ** руководствъ мы дадимъ „учебникъ стенографіи“, искусств. быстр. записыванія человѣч. рѣчи. Въ „Общ. Унив.“ будетъ данъ еще „Новый учебникъ **международнаго языка** **Деперанто**“. Изложеніе въполнѣ общедоступное и живое. Масса иллюстрацій.

12 книж. „Энциклопедической Библиотекіи для самообразованія“: — 1) Проф. **Сеньковский** и проф. **Метель**. Современная исторія съ 1815 г. въ 2 ч-хъ, ч. I. — 2) Проф. **Фламмаріонъ**. Лекціи по астрономіи. Изъ **картой звезднаго неба**. — 3) Д-ръ **филос. Віденманс**. Психологія и логика. — 4) Проф. **Боммели**. (Исторія растений Жизнь грибовъ, водорослей и мховъ. — 5) Проф. **Сеньковский** и проф. **Метель**. Современная исторія, ч. II. — 6) **СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СПРАВОЧНИКЪ ЮРИДИЧ. НАУКЪ** въ 3 ч. Ч. I. Государственное право (формы правленія, различныя конституціи и пр.), права и обязанности гражданина. — 7) Проф. **Боммели**. Исторія растит. царства. Папоротники, хвой-

Сверхъ перечисленныхъ 36 кн. приложеній мы рѣшили, исполняя просьбу подписчиковъ, дать еще СЛОВАРЬ НАУЧНЫХЪ ТЕРМИНОВЪ, ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ, вошедшихъ въ употребл. въ рус. яз. Что касается самого „Вѣст. Зн.“ (12 кн.), то въ противоположность друг. „толстымъ“ журн. онъ главное вниманіе обращ. на популяризац. знанія и ознакомленіе съ сѣмью литер.-научн. теченіями, беллетр. же стоитъ на втор. планѣ. Статьи въ журналѣ невелики и разнообразны, большія же сочин. даются въ приложеніяхъ (уборист. шрифтъ позвол. помѣст. крупныя произвед.). Прогрессивное направленіе „Вѣст. Зн.“ лучше всего характериз. близкимъ участ. профессоромъ Париж. Рус. Высш. Шк. Общ. Наукъ. Основы изданія — служебный интерес. подписчиковъ выполняется между проч. отдѣлами: „ВЗАИМОПОМОЩЬ ЧИТАТЕЛЕЙ“ и „ОТВѢТЫ“.

Поддержка стремленія къ знанію въ широкомъ смыслѣ слова, отраженіе жизни и духовныхъ запросовъ общества, все-стороннее освѣщеніе во всемъ дѣятельности — вотъ задачи, кот. неизмѣнно составляли основу наш. литерат. дѣятельн. „Вѣст. Зн.“ строго прогрессивный органъ, посвящ. служебн. обществу. Больш. распростр. журнала даетъ возможность новымъ подписч. узнать у старыхъ о нашемъ добросовѣстномъ отношеніи къ обязательствамъ.

Подписная цѣна (48 кн.) со „Словар. иностран. слов.“ безъ дост. 7 руб., съ дост. Слб. Кузнечный, 2. на 1905 годъ (Разр. по 2 р. за ¼ года.

ЦѢНА

70 к.

за 1/4
ГОДА

„НЕДѢЛЯ“

особое вниманіе. Но дѣятельность земствъ и ихъ представителей являлась рядомъ разрозненныхъ усилій. Трудовой жизни земствъ всегда недоставало живой поддержки со стороны о-вѣдомленности общественн. элемент. о земской дѣятельности. Отсутствовала у земствъ и взаимная поддержка, чувствовалась потребность въ объединеніи отдѣльныхъ земствъ путемъ печати. — „НЕДѢЛЯ“ пойдетъ навстрѣчу этой потребности. Служеніе интересамъ провиц. защита личности, ея правъ и достоинства, — слабое противъ сильнаго, поддержка общественной самостоятельности, борьба съ темными силами жизни, удовлетвореніе естественному стремленію къ свѣту, знанію и правдѣ, — вотъ задачи молодой „НЕДѢЛИ“.

Желая сдѣлать „НЕДѢЛЮ“ доступ. широк. кругамъ, мы назнач. незначит. подпис. плату, 70 к. за ¼ года. Годовые подпис. на оба изданія „Недѣлю“ и „Вѣст. Зн.“, внесеніе до 1 дек. 1904 г. 8 р. 70 к., получ. право на безпл. премію, состоящ. изъ 3 книж. на выборъ изъ объявл. 72 (требуется подроб. объявл.). Год. подпис. внесет. до 1 дек. 4 р. 70 к., могутъ получ. премію изъ 2 кн. Год. подп., внесет. до 1 дек. 2 р. 70 к., получ. одну изъ книж. Преміи б. дутъ безпл. разсылаться при „Недѣлѣ“ только непосред. подписавш. въ конторѣ редакціи „Вѣст. Зн.“ и „Недѣли“ С.-Петербургъ, Кузнечный, 2.

Редакторъ-Издатель В. В. Битнеръ.

Доволнено цензурою 18 октября 1904 года.

Тип. Тов. „Народная Польза“, Слб., Коломенская, 39.

2015595718

